

№ 4-5

АЛЬМАНАХ

Ассоциация исследователей Гражданской войны в России

АЛЬМАНАХ
АССОЦИАЦИИ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ
ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ В РОССИИ

*Выпуск 4–5: Гражданская война в России:
история и современность, память и уроки*

Архангельск
САФУ
2021

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)612я43+63.3(2)534-68я43
А57

Редакционная коллегия:

В.И. Голдин (президент Ассоциации, гл. ред.),
С.Н. Полторак (вице-президент Ассоциации),
Т.И. Трошина (ученый секретарь Ассоциации),
А.В. Силин (секретарь Ассоциации)

**Альманах Ассоциации исследователей Гражданской войны в Рос-
сии.** Вып. 4–5: Гражданская война в России: история и современ-
ность, память и уроки / ред. кол.: В.И. Голдин и др.; Сев. (Арктич.)
федер. ун-т им. М.В. Ломоносова. – Архангельск: ИД САФУ, 2021. –
291 с. – Текст: электронный.
ISBN 978-5-261-01535-2

Альманах содержит статьи и материалы, посвященные актуаль-
ным проблемам истории Гражданской войны в России, ее историче-
ским урокам и современному изучению, исторической и культурной
памяти об этой эпохе.

Издание предназначено для специалистов и всех интересующихся
проблемами Гражданской войны в России и ее изучения.

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)612я43+63.3(2)534-68я43

Издательский дом им. В.Н. Булатова САФУ
163060, г. Архангельск, ул. Урицкого, д. 56

ISBN 978-5-261-01535-2

© Голдин В.И., составление, 2021
© Северный (Арктический)
федеральный университет
им. М.В. Ломоносова, 2021

Содержание

Вступительное слово Президента Ассоциации	4
АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ В РОССИИ	6
<i>Голдин В.И.</i> Десять лет. Ассоциация исследователей Гражданской войны в России: от идеи до современности.....	6
<i>Дубровская Е.Ю.</i> Гражданская война и интервенция в южной Карелии в зеркале воспоминаний участников и очевидцев событий.....	12
<i>Кондрашин В.И.</i> К 100-летию трагедии: голод 1921–1922 гг.: причины, масштабы, помощь голодающим	22
<i>Наумов Е.О.</i> Паршивая овца все стадо портит»: особенности взаимоотно- шений между солдатами Красной армии Восточного фронта во второй по- ловине 1918 г.	35
<i>Солдатенко В.Ф.</i> Апогей Гражданской войны в Украине (конец 1918 г.–1919 г.)	70
<i>Цветков В.Ж.</i> Особенности создания артиллерийских позиций Русской армии на Перекопско-Чонгарских укреплениях весной-осенью 1920 г.....	98
Трибуна иностранного гостя.....	108
<i>Нильсен Й.П.</i> Потерянная граница. Норвегия и гражданские войны на Крайнем Севере (1918–1920)	108
Люди и судьбы.....	121
Красный партизан Булак-Булахович.....	121
Дискуссионная трибуна	131
<i>Заяц Н.А.</i> Необходимость контррецензии. Отклик на статью В.П. Бул- дакова «Плоды методологической беспомощности. О книге А.В. Ганина «Семь «почему» российской гражданской войны»	131
Публикация документов.....	142
<i>Силин А.В.</i> «А все-таки это дело такое, которое надо поднять»: воспоми- нания Алексея Капитоновича Гастева о встрече с В.И. Лениным в 1921 г..	142
Книжная полка	150
Хроника научной жизни	159
О РАБОТЕ НАД XII ТОМОМ «ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА В РОССИИ. 1917–1922» 20-ТОМНОЙ АКАДЕМИЧЕСКОЙ «ИСТОРИИ РОССИИ»	164
Навстречу юбилею.....	282
Памяти товарища.....	285
Михаил Ильич Шумилов (1925–2019)	285
Анкета члена Ассоциации исследователей Гражданской войны в России ..	289
Сведения об авторах.....	290

Дорогие друзья, глубокоуважаемые коллеги!

Представляю очередной выпуск Альманаха Ассоциации. Он выходит в канун столетия событий Гражданской войны в России, ее завершающего этапа. В нем подводятся первые итоги деятельности Ассоциации, кратко характеризуются результаты целого ряда крупных научных проектов и серии научных конференций, посвященных столетию Гражданской войны в России, а также публикуются статьи по широкой проблематике.

В этом выпуске сохранены основные рубрики предыдущих номеров: «Актуальные проблемы Гражданской войны в России», «Дискуссионная трибуна», «Люди и судьбы», «Публикация документов», «Книжная полка». В предыдущем выпуске Альманаха появился раздел «Трибуна иностранного гостя», где была опубликована статья исследовательницы из Великобритании К. Бойлен, а в этом выпуске помещена статья известного норвежского историка профессора Й.П. Нильсена. Таким образом, это становится традицией для Альманаха, ибо в состав Ассоциации входят не только российские, но и иностранные историки, и знакомство с их публикациями и суждениями представляется важным и полезным.

В этом выпуске появился раздел «Хроника научной жизни», позволяющий осветить целый ряд важных событий, связанных с изучением Российской революции и Гражданской войны в России, нередко объединяемых сегодня понятием «Великая российская революция».

Все предыдущие выпуски Альманаха выходили в традиционной бумажной форме. Особенностью этого выпуска Альманаха является то, что он выходит в электронном формате. С одной стороны, это своего рода проба, ибо многие из нас привыкли к бумажным изданиям. С другой стороны, это соответствует духу времени, делает издание более доступным и позволяет значительно расширить его объем. Этот номер вдвойне, ибо он почти в два раза больше по размеру предыдущих номеров Альманаха. Это позволило не только включить в него новый раздел «Хроника научной жизни», но и познакомить специалистов и читателей с ра-

ботой над XII томом «Гражданская война в России. 1917–1922 гг.» 20-томной академической «Истории России».

Редколлегия сочла целесообразным опубликовать для знакомства членов Ассоциации и всех читателей на страницах этого выпуска Альманаха оглавление XII тома (в двух книгах) с указанием членов его редколлегии и авторского коллектива, а также тексты Введения, заключения 1-й и 2-й книг тома и Заключение этого тома в целом. Мы считаем, что это будет интересно специалистам и, возможно, вызовет отклики и комментарии, которые могут оказаться полезны при завершении работы над этим изданием. Следует отметить, что в работе над этим томом принимает участие большая группа членов Ассоциации.

Хочется надеяться, что статьи и материалы этого выпуска Альманаха будут полезны как членам Ассоциации, так и всем интересующимся проблемами истории Гражданской войны в России и страницами исторического прошлого нашей страны.

Президент Ассоциации исследователей
Гражданской войны в России, главный
редактор Альманаха, доктор исторических
наук, профессор, заслуженный деятель
науки Российской Федерации

В.И. Голдин

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ В РОССИИ

В.И. Голдин

Десять лет. Ассоциация исследователей Гражданской войны в России: от идеи до современности

В октябре 2011 г. на международной научной конференции «1921 год в судьбах России и мира», состоявшейся в Мурманске, профессор С.Н. Полтораки из Санкт-Петербурга, главный редактор журнала для ученых «Клио» выступил с идеей создания Ассоциации историков Гражданской войны в России. Это было обусловлено необходимостью объединения творческих сил историков России в изучении этой сложнейшей и дискуссионной темы, важностью формирования нового поколения ее исследователей. Далеко не случайно, что эта идея прозвучала на конференции в Мурманске, ибо она была уже пятой международной конференцией, проводимой с 2007 г. в рамках большого инициированного автором этих строк международного проекта «1917–1922 годы в судьбах России и мира». Четыре предшествующих конференции состоялись в 2007–2010 гг. в Архангельске, на базе Поморского государственного университета имени М.В. Ломоносова. И этот пятилетний диалог отечественных и зарубежных ученых, рассматривавших по годам ход того, что мы ныне называем «Великой российской революцией», вылился в высказанную профессором С.Н. Полтораком инициативу.

В 2011 г. она получила принципиальную поддержку участников мурманской конференции, но было решено продумать и тщательно обсудить организационные и содержательные аспекты, связанные с созданием и деятельностью указанной Ассоциации. Было создано Временное бюро Ассоциации в составе 17 человек, в состав которого вошли ученые, представители научных центров и университетов Москвы, Санкт-Петербурга, Архангельска, Екатеринбургa, Мурманска, Петрозаводска, Ростова-на-Дону, Самары, Сыктывкара и Ярославля. В связи с высказанным предложением о создании такой Ассоциации как международной были определены

контактные фигуры ученых, участников указанной серии конференции в пяти странах мира (Великобритания, Норвегия, Польша, США и Финляндия).

Было решено ознакомить с этой инициативой историков страны через журналы «Родина», «Клио», «Новейшая история России» и «Вестник Поморского университета», а также обсудить ее с Научным советом РАН по истории социальных реформ, движений и революций и рядом центров, организаций и обществ, изучающих проблемы Гражданской войны в России и эмиграции. Окончательное решение о создании Ассоциации и ее рабочих органов предполагалось принять на следующей международной научной конференции, завершающей и весь цикл конференций, в Архангельске в октябре 2012 года.

На указанной конференции в Мурманске было принято решение и о создании Центра по изучению истории общества и Гражданской войны в России на базе Мурманского государственного гуманитарного университета (МГГУ), который призван был способствовать и созданию Ассоциации. Подготовка Положения о нем и решение кадровых вопросов было возложено на проректора по научно-исследовательской работе МГГУ профессора П.В. Федорова.

И вот через год, 11 октября 2012 г., на международной научной конференции в Архангельске под названием «1922 год в судьбах России и мира», ставшей шестой в рамках указанного проекта и завершавшей эту серию конференций, было принято решение о создании объединения ученых, занимающихся изучением проблем Гражданской войны в России. В сравнении с инициативой, высказанной в Мурманске, название Ассоциации претерпело некоторое изменение, и она получила наименование Ассоциация исследователей Гражданской войны в России. Это было обусловлено тем, чтобы в ее состав могут входить не только историки, но и представители других отраслей научных знаний, прежде всего социальных и гуманитарных наук. Это, в свою очередь, открывает возможности полидисциплинарного и междисциплинарного изучения, а значит и более глубокого понимания истории Гражданской войны в России.

На состоявшейся учредительной конференции в Архангельске был одобрен Устав Ассоциации исследователей Гражданской войны в России (АИГВР). Основная цель Ассоциации заключается в том, чтобы способствовать изучению и дальнейшему раз-

виту исследований о Гражданской войне в России, в ее национальном и международном измерениях. АИГВР поставила перед собой следующие основные задачи: а) совместно с российскими и зарубежными научно-исследовательскими и учебно-образовательными центрами и организациями проводить работу, направленную на дальнейшее и более глубокое осмысление истории Гражданской войны в России; б) способствовать подготовке научных и научно-педагогических кадров, занимающихся этой тематикой; в) содействовать развитию научных контактов российских и зарубежных исследователей, научных и общественных организаций, занимающихся изучением Гражданской войны и международной интервенции в России; г) проводить научные форумы по данной проблематике; д) способствовать распространению в российском обществе правдивой информации и научных знаний о Гражданской войне в России, содействовать формированию исторической памяти об этом сложном и драматическом явлении отечественной и мировой истории, его последствиях и уроках.

Было признано целесообразным обращение к изучению других гражданских войн, формирование их типологии для осмысления Гражданской войны в России в широком историко-компаративном контексте. Решено исследовать ее исторические уроки и последствия для страны и мира, историю российской эмиграции / Русского Зарубежья в XX веке.

Ассоциация исследователей Гражданской войны в России состоит из индивидуальных и коллективных членов, признающих ее устав и активно участвующих в ее деятельности. Индивидуальными членами АИГВР могут быть как граждане Российской Федерации, так и иностранцы, и лица без гражданства, проявляющие интерес к истории Гражданской войны в России и вносящие вклад в работу Ассоциации.

Высшими руководящими органами Ассоциации являются Общее собрание членов Ассоциации и Совет Ассоциации, состоящий из Президента, вице-президента и ученого секретаря. Президентом Ассоциации был избран автор этих строк, вице-президентом – доктор исторических наук, профессор С.Н. Полторац (Санкт-Петербург), ученым секретарем – кандидат исторических наук, доцент Т.И. Трошина (Архангельск), ныне она – доктор исторических наук, профессор Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова (Архангельск). Совет Ассоциации подотчетен общему собранию членов АИГВР.

Информация о создании Ассоциации была помещена в журналах «Родина», «Клио», «Новейшая история России» и «Вестник Поморского университета». В статье автора этих строк на страницах журнала «Новейшая история России» были подведены основные итоги серии конференции в рамках проекта «1917–1922 годы в судьбах России и мира»¹. В этих конференциях, посвященных проблемам Российской революции и Гражданской войны, приняли участие представители 12 стран мира. По их итогам были опубликованы шесть сборников материалов общим объемом в 140 печатных листов.

В 2012 году вышла в свет очередная монография автора этих строк об историографии истории Гражданской войны в России, где были подведены итоги этой работы, выделены актуальные и дискуссионные проблемы и определены перспективы исследовательской деятельности². По оценке автора, к этому времени в нашей стране и за рубежом было опубликовано в общей сложности более 30 тыс. книг и сотни тысяч статей, посвященных истории Гражданской войны в России³.

На учредительном собрании Ассоциации было принято решение об издании ее Альманаха. В 2014–2017 гг. были выпущены три выпуска Альманаха, в которых опубликованы материалы двух «круглых столов» и сформированы тематические рубрики: «Актуальные проблемы изучения Гражданской войны в России», «Наше исследование», «Дискуссионная трибуна», «Люди и судьбы», «Лики повстанчества. Народные вожаки Гражданской войны», «Публикация документов», «Трибуна иностранного гостя», «Книжная полка». В общей сложности было опубликовано более пятидесяти статей и материалов, принадлежащих перу более тридцати авторов. Этот выпуск Альманаха дополнен новыми рубриками, новыми статьями и материалами, и в нем принимают участие и новые авторы.

Ассоциация объединяет сегодня около пятидесяти исследователей из пяти стран, в том числе российских историков из 14 регионов стран, из них около двадцати докторов наук. За минувшие го-

---

¹ *Голдин В.И.* 1917–1922 годы в судьбах России и мира: в поисках объективного понимания российской гражданской войны // *Новейшая история России.* 2013. № 2. С. 288–294.

² *Голдин В.И.* Гражданская война в России сквозь призму лет: историографические процессы. Мурманск, 2012.

³ Там же. С. 7.

ды под эгидой Ассоциации были проведены около десяти научных конференций, семинаров и «круглых столов». Столетию событий Гражданской войны в России были посвящены два «круглых стола», материалы которых опубликованы, и всероссийская научная конференция, проведенная в Архангельске совместно с Российским военно-историческим обществом, с публикацией сборника ее статей и материалов в Москве¹. Членами Ассоциации опубликованы за период ее деятельности более 20 книг по проблемам Великой российской революции, в том числе Гражданской войны, а также российской эмиграции.

В ходе работы Ассоциации обсуждались планы создания силами ее членов обобщающего труда по истории Гражданской войны в России. Но в последние годы в соответствии с решением Президента и Правительства Российской Федерации и под эгидой Института российской истории РАН развернулась работа над 20-томной академической «Историей России». В начале октября 2018 года в ходе работы международной научной конференции «Россия в годы Гражданской войны, 1917–1922 гг.: власть и общество по обе стороны фронта» директор ИРИ РАН, профессор Ю.А. Петров предложил автору этих строк совместно с руководителем Центра экономической истории этого института, профессором В.В. Кондрашиным возглавить в качестве ответственных редакторов работу над XII томом «Гражданская война в России. 1917–1922» указанного проекта.

В короткий срок была создана концепция этого тома, одобренная главной редакционной коллегией этого многотомного издания, и образован авторский коллектив, в который вошла и группа членов Ассоциации. В ходе работы над этим изданием было принято решение о подготовке этого тома в двух книгах общим объемом 120 п.л. и справочным аппаратом в 20 п.л. В процессе работы была опубликована серия статей, посвященных предшествующим по-

---

¹ Круглый стол историков: Революционный 1917-й и Гражданская война в России // Альманах Ассоциации исследователей Гражданской войны в России. Вып. 3. Архангельск, 2017. С. 5–21; Гражданская война в России спустя столетие // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия «Гуманитарные и социальные науки». 2020. № 4. С. 5–37; Международная интервенция и Гражданская война в России и на Русском Севере: ключевые проблемы, историческая память и уроки истории. М., 2020.

пыткам создания обобщающих изданий по истории Гражданской войны в России, а также раскрыты концепция, методологические подходы, структура и содержание XII тома и рассматриваемые в нем ключевые проблемы¹. В порядке апробации был опубликован ряд материалов этого издания². Гражданской войне и российской эмиграции был посвящен № 11 журнала «Историк» за 2020 г., где опубликованы и материалы В.И. Голдина и В.В. Кондрашина.

В апреле этого года пройдет обсуждение текста тома на заседании главной редколлегии, а в течение 2021 г. должна быть полностью завершена работа над ним для передачи его в печать. Реализация этого проекта является сегодня и важнейшим направлением деятельности членов Ассоциации. Поэтому в настоящем выпуске публикуются Оглавление, Введение, заключение двух книг и общее Заключение тома, чтобы они имели возможность не только знать о ведущейся работе, но и могли высказать свое мнение по публикуемым материалам.

Таким образом, за неполные десять лет работы Ассоциацией исследователей Гражданской войны в России сделано уже немало для переосмысления этих драматических и трагических страниц нашей истории, и ведется многогранная и напряженная работа над посвященным ей XII томом многотомной академической «Истории России». В конце этого выпуска Альманаха вновь публикуется Анкета члена АИГВР, с тем, чтобы желающие могли вступить в ряды Ассоциации и, в том числе, получать выпуски ее Альманаха.

---

¹ *Голдин В.И.* Попытки написания обобщающей истории Гражданской войны в России: анализ проектов и изданий XX – начала XXI века и уроки для современности // Гражданская война на востоке России (ноябрь 1917 – декабрь 1922 г.). Новосибирск, 2019. С. 6–15; *Голдин В.И.* Гражданская война в истории России: историография, современные подходы, подготовка нового академического издания // Новейшая история России. 2019. Т.9. Вып. 3. С. 758–774; *Кондрашин В.В.* Уроки Гражданской // Историк. 2020. № 11. С. 38–44 и др.

² *Быстрова Н.Е.* Международная политика Советской России в годы Гражданской войны // Международная интервенция и Гражданская война в России и на Русском Севере: ключевые проблемы, историческая память и уроки истории. М., 2020. С. 26–35; *Голдин В.И.* Гражданская война в истории России: итоги изучения, современное состояние исследования, проблемы // Там же. С. 11–25; *Кондрашин В.В.* Экономическая политика советской власти в годы Гражданской войны // Там же. С.113–125 и др.

Гражданская война и интервенция в южной Карелии в зеркале воспоминаний участников и очевидцев событий*

Проблема трансформации исторической памяти современников общественно-политических перемен в России в переломные 1917–1920-е гг. привлекает внимание исследователей, работающих в различных областях гуманитарного знания¹. Мемуары участников и очевидцев событий о Гражданской войне и военной интервенции в южную Карелию интересны не только тем, что в яркой и живой форме повествуют о полной драматизма обстановке этих лет, но и потому, что в бурные годы «военного лихолетья» различная документация велась нерегулярно, отрывочно, или вовсе отсутствовала. Источниковеды отмечают особую ценность таких «эго-документов», поскольку они воспроизводят эмоционально-психологическую атмосферу военного времени, без чего невозможно понять и оценить как сами исторические события, так и действия отдельных людей или сообществ². В новейших работах

---

* Подготовлено в рамках выполнения плановой научной темы КарНЦ РАН «Карелия в условиях общественных трансформаций XVII–XXI вв.: новые подходы и интерпретации (2021–2023 гг.)»

¹ *Васильев А.Г.* Мемориализация и забвение как механизмы производства культурного единства и разнообразия // *Фундаментальные проблемы культурологии*. Т. VI. Культурное наследие: от прошлого к будущему М.; СПб., 2009. С. 56–68; Он же. Современные memory studies и трансформация классического наследия // *Диалоги со временем: память о прошлом в контексте истории*. М., 2008. С. 19–49; *Кожевин В.Л.* Историческая память в контексте исторического сознания российского офицерства (первая четверть XX века) // *Культура исторической памяти*. Петрозаводск, 2002. С. 66–71; *Сенявская Е.С.* Психология войны в XX веке: исторический опыт России. М., 1999. С. 19–23.

² *Смолин А.В.* Воспоминания участников обороны Петрограда в 1919 г. как исторический источник: автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Л. 1977; *Соколова Ф.Х., Трошина Т.И.* Какую армию следует кормить во время Гражданской войны? (отношение населения Архангельской губернии к белым и к красным) // *Новейшая история России*. 2018. Т. 8. № 2. С. 469–486; *Яров С.В.* Источники для изучения психологии российского общества XX века. СПб., 2003; *Polyakova T.* The Memoirist and the Redactor:

специалистов, занимающихся вопросами военной антропологии и социокультурными исследованиями, рассмотрены особенности эпохи военного противостояния сограждан–земляков, соседей и даже родственников на материалах источников личного происхождения.

Публикации английского историка Н. Барона, финских исследователей М. Витухновской-Кауппала, П. Ваара, М. Харьюла, отечественных специалистов по истории Гражданской войны и раннесоветскому периоду российской истории В.И. Голдина, А.В. Голубева, О.М. Морозовой, В.И. Мусаева, А.Ю. Осипова, С.Н. Филимончик дают возможность увидеть во взаимосвязи социальные конфликты разного уровня и связать политическую историю российской Карелии с историей этносоциальной и этнокультурной¹.

Во время Гражданской войны южная Карелия и Петрозаводский уезд с г. Петрозаводском – губернским центром Олонецкого

Writing the History of the Russian Civil War in Karelia // Альманах северо-европейских и балтийских исследований. Вып. 1. 2016. [Электронный ресурс]. URL: <http://nbsr.petsu.ru/journal/article.php?id=482>.

¹ *Барон Н.* Жизнь и эпоха Ф. Дж. Вудса // Король Карелии. Полковник Ф. Дж. Вудс и британская интервенция на севере России в 1918–1919 гг. История и мемуары. СПб, 2013. С. 169–307; *Витухновская-Кауппала М.А.* Карельский крестьянин в горниле гражданской войны 1917–1922 // Карелы российско-финского пограничья в XIX–XX вв. Петрозаводск, 2013. С. 172–211; *Голдин В.И.* Русский Север в эпоху великих испытаний: 1900–1920. Т. 1. Север России на пути к Гражданской войне: Попытки реформ. Революции. Международная интервенция. 1900 – лето 1918. Архангельск, 2018; *Голубев А.В.* «Карельский дневник» Филиппа Вудса как источник для изучения северо-карельского приграничья в годы Гражданской войны // Границы и контактные зоны в истории и культуре Карелии и сопредельных регионов. Гуманитарные исследования. Вып. 1. Петрозаводск, 2008. С. 37–44; *Морозова О.М.* Антропология гражданской войны. Ростов н/Д., 2012; *Мусаев В.И.* «Племенные войны» и беженство в Карелии (1918–1922) // Карелия – приграничный регион России в XX–XIX веках: формирование и становление карельской государственности в составе СССР / России. Петрозаводск, 2018. С. 30–39; *Осипов А.Ю.* Финляндия и гражданская война в Карелии: дис. ... канд. ист. наук. Петрозаводск, 2006; *Филимончик С.Н.* Гражданская война в Карелии в творчестве А.М. Ливневского 1930-х гг. // История Гражданской войны в России 1917–1922 гг. М., 2016. С. 368–373; *Harjula M.* Venäjän Karjalaja Muurmanni 1914–1922. Maailmansota, vallankumous, ulkomaiden interventio ja sisällissota. Helsinki, 2007; *Vaara P.* Viena 1918: Kun maailmansota tuli Karjalaan. Jyväskylä, 2018.

края – оказались территорией массового применения военных и чрезвычайных методов управления, отличавшихся особой жесткостью¹. В индивидуальной и коллективной памяти участников и очевидцев событий нашли отражение страх, ненависть, переживание голода, боли, физического насилия, ностальгии по утраченному традиционному укладу жизни – все, что применительно к описанию тех лет на материале уральских городов и деревень известный челябинский историк И.В. Нарский назвал «жизнью в катастрофе»².

Этот образ в полной мере соотносится с обстановкой 1919 г. в Петрозаводске. Зима 1918/1919 г. принесла в город настоящий голод. Относительно безбедно смогли перезимовать лишь петрозаводчане, вступившие в артели петрозаводского городского единого потребительского общества под председательством бывшего губернского комиссара Временного правительства А.Ф. Кожевникова. Недавний депутат губсовета от Учительского союза Ф.И. Прохоров возглавил созданную учителями артель, которая работала на землях, прежде принадлежавших архиерейскому дому по ул. Гоголя. Артель почтово-телеграфных служащих располагалась на левом берегу р. Неглинки, при ее впадении в озеро, на месте, до революции разработанном известным огородником Титовым. Сам А.Ф. Кожевников вместе с агрономом Б.Г. Варфаломеевым руководил артелью «Муравей», которая разместилась на землях прежних огородов, снабжавших арестантов петрозаводской тюрьмы. Территория огородов Накропина в пойме р. Лососинки перешла в ведение артели «Огородник и пчела», которая выращивала овощи для «промышленных целей» (реализации на предприятиях города) и даже занималась пчеловодством. Однако, такие «стратегии выживания» были доступны далеко не всем жителям губернского центра. По воспоминаниям И.М. Никитина, служившего в эти годы секретарем ревизионной комиссии Петрозаводского городского единого потребительского общества, у членов

---

¹ Подробнее об этом см.: *Дубровская Е.Ю.* Гражданская война, интервенция и военная повседневность в памяти населения Российской Карелии // *Международная интервенция и Гражданская война в России и на Русском Севере: ключевые проблемы, историческая память и уроки истории.* М., 2020. С. 52–61.

² Нарский И.В. *Жизнь в катастрофе. Будни населения Урала в 1917–1922 гг.* М., 2001.

кооперации зимой 1918 /1919 г. в хлебе нужды не было, на столе не переводились овощи, молоко, яйца, в городе же «с продовольствием было туго»¹.

Насколько туго приходилось остальным обывателям, можно судить по следующим фактам: хлебный паек сократился до минимума, на одного человека приходилось по 50 г хлеба в день, рабочим Онежского (бывшего Александровского снарядоделательного) завода выдавалось по 600 г муки в неделю². Свирепствовал тиф, росла заболеваемость скарлатиной, дифтеритом, оспой. Особенно увеличилась детская смертность.

Воспоминания бывшего комиссара Олонецкого губвоенкомата И.В. Матвеева ярко и подробно свидетельствуют о жизни петрозаводчан в мае – июне 1919 г. Уроженец Пудожского уезда, он с 1902 г. работал в Петербурге на Путиловском заводе, а в 1918 г. был направлен в Карелию представителем Всероссийской коллегии по формированию Красной армии. Частично эти воспоминания были опубликованы в сборнике, вышедшем в 1963 г.³ Однако и в начале 1960-х годов давала себя знать идущая из издательского опыта 1930-х – первой половины 1950-х гг. распространенная практика редакционных правок и не оговариваемых в примечаниях купюр в текстах, что неизбежно вело к искажению источника. Публикация воспоминаний Матвеева не составила исключения в этом отношении.

Традиционное внимание к сбору воспоминаний об отдельных событиях периода Гражданской войны в Карелии сохранялось в исследовательской деятельности сектора истории академического Института языка, литературы и истории. В 1948–1949 г. сотрудники Института, входившего тогда в Карело-Финский Филиал АН СССР, готовили материалы для сборника воспоминаний к 30-летию блестящей Видлицкой операции РККФ, проведенной 27 июня 1919 г. во взаимодействии с частями Красной армии и приведшей к разгрому военной базы финских добровольцев на Ладожском озере. Планировалось, что сборник будет включать порядка двух десятков текстов – автобиографии участников событий и их рас-

---

¹ История Петрозаводска: власть горожане. Петрозаводск, 2008. С. 163.

² Пашков А.М., Филимончик С.Н. Петрозаводск. СПб, 2001. С. 78.

³ Матвеев И.В. Петрозаводск в июне 1919 г. // За Советскую Карелию. 1918–1920. Воспоминания о Гражданской войне. Петрозаводск, 1963. С. 295–299.

сказы о происходившем в годы Гражданской войны и военной интервенции в южную Карелию и в Заонежье. Однако сохранились лишь подготовительные материалы к этому сборнику, который, к сожалению, так и не увидел свет¹.

В него предполагалось включить воспоминания председателя Тулмозерского волостного исполкома Н.И. Власова, уже упоминавшегося комиссара Олонецкого губвоенкомата И.В. Матвеева, уроженца Финляндии Б.С. Лахти – командира роты 1-го стрелкового полка, с конца апреля по июнь 1919 г. сражавшегося на Олонецком участке фронта, эстонца Э.А. Лаука – матроса Балтийского флота, ставшего военным моряком красной Онежской флотилии. Впоследствии их воспоминания вместе с мемуарами председателя Видлицкого ревкома крестьянина карела И.П. Медникова, командира эскадренного миноносца «Амурец» А.П. Белоброва, В.Н. Федотова, который во время Видлицкой операции командовал минным заградителем «Яуза», командира сторожевого судна № 15 Е.В. Дыммана, воевавшего на Ладожском озере, участника боев против финских отрядов уроженца Коткозерской волости П.И. Журавлева и многих других очевидцев событий Гражданской войны в Олонецком крае вошли в сборники, опубликованные в Петрозаводске в 1957² и 1963 гг.

К весне 1919 г. военная обстановка в Карелии была особенно сложной. Войска бывших союзников России по Антанте, прежде всего, британские, и части Белой армии Временного правительства Северной области, действовавшего в Архангельске, наступая с севера вдоль линии Мурманской железной дороги, вышли к Онежскому озеру. Во второй половине апреля на территорию Олонецкой губернии началось вторжение из Финляндии так называемой Олонецкой добровольческой армии, наибольшая одновременная численность финнов на фронте составляла до 3 тыс. человек³. Против них сражались части 19-й стрелковой дивизии, а с середины мая – 1-й стрелковой дивизии под командованием М.П. Гусаро-

---

¹ Научный архив КарНЦ РАН (НАКарНЦ РАН). Ф. 1. Оп. 41. Д.144. Материалы (воспоминания) для сборника о Видлицкой операции 1919 г.

² В борьбе за власть Советов. Воспоминания участников борьбы за установление Советской власти в Карелии. Петрозаводск, 1957.

³ Бочков Е.А. Финская интервенция в русскую Карелию (апрель – июнь 1919 года) // Гражданская война в Олонецкой Карелии (1918–1920). Петрозаводск, 2020. С. 36–37.

ва, бывшего офицера российской армии, Георгиевского кавалера, который после проведения Видлицкой операции как начальник Олонецкого участка фронта был вместе с другими отличившимися участниками боев награжден за мужество и героизм орденом Красного Знамени РСФСР¹.

21 апреля 1919 г. финские вооруженные отряды вторглись в южную Карелию, а через два дня захватили г. Олонец². В сборнике «За Советскую Карелию» есть датированный 1930 годом обстоятельный рассказ Ф.И. Егорова, выходца из карельской крестьянской семьи, уроженца д. Гиттойла Рыпушкальской волости Олонецкого уезда, чьи воспоминания посвящены боевым действиям Олонецкого отряда. Сразу же после вторжения финнов отряд был сформирован из добровольцев и мобилизованных жителей уезда³. 30 апреля в Петрозаводске для отражения наступления интервентов был создан Олонецкий губернский военно-революционный комитет (губвоенревком) под председательством П.Ф. Анохина. В него вошли представители губкома РКП(б), губернского военкомата и штаба 1-й стрелковой дивизии, защищавшей город и губернию.

По декрету Совнаркома РСФСР о формировании тылового ополчения, изданному в июле 1918 г., зачислению в него подлежали лица от 18 до 45 лет, «живущие на нетрудовой доход» или пользовавшиеся наемным трудом, которые поэтому не могли быть призваны в Красную армию. В сентябре того же года публикуется декрет за подписью В.И. Ленина «о регистрации буржуазии и нетрудового элемента», определявший основные категории «нетрудового элемента». Местным горсоветам вменялась в обязанности заполнять на попадающих под эти категории горожан специальные регистрационные карточки, разработанные в Наркомате внутренних дел и возвращать их по одному экземпляру в наркомат и

---

¹ Об одной из версий дальнейшей судьбы М.П. Гусарова, приведенной в воспоминаниях военного комиссара 1-й стрелковой дивизии Э.А. Рахья см.: *Пашков А.М.* Олонецкий поход белофиннов и Видлицкая операция 1919 года // Гражданская война в Олонецкой Карелии... С. 91–92.

² История Карелии с древнейших времен до наших дней. Петрозаводск, 2001. С.415–416; *Мусаев В.И.* Олонецкая экспедиция и позиция западных держав // Интервенция на Северо-западе России 1917–1920 гг. СПб., 1995. С. 231–232.

³ *Егоров Ф.И.* Олонецкий отряд // За Советскую Карелию. С. 237–245.

губсоветы для передачи их в губернские комиссариаты по военным делам¹.

В Петрозаводске к январю 1919 г. на учет такого рода попало больше сорока горожан, в их числе бывший губернский комиссар Временного правительства 64-летний И.Ф. Кучевский, бывшие владельцы национализированных типографий, лесозаводчик Д.С. Парижский и его брат, купцы И.Н. Серого, Н.В. Варфаломеев, братья К.В. и Н.В. Пospelовы, уроженцы Финляндии братья Андрес и Август Хейконены, работавшие на своей мельнице и обслуживавшие весь город. Известный в городе бывший владелец портновской мастерской И.Х. Мессель числился теперь «лицом без определенных занятий»².

В мае 1919 г., когда финские войска двигались к Петрозаводску, составленными списками широко пользовались сотрудники губернской ЧК, и власти решили в очередной раз взять заложников, чтобы этим «гарантировать» лояльность населения в условиях внешней угрозы городу. За один день 30 апреля было выписано около 60 ордеров на арест заложников. В ночь на 1 мая был арестован известный в губернии общественный деятель И.И. Благовещенский, но через два дня отпущен на свободу. Нередко же заложникам приходилось оставаться в тюрьме на срок до месяца³. Основанием к быстрому освобождению могла послужить общественно полезная деятельность арестованных. Так, в начале мая 1919 г. по ходатайству горсовета председатель ГубЧК О.К. Кантер распорядился освободить заложников братьев Хейконен: после их ареста «мельница стала» и некому было обслуживать нужды города.

Подойдя в июне к д. Сулажгора в 6 км от Петрозаводска, финны заняли позиции по линии Сулажгорские высоты – д. Виданы – Половина – Лососинное⁴. Приказом командующего войсками

---

¹ Национальный архив Республики Карелия (НА РК). Ф. 460. Оп. 1. Д. 6. Л. 14.

² Там же. Л. 20–78.

³ НАРК. Ф. 459. Оп. 1. Д. 7. Л. 13–14, 23, 29, 54, 75–77, 94, 113–115; *Пашков А.М.* Олонецкая духовная семинария и ее вклад в формирование интеллигенции Карелии // Новое в изучении истории Карелии. Петрозаводск, 1994. С. 49.

⁴ *Федосов А.В.* Петрозаводская городская и уездная милиция в обороне города от белофинской Олонецкой добровольческой армии в 1919 г. // Петрозаводск – город воинской славы: военный форпост России на Европейском Севере. Петрозаводск, 2020. С. 53–54.

Междуозерного района уездные города Петрозаводск, Олонец, Вытегра, Лодейное поле с уездами были объявлены на военном положении. По свидетельству И.В. Матвеева, обстановка в Петрозаводске была крайне напряженной. «Подступы к городу, хотя немного были укреплены, но не имели никаких фортификационных сооружений, поэтому не было уверенности в их прочности»¹. Кое-что было сделано на Сулажгорских позициях, были вырыты окопы по всему гребню Сулажгорских высот и по Лососинской дороге, преграждающие путь к городу. Стоявшие здесь красноармейские отряды были малочисленны и не могли надолго задержать силы противника, а финские войска, занявшие д. Половина, уже собирали ударную группу для захвата Петрозаводска.

«Помню, день был пятница, – пишет Матвеев, – на утренней заре сильная разведывательная группа финских белогвардейцев появилась под Сулажгорскими позициями. Разведка была отогнана, а другая разведывательная группа прошла лесом и появилась на опушке леса против вокзала. Железнодорожная охрана не сразу поняла, в чем дело, и пока собирались с силами, белофинская группа разведчиков удалилась в лес».²

Развернулась работа по укреплению Петрозаводского участка, но рабочих рук отчаянно не хватало. Все внимание военных было обращено на Лососинское направление и на «обмотку проволокой» подступов к городу. Оборона Петрозаводска стала повесткой дня объединенного заседания представителей специальных воинских частей, занятых укреплением позиций³. Однако, как вспоминает Матвеев, «в течение двух недель оборонная работа не продвинулась дальше окопчиков, вырытых в северо-восточной и западной части города». В обстоятельствах цейтнота и отсутствия рабочей силы губернский военревком действовал по-своему, организовав «тройку» по обороне Петрозаводска⁴. В нее вошли губернский военный комиссар И.В. Матвеев, председатель ГубЧК О.К. Кантер⁵ и военный комиссар бригады.

---

¹ НАКарНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 41. Д. 144. Л. 145.

² Там же. Л. 146.

³ Карелия в период Гражданской войны и иностранной интервенции. 1918–1920. Сборник документов и материалов. Петрозаводск, 1964. С. 80.

⁴ НАКарНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 41. Д. 144. Л. 146.

⁵ Федосов А.В. Новые данные в истории МВД по Республике Карелия: 100-летний юбилей 2018 года (по материалам олонечкой и карельской прессы 1917–1923 гг.) // Бюллетень. Музей истории МВД по Республике Карелия. Вып. 8 (68). Петрозаводск, 2018. С. 13.

Как председатель «тройки» И.В. Матвеев предложил Ревкому организовать в Летнем саду воскресное гулянье горожан под военный оркестр караульного батальона. «Смысл этого увеселения заключался в том, чтобы добыть рабочую силу»¹. Дальнейшее повествование мемуариста красноречиво свидетельствует о том, к каким методами вынуждены были прибегнуть местные чрезвычайные органы власти, чтобы не допустить захвата Петрозаводска.

«В субботу появились плакаты, извещающие о гулянье в саду, а техники-инженеры, которые были у нас, готовили колючую проволоку и колья, и часть шанцевого инструмента. Были назначены десятники и группы, распределенные на участки. На каждый участок было дано определенное количество людей. Вся эта подготовительная работа проходила в строгом секрете. В воскресенье после обеда в саду загрела музыка. Народ валом валил в сад, и когда веселье было в полном разгаре, сад был оцеплен красноармейцами, и началось формирование групп по оборонной работе. Начались споры, ругань, но мы были неумолимы. Правда, кое-какое послабление было сделано тем, кто был одет по-праздничному. Им разрешалось уходить домой для переодевания»².

В ходе проведенной операции «мобилизовали много инструментов, лопат, топоров, ломов». Направленные на работы люди в течение 48 часов опутали колючей проволокой Сулажгорские позиции, устроили «блиндажи, пулеметные гнезда, вторые окопы первого оборонительного пояса..., приступили и к внутренней обороне города». Воспоминания сохранили и военную топографию городского пространства: «появились окопы, начиная от угольных печей от берега озера к Екатерининскому кладбищу» (оно стало опорным пунктом северного направления)³. Дальше линия окопов шла по склону возвышенности к Сулажгорскому шоссе до каменного здания учительской семинарии, которая была опорным пунктом сулажгорского направления. С запада оборонительной линией служила железнодорожная насыпь и первые окраинные дома вплоть до каменного здания Духовной семинарии, которая была опорным пунктом Лососинского направления. Южная часть города была опоясана окопами до ст. Голиковка и дальше до Зарецкого кладбища, где Крестовоздвиженская церковь служи-

---

¹ НАКАрНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 41. Д. 144. Л. 147.

² Там же.

³ Там же. Л. 148.

ла опорным пунктом южного направления. Все опорные пункты имели связь с «тройкой», ее штаб находился в здании суда на втором этаже (площадь 25 Октября, современная площадь Ленина). Сигналами тревоги должны были стать гудок Александровского завода и колокольный звон кафедрального собора (пл. Свободы, современная площадь Кирова), где устанавливалось дежурство¹.

На проходившем 2 июня заседании реввоенкома под председательством П.Ф. Анохина до глубокой ночи обсуждали степень готовности города к обороне. Председатель губчека Кантер доложил о мерах, принимаемых «к буржуазии и особенно оставшихся старых чиновников (черносотенцев), крупных купцов Серого, Михеева, Тиккоева и других». Он сообщил, что «возьмет заложников из черносотенцев и кадетов». По свидетельству мемуариста, его доклад реввоенкому о способе мобилизации рабочей силы на оборонные работы «вызвал смех». Комиссар финансов Олонецкого губисполкома И.А. Яковлев, смеясь, сказал: «Вот, т. Матвеев, когда на нашей советской земле не останется ни одного врага, когда наступит мирная трудовая жизнь, тебе петрозаводчане обязательно поставят памятник как великому комбинатору-инженеру». В ответ тов. Матвеев парировал: «А тебе, т. Яковлев, поставят памятник за злодеяние, за грабеж купцов города – будешь ты сидеть на шкатулке с рублями»².

Шуточная перепалка, приведенная в воспоминаниях И.В. Матвеева о его тревожной молодости, свидетельствует о том, что в обстановке повышенной опасности и накануне вполне возможной скорой гибели при обороне Петрозаводска или после его падения у руководителей чрезвычайных органов губернской власти актуализировалось желание остаться не только в памяти соратников, но и благодарных горожан, разумеется, представителей «трудового народа».

Для безопасности жителей губернского центра в эти дни действительно было сделано немало, да и уровень обеспечения руководителей немногим отличался от того «достатка», с каким приходилось выживать населению города. Так, после завершения заседания О.К. Кантер пригласил своих товарищей «на, как он говорил, жареную воду: о чае тогда понятия не имели, очень туго было с продовольствием». Горожанам «выдавали по фунту овса, а рабочим за-

---

¹ Там же.

² Там же. Л. 150–151.

вода, помимо овса, еще по два фунта дуранды» (суррогатный продукт, который станет печально известен позже, по воспоминаниям о днях ленинградской блокады). «О следующей выдаче хлеба мы не знали, когда она будет», – вспоминал И.В. Матвеев¹.

В 1919 г. «военный фактор» давал себя знать и постоянным вмешательством военных властей в управление всеми сферами жизни Петрозаводска и губернии, усиливая тяжесть экстремальной ситуации, становившейся повседневностью. Знакомство с воспоминаниями участников и очевидцев событий об обстановке весны – лета 1919 г. в городе и уездах Олонецкой Карелии позволяет по-новому взглянуть как на происходившее во время Гражданской войны и военной интервенции, так и на общественную и повседневную жизнь населения края, чья история долгое время рассматривалась лишь как борьба политических партий за власть.

В.В. Кондрашин

К 100-летию трагедии: голод 1921–1922 гг.: причины, масштабы, помощь голодающим²

100 лет назад, в 1921 г. в Советской России начался голод, масштабы которого и число жертв, могли быть сравнимы лишь с самым страшным в истории страны голодом периода Смутного времени XVII в.³ Голод поразил страну на завершающей стадии Гражданской войны, стал тяжелейшим потрясением для российской деревни и страны в целом. Он имел большой международный резонанс.

100-летие трагедии дает повод для еще одного обращения к данной теме в настоящей статье, тем более, что эта тема находится в центре внимания авторского коллектива готовящейся к изданию Институтом российской истории РАН новой академической двадцатитомной «Истории России». В рамках работы над двадца-

---

¹ Там же. Л. 152.

² Статья подготовлена в рамках проекта Института российской истории РАН по написанию многотомного академического труда «История России». Публикуется в целях апробации.

³ См.: Кондрашин В.В. Голод // Экономическая история России (с древнейших времен до 1917 г.: Энциклопедия: в 2 Т. Т. 1. М., 2008. С. 530–535.

титомником в статье предпринята попытка показать фактическую сторону наиболее важных аспектов проблемы. Изложенные факты являются результатом прежде всего анализа автором публикаций современных российских и зарубежных авторов, а также советских историков. Кроме того, в статье использованы документы ряда центральных архивов, содержащие ценную информацию по истории голода 1921–1922 гг. Авторская интерпретация проблемы не претендует на бесспорность.

Голод 1921–1922 гг. всегда привлекал исследователей. На эту тему имеется обширная литература. Среди многочисленных публикаций, посвященных ей или затрагивающих трагедию 1921–1922 гг., на наш взгляд, заслуживают внимания работы В.А. Полякова, Ю.А. Полякова, Е.М. Хенкина и др.¹ Все они основаны на достоверной источниковой базе и аргументированной авторской позиции.

Причины голода

По своим масштабам голод 1921–1922 гг. (первый «советский голод») превзошел все дореволюционные голодные бедствия в России. В его зоне оказалось около 70 млн чел. (52% от общей численности населения страны), в эпицентрах свыше 30 млн. Голод 1921–1922 гг. превзошел дореволюционные голода по числу жертв, которых насчитывалось в пределах 5 млн чел.²

В иерархии причин голода в первом ряду следует поставить негативные последствия империалистической и гражданской войн, ослабивших крестьянское хозяйство. На протяжении 7 лет они несли разорение и голод миллионам крестьян, поскольку под-

---

¹ См.: Поляков Ю.А. 1921-й: победа над голодом. М., 1975; Хенкин Е.М. Очерки истории борьбы советского государства с голодом: 1921–1922. Красноярск, 1988; Кристалл А.М. Голод 1921 г. в Поволжье: опыт современного изучения проблемы: Дисс. к.и.н. М., 1997; Кондрашин В.В. Три советских голода // Аграрное развитие и продовольственная политика России в XVIII–XIX вв. Проблемы источников и историографии: история и современность. Оренбург, 2007. Часть 2. С. 299–312; Поляков В.А. Первый советский голод: на материалах Поволжья, 1919–1925 гг. Монография в двух томах. Т. 1. На пути к голоду, 1919 – весна 1921 г. Волгоград, 2019; Т. 2. Поволжская жажда скорби, лето 1921–1925 год. Волгоград, 2021 и др.

² Данилов В.П. Сельское население Союза ССР накануне коллективизации (по данным общенародной переписи 17 декабря 1926 г.) // Исторические записки. № 74. М., 1963. С. 67.

рывали материальную базу и людские ресурсы села (мобилизации в армию (царскую, белую, красную) мужчин, лошадей и т.д.). Но особенно негативной по своим последствиям для сельского хозяйства была продовольственная разверстка, введенная в России еще при Николае II, но реально осуществленная большевиками после начала Гражданской войны в рамках политики «военного коммунизма». Следует подчеркнуть, что аналогичные действия на территории России предпринимали и белые режимы (Колчака, Деникина и др.). В целом продразверстка носила объективный характер и была вынужденной мерой, направленной на обеспечение государственных нужд (снабжения армии и городов продовольствием). Но в условиях развала промышленности она свелась к безэквивалентному обмену между городом и деревней, к практике реквизиций продовольствия у крестьян с помощью насильственных действий специально организованных продотрядов и других вооруженных соединений. Ответной реакцией крестьянства на антикрестьянскую продовольственную политику были массовые восстания. Они прокатились по всей территории Советской России («антоновщина», «махновщина» и др.), были жестоко подавлены властью и еще больше подорвали сельскую экономику¹.

Результатом продразверстки и тягот многолетней войны стало падение уровня сельскохозяйственного производства (сокращение посевных площадей зерновых хлебов с 60,4 млн десятин в 1916 г. до 46,2 млн десятин в 1920 г., поголовья скота: крупного рогатого скота с 51,7 млн голов в 1916 году до 43,7 млн голов в 1920 г., лошадей соответственно с 34,2 млн до 30,5 млн голов). Кроме того, крестьянские хозяйства лишились продовольственных запасов, необходимых на случай неурожая. Они были изъяты продорганами в 1918–1920 гг., уничтожены в ходе боевых столкновений противоборствующих сторон (в 1920 г. в счет продразверстки было изъято 347 млн пудов)².

Но сами по себе негативные последствия Гражданской войны не привели бы к столь трагическим последствиям, если бы не страшное стихийное бедствие – засуха 1921 г. Она оказалась сильнее засухи 1891 г., породившей «Царь-голод»³. Засухой оказались

---

¹ Кондрашин В.В. Голод 1932–1933 годов: трагедия российской деревни. М., 2008. С. 319.

² Там же.

³ Ужасы голода в Самарской губернии. Самара, 1922. С. 3.

поражены 16 российских губерний, 3 автономных республики, 3 автономные области и Трудовая коммуна немцев Поволжья, где проживало 34 589,4 тыс. чел.¹ Здесь урожаем сгорел на корню.

В 1921-м средний годовой урожай составил примерно 1 пуд 12 фунтов на человека при потребительской норме 1,5 пуда в месяц, то есть 18 пудов в год. 9 пудов считалось голодной нормой, но власть понизила норматив до 6. В некоторых регионах, пораженных засухой, урожая не было совсем, а в остальных он был так скуден, что его съели еще в августе 1921 г.² Поэтому массовый голод начался с осени 1921 г. и достиг своей кульминации весной 1922 г.

Таким образом, первый советский голод 1921–1922 гг. был обусловлен комплексом причин объективного и субъективного характера. Объективный характер голода проистекал из последствий ослабления сельского хозяйства страны в предшествующий период. Данная ситуация усугубилась сильнейшей засухой 1921 г., погубившей урожай в основных зерновых районах страны. Несомненна и роль субъективного фактора в трагедии – аграрная политика советской власти (в определенной мере и противостоящих ей белых режимов), подорвавшая крестьянские хозяйства, не оставившая в них страховых запасов на случай голода. В то же время голод 1921–1922 гг., в отличие от голода 1932–1933 гг., при всей значимости субъективного фактора, все же нельзя считать «организованным», то есть наступившим прежде всего в результате политики правящего режима.

Масштабы и хронология голода

Название «Голод в Поволжье» – не совсем точное. Оно уменьшает истинные масштабы трагедии. Голод охватил не только Поволжье, но и Юг Урала, Север Казахстана, Западную Сибирь, пять губерний Украины. В 1922 г. голодало городское население Московской, Петроградской, Омской, Пензенской, Ни-

---

¹ Поляков Ю.А. Переход к НЭПу и советское крестьянство. М., 1967. С. 287; Кристалли А.М. Голод 1921 г. в Поволжье: опыт современного изучения проблемы: автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М., 1997. С. 18.

² Анишакова Ю.Ю. Голод начала 1920-х гг. в Поволжье и гуманитарная помощь иностранных организаций // Динамика культуры в обществе социальных инноваций: материалы всероссийской научной конференции, 23–24 мая 2011 г.: к 40-летию СГАКИ. Самара, 2011. С. 128–130.

жегородской, Курской и Тамбовской губерний (13 781, 3 тыс. чел.). В 1922 г. в зоне голода проживало около 70 млн. человек (52% от общей численности населения страны), в эпицентрах до 35 млн.¹ Советская власть в выступлении на IX Всероссийском съезде советов М.И. Калинина признала голодающими в стране порядка 27–28 млн. человек. В марте 1922 г. в эпицентрах голода (губерниях Поволжья) численность голодающих превышала 90% от общей численности населения. В некоторых районах она приближалась к 100%, люди вымирали целыми семьями. Кроме того, голодные губернии (прежде всего Поволжья) были охвачены холерными и др. эпидемиями. В эпицентрах голода происходили самоубийства вплоть до суицида целых семей. Не менее чем в половине населенных пунктов голодающего Поволжья были зарегистрированы случаи людоедства и трупоедства.

Устоявшиеся в историографии и общественном мнении даты голода – 1921–1922 гг. отражают только его пик. На самом деле голод начался в стране осенью 1921 г., достиг кульминации в первой половине 1922 г., приостановился в связи со сбором хорошего урожая в 1923 г., и возобновился (хотя и в меньших масштабах из-за недорода 1924 г.) зимой 1924/25 г.²

По оценкам демографов, жертвами голода в 1921–1922 гг. от недоедания и сопутствующих болезней (холера, тиф, цинга, оспа, малярия) стали не менее 5 млн человек. В 5 млн оценивал количество умерших от голода современник событий, профессор С.Н. Прокопович. Известный статистик П.Н. Попов подтвердил эту цифру, указав, что население СССР за 1921–1922 гг. сократилось на 5,2 млн человек³. Ее же наиболее вероятной цифрой жертв голода 1921–1922 гг. считает современный исследователь трагедии А.М. Кристалн, рассчитавший данную цифру с помощью анализа разнообразных источников⁴. Этому же мнению придерживался

---

¹ Поляков Ю.А. Переход к НЭПу и советское крестьянство. М., 1967. С. 287.

² См.: Поляков В.А. Первый советский голод: на материалах Поволжья, 1919–1925 гг. Монография в двух томах. Т. 2. Поволжская жажда скорби, лето 1921–1925 год. Волгоград, 2021.

³ Кондрашин В.В. Голод 1932–1933 годов: трагедия российской деревни. М., 2008. С. 319.

⁴ Кристалн А.М. Голод 1921 г. в Поволжье: опыт современного изучения проблемы: автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М., 1997. С. 18.

выдающийся историк-аграрник России В.П. Данилов¹. С учетом жертв голода в конце 1924 г. – первой половине 1925 г. наиболее авторитетный на данный момент исследователь голода в Поволжье начала 1920-х гг., волгоградский историк В.А. Поляков общую численность демографических потерь в стране в голодные годы первой половины 1920-х гг. определяет в 6 млн человек (5,5 млн в 1921–1922 гг., 500 тыс. чел в 1924–1925 гг.)².

Государственные органы Советской России в борьбе с голодом

Советское правительство не замалчивало масштабов трагедии и предприняло активные усилия по оказанию помощи голодающему населению и выводу сельского хозяйства из кризисного состояния. В отличие от ситуации начала 1930-х гг. оно публично признало факт голода в стране³. Уже 21 июня 1921 г., осознав масштабы недорода в стране, Политбюро РКП(б) постановило увеличить закупки продовольствия за границей. Также были приняты меры по усилению продовольственных заготовок и вывоза хлеба из районов, где были сосредоточены его запасы. 18 июля 1921 г. Президиумом ВЦИК была утверждена «Центральная Комиссия помощи голодающим Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета» (ЦК Помгол)⁴. В ее состав вошли М.И. Калинин (председатель), И.С. Лобачев и С.И. Гусев (заместители), Н.А. Семашко (нарком здравоохранения), Л.Б. Красин (нарком внешней торговли), А.В. Луначарский (нарком просвещения) и др. В голодающих губерниях функционировали местные комиссии ЦК Помгол. В своей деятельности они опирались на общественные объединения граждан – кооперативы, сельские и волостные сходы, домовые и уличные комитеты. 2 сентября 1921 г. по инициативе наркомата социального обеспечения при организационном отделе ЦК Пом-

---

¹ Данилов В.П. Сельское население Союза ССР накануне коллективизации (по данным общенародной переписи 17 декабря 1926 г.) // Исторические записки. № 74. М., 1963. С. 67.

² См. подробнее: Поляков В.А. Первый советский голод: на материалах Поволжья, 1919–1925 гг. Монография в двух томах. Т. 2. Поволжская жажда скорби, лето 1921–1925 год. Волгоград, 2021.

³ См. на эту тему: Кондрашин В.В. Голод 1932–1933 годов: трагедия российской деревни. 2-е изд., доп. и перераб. М., 2018. С. 423–445.

⁴ Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1921 г. Управление делами Совнаркома СССР. М. 1944. С. 915–915.

гол при ВЦИК было создано Межведомственное совещание из представителей Наркомздрава, Наркомсобеса, Наркомпроса, Наркомнаца, Наркомвоена, Центральной комиссии по эвакуации, Российского общества Красного Креста, куда входили также уполномоченные от автономных республик и областей, пострадавших от неурожая (обладающие правом совещательного голоса)¹. Местные органы ЦК Помгол при ВЦИК начали официально функционировать после издания постановления ВЦИК и СНК от 2 октября 1921 г. «Об объединении комиссий Помгол в губерниях, республиках и областях с подчинением их ЦК Помгол при ВЦИК»².

За счет внутренних ресурсов посредством жесточайшей экономии Советское государство сумело собрать и предоставить пораженным неурожаем местностям более 12 млн пудов семян для озимого сева и 31,5 млн пудов для ярового. Полученным от государства семенным зерном крестьяне засеяли свыше 10 млн десятин и тем самым заложили основу для преодоления последствий катастрофы и возрождения своих хозяйств³. Непосредственно голодающему населению государство смогло предоставить около 22 млн пудов продовольствия (в переводе на зерно). Кроме того, советские общественные организации собрали и доставили в голодающие районы 10,6 млн пудов продовольствия. Около 1 млн пудов дала Красная Армия, добровольно ограничившая свои продовольственные пайки. Считая по 10 пудов зерновых на человека (при обычной в крестьянской семье того времени норме годового потребления в 15–16 пудов на человека), можно утверждать, что помощь, оказанная из внутренних ресурсов страны, сохранила жизнь не менее 3,3 млн чел. Около 1 млн. чел. удалось эвакуировать в другие районы⁴.

---

¹ ГА РФ. Ф. 1064. Оп. 1. Д. 49. Л. 59.

² *Кристалл А.М.* Голод 1921 г. в Поволжье: опыт современного изучения проблемы: автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М., 1997.

³ *Кондрашин В.В.* Информационные сводки ВЧК о крестьянском движении в Поволжье в годы гражданской войны Исторические чтения на Лубянке. Отечественные спецслужбы в 1920–1930-х годах: Материалы всероссийской научной конференции, организованной Центром общественных связей ФСБ РФ (г. Москва, 9–10 декабря 1999 г.). М.; Новгород, 2000. С. 58–64.

⁴ *Данилов В.П.* Какой была международная помощь // Аргументы и факты. 1988. № 19. С. 6.

К осени 1922 г., когда был собран хороший урожай, появилась новая задача: борьба с последствиями голода, самым тяжелым из которых был вопрос о голодных беженцах, людях, покинувших в поисках пропитания родные места, у которых не осталось ни жилищ, ни работы. Вторая задача – восстановление народного хозяйства в районах, пострадавших от голода. Для их выполнения решением ВЦИК от 7 сентября 1922 г. ЦК Помгол был преобразован в ЦК Последгол при ВЦИК. При нем под его руководством работала детская комиссия при ВЦИК, его местные органы, комиссии помгол при различных наркоматах, кооперативных организациях и профессиональных союзов в деле помощи голодающим. 20 июня 1923 г., в условиях очередного хорошего урожая, Президиум ВЦИК издал постановление о ликвидации ЦК Последгол¹.

Последствия голода 1924–1925 гг., наступившего в результате недорода хлебов из-за засухи 1924 г., были минимизированы своевременной государственной помощью крестьянам.

Российские общественные и религиозные организации в борьбе с голодом

С 22 июня 1921 г. в Советской России действовал неправительственный Всероссийский комитет помощи голодающим (ВКПГ), созданный по инициативе интеллигенции, в том числе бывших идейных противников большевиков (С.Н. Прокоповича, Е.Д. Кусковой, Н.М. Кишкина и др.). В ВКПГ работали крупнейшие специалисты в области сельского хозяйства А.В. Чаянов, Н.Д. Кондратьев, а также большая группа гуманитариев: писатели А.М. Горький, Э.Л. Гуревич, В.Г. Короленко и др. Председателем был избран В.Г. Короленко. Всемирно известные имена российских ученых и писателей должны были привлечь пожертвования из-за границы. Создание ВКПГ, как независимого от советского правительства общественного органа, вызвало одобрение в зарубежных общественных кругах. По линии ВКПГ в США видный российский экономист-эмигрант профессор А.Н. Корф организовал широко-масштабную кампанию по сбору средств для Комитета. Его поддерживали жившие в Америке композитор С.В. Рахманинов (давал

---

¹ См. подробнее: *Поляков Ю.А.* 1921-й: победа над голодом. М., 1975; *Хенкин Е.М.* Очерки истории борьбы советского государства с голодом: 1921–1922. Красноярск, 1988.

благотворительные концерты), балетмейстер В.В. Фокин (отчисления от театральных постановок), художник Н.К. Рерих, который организовал турне с выставками своих картин, доход от которых пошел в Россию. Среди российской эмиграции в Нью-Йорке была открыта подписка в пользу голодающих советских граждан¹.

Однако деятельность ВКПГ оказалась непродолжительной, поскольку противоречила природе сложившегося в стране политического режима, не допускавшего оппозиции и неподконтрольной власти общественной инициативы. ВКПГ был распущен под предлогом нежелания его членов работать в эпицентрах голода и связей с контрреволюционной эмиграцией. В августе 1921 г., как только Советское правительство подписало соглашение с Американской администрацией помощи (АРА) о развертывании в России масштабной международной помощи голодающим, бывшее руководство ВКПГ было арестовано ВЧК (как «шпионы» и «контрреволюционеры»)².

В августе 1921 г. Русская Православная церковь (РПЦ) в лице патриарха Тихона предложила советскому правительству помощь в деле борьбы с голодом. 9 декабря 1921 г. Совнарком дал на это свое согласие. Возник Всероссийский церковный комитет помощи голодающим (ВЦКПГ) под руководством патриарха Тихона. Была достигнута договоренность о том, что для помощи голодающим церкви будут отдавать драгоценности «в объеме вещей, не имеющих богослужебного употребления». К 1 февраля 1922 г. ВЦКПГ собрал около 9 млн руб., не считая ювелирных изделий, золотых монет и помощи натурой³. Но спустя месяц церковная организация была признана советским правительством излишней, а собранные денежные суммы переданы в ЦК Помгол.

Произошло это потому, что неподконтрольное советской власти православное движение помощи голодавшим способствовало укреплению авторитета РПЦ в стране, что не входило в ее планы. Поэтому было решено, воспользовавшись голодом, как предложением, установить жесткий контроль государства над РПЦ, выявить и устранить среди священнослужителей противников власти. 23 февраля 1922 г. было издано постановление ВЦИК об изъятии

---

¹ См.: Всероссийский комитет помощи голодающим. [Сборник]. М., 2014.

² Макаров В.Г., Христофоров В.С. К истории Всероссийского комитета помощи голодающим // Новая и новейшая история. 2006. № 3. С. 198–205.

³ Коммерсантъ Деньги. 2001. 18 ноября. С. 65.

церковных ценностей на нужды голодающих¹. Его формулировки были таковы, что создавали впечатление об отсутствии со стороны РПЦ реальной помощи государству в борьбе с голодом и, таким образом, обосновывали со стороны государства самые решительные меры к ней в данном направлении. Это позволило местным органам советской власти конфисковать в церквях и монастырях в пользу голодающих практически все, что там было, в том числе и предметы, необходимые для отправления религиозных служб. Подобная практика применялась повсеместно и сопровождалась открытыми конфликтами между верующими и советскими активистами. В частности, в ходе изъятий произошло 1414 инцидентов с трагическими последствиями. Например, 5 марта 1922 г. в Шуе при изъятии церковных ценностей красноармейцы и ЧОН применили против верующих оружие: 5 человек было убито, 15 человек ранены. Данный инцидент был использован властью (письмо В.И. Ленина В.М. Молотову от 19 марта 1922 г.) для развертывания репрессий в отношении церковнослужителей и верующих, а также для активизации изъятия в церковных учреждениях всех имеющихся в наличии ценностей². В результате церковного золота, серебра и драгоценных камней было изъято на сумму почти 7 млрд рублей³. На 1 августа 1923 г. оценочная сумма изъятых церковных ценностей, по официальным данным Ликвидационной комиссии ЦК Последгола ВЦИК, составила 6 576 932 руб. 66 коп. в золотых рублях⁴. Большая часть этих средств была использована по назначению (борьбе с голодом), меньшая – на саму кампанию по изъятию церковных ценностей.

Международная помощь голодающим⁵

Международная помощь имела важнейшее значение в ликвидации последствий голода. Призыв к международной помощи со стороны Советской России раздался сразу, как только выяс-

---

¹ Русские патриархи XX века. Судьбы Отечества и Церкви на страницах архивных документов. М., 1999. С. 59–60.

² В.И. Ленин. Неизвестные документы. 1891–1922 гг. М., 1999. С. 517.

³ *Кристалин А.М.* Голод 1921 г. в Поволжье: опыт современного изучения проблемы: автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М., 1997. С. 28.

⁴ *Винокуров А.* Ликвидационный отчет ЦК Последгола ВЦИК // Итоги Последгола (с 15/X – 1922 г. – 1/VIII – 1923 г. М., 1923. С. 27.

⁵ В Российском государственном архиве новейшей истории хранится коллекция документов о работе в России во время голода 1921–1922 гг.

нились катастрофические масштабы неурожая и невозможность собственными силами предупредить массовый голод. Советское правительство официальной нотой известило зарубежные правительства о постигшем страну бедствии и запросило разрешения закупить в Европе и Америке хлебные продукты и пропустить их через кордоны экономической блокады, которая была объявлена тогда Советской России бывшими странами Антанты.

Первой реакцией Запада на просьбу Советского правительства о предоставлении кредита для закупки 230 млн. пудов зерна стали требования о выплате старых царских долгов. Но затем они были сняты, и Советская Россия получила значительную международную помощь, позволившую существенно сократить число жертв голода в его эпицентрах, особенно в Поволжье.

В июле 1921 г. Москва получила предложения продовольственной помощи от Лиги Наций, которой руководили Англия, Франция и Италия, а также от правительства США, представленного Американской администрацией помощи (АРА). Лига наций образовала особую комиссию для организации помощи голодающим России, во главе которой встал известный норвежский полярный исследователь Ф. Нансен¹. До конца 1921 г. зарубежная помощь поступала исключительно от зарубежных общественных организаций, которые не стали дожидаться решений на правительственном уровне. Ими было распределено среди голодающих граждан страны 6,5 млн. пудов хлеба и других продуктов.

В конце 1921–1922 гг. основная по объему продовольственная помощь была оказана Советской России со стороны АРА – «Американской администрации помощи», созданной в США в конце Первой мировой войны министром торговли Г. Гувером². Следует

международных организаций, а также другие материалы на эту тему: постановления пленумов ЦК, Политбюро ЦК РКП(б) о создании и ликвидации Комиссии помощи голодающим при ВЦИКе, Центральной комиссии по борьбе с последствиями голода при ВЦИК, о Всероссийском комитете помощи голодающим; постановления Политбюро ЦК РКП(б) и материалы об оказании продовольственной помощи голодающим в России заграничными организациями (Гувер, Нансен), датированные 1921–1925 гг. (РГАНИ Ф. 3. Оп. 51. Д. 6–8).

¹ Документы внешней политики СССР. Т. 4. М., 1960. С. 294.

² *Цихелашвили Н.Ш., Дэвид Ч.* Энгерман. Американская помощь России в 1921–1923 годах: Конфликты и сотрудничество // Американский ежегодник. 1995. М., 1996. С. 207–216.

отметить, что в истории российско-американских отношений это был второй случай оказания помощи США голодающему населению России. Первый относился к событиям «Царя-голода» 1891–1892 гг. Тогда, узнав о трагедии, американская общественность в знак благодарности России за оказанную поддержку американскому народу в период войны за независимость, направила в российские порты корабли с продовольствием¹.

Представители АРА осуществляли свою деятельность в Советской России с сентября 1921 г. по июнь 1923 г. В организации работало 300 сотрудников, приехавших из Америки, и около 10 тыс. советских граждан. Центральное правление находилось в Москве; ее уполномоченные работали в 37 губерниях, пострадавших от неурожая и голода. Реальная помощь со стороны АРА стала поступать в декабре 1921 г. – в январе 1922 г., когда голод уже начал свою страшную жатву, и первоначально ограничивалась организацией питания для детей и больных. Основные грузы АРА прибыли весной 1922 г. Это была помощь со стороны американского народа и в широком, и в самом прямом, непосредственном смысле (рабочие, фермеры, служащие жертвовали деньги и продукты, которые через АРА доставлялись в Россию).

Итоговые цифры международной помощи, оказанной Советской России во время голода 1921–1922 гг., в историографии приводятся разные. При этом не вызывает сомнения факт решающего вклада в эту помощь АРА, которая обеспечила продовольствием более 10 млн голодающих жителей страны, в то время как все остальные организации международной помощи – менее 1 млн. Данный факт признавало и большевистское руководство. 21 июня 1923 г. политбюро ЦК РКП(б) приняло решение отблагодарить директора русского отделения АРА У. Гаскеля (Хаскеля): поручить Совнаркому издать благодарственную резолюцию о деятельности в Советской России АРА, а также вручить Хаскелю и его двум ближайшим помощникам по художественному подарку².

Исследователи подсчитали суммарный объем международной помощи голодающим в Советской России в 1921–1922 гг., которая составила 35,5 млн пудов. В результате было спасено от голодной смерти по меньшей мере 3,5 млн человек.

---

¹ Носков В. В., Китанина Т. М. Америка и русский голод 1891–92 гг. // Russian Food Market. New York; Moscow; St. Peterburg. 1995. № 1. С. 54–57.

² Исторический архив. 1993. № 6. С. 83.

При оценке масштабов полученной Россией во время голода 1921–1922 гг. международной помощи заслуживают внимания следующие сведения представителя Советское правительства при «Американской администрации помощи» А.В. Эйдук: «В мае 1922 г. АРА кормила 6099574 человека, американское общество квакеров – 265 тыс., Международный союз помощи детям – 259751 человек, Нансеновский комитет – 138 тыс., шведский Красный крест – 87 тыс., германский Красный крест – 7 тыс., английские профсоюзы – 92 тыс., Международная рабочая помощь – 78011 человек»¹.

Признавая факт спасения сотрудниками АРА жизнью миллионов советских людей (особенно детей), следует указать, что советские органы государственной безопасности (ВЧК–ГПУ) небезосновательно относили АРА к числу шпионских организаций, многие сотрудники которой являлись бывшими американскими офицерами и полицейскими чиновниками. Они занимались «экономическим шпионажем» для государственных структур и крупных зарубежных фирм². Подобная практика была распространена в СССР в 1920-е – 1930-е гг. Также помимо разведывательной работы, некоторые представители АРА использовали ситуацию для личного обогащения: проводили незаконные валютные операции, скупали драгоценности, предметы церковной утвари, произведения искусства, антиквариат и др.³

На наш взгляд, исходя из изложенного в статье материала, можно заключить, что в настоящее время исследователями успешно изучены основные аспекты проблемы, восстановлена достоверная картина трагедии, показано участие в борьбе с голодом Советского государства, общественности, международных организаций. Это позволяет на должном научном уровне, глубоко и всесторонне осветить данную проблему в многогранной истории России.

---

¹ Геллер М.Я., Некрич А.М. Утопия у власти. М., 2000. С. 114.

² ЦА ФСБ РФ. Ф. 66. Оп. 1-г. Пор. 22. Л. 116, 187.

³ Макаров В.Т., Христофоров В.С. Новые данные о деятельности Американской администрации помощи (АРА) в России // Новая и новейшая история. 2006. № 5. С. 230–243.

«Паршивая овца все стадо портит»: особенности взаимоотношений между солдатами Красной армии Восточного фронта во второй половине 1918 г.

К середине 1918 г., т.е. к моменту начала широкомасштабной фронтовой Гражданской войны в России личный состав Красной армии представлял собой довольно пеструю организацию, которую можно разделить на несколько групп по социальному (рабочие и крестьяне) и национальному признакам (русские и иностранные «интернационалисты»), а также в зависимости от уровня боеспособности, дисциплины и сознательности. В сложившейся ситуации возникает закономерный вопрос: каким образом указанная разношерстная и неоднородная толпа взаимодействовала друг с другом в условиях развернувшихся боевых действий?

Советские историки отвечали на этот вопрос довольно однообразно, приводя в качестве позитивных примеров рабоче-крестьянский союз¹, а также интернациональную дружбу всех участвовавших в сражениях с противником народов². Имелись и негативные, буквально единичные, примеры, когда представители антибольшевистских партий, паникеры, кулаки и прочие пробравшиеся в Красную армию подобные личности сознательно и целенаправленно агитировали других солдат не воевать за советскую власть. Однако с подобными элементами удавалось быстро справиться и стабилизировать обстановку в войсках.

В современной историографии указанный вопрос, ввиду общей потери интереса к истории создания Красной армии в годы Гражданской войны, практически не рассматривался. Во всяком случае, привести в качестве примера какое-либо специальное исследование затруднительно. Поэтому в данной статье на основе обширной источниковой базы, представленной как материалами из Российского государственного военного архива, так и опубликованными документами и воспоминаниями, предпринимается попытка ответить на поставленный выше вопрос. В качестве хронологических

---

¹ *Молодцыгин М.А.* Рабоче-крестьянский союз, 1918–1920. М., 1987.

² *Интернационалисты. Трудящиеся зарубежных стран – участники борьбы за власть советов.* М., 1967; *История латышских стрелков (1915–1920).* Рига, 1972.

и территориальных рамок используются армии Восточного фронта (1-я, 2-я, 3-я, 4-я и 5-я)¹, действовавшие против антибольшевистских вооруженных сил в Поволжье и на Урале во второй половине 1918 г.

Несмотря на то, что советское правительство всяческим образом пыталось оградить формирующуюся Красную армию от вступления в нее всевозможных несоциалистических и небоевых элементов, последние, по целому ряду причин в нее попадали. В итоге в войсках сложилась значительная прослойка «прагматиков», которые руководствовались меркантильными интересами, просто случайных людей, а также небольшая часть сознательных красноармейцев, действительно стремившаяся защищать советскую власть от нападков врагов. Разными, в зависимости от местности, где происходило создание воинских подразделений, были уровень боевой подготовки и опыт ведения боевых действий. Так или иначе, контингент вооруженных сил, сосредотачиваемый на Чехословацком фронте² в конце мая – начале июня 1918 г., не мог в большинстве случаев похвастаться высоким уровнем дисциплины

---

¹ Восточный фронт был номинально создан постановлением СНК от 13 июня 1918 г., которым утверждался состав Революционного военного совета (главком М.А. Муравьев, комиссары П.А. Кобозев и Г.И. Благонравов). Перед РВС стояла задача организации управления войсками Красной армии, расположенными на востоке страны. Состав РВС на протяжении второй половины 1918 г. менялся неоднократно.

² Чехословацкий фронт был создан в Среднем Поволжье для подавления выступления солдат Чехословацкого корпуса приказом Народного комиссара по военным делам Л.Д. Троцкого от 31 мая 1918 г. (См.: Директивы Главного командования Красной Армии (1917–1920). М., 1969. С. 95). В первых числах июня 1918 г. фронт был разделен на Западный Чехословацкий (главком А.Ф. Мясников) и Восточный Чехословацкий фронт (главком Н.И. Подвойский). Это было сделано для более удобного управления отдельными частями и подразделениями, разбросанными на большой территории. Разделение данного войскового объединения на Западный и Восточный Чехословацкий существовало формально и не было закреплено нормативными актами. Как правило, указанными понятиями оперировали представители военного командования при написании отчетной документации, либо составители информационных сводок. Впоследствии части и подразделения Западного и Восточного Чехословацкого фронта были реорганизованы в 1-ю и 2-ю армии Восточного фронта.

и военной подготовки. В качестве примера можно привести слова командующего Западным Чехословацким фронтом А.Ф. Мясникова из записки Л.Д. Троцкому от 25 июня 1918 г., где он резюмировал свой опыт руководства войсками в первой половине июня 1918 г.: «Состав красноармейских частей весьма неблагонадежный: в части проникли шкурники, трусы, преступные элементы, примазавшиеся к Советам, провокаторы, авантюристы и люди, поставившие себе целью пользоваться солдатским пайком. В красноармейских частях солдаты в 75% состоят из подобных элементов»¹.

Очевидно, что указанная группа бойцов оказывала преимущественно негативное воздействие на остальных солдат. Причем данное влияние осуществлялось как косвенным, так и прямыми способами. В первом случае красноармейцы «заражали» своих сослуживцев собственным примером путем открытой демонстрации тех или иных поступков – отступление в тыл, пьянство и грабеж – безнаказанное совершение которых для остальных красноармейцев выглядело очень соблазнительным ввиду общей тяготы военной службы. Участники событий отмечали невероятно большую скорость, с которой происходило разложение «здоровых» частей. Например, И.А. Онуфриев, командир 3-го Уральского полка, вспоминал о прибытии на Златоустовский участок фронта Эстонского полка из Петрограда в начале июня 1918 г.: «Он внес с собою дух бодрости и признаки воинской дисциплины, но вскоре сам подпал под общее [негативное] настроение и растворился в общей массе»².

Пребывание на участке боевых действий хотя бы одной или двух небоеспособных и недисциплинированных частей, которые после малейшей неудачи предавались панике, очень часто приводило к бегству остальных воинских формирований. Например, в телеграмме Л.Д. Троцкому и заведующему оперативным отделом Народного комиссариата по военным делам С.И. Аралову от 10 июня 1918 г. А.Ф. Мясников докладывал: «Провокационный уход из сторожевого охранения в ночь с 7 на 8 июня отряда Всероссийской чрезвычайной следственной комиссии, находившийся под командованием члена той же комиссии матроса Попова вызвал самочинный уход с фронта отрядов Казанского, Балашовско-

---

¹ Российский государственный военный архив (далее – РГВА). Ф. 1. Оп. 1. Д. 449. Л. 1–2 об.

² *Онуфриев И.А.* Гражданская война на Урале: Воспоминания бывшего комбрига. Свердловск, 1925. С. 19–20.

го, Саратовского, Камышинского и Кирсановского, объединенных общим командованием председателя Балашовского Совдепа Солонина...»¹. 14 июня 1918 г. А.Ф. Мясников вновь сообщал, что Минский полк покинул ст. Мыльная, а вслед за ним отступил Смоленский полк².

Иногда подобные отходы носили вынужденный характер, так как соседние части не имели физической возможности в одиночку удерживать боевой участок. В данной ситуации неоднократно оказывался 4-й латышский полк, который во время наступательных операций 1-й армии под Сызранью в июне – июле 1918 г. регулярно отступал в тыл из-за небоеспособности подавляющего числа других воинских формирований. Например, исполняющий обязанности политического комиссара Латышской дивизии К.Х. Данишевский, инспектировавший войска 1-й армии, в докладе от 29 июня 1918 г. писал, что разложение полка «началось после поражения на левом берегу Волги, когда неорганизованные и плохо снабженные отряды под руководством неспособных начальников начали постыдное отступление и повлекли за собой и отступление латышского полка, намеревавшегося только что перейти в наступление»³. Подобные примеры панических отходов, произошедших летом 1918 г. на разных участках фронта, представлены в документах и воспоминаниях в большом количестве⁴.

Аналогичным образом происходило распространение среди солдат других поведенческих стереотипов, в частности, неуважительного отношения к казенному и частному имуществу. В разговоре начальника штаба Западного Чехословацкого фронта И.А. Войтыны и командира Сызранской группой войск А. Маршина от 10 июня 1918 г. следующим образом сообщалось о поведении Козловского и Нижегородского отрядов: «последний не

---

¹ РГВА. Ф. 106. Оп. 7. Д. 4. Л. 39 об. – 41.

² Там же. Ф. 151. Оп. 1. Д. 1. Л. 65.

³ Там же. Ф. 1. Оп. 2. Д. 45. Л. 140.

⁴ *Перкин Д.Е.* Коммунистический отряд на фронте // 1918 год на родине Ленина: Сборник воспоминаний о революции в Симбирской губернии. Куйбышев, 1936. С. 118; *Пичугов С.Г.* Нет положения, из которого нельзя выйти с честью // Сборник воспоминаний непосредственных участников Гражданской войны 1918–1922. М., 1932. С. 181–182; *Чистов Б.Н.* Парторганизация в дни гражданской войны // 1918 год на родине Ленина: Сборник воспоминаний о революции в Симбирской губернии. Куйбышев, 1936. С. 50.

из надежных и на него нужно обратить внимание и в зародыше уничтожить разлагающее влияние его на других. Сегодня несколько человек было задержано по случаю продажи ими предметов обмундирования»¹. При этом подобное «заражение», судя по всему, происходило неосознанно. Один из свидетелей пребывания Инзенской и Пензенской дивизий 1-й армии в Сызрани 8–10 июля 1918 г. приводил в эсеровской газете «Земля и воля» следующий эпизод общения местной жительницы с солдатом, который грабил дома вместе с остальными бойцами: «Остался один пожилой красноармеец, который сел на стул и обхватил голову руками, точно в раздумье над тем, что он делает. К нему обратилась с вопросом женщина, остававшаяся в доме, в качестве прислуги:

– Что, товарищ, небось, и самому стыдно стало. Неужто не понимаешь, что нехорошее дело делаешь?

– Сам вижу, что нехорошо, отвечал он, а делал, потому что другие тоже делают. Вот чувствую, что надо что-то делать, только не это, а что надо? – сам не знаю»².

Довольно часто подобные поступки происходили благодаря умеренной агитации определенной группы солдат, которые в документах прямо назывались провокаторами. Среди них можно выделить так называемых стихийных провокаторов, которые больше напоминали обычных паникеров, настраивавших своим нестабильным поведением остальных красноармейцев на отступление в тыл. Например, член Высшей военной инспекции В.А. Фейерабэнд в докладе от 14 июня 1918 г. приводил следующий эпизод участия 7-го Приурального полка в боевых действиях на Уфалейском участке Северо-Урало-Сибирского фронта³: «Инцидент с 7 Приуральским полком произошел на том основании, что люди, совсем непригодные к боевым действиям в смысле дисциплинированности и обученности, побыв раз в бою, увидев в нем опасность для жизни, отказались подчиняться приказаниям и нести службу сторожевого охранения. Поражение и бегство со станции Куштин-

---

¹ РГВА. Ф. 151. Оп. 1. Д. 1. Л. 21–22.

² Земля и Воля. Орган Сызранского Комитета партии Социалистов-Революционеров. 1918 г. 16 (3) июля. № 14.

³ Создан приказом Народного комиссариата по военным делам от 14 июня 1918 г. для реорганизации многочисленных отрядов уральских рабочих и красногвардейцев, которые были созданы в районе Омск – Челябинск. 20 июля 1918 г. был переименован в 3-ю армию Восточного фронта.

ской использовалось разными провокаторами, которые распространили слух, будто штаб и комиссар фронта их продают. Эти провокационные слухи, поддерживаемые трусостью и шкурными вопросами еще более увеличили тот раскол в полку, который начался при его формировании в гор. Перми»¹.

Аналогичная ситуация сложилась в Пензенской дивизии 1-й армии в конце июля – начале августа 1918 г., о чем в письме В.И. Ленину от 24 сентября 1918 г. сообщал политический комиссар С.П. Медведев: «Стоило только устроить подлыми элементами какую-либо провокацию и эти части, расположенные в вагонах, не остановить бы и на расстоянии 100 верст от места провокации»². В политической сводке по 3-й армии от 13 сентября 1918 г. также отмечалось: «Нижний Тагил. Временный отход не отразился особенно на настроениях частей 1-й бригады. Причинами неудачи были паника в частях, находящихся на передовых позициях, вызываемая провокаторскими элементами, отсутствием правильной связи между частями, недостатком в командном составе и, в некоторых случаях, нераспорядительностью командного состава пехоты. Выполнение боевых приказов временами также заставляло желать лучшего. Позорно вел себя 3-й Горный полк, его паническое бегство, сопровождающееся обнажением частей фронта, имело решающее значение в бою. Полк этот состоит даже не из трусов, но малосознательных элементов. При наступлении полк идет хорошо, но стоит только отдать приказание к отступлению, как настроение резко меняется, и достаточно кому-либо тогда крикнуть, что мы обойдены, чтобы тотчас создалась выгодная для неприятеля паника»³.

Прагматичные провокаторы действовали в подавляющем большинстве случаев последовательно и хладнокровно, добиваясь собственных целей в рамках части или подразделения. В результате персональная ответственность за деяние становилась коллективной, что затрудняло борьбу с данными явлениями со стороны вышестоящего руководства в лице представителей командного состава и политических комиссаров. Как правило, указанные факты также были связаны с отступлением с фронта или с наступлением

---

¹ РГВА. Ф. 1. Оп. 3. Д. 58. Л. 150.

² Медведев С.П. – В.И. Ленину. 24 сентября 1918 г. // Большевистское руководство. Переписка. 1912–1927. Сборник документов. М., 1996. С. 47.

³ Гражданская война на Урале в документах 3-й армии РККА: Сборник документов. Екатеринбург, 2008. С. 82–83.

на передовые позиции. Например, 3 июня 1918 г. на заседании Саранского уездного исполнительного комитета Пензенской губернии сообщалось, что «отряд красноармейцев под агитацией негодной своей части отказался ехать в г. Сызрань и был председателем Пензенского губернского совета тов. Кураевым признан контрреволюционным»¹. Подобные случаи довольно часто фиксировались в политических сводках. Например, в документе от 6 июля 1918 г. отмечалось, что «Самарский отряд коммунистов и части Сенгилеевского фронта (1-й армии – *Е.Н.*) под контрреволюционным влиянием агитации покинули свои позиции и отказались от выступления»². Похожие сведения приводились в сводке от 15 июля 1918 г., где сообщалось о причинах отхода войск Бугульминского участка 1-й армии: «Причины отступления следующие: 1. Отсутствие твердого командования. 2. Деморализация, вносимая действием некоторых лиц, [которых] выясняет следствие»³. На указанную тенденцию также обращал внимание начальник Пензенской дивизии 1-й армии А.И. Воздвиженский в приказе № 13 от 15 августа 1918 г.: «За последнее время я наблюдаю, что все более и более учащаются случаи самовольного оставления своих постов красноармейцами и командным составом в трудную минуту, когда каждый должен быть на своем месте, на своем посту. Среди армии появилось много шпионов и провокаторов, которые явно или подпольной агитацией расстраивают ряды Красной армии, творя свое гнусное дело ...»⁴. Довольно часто о преступных действиях указанных лиц сообщалось в декабрьских сводках по 3-й армии⁵.

Далеко не всегда преобладающей целью провокаторов являлось отступление в тыл. Например, в политической сводке от 1 июля 1918 г., где характеризовалась ситуация в войсках 1-й армии, действующих в районе Симбирск – Инза, было написано следующее: «Пропагандой отдельных личностей вносится дезорганизация. Этому способствует нераспорядительность командиров»⁶. Иногда

---

¹ Центральный государственный архив Республики Мордовия (ЦГА РМ). Ф. Р-37. Оп. 1. Д. 8. Л. 32.

² РГВА. Ф. 1. Оп. 2. Д. 44. Л. 179.

³ Там же. Ф. 106. Оп. 7. Д. 20. Л. 41–42.

⁴ Там же. Ф. 1307. Оп. 2. Д. 692. Л. 14.

⁵ Гражданская война на Урале в документах 3-й армии РККА. С. 225, 231–232.

⁶ РГВА. Ф. 1. Оп. 4. Д. 41. Л. 341.

имела место обычная вражда между подразделениями на той или иной почве, которая указанными людьми лишь культивировалась. В приказе по 4-й армии № 14 от 26 августа 1918 г. командующий отмечал, что «при посещении полков Николаевской дивизии мною замечено было (так в документе – *Е.Н.*) какая-то глухая работа провокаторов, клонящаяся к подрыву доверия между частями войск, как, например, между 1-м и 3-м советскими Николаевскими полками. Предлагаю начальнику дивизии тов. Захарову принять все зависящие от него меры к искоренению этой работы провокаторов»¹.

В подавляющем большинстве случаев в документах не содержится информации о том, кто конкретно из солдат выступал в роли провокаторов. Очевидно, это были люди, которые по тем или иным причинам отказывались принимать участие в боевых действиях. Однако иногда в источниках встречаются конкретные указания относительно характеристики данных провокаторов. 20–22 июля 1918 г. находившийся в резерве 4-й латышский полк Инзенской дивизии 1-й армии отказался выступать на фронт под Симбирск, который находился под угрозой сдачи. Участники событий выделяли множество причин, объясняющих подобное поведение стрелков, среди которых главными являлись усталость и нехватка всего необходимого для ведения боевых действий. Однако инициатором сопротивления приказу командования, согласно некоторым свидетельствам, была небольшая группа солдат, которая ранее выступила зачинщиком грабежей в Сызрани во время присутствия части в городе. Командующий фронтом И.И. Вацетис в обращении к солдатам 4-го латышского полка от 22 июля 1918 г. сообщал: «До меня дошли слухи, что вас держит в терроре кучка ваших же товарищей, награбивших в Сызрани большие богатства и не желающих с ними расстаться и рисковать жизнью в боях»². Сотрудник политического отдела штаба Восточного фронта Г. Слуп, занимавшийся расследованием данного инцидента, в своем докладе также писал о группе солдат, выступивших против отправки в Симбирск и завоевавших тем самым популярность остальной части полка. Так, Г. Слуп писал: «Потом еще состоялось два собрания, которые также кончились, как и первое. Бунтаторами (так в документе – *Е.Н.*) руководил бывший офицер Берзин, а

---

¹ Там же. Ф. 184. Оп. 3. Д. 887. Л. 24.

² Там же. Ф. 33987. Оп. 2. Д. 26. Л. 51–52.

к нему присоединились те, которые при отступлении от Сызрани награбили богатства»¹.

В документах содержится огромное количество свидетельств о влиянии на солдат мобилизованных крестьян, которые направлялись на фронт и вливались в уже сформированные части и подразделения в качестве пополнений. Например, в одном из сборников воспоминаний, повествующих о событиях в прифронтовой Казанской губернии в июле 1918 г., сообщалось о ситуации, сложившейся в 1-й Казанской советской дивизии: «прибывшие мобилизованные разлагали остальных своим пассивно-отрицательным отношением. Неоднократная посылка отрядов на фронт против Дутова и чехо-словаков (было отправлено три отряда) с наилучшими красноармейскими частями-добровольцами, не образовавшаяся с боеспособностью остающихся частей, создали хаотическое состояние последних, тем более, что вновь мобилизованные были не обучены»². О негативном воздействии призванных крестьян на остальных красноармейцев обращало внимание множество современников, которые жаловались на пополнения из тыла невысокого качества. В основном подобные факты были характерны для 3-й и 4-й армий. Как правило, в воспоминаниях сообщалось о влиянии на солдат проникших в части «зажиточных крестьян с кулацко-эсеровскими настроениями», которые агитировали сослуживцев отказываться от выступления на фронт, либо переходить на сторону противника, что последние, собственно говоря, и делали³.

Например, в середине декабря 1918 г. в Ново-Орлово-Куриловском полку 4-й армии, пополненном «мобилизованными крестьянами, с большим процентом кулаков из волости того же наименования», произошли волнения, которые ввиду тесного соседства с Ба-

---

¹ Там же. Д. 13. Л. 280.

² Борьба за Казань: Сборник материалов о чехо-учредилдовской интервенции в 1918 г. Казань: [б. и.], 1924. № 1. С. 29.

³ *Баширцев И.С.* Политработа в 1-й армии // За счастье народное: Воспоминания участников гражданской войны в Оренбуржье. Челябинск, 1969. С. 224; Из истории Гражданской войны в СССР (Май 1918 – Март 1919): в 3 т. М., 1960. Т. 1. С. 391; *Кутяков И.С.* Разгром Уральской белой казачьей армии. М., 1931. С. 13; *Онуфриев И.А.* Указ. соч. С. 49; *Пичугов С.Г.* Неизведанными путями: Воспоминания о гражданской войне на Урале. М., 1958. С. 113–114.

лашовским полком, перекинулись на него¹. В политической сводке от 14 декабря 1918 г. сообщалось, что в части «чувствуется натянутое отношение, которое выражается в саботаже и в предъявлении всевозможных требований, в остальной же части полка настроение хорошее». При этом воздействие Ново-Орлово-Куриловского полка на другие части не было косвенным. Судя по документу, «из Новоорловско Куриловского полка послан наказ 1 батальону Балашовского полка, [в] котором Новоорлово-Куриловцы просят у балашовцев поддержки, так как в случае неустойки предполагает отступить к Балашовскому полку. Новоорлово-Куриловцами напечатаны и распространяются воззвания к красноармейцам, но таковые задерживаются. Политическими работниками приняты меры заменить батальон Балашовского полка сборными работами, и посланы для агитации лучшие силы из политического отдела дивизии»².

Пропагандистская работа куриловцев оказалась результативной, так как некоторые части их поддержали. В сводке от 17 декабря 1918 г. сообщалось: «В первом мусульманском полку настроение хорошее. Но военполитком третьей бригады полагает, если к Новоорлово-Куриловскому полку применять репрессивные меры, то Мусульманский полк может разложиться». Неудивительно, что дивизионное командование опасалось распространения данной «заразы»: «В Новоорлово Куриловском полку настроение красноармейцев возбужденное. Если в скором времени не будет ликвидирован конфликт, придется иметь дело с несколькими полками. Также замечено брожение в броневых поездах»³. Окончательно утихомирить полк в декабре 1918 г. не удалось, в результате чего волнения продолжились в январе 1919 г. Здесь нужно отметить, что тезис о крестьянском «кулацко-эсеровском» саботаже в современной историографии неоднократно подвергался критике. Очевидно, что недовольство призывников было обусловлено их насильственной мобилизацией в Красную армию, а также нехваткой всего необходимого для участия в боевых действиях⁴.

---

¹ *Кропалев Н. **** // Сборник воспоминаний к четвертой годовщине Рабоче-крестьянской Красной армии. 1918–1922. М., 1922. С. 26.

² РГВА. Ф. 33987. Оп. 2. Д. 8. Л. 62–71.

³ Там же. Ф. 106. Оп. 2. Д. 4. Л. 170.

⁴ *Симонов А.А.* Мятаж полков Николаевской дивизии на Восточном фронте (январь 1919 г.) // Новый исторический вестник. 2009. № 4 (22). С. 15–27.

В официальных документах, в частности в политических сводках, подобная информация приводилась нейтрально. В них, как правило, просто сообщалось о провокаторах из среды мобилизованных крестьян. Их происхождение при этом не указывалось. В сводке по 3-й армии от 21 сентября 1918 г. отмечалось: «Настроение частей из местного крестьянства очень скверное. Контрреволюционный элемент там не глохнет и заражает и других путем агитации. Так, разлагающее влияние их сказывается на Прокофьевском эскадроне и некоторых ротах Алапаевского полка»¹.

В сводке по 3-й армии от 23 сентября 1918 г. приводилась информация о том, что «в частях иногда встречаются провокаторы, распускающие нелепые слухи; в большинстве случаев они из среды мобилизованных»². В сводке по 1-й армии от 17 декабря 1918 г. содержатся сведения об усилившейся работе провокаторов в Саранском полку Пензенской дивизии, состоящем из мобилизованных крестьян одноименного уезда. Там же приводился результат их работы: «Были случаи столкновения комиссаров [и] командиров с красноармейцами. Так, комиссар Ермаченко, принявшийся составлять списки хулиганствующих красноармейцев, чуть не был поднят на штыки. В 1 Саранском полку 60 перебежчиков на сторону белых... Бригадный комиссар опасается перехода Саранского полка к белым»³.

Иногда составители сводок прямо указывали на факт негативного влияния на солдат именно зажиточного крестьянства». Например, в сводке по 3-й армии от 14 декабря 1918 г. сообщалось: «В 5 полку среди пополнения мобилизованных, состоящих из кулацких элементов, велась пропаганда за отказ идти в наступление и даже за переход [к] белым. Против этого приняты все необходимые меры»⁴. Неудивительно, что в некоторых частях солдаты отказывались принимать пополнения из мобилизованных. Например, в политической сводке по 3-й армии от 5 декабря 1918 г. отмечалось, что в объединении множество формирований после многих месяцев непрерывных боев «просят пополнений, и притом не местными мобилизованными, а именно из мест их формирования, например, из Петрограда». Далее в сводке сообщалось, что «вли-

---

¹ Гражданская война на Урале в документах 3-й армии РККА. С. 103.

² Там же. С. 107.

³ РГВА. Ф. 106. Оп. 2. Д. 25. Л. 30–31.

⁴ Там же. Ф. 33987. Оп. 2. Д. 8. Л. 62–71.

тие же в часть местных, качественно гораздо худших пополнений, понизит значение части, по их мнению, как боевой единицы»¹.

Далеко не всегда призывники оказывали подобное воздействие на остальных солдат. Например, во время совещания представителей политических отделов армий Восточного фронта, которое состоялось в Симбирске 21–24 октября 1918 г., заведующий политотделом 1-й армии К.А. Козлов, перечисляя факты недисциплинированного поведения некоторых воинских формирований, отмечал: «Были еще украинско-белорусские части. Центр разложения, но после того как в них влили мобилизованных, части стали много лучше»².

Большое количество информации о намеренном воздействии солдат на сослуживцев с той или иной целью содержится в материалах армейских и дивизионных военно-революционных трибуналов (ВРТ). Например, 8 ноября 1918 г. в Правой группе войск 5-й армии рассматривалось дело красноармейца Старорусского полка В. Григорьева, который агитировал живших с ним солдат «против мероприятий Советской власти». В результате он был исключен из Красной армии, а также приговорен к каторжным работам сроком на 5 лет³. 24 ноября 1918 г. судили красноармейца Я. Хохлова, «обвиняемого в дезертирстве из 2-го Запасного батальона (5-й армии – *Е.Н.*), назначенного к отправлению на фронт». Помимо этого, выяснилось, что он вел агитацию и уговорил совершить данный поступок своих товарищей. В результате он был приговорен к расстрелу⁴. На заседании ВРТ 5-й армии от 29 ноября 1918 г. сообщалось о бойцах, которые самовольно покинули свои части «под влиянием ухода своих товарищей, которые уговаривали их к тому». «В виду того, что красноармейцы, ... пробыв дома 3 дня, хотели вернуться обратно, а в совершенном поступке раскаиваются, ВПС 5-й армии постановил означенных красноармейцев отправить на фронт»⁵.

На следующий день, 30 ноября 1918 г. рассматривалось похожее дело о самовольной отлучке 25 красноармейцев-мусульман, которые, «как несознательный элемент», поддались «влиянию

---

¹ Гражданская война на Урале в документах 3-й армии РККА. С. 218.

² РГВА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 451. Л. 5.

³ Там же. Ф. 185. Оп. 3. Д. 1436. Л. 240.

⁴ Там же. Л. 432.

⁵ Там же. Л. 430 об.

преступной агитации, которая велась в части 1 и 2-го Запасного батальона некоторыми их же товарищами». После того как указанные солдаты чистосердечно признались в своем поступке и раскаялись, трибунал постановил «означенных красноармейцев отправить на фронт с предупреждением, что в случае повторения самовольной отлучки они объявляются врагами трудового народа и приговариваются к расстрелу»¹.

Охарактеризованная выше неоднородность частей и подразделений Красной армии на Восточном фронте также приводила к конфликтам между солдатами. Одной из важнейших причин подобных столкновений являлся различный уровень боеспособности красноармейцев, что приводило к взаимным обвинениям в трусости. При этом довольно часто указанные конфликты носили межнациональный характер. Не секрет, что на начальном этапе Гражданской войны нерусские части и подразделения, воевавшие в составе Красной армии, отличались высоким уровнем боеспособности и дисциплины, в отличие от большинства русских формирований. Поэтому неудивительно, что иностранцы часто неодобрительно высказывались о поведении своих товарищей на поле боя. Например, после неудачного наступления Сызранской группы войск 1-й армии на Сызрань 18–20 июня 1918 г. и последующего отхода ее в тыл, командир 4-го латышского полка Я. Азен объяснял итог операции «отсутствием сил и дезорганизацией русских частей»².

В очередной раз аналогичная претензия была предъявлена стрелками после неудачного наступления Инзенской и Пензенской дивизий 1-й армии на Сызрань в начале июля 1918 г. Тогда, согласно телеграмме командующего Восточным фронтом И.И. Вацетиса комиссару Латышской стрелковой дивизии от 22 июля 1918 г., солдаты 4-го латышского полка заявили, что «они одни дрались, а другие бежали»³. Похожий конфликт возник на Сенгилеевском участке фронта Симбирской группы войск 1-й армии в начале июля 1918 г. Действовавший на данном направлении латышский отряд, согласно политической сводке от 3 июля 1918 г., обвинил остальные части «в изменах и трусости» после отступления последних в тыл без боя⁴. Проявления данного конфликта были на-

---

¹ Там же. Л. 431–431 об.

² Там же. Ф. 1. Оп. 2. Д. 45. Л. 138 – 141.

³ Там же. Ф. 106. Оп. 1. Д. 55. Л. 23.

⁴ Там же. Ф. 157. Оп. 2. Д. 569. Л. 286–287.

столько явными, что перетекли на страницы антибольшевистской прессы. В симбирской газете «Возрождение» приводился следующий эпизод взаимоотношений между 5-м латышским полком и остальными частями в начале августа 1918 г. «Между русскими и латышскими полками раздоры. Под Казанью русские полки отказались наступать, латыши выругали русских и сами также отказались наступать»¹.

Вероятно, подобные казусы случались неоднократно на разных участках фронта, в результате чего иностранцы отказывались принимать участие в боевых действиях без русских сослуживцев, о чем имеется большое количество упоминаний в документах. 14 июня 1918 г. командующий Северо-Урало-Сибирским фронтом Р.И. Берзин в докладе в Высший военный совет следующим образом охарактеризовал обстановку в районе Екатеринбурга: «Настроение интернационалистов, входящих в состав Советских войск таково: что когда русские дерутся, то они тоже бесподобно выполняют все боевые приказы и указания. В том случае, когда русские удирают – то среди них начинается брожение, и они тоже покидают позицию»².

22 июля 1918 г., согласно показаниям члена РВС Восточного фронта Г.И. Благоднарова по делу о падении Симбирска, венгерский отряд также отказался исполнять приказ об отправке в город из Казани, аргументировав это следующим образом: «их слишком мало, что их нужно соединить с мадьярской частью, а так драться они не будут, когда русские драться не собираются»³. Заведующий политотделом 5-й армии И.Д. Чугурин на совещании политработников Восточного фронта, проходившем в Симбирске 21–24 октября 1918 г. также докладывал: «в армии есть китайцы, дерутся хорошо, но если побежит один, то бегут и все, или привстанут в бою и спрашивают: Русь, ты здесь, если увидят, что здесь – успокаиваются»⁴.

Обвинения обратного характера, т.е. со стороны русских в адрес «интернационалистов», также имели место, но представлены не так подробно. Например, в воспоминаниях Ф. Мельнико-

---

¹ Возрождение. Ежедневная Симбирская газета. 1918 г. 24 августа. № 27.

² РГВА. Ф. 1. Оп. 3. Д. 58. Л. 147 об.

³ Там же. Ф. 106. Оп. 7. Д. 9. Л. 8.

⁴ Там же. Ф. 1. Оп. 1. Д. 451. Л. 9.

ва о боевых действиях 2-й армии под Ижевском в августе 1918 г. приведен следующий эпизод взаимоотношений между московскими продовольственными отрядами и мусульманами из отряда А.М. Чеверева: «Нам говорили, что с этими мусульманами ничего нельзя сделать. При первом же выстреле они все до одного разбегутся. Эти замечания нам казались обидными, т.к. наши мусульмане уже себя показали под Дюртюлями. Дело дошло до того, что если бы тов. Чеверев промедлил в Сарапуле еще несколько дней, у нас могло бы выйти вооруженное столкновение с Московским отрядом, против которого наши мусульмане были очень озлоблены. Мы с ними ничего не могли сделать и они говорили нам, что и мы русские тоже такие, как Московский отряд. Одним словом, у нас возникла национальная вражда». Лишь после прибытия А.М. Чеверева и реорганизационных мер в отношении продовольственных подразделений конфликт удалось уладить¹.

Впоследствии похожие столкновения происходили неоднократно. Например, «смешанный национальный состав» 2-го Мусульманского полка 2-й армии стал, по словам командарма В.И. Шорина, высказанным в телеграмме командующему Восточным фронтом С.С. Каменеву, главкому И.И. Вацетису и Л.Д. Троцкому от 26 ноября 1918 г., одной из причин панического бегства под Ижевском во время наступления на город в начале месяца. В.И. Шорин писал, что данный фактор способствовал «несплочению солдат в одну дружную полковую семью, а вселял рознь и недовольство между татарами и русскими». В итоге командарм предложил сформировать 2-й Мусульманский полк².

Подобные конфликты происходили не только на национальной почве. Например, член Высшей военной инспекции В.А. Фейерабенд в докладе о положении на Северо-Урало-Сибирском фронте от 14 июня 1918 г. писал, что отряды рабочих были сильно озлоблены на красноармейские части, которые отступили с позиций около Куштинского завода, в то время как пролетарские подразделения «действительно показали свою энергию и отвагу, нанося

---

¹ Мельников Ф. Отряд Чеверева // Былое Урала: [статьи, воспоминания и др. материалы по истории революционного движения]. Уфа: Истпарт Башобкома РКП, 1924. № 4. С. 126. Данный конфликт впоследствии был пересказан в другой работе о А.М. Чевереве. См.: Кучкин А.П. Чеверев: [жизнь и боевые подвиги красного командира]. М., [1929]. С. 117.

² РГВА. Ф. 106. Оп. 3. Д. 51. Л. 256.

большой урон чехословакам во время их последнего наступления»¹. Указанное недовольство было неслучайным, так как многие рабочие впервые взяли в руки винтовки и, несмотря на это, действовали слаженно, в то время как солдаты должны были иметь боевую выучку для оказания сопротивления противнику.

Обвинения в некомпетентности и даже насмешки звучали со стороны пехотинцев в адрес артиллеристов и технических войск. Например, в докладе о положении на сызранском участке 1-й армии Восточного фронта от 29 июня 1918 г. К.Х. Данишевский писал: «Противник стреляет идеально хорошо, великолепно. Наши артиллеристы по отзыву солдат и командного состава никуда не годятся: снаряды падают по собственной линии, нет полевых телефонистов и опытных наблюдателей. Бронированные поезда хороши, но руководители, например, на поезде имени тов. Ленина без инициативы, трусы и пользуются каждым удобным и неудобным случаем, чтобы отъехать в тыл на вечный ремонт. Считают они себя вполне самостоятельными начальниками, не подчиняются общему высшему командованию, даже присваивают его автомобили и обращаются не в порядке подчиненности, а непосредственно к главному штабу. Все это разлагающе действует на все части, которые с иронией и злостью говорят о тыловых и вечно ремонтирующихся броневиках»².

Однако приблизительно в это же время, т.е. в 20-х числах июня 1918 г., главком М.А. Муравьев высказывал прямо противоположное суждение об указанных войсках. В телеграмме заведующему оперативным отделом Наркомвоена С.И. Аралову он писал, что Красная армия в целом представляет собой «толпу дармоедов и хулиганов, исключение составляют только технические части и артиллерия»³.

Взаимные нападки пехотинцев и артиллеристов продолжились и позднее. В приказе № 22 от 31 июля 1918 г. командующий Восточным фронтом И.И. Вацетис писал, что в последних боях по вине солдатской массы было потеряно много орудий, снарядов и других военных материалов: «Артиллеристы обвиняют пехоту в том, что она рано очистила окопы и отступила и потому не прекращавшие до последнего момента огонь, они, артиллеристы, не

---

¹ Там же. Ф. 1. Оп. 3. Д. 58. Л. 150 об.

² Там же. Оп. 2. Д. 45. Л. 138.

³ Там же. Ф. 106. Оп. 7. Д. 25. Л. 98.

успели вывезти орудия. Пехота же говорит, что артиллерия рано замолчала, не оказала необходимой своевременной поддержки пехоте, почему и отступила пехота. Такого рода взаимные обвинения показывают, что виноваты обе стороны; поэтому и артиллерия и пехота должны нести одинаковую ответственность за потерю орудий в бою».

С целью сплочения пехотинцев и артиллеристов И.И. Вацетис приказал «немедленно распределить легкую артиллерию по полкам», чтобы части вместе с орудиями составляли одну неделимую тактическую единицу¹. О результативности указанной меры командующий Восточным фронтом сообщал 4 августа 1918 г. в докладной записке в Высший военный совет: «В армиях Восточного фронта я приказал распределить все батареи по полкам. Последние бои дают желательный результат. Есть случаи, что вывозили из боя даже испорченные орудия. Перестали бросать зря снаряды»².

Довольно напряженные отношения между разными группами солдат происходили во время отправки частей на фронт, когда некоторые бойцы отказывались участвовать в боевых действиях, приводя необычные аргументы в пользу того, чтобы самим остаться в тылу, а другим формированиям отправиться на передовую вместо них. Например, в цитированной выше заметке из газеты «Возрождение» о положении под Казанью в начале августа 1918 г. отмечалось, что «один матрос выругал Троцкого площадной бранью за то, что он призвал их к стойкой борьбе, а не красноармейскую сволочь»³. Видимо, по мнению храбрых моряков, они заслужили своей предшествующей деятельностью почетный отдых, в то время как рядовые солдаты должны были защищать советскую власть.

Похожий случай произошел в 3-й армии. Согласно политической сводке от 12 сентября 1918 г., «при отправлении из Кунгура 5 роты на фронт красноармейцы выражали недовольство тем, что отправляют именно их, а не отряды коммунистов. Их успокоили, было дано исчерпывающее объяснение...»⁴. Очевидно, что в пред-

---

¹ Гражданская война. Ежедневная Армейская и Рабоче-Крестьянская газета. 1918 г. 3 августа (21 июля). № 16.

² Главнокомандующий всеми вооруженными силами республики И.И. Вацетис. Сборник документов. Рига, 1978. С. 58.

³ Возрождение. Ежедневная Симбирская газета. 1918 г. 24 августа. № 27.

⁴ РГВА. Ф. 1. Оп. 2. Д. 218. Л. 320.

ставлении рядовой солдатской массы первыми за молодое социалистическое государство должны бороться, прежде всего, члены правящей партии, а не рядовые бойцы.

Усталость от боевых действий также являлась важным фактором возникновения раскола в воинских частях. Не случайно красноармейцы без каких-либо возражений слушались своих товарищей, которые успешно подговаривали их отступить в тыл, сбежать из воинской части или перейти на сторону противника. Однако зачастую они сталкивались с более сознательной группой солдат, которая настаивала на продолжении участия в сражениях с противником. Согласно политической сводке по 3-й армии от 21 сентября 1918 г. на этой почве в некоторых полках объединения произошло «раздвоение». Из-за прибытия в расположение армии вышедших из окружения отрядов В.К. Блюхера одна часть находившейся по соседству дивизии сильно обрадовалась этому событию, рассчитывая на отдых, ввиду появления якобы свежих воинских формирований, которые и пойдут в наступление на противника. Однако другая часть соединения, как сообщалось в документе, «стыдится своего малодушия, плюет на трусов и хочет идти совместно с отрядами т. Блюхера в наступление»¹.

Похожая ситуация произошла на Егоршинском направлении 3-й армии, о чем рассказывалось в сводке от 24 сентября 1918 г. Комиссары сообщали: «Настроение частей, состоящих из крестьян, очень скверное, удрученное. Контрреволюционный элемент не глохнет и заражает своей агитацией ненадежные части Красной армии, вследствие чего в этих частях замечается теперь резкое раздвоение – одна за отдых, другая за наступление»².

Разный уровень обеспечения войск всем необходимым для ведения боевых действий также являлся своеобразным камнем преткновения между красноармейцами. Например, имели место разногласия между фронтовиками и тыловиками. В политической сводке от 26 сентября 1918 г. по 3-й армии обращалось внимание на жалобы солдат 2-го Красноуфимского полка, стоящего на позициях, «что у них ничего нет, тогда как резерв полка имеет махорку и даже папиросы и т.д.»³ А.П. Кучкин в воспоминаниях о А. Чеверёве приводил интересный эпизод встречи его солдат с бойцами от-

---

¹ Гражданская война на Урале в документах 3-й армии РККА. С. 103.

² РГВА. Ф. 33987. Оп. 2. Д. 7. Л. 163.

³ Гражданская война на Урале в документах 3-й армии РККА. С. 111.

ряда В.М. Азина во 2-й армии осенью 1918 г.: «Из вагонов выпрыгивали одетые по форме красноармейцы. Они резко отличались от чеверевцев. Чеверевцы перед азинцами были какие-то бродяжки, голодранцы, одетые кто во что горазд. На их одежде – заплатка на заплатке. На ногах – что чорт послал. На азинцах же чистенькое, новенькое обмундирование и обувь.

– Вишь, как их обмундировали. Видно – маменькины сынки. А мы – пасынки, – с завистью говорили чеверевцы». Однако встречались и позитивные отклики:

«– Теперь и нас так же обмундируют, – будь спокоен.

– Дождались и мы, наконец, подмоги. Дело пойдет. Не тужи, робя, все будет и у нас». В итоге солдаты нашли между собой общий язык¹.

Несмотря на то, что взаимоотношения подобного плана, как правило, происходили на словесном уровне, в некоторых случаях солдаты прибегали к активным действиям или брались за винтовки. Нередко солдаты, вероятно по собственной инициативе, применяли оружие для оказания воздействия на своих трусливых товарищей. Например, в телеграмме начальника штаба снабжения войск 1-й армии Д.И. Архангельского Л.Д. Троцкому от 13 июля 1918 г., где сообщалось о неудачном завершении наступления Инзенской и Пензенской дивизий на Сызрань, приводились следующие сведения: «В Сызрани произошло вот что: вступившие отряды, особенно некоторые из красногвардейцев, вели себя недостаточно прилично. Этим воспользовались белогвардейцы и ударили на наших, чтобы остановить бегущих, стреляли в своих, произошло, таким образом, замешательство, это окончательно заставило покинуть [город]»².

Согласно политической сводке по 3-й армии от 10 октября 1918 г., действовавший на Кунгурском направлении Пермский полк, укомплектованный, кстати, мобилизованными крестьянами, «пытался перейти на сторону врага и сдаться в плен. За эту попытку измены солдаты т. Блюхера обстреляли полк пулеметным огнем и из орудий. Часть его разбежалась и перешла к врагу, часть уничтожена. Осталось всего 100 человек, но вполне надежных. Офицерский состав полка, исключая его командира, весь перешел к врагу. Военком полка, вероятно, погиб. Причина измены – неу-

---

¹ Кучкин А.П. Указ. соч. С. 150 – 151.

² РГВА. Ф. 1. Оп. 2. Д. 44. Л. 96.

стойчивое настроение малосознательных крестьян, составляющих полк, удачно использованное белогвардейскими элементами, руководимыми составом полка из бывших офицеров»¹.

В политической сводке по 3-й армии от 3 декабря 1918 г. также сообщалось, что на Кунгурско-Красноуфимском направлении в одном из полков «был случай отказа выступить на позиции, зачинщики пытались не пропустить верных долгу красноармейцев, пятеро из них арестовано, остальные выясняются»². Вероятно, именно об этой части в сводке от 9 декабря 1918 г. сообщалась дополнительная информация: «КУНГУРСКОЕ направление. N* полк является одним из худших и представляет из себя рыхлую смесь добровольцев и мобилизованных, среди последних много, несомненно, темного дезорганизаторского элемента, ведущего разрушительную работу, особенно в момент выступления: они нейдут, останавливают других, устраивают панику. Много в полку плохо обученных красногвардейцев, дисциплина потому тоже невысока»³.

И вновь в качестве несознательного элемента выступали призванные крестьяне. В политической сводке по Пензенской дивизии 1-й армии от 23 декабря 1918 г. также сообщалось: «В некоторых полках был открыт огонь по едущим на фронт. Вторая бригада двинулась целиком на фронт. Часть Петроградского полка, оставшись в Шахове, пыталась остановить Смоленский полк, агитируя против выступления на позиции. Однако Смоленский полк выступил. Во главе части солдат Якунин, выдающийся наиболее контрреволюционным взглядом. Политком бригады товарищ Сидоров, пытавшийся уговорить несознательных красноармейцев, был обстрелян. Принимаются решительные меры»⁴.

Военное руководство прекрасно осознавало неблагоприятное влияние недисциплинированных и деморализованных солдат на своих сослуживцев, а также наличие подобных расколов между воинскими частями. Поэтому на протяжении второй половины 1918 г. командование всех звеньев организационной структуры Красной армии (центр – фронт – армия – дивизия – полк) публиковало приказы о так называемой фильтрации, или чистке воинских формирований от указанного элемента, состав которого лучше

---

¹ Гражданская война на Урале в документах 3-й армии РККА. С. 133.

² РГВА. Ф. 106. Оп. 2. Д. 23. Л. 119–119 а.

³ Гражданская война на Урале в документах 3-й армии РККА. С. 228.

⁴ РГВА. Ф. 106. Оп. 2. Д. 24. Л. 76–77.

всего описал неоднократно цитировавшийся выше К.Х. Данишевский в докладе от 29 июня 1918 г. – труссы, дезорганизаторы, ослушники, грабители, пьяницы¹. Все предшествующие и последующие документы, как правило, содержат похожие формулировки.

Существовало несколько способов проведения фильтрации. Традиционно под этим термином понималось простое, зачастую добровольное, удаление перечисленных выше солдат из воинского формирования. Например, в конце августа 1918 г. для батальона В.М. Азина 2-й армии прибыли пополнения в лице Бирского и Сарапульского отрядов. Один из участников событий приводил следующий эпизод первой встречи командира подразделения с новобранцами:

«Кто желает воевать с чехословаками и белыми дальше – становись направо! – раздалась его команда.

Многие удивленно переглянулись: встреча получалась странной. Но большинство сразу перешло направо. Под конец на месте осталось человек 15–20. Командир обратился к ним:

Воевать вы не хотите, поэтому сдайте оружие и можете отправляться домой. Счастливого вам пути².

Довольно часто фильтрация сопровождалась другими организационными мероприятиями. Например, командующий Северо-Урало-Сибирским фронтом Р.И. Берзин вспоминал, что строгая чистка Пермского отряда, помимо собственно отчисления неугодных красноармейцев, заключалась в следующем: «были влиты боевики, сменены начальники и, благодаря этому, дух его значительно поднялся»³. Фильтрацию отступившего в тыл Западного Чехословацкого фронта Казанского отряда, согласно телеграмме председателя Высшей военной инспекции Н.И. Подвойского от 11 июня 1918 г., предполагалось сопровождать разбивкой подразделения на роты и батальоны, а также введением внутреннего военного режима и обязательного обучения⁴. Аналогичным образом в конце июля 1918 г. происходила чистка Украина-Белорусского полка Инзенской дивизии 1-й армии, чему был посвящен отдельный документ, который необходимо привести полностью. В при-

---

¹ Там же. Ф. 1. Оп. 2. Д. 45. Л. 138–141.

² Владимир Азин. [1895-1920]: [Очерк о командире 28-й стрелковой дивизии]. Ижевск, 1958. С. 15–16.

³ Берзин Р.И. Строительство Красной армии на Урале // Рабочая революция на Урале: Эпизоды и факты. Екатеринбург, 1921. С. 108.

⁴ РГВА. Ф. 1. Оп. 4. Д. 41. Л. 223.

казании по соединению № 3 от 28 июля 1918 г. сообщалось: «Приказываю временно командующему 1-м Украинно-Белорусским полком представить к 20-ти часам сего числа списки на всех солдат полка, которые пожелают подчиняться требованиям революционной дисциплины и своими поступками и речами подрывают основу ее в полку. Остальных людей полка немедленно перевезти на разъезд Должниково, где временно командующему полком тотчас же по прибытии приступить к формированию рот и команд, кладя в основу сего формирования разумные начала подчиненности с соблюдением революционной дисциплины. Временно командующему полком сегодня же выяснить количество недостающих ему лиц командного состава и срочно мне донести.

По производстве формирования срочно заняться созданием организаций, контролирующих внутреннюю жизнь в полку и являющихся нравственным оплотом части.

В случае если встретится надобность, то производить занятия по усмотрению временно командующего полка.

Все, осмелившиеся **ОСЛУШАТЬСЯ** сего приказа будут мною преданы суду ВРТ, как изменники народу и Советской **РЕСПУБЛИКЕ**.

Временно командующему полком всех подобного рода лиц немедленно **АРЕСТОВЫВАТЬ** и предавать с препроводительным протоколом в **ПОЛЕВОЙ ШТАБ 1-й армии**»¹.

Помимо удаления из Красной армии некоторые комиссары и представители командного состава предлагали также наказывать указанных солдат. Об этом, например, писал в докладе К.Х. Данишевский². Казанский губвоенком в приказе № 74 от 10 июля 1918 г., где сообщалось об исключении из вооруженных сил «негодного элемента», потребовал публикации фамилий данных красноармейцев в газетах, видимо с целью избегания их повторной записи в части и подразделения³. Аналогичные списки помещались и в других периодических изданиях⁴.

---

¹ Там же. Ф. 157. Оп. 3. Д. 50. Л. 30.

² Там же. Ф. 1. Оп. 2. Д. 45. Л. 138–141.

³ Первый год пролетарской диктатуры в Татарии. Сборник документов и материалов по истории парторганизации и гражданской войны в 1918 г. Казань, 1933. С. 337.

⁴ Известия Саратовского совета рабочих, крестьянских, красноармейских и казачьих депутатов и районного исполнительного комитета. 1918 г. 5 июля. № 132.

Однако в некоторых случаях командование или комиссары допускали возможность перевоспитания непутевых красноармейцев. Вероятно, это было обусловлено тем, что во многих частях количество недисциплинированных солдат было достаточно большим. Исключать подобную массу бойцов из армии было бы нелогично. Хотя подобные случаи на первых порах происходили. Например, в 20-х числах июня 1918 г. командующий Восточным фронтом М.А. Муравьев в докладе заведующему оперативным отделом Наркомвоена С.И. Аралову писал, что «здоровая часть Смоленского полка – около 200 человек»¹. Однако по состоянию на 11 июня 1918 г. численность личного состава полка составляла 813 штыков². Даже с учетом вероятных потерь в виде дезертиров, убитых, раненых и т.д., 200 человек из 800 – это крайне незначительная часть. Поэтому неудивительно, что руководство отказывалось от поголовной фильтрации. Например, политический комиссар 1-й армии О.Ю. Калнин вспоминал, что в августе 1918 г. «отряды, которые были настроены анархически, мы выделили, разбивали на части и расформировывали по другим частям, более или менее настроенным в защиту рабоче-крестьянской России...»³. Аналогичным образом поступали и в других армейских объединениях. Так, в политической сводке по 5-й армии от 19 августа 1918 г. сообщалось, что среди солдат 1-го и 3-го батальонов Брянского полка были распространены грабежи и карточная игра. «То и другое устраняется разъяснениями, усвоениями (так в документе – *Е.Н.*) сознательными товарищами и энергичными действиями командного состава, который наполовину состоит из коммунистов»⁴.

В 1-й армии, согласно репортажу сотрудника газеты «Известия ВЦИК», «сами красноармейцы взяли в узду железной дисциплины своих наиболее испорченных товарищей, или даже вовсе выбросили их из своих рядов»⁵. В политической сводке по 4-й армии от 13 сентября 1918 г. также сообщалось, что прибывшие в Николаевскую дивизию из Саратова пополнения «представляют из себя пьяную банду, могущую быть разлагающим примером [для] хоро-

---

¹ РГВА. Ф. 1. Оп. 3. Д. 58. Л. 17–18 об.

² Там же. Ф. 151. Оп. 1. Д. 1. Л. 11.

³ *Калнин О.Ю.* Борьба на Восточном фронте // Годовщина Первой революционной армии. М., 1920. С. 72.

⁴ РГВА. Ф. 33987. Оп. 2. Д. 7. Л. 38–39.

⁵ Известия ВЦИК. 1918 г. 31 августа. № 187 (451).

ших частей своими позорными действиями как то картежная игра, мародерство и пр.» Поэтому было принято решение указанные подразделения «расформировать и влить в дисциплинированные части и с хулиганами, мародерами, идущими в разрез революционной дисциплины принимать решительные меры и бороться беспощадно»¹.

Результативность подобных мероприятий была достаточно высокой. Например, в телеграмме командующего Западным Чехословацким фронтом А.Ф. Мясникова С.И. Аралову и Л.Д. Троцкому от 12 июня 1918 г. сообщалось: «Настроение войск после самовольного ухода разложившихся частей и их руководителей Попова и Салонина крепнет»². В разговоре с Н.И. Подвойским от 19 июня 1918 г. председатель Самарского ревкома В.В. Куйбышев следующим образом докладывал о Казанском отряде, который отступил в Казань с Сызранского участка Западного Чехословацкого фронта. Он говорил, что отряд «разделился на две части: первая, которая явилась и участвовала в аресте штаба Фролова, отвратительно себя вела и теперь разбежалась, а оставшийся казанский отряд путем агитационных мер удалось наладить и вызвать в нем энтузиазм и реши[мость] действовать»³.

Фильтрация М.А. Муравьевым в 20-х числах июня 1918 г. некоторых частей, отступивших из Сызрани в Пензу, в частности упомянутого выше Смоленского полка, также позволила ему отправить их обратно на фронт⁴. Выступление на боевые позиции 4-го латышского полка, о поведении которого 20–22 июля 1918 г. говорилось ранее, также произошло лишь после указанных мероприятий, о чем свидетельствует доклад И.И. Вацетиса в Высший военный совет и Наркомвоен от 25 июля 1918 г. В нем сообщалось, что полк отправился на фронт только после проведенной в нем чистки от «негодного элемента»⁵, на которой ранее настаивали Л.Д. Троцкий⁶, а также сам И.И. Вацетис в телеграмме от 22 июля

---

¹ РГВА. Ф. 1. Оп. 2. Д. 218. Л. 318.

² РГВА. Ф. 106. Оп. 7. Д. 4. Л. 38.

³ Чешско-Словацкий (Чехословацкий) корпус. 1914–1920. Документы и материалы: в 2 томах. М., 2018. Т. 2. С. 272.

⁴ РГВА. Ф. 106. Оп. 7. Д. 25. Л. 94.

⁵ Директивы командования фронтов Красной Армии (1917–1922): в 4 т. М., 1971. Т. 1. С. 406.

⁶ РГВА. Ф. 1. Оп. 3. Д. 42. Л. 202–202 об.

1918 г., направленной комиссару Латышской дивизии¹. В донесении командующего правой группой войск 2-й армии В.М. Азина от 2 сентября 1918 г. о фильтрации войск также сообщалось: «Отряды реорганизованные подают хорошую надежду»².

Серьезную поддержку армейскому командованию оказывала солдатская масса, сознательная часть которой, согласно формуле торжественного обещания воинов РККА, принятой 22 апреля 1918 г., должна была бороться с «негодными» элементами. В документе помимо прочего говорилось: «Я обязуюсь воздерживаться сам и удерживать товарищей от всяких поступков, порочащих и унижающих достоинство гражданина Советской Республики, и все свои действия и мысли направлять к великой цели освобождения всех трудящихся»³.

Очевидно, что рядовым красноармейцам было намного проще выявлять подобных сослуживцев, относительно которых принимались решения об их удалении из воинских формирований. Например, 11 июня 1918 г. собрание гарнизона г. Казани постановило переформировать сбежавший с фронта отряд и снова добровольно отправиться на передовые позиции: «Кто не пожелает поехать вместе с товарищами выручать свободу, тому нет места в рядах 2 отряда 1 добровольческого полка»⁴. В цитированном выше докладе В.А. Фейерабенда о положении на Северо-Урало-Сибирском фронте от 14 июня 1918 г. сообщалось, что часть 7-го Приуральского полка была «сильно возмущена» поведением своих сослуживцев, которые потребовали отправки в тыл. В результате они приняли решение об удалении «этой сволочи из состава 7-го Приуральского полка, как дезорганизаторов и предателей священного дела революции и после этого беспрекословно отправились на фронт в сторожевое охранение»⁵.

Войска 3-й армии, действовавшие на Осинском направлении, согласно сводке от 30 октября 1918 г., также решили расформировать одну из рот, состоящую из мобилизованных, которая просилась на отдых, вызвав возмущение красноармейцев⁶. Аналогичные

---

¹ Там же. Ф. 106. Оп. 1. Д. 55. Л. 23.

² 2 армия в боях за освобождение Прикамья и Приуралья. 1918–1919. Документы. Устинов, 1987. С. 50.

³ Декреты Советской власти: в 18 т. М., 1959. Т. 2. С. 157.

⁴ Первый год пролетарской диктатуры в Татарии. С. 340–341.

⁵ РГВА. Ф. 1. Оп. 3. Д. 58. Л. 150.

⁶ Гражданская война на Урале в документах 3-й армии РККА. С. 174.

постановления принимались солдатами Николаевской дивизии 4-й армии 5 ноября 1918 г.¹

Большое распространение среди солдат получили общие собрания частей и подразделений, а также выборные товарищеские суды, на которых рассматривались дела о грабежах, пьянстве и мародерстве. Например, на общем заседании представителей Сызранской группы войск Западного Чехословацкого фронта от 10 июня 1918 г. было принято следующее решение по отношению к солдатам, которые «не почтительно относятся к населению, производят выстрелы из винтовок и револьверов»: «Самочинные реквизиции, обыски и грабежи прекратить и за все взятые продукты жителям уплачивать, сколько таковые стоят»².

Очевидно, что для деморализованной массы подобные призывы абсолютно ничего не стоили, поэтому красноармейцы в подавляющем большинстве случаев действовали более решительно. Первое, за что солдаты наказывали своих сослуживцев, являлось пьянство, которое вкупе с другими деяниями, например, избивание людей и угрозы, каралось расстрелом. Именно такой приговор был вынесен постановлением товарищеского суда одной из частей Северо-Урало-Сибирского фронта в конце июня 1918 г.³ Аналогичная мера довольно часто применялась к грабителям. Согласно воспоминаниям врача Сенгилеевского сводного отряда Симбирской группы войск 1-й армии Д. Самарского, в конце июня 1918 г. за грабежи жителей села Новодевичье солдатами Казанского отряда моряков один из зачинщиков был расстрелян на месте «испытанными партизанами», а остальные под конвоем были направлены в штаб.

Показателен и другой случай, который произошел приблизительно в это же время: «у одного восьмидесятилетнего бедняка были отобраны последние сбережения: 30 руб. медяками и серебром, при этом ему были нанесены побои. Узнав об этом случае, н-к отряда не только вернул ему его деньги, но и вознаградил его 100 рублями. Седой, как лунь, дряхлый крестьянин со слезами благодарил. Грабитель был выведен в деревню и расстрелян при всех»⁴.

---

¹ Легендарный начдив: Сборник документов. Чебоксары, 1986. С. 105.

² РГВА. Ф. 151. Оп. 1. Д. 1. Л. 16.

³ Там же. Ф. 1. Оп. 2. Д. 45. Л. 20.

⁴ *Самарский Д.* Партизаны Волги // Годовщина Первой революционной армии. М., 1920. С. 118.

23 июля 1918 г. приказами Народного комиссариата по военным делам фронтовые полковые (отрядные) местные суды и ротные товарищеские суды приобрели официальный статус, а также получили разработанные положения. Например, фронтовые полковые (отрядные) местные суды должны были решать «все уголовные дела, по которым обвиняемому угрожает наказание не свыше 5 лет лишения свободы». Более подробно регламентировалась деятельность ротных товарищеских судов. В соответствующем положении сообщалось: «Незначительные проступки против воинского порядка, воинского долга и товарищества рассматриваются ротными товарищескими судами», ведению которых подлежали дела о неисполнении приказаний командиров, о проматывании и умышленной порче военного имущества, об оскорблении товарищей, о пьянстве, азартных играх, «предосудительном поведении», опоздании из отпуска, самовольных отлучках и других «маловажных проступках».

Предполагались следующие наказания – выговор, лишение отпуска на срок не меньше месяца, денежное взыскание не свыше 300 рублей, присуждение к обязательным работам в части вне очереди или к несению нарядов вне очереди не свыше 15 суток. Дела, выходящие за пределы компетенций ротных товарищеских судов, передавались либо в полковые (отрядные) суды, либо в военно-революционные трибуналы¹. Таким образом, выборные солдатские судебные органы не имели права выносить смертные приговоры, а также приводить их в исполнение.

Однако, согласно многочисленным свидетельствам мемуарного характера, бойцы продолжали достаточно жестко расправляться с преступниками, как в рамках работы товарищеских судов, так и вне их. Например, в августе 1918 г. во время рейда по тылам противника партизанской армии под руководством братьев Кашириных и В.К. Блюхера несколько красногвардейцев разорили колоды с пчелами, за что по решению товарищеского суда они были расстреляны². После захвата Симбирска 12 сентября 1918 г. Симбирской дивизией 1-й армии «сами товарищи красноармейцы жестоко расправлялись с теми, кто грабежом и насилием позорил

---

¹ Собрание узаконений и распоряжений Правительства. 1917–1918. М., 1942. С. 736–739.

² *Халидов М.* Воспоминания партизана // За советы: (Странички из гражд. войны в Башкирии). Уфа, 1936. С. 50.

честь Красной Армии»¹. Аналогичные случаи происходили зимой 1918 г., на что имеются указания в источниках².

Тем не менее, июльская регламентация работы товарищеских судов постепенно приносила свои плоды, о чем свидетельствуют многочисленные политические сводки по Восточному фронту, составленные осенью – зимой 1918 г. о создании данных органов и их работе³. В декабре 1918 г. в одном из номеров ежедневной военной газеты «Красная армия» было приведено постановление красноармейцев 6-й роты Красноуфимского полка 3-й армии, в котором приводился список возможных преступлений и наказаний для солдат, привлекаемых к товарищескому суду: «2) Замеченный в азартных играх в первый раз получает строгий выговор, второй раз половина денег отбирается и в третий раз – отбираются все деньги.

Примечание. Отобранные деньги поступают на устройство библиотеки.

3) За каждый бесцельный выстрел, а также за потерю патронов красноармеец платит 5 рублей – в пользу литературы полкового комитета РКП. К этому постановлению присоединилась фракция коммунистов»⁴.

Не менее важную роль продолжали играть общие собрания частей и подразделений, на которых также зачастую выносились постановления об ужесточении дисциплины. В политической сводке по 3-й армии от 10 ноября 1918 г. сообщалось о положении в войсках, действующих на Красноуфимском направлении: «Дисциплина среди красноармейцев заметно крепнет, азартные игры, пьянство и мародерство прекращаются. В N полку эскадронное собрание вынесло постановление об удалении из полка всех женщин и строгой дисциплине. Во многих частях красноармейцы карают сами штрафом в пользу ротных библиотек за пьянство и напрасную трату патронов»⁵.

---

¹ Боевой путь первой революционной армии Восточного и Туркестанского фронтов. Июнь 1918 – Февраль 1921 гг.: Сборник документов и материалов. Ашхабад, 1972. С. 79.

² *Кирюхин Н.И.* Из дневника военного комиссара. Гражданская война 1918–1919 гг. М., 1928. С. 30 – 31.

³ РГВА. Ф. 1. Оп. 2. Д. 218. Л. 34; Там же. Ф. 106. Оп. 2. Д. 25. Л. 37–37 об.; Там же. Ф. 33987. Оп. 2. Д. 6. Л. 39 – 40, 54, 76 – 78; Там же. Оп. 3. Д. 8. Л. 50. и т.д.

⁴ Красная армия. Ежедневная военная газета. 1918 г. 5 декабря. № 80.

⁵ Гражданская война на Урале в документах 3-й армии РККА. С. 182.

По словам современников и исследователей, подобные показательные разбирательства носили воспитательный характер. Например, цитированный выше Д. Самарский писал о Сенгилеевском сводном отряде Симбирской группы войск 1-й армии: «Т. Гая (имеется в виду командир подразделения Г.Д. Гай – *Е.Н.*) и его штаб начали беспощадную борьбу с грабителями и с падением дисциплины, в чем им деятельно помогали сознательные товарищи. Постепенно удалось наладить революционный порядок и внушить партизанам, что для блага дела, которому они служат, необходимо добровольное и неуклонное подчинение приказам начальников, а также доброжелательное отношение к населению, которое не должно видеть в красногвардейцах свирепых разбойников и грабителей, а своих защитников и братьев. Сознательным товарищам это внушать было излишне – малосознательные убедились, что в случае бесчинств с ними шутить не будут»¹.

Историк И.Ф. Плотников, который занимался изучением Уральской партизанской армии В.К. Блюхера, сообщал: «Например, в Белорецком полку проступки бойцов выносились на обсуждение общих собраний личного состава. Оценка действий того или иного нарушителя, данная своими товарищами в присутствии сотен людей, была необычайно действенной. Она заставляла бойца, нарушавшего революционную дисциплину, посмотреть на свое поведение взглядом своих товарищей, понять, что он позорит не только себя, но и огромную массу честных людей, всю партизанскую армию»².

Солдатская масса довольно часто очень ревностно относилась к существованию других судебных органов, в частности ВРТ. Поэтому в некоторых случаях красноармейцы настаивали на том, чтобы дела, которые рассматривались трибуналами, поступали в товарищеские суды или просто требовали провинившихся бойцов для самостоятельной расправы. Политический комиссар 1-й армии О.Ю. Калнин вспоминал, что в августе 1918 г. членам ВРТ приходилось выслушивать упреки от сознательных солдат: «Были моменты, когда от нас, политических сотрудников, при помощи угроз пытались требовать выдачу грабителей и пьяниц ...»³.

---

¹ Самарский Д. Указ. соч. С. 118–119.

² Плотников И.Ф. Героическая эпопея Уральской партизанской армии Блюхера. Уфа, 1986. С. 239.

³ Калнин О.Ю. Указ. соч. С. 74.

Подобный случай привел в своем дневнике комиссар 1-го Симбирского полка Симбирской дивизии 1-й армии Н.И. Кирюхин. 7 ноября 1918 г. в с. Троицком красноармейцами 1-го батальона Нигаматуллиным и Симоновым был ограблен кооператив союза инвалидов. В результате оба были приговорены к расстрелу. Однако, спустя несколько дней, 10 ноября 1918 г., к комиссарам прибыла делегация солдат роты, которая «просила отпустить на поруки Симонова, который до сего не был ни в чем замечен, и которого они вызывались сами проучить» путем порки. Примечательно, что главного обвиняемого Нигаматуллина красноармейцы роты также вызывались расстрелять самостоятельно¹.

Армейское командование прекрасно понимало позитивный потенциал фильтрационной способности солдатской массы, поэтому всячески его использовало. Например, командующий Северо-Урало-Сибирский фронтом Р.И. Берзин в приказе от 27 июня 1918 г. писал: «Приветствуем те красноармейские части, которые сами через организованные товарищеские суды устраняют из своей среды негодяев, недостойных высокого звания солдата Рабоче-Крестьянской Красной армии, сами восстанавливают железную сознательную дисциплину»². Проведение чистки в Верхнеуральском отряде И.Д. Каширина согласно приказу от 11 августа 1918 г. также необходимо было проводить «при помощи самих же товарищей красноармейцев, дабы совершенно неспособные к строю, малодушные и небрежно относящиеся к делу не позорили полка, батареи»³. В политической сводке по 3-й армии от 27 сентября 1918 г., где комиссары выказывали озабоченность крайне неблагоприятным положением в войсках, где было сосредоточено большое количество подобных элементов, негативным образом влиявших на остальных солдат, предлагался следующий способ решения данной проблемы: «Крайне необходимо, поэтому, иметь в каждой роте среди красноармейцев ответственных товарищей хотя бы одного или двух, чтобы те указывали на такие неподходящие элементы для их негласного удаления потом из части»⁴.

---

¹ Кирюхин Н.И. Указ. соч. С. 23–24.

² РГВА. Ф. 1. Оп. 2. Д. 45. Л. 20.

³ Гражданская война на Южном Урале. 1918–1919: Сборник документов и материалов. Челябинск, 1962. С. 130.

⁴ Гражданская война на Урале в документах 3-й армии РККА. С. 113–114.

Инструкция о том, как действовать солдатам в подобных случаях, была опубликована в газете «Голос бедноты», официальном органе политического отдела штаба особых отрядов 3-й армии. В документе сообщалось о том, что «международные враги революции» пытаются разложить Красную армию путем подкупа некоторых лиц. Для борьбы с данными личностями необходимо было выполнять следующие действия: «Каждый товарищ в своих рядах должен наблюдать за теми товарищами, которые нарушают долг красного солдата, каждый сознательный товарищ должен рассказать несознательному цель его назначения и напомнить о товарищеской дисциплине»¹.

Отметим, что солдатская масса тщательно следовала подобной инструкции. Например, в политической сводке по 5-й армии от 14 сентября 1918 г. сообщалось, что на общем собрании красноармейцев 1-й роты Владимирского полка Правобережной группы была принята резолюция, «клеящая позором тех лиц, которые занимались грабежом при занятии набережных Моркваш Салаты. Требуют самых суровых мер по отношению к грабителям»². Несмотря на то, что подобный случай крайне напоминал работу товарищеского суда, таковым он не являлся, так как для наказания виновных солдаты апеллировали к вышестоящей инстанции.

Однако далеко не всегда и не везде армейское командование и солдатская масса столь успешно боролись с грабителями, мародерами, пьяницами и дезертирами. В некоторых случаях перечисленные группы красноармейцев довольно безразлично реагировали на проведение фильтрации. Например, в разговоре начальника штаба Западного Чехословацкого фронта И.А. Войтыны и командира Сызранской группы войск А. Маршина от 8 июня 1918 г. последний сообщал, что «весь вредный элемент совершенно и безболезненно из-за Волги удален. Большинство не проявляло никакого сопротивления. Целиком остались отряды Попова, латышский полк и отряды Пятницкого. Эксцессов никаких не было ...»³.

Тем не менее, довольно часто солдаты попросту не имели возможности реализовать указанные меры. Достаточно привести ха-

---

¹ Голос бедноты. Орган Политического отдела штаба особ. отряда № армии и Осинского Уездного Исполкома Советов крестьянских, рабочих и армейских депутатов. 1918 г. 7 ноября. № 6.

² РГВА. Ф. 1. Оп. 2. Д. 218. Л. 202.

³ Там же. Ф. 106. Оп. 7. Д. 54. Л. 20–20 об.

рактистику обстановки в таких формированиях, чтобы понять сложившуюся ситуацию. Например, О.Ю. Калнин, анализируя части и подразделения 1-й армии летом 1918 г., писал: «За глазами командира отряда и его помощников делалось все – как разгул, пьянство, грабеж, бегство во время боя. Сознательные красноармейцы в таких отрядах были мучениками. Даже в отрядах, в которых были организованы ячейки коммунистов, стояло дело не лучше»¹.

Аналогичным образом Д. Самарский характеризовал Казанский отряд моряков, действующий на Сенгилеевском участке фронта 1-й армии летом 1918 г.: «Дисциплина совершенно отсутствовала ... Правда, были среди них и такие [солдаты], которые мужественно сражались в передовых рядах и горели искренним желанием прогнать белогвардейские банды и установить во всей России царство трудящихся – рабочих и крестьян. Но это меньшинство; некоторые из них еще по сию пору совершают на нашем фронте чудеса геройства и самопожертвования, но в то время они терялись в толпе крикунов и буянов»².

Неудивительно, что солдаты в подобных условиях обращались за помощью к комиссарам и командованию. Например, в телеграмме политического работника Петухова в политотдел Восточного фронта от 14 июля 1918 г., где сообщалось о положении на симбирском фронте 1-й армии, отмечалось следующее: «Фронтные части требуют чистки»³. Однако даже руководство при поддержке сознательной части красноармейцев в некоторых случаях не могли или не желали справиться с разлагающим воздействием других военнослужащих.

Примечательный случай произошел в середине июля 1918 г. в команде бронепоезда № 4 «Свобода или смерть», которым руководил матрос А.В. Полупанов. Подразделение действовало в составе 1-й армии по железнодорожной ветке бугульминского направления. Согласно воспоминаниям Н. Гимельштейна, после антибольшевистского выступления командующего Восточным фронтом М.А. Муравьева в Симбирске 10–11 июля 1918 г., в команде сформировалась группа солдат, возглавляемая бомбардиром-наводчиком Морозовым, которая выступила за оставление позиций и возвращение в тыл. Кроме того, красноармейцы стали промышлять

---

¹ Калнин О.Ю. Указ. соч. С. 72.

² Самарский Д. Указ. соч. С. 108.

³ РГВА. Ф. 106. Оп. 7. Д. 20. Л. 59.

грабежами среди населения. «Штаб бронепоезда решил было расстрелять Морозова и его подручных. Но тут оказалось, что значительная часть команды подверглась разложению и идет за Морозовым. Арест и расстрел Морозова и его сообщников повлекли бы за собой столкновение между двумя частями команды. Надо было действовать убеждением и осторожно». Однако даже после всеобщего митинга и принятия постановления о борьбе с грабежами, арестовать зачинщиков не удалось¹.

Иногда борьба с грабителями и дезертирами затруднялась из-за того, что определенная часть солдат заступалась за своих сослуживцев, а также покрывала их. Например, в коллективном письме представителей командного состава финского отряда ВЧК (комиссар К. Лукка, начальник батальона С. Чернов, батальонный командир Вишняков, командир батареи Зирко) Инзенской дивизии 1-й армии политкому С.П. Медведеву от 30 сентября 1918 г. приводился следующий случай. 29 сентября указанными лицами были получены сведения о том, что в усадьбе с. Троцкого происходит грабёж. В результате оперативных действий удалось задержать 11 человек 1-го Пензенского полка, Казанской и Минской батарей. Далее, со слов авторов документа: «Мы провели их на площадь, перед церковью с целью вызвать комиссаров частей и предать их в их распоряжение. Пока ходили за комиссарами, образовалась толпа, состоящая главным образом из солдат 1 Пензенского полка, которые начали брать под свою защиту арестованных ...» Кроме того, против задержания красноармейцев выступили командиры указанных частей и подразделений, а также их комиссары. В результате возникшей потасовки грабителям удалось скрыться².

Политический комиссар 1-го Симбирского полка Симбирской дивизии 1-й армии Н.И. Кирюхин в дневнике писал, что 2 ноября 1918 г. «три красноармейца 9-й роты самовольно реквизируют у одного жителя коляску и упряжь». Вскоре указанные солдаты были арестованы. Однако вечером «вся 9-я рота ходила к штабу дивизии на выручку арестованных, но, постояв, разошлись ни с чем...»³. Иногда подобные факты заступничества сопровождались

---

¹ Гимельштейн Н. С бронепоездом «Свобода или смерть» // 1918 год на родине Ленина: Сборник воспоминаний о революции в Симбирской губернии. Куйбышев, 1936. С. 213.

² РГВА. Ф. 157. Оп. 1. Д. 2. Л. 45–47.

³ Кирюхин Н.И. Указ. соч. С. 21.

высоким уровнем активности солдат. В политической сводке по 1-й армии от 9 ноября 1918 г. сообщалось, что в Мценском полку Инзенской дивизии из-за задержки в выдаче жалования «красноармейцы арестовали комиссара полка и отправились в тюрьму освободить арестованного комиссаром красноармейца, но встретив по дороге командира полка, разбежались»¹.

Примечательно, что, по мнению членов ВРТ, случаи, когда сознательные солдаты не могли или не хотели воздействовать на своих недисциплинированных сослуживцев, зачастую приравнивались к самому преступлению. Так, в приказе по 1-й армии № 19 от 15 июля 1918 г. приводился следующий эпизод: «Глазков Федор, Комаров Александр и Антипов Григорий, обвиняемые в причастии к разгрому в Заводской Решетке, приговорены Военно-Полевым Трибуналом: Глазкову и Комарову вынести строгий выговор в приказе за то, что видя расхищение вещей, не принимали никаких мер, а способствовали общей деморализации. Антипова освободить как невинного и не причастного в разгроме»². Трибунал Пензенской дивизии 1-й армии на заседании от 10 сентября 1918 г. также принял решение вынести выговор красноармейцу 2-го Орловского советского полка Н. Черникову за то, что он «не воздействовал на товарища, не принял меры к предупреждению преступления», которое заключалось «в покупке краденых вещей с целью их продажи и в самовольной отлучке из полка»³.

В ноябре–декабре 1918 г. сотрудниками ВРТ 5-й армии было выявлено несколько случаев укрывательства зачинщиков дезертирства. Например, на заседании от 24 ноября 1918 г., где рассматривалось дело 3-х красноармейцев, «обвиняемых в дезертирстве из своих частей, назначенных к отправке на фронт», было принято следующее решение: «признавая, что означенные красноармейцы действовали сознательно, причем при допросе давали ложные и запутанные показания, явно желая выгородить себя и скрыть инициаторов дезертирства, зная их, Военно-полевой революционный суд постановил означенных красноармейцев приговорить к общественным работам на 10 лет»⁴. На заседании от 29 ноября 1918 г. красноармейца 2-го Петроградского Кавалерийского полка Утки-

---

¹ РГВА. Ф. 106. Оп. 2. Д. 23. Л. 39.

² Там же. Ф. 157. Оп. 3. Д. 609. Л. 18–18 об.

³ Там же. Ф. 1284. Оп. 1. Д. 480. Л. 80.

⁴ Там же. Ф. 185. Оп. 3. Д. 1436. Л. 432.

на, «как укрывшего инициатора дезертирства, зная его», приговорили к принудительным работам на 5 лет, а остальных дезертиров (Лядова и Анисимова) – к принудительным работам на 3 года¹.

Лишь в результате длительной и целенаправленной совместной борьбы армейского командования и комиссаров против недисциплинированной и деморализованной части красноармейцев, сознательные бойцы смогли начать оказывать помощь вышестоящему руководству. Об этом свидетельствует отрывок из письма политкома 1-й армии С.П. Медведева В.И. Ленину от 24 сентября 1918 г. о работе в Пензенской дивизии: «Стоило нам взяться за очищение части от темного, а иногда и подлого элемента – терроризировавшего всю часть, а порою, толкавшего ее на провокацию – как мы сейчас же встретили и отклик и помощь со стороны здорового элемента частей. Как ни расшатаны были части в области внутреннего устройства, все же среди них оказалось очень много такого элемента, который с полным сознанием готов отдать свою жизнь за дело нашей общей борьбы. Нужно было только – и не так уж много – со всей беспощадностью изъять подлый, себялюбивый и своекорыстный элемент, чтобы дать обнаружиться здоровому элементу. Словом, эта половина нашей задачи нам скоро удалась»².

В воспоминаниях политического комиссара артиллерийского дивизиона Симбирской дивизии 1-й армии Н.Г. Самойлова сообщалось, что в подразделении, которое не отличалось высоким уровнем дисциплины в момент включения его в состав указанного соединения в начале августа 1918 г., «нашлось немало честных людей, истосковавшихся по воинскому порядку. Опираясь на них, мы навели порядок...»³

Таким образом, на протяжении второй половины 1918 г. солдаты воинских объединений Красной армии Восточного фронта находились в состоянии постоянной конфронтации друг с другом, которая оказывала негативное влияние на исход боевых действий и процесс создания вооруженных сил. При этом базовой основой значительного числа конфликтов являлось разное представление приведенных в тексте статьи групп бойцов о службе в Красной армии. Сознательные «романтики» руководствовались чувством

---

¹ Там же. Ф. 185. Оп. 3. Д. 1436. Л. 430 об.

² Медведев С.П. – В.И. Ленину. 24 сентября 1918 г. С. 48.

³ *Самойлов Н.Г.* Как мы учились воевать // Симбирская губерния в 1918–1920 гг. Сборник воспоминаний. Ульяновск, 1958. С. 235.

справедливости и коллективизма, выступая за необходимость совместной борьбы с антибольшевистскими силами. Эгоистичные «прагматики» преследовали собственные интересы. В результате можно даже говорить о борьбе между указанными группами солдат за право сохранять доминирующее положение в Красной армии, о чем свидетельствуют многочисленные попытки при помощи большого количества способов, от агитации и пропаганды до фильтрации и товарищеских судов, оказывать прямое и косвенное воздействие друг на друга. Примечательно, что в силу высокого уровня внушаемости солдат, подобное взаимовлияние было очень результативным. Несмотря на то, что конфликты происходили преимущественно в словесной форме, довольно часто они переходили в активную фазу с применением оружия. Следует отметить, что жестокость, с которой солдаты действовали по отношению к сослуживцам, являлась характерной чертой подобного аспекта взаимоотношений, что подчеркивает остроту рассматриваемых противоречий. Несмотря на то, что командиры, политические комиссары и сознательная часть красноармейской массы активно и довольно успешно боролись с «негодными» элементами в войсках, окончательно решить эту проблему к началу 1919 г. не удалось ввиду продолжающегося вливания в части и подразделения нестабильных во всех отношениях пополнений.

Солдатенко В.Ф.

Апогей Гражданской войны в Украине (конец 1918 г. – 1919 г.)

Справедливо утверждение о том, что самым сложным для молодой Страны Советов оказался 1919 год. Сразу 14 государств, включая наиболее могущественные, предприняли против нее вооруженные интервенции. Наибольшей масштабностью, кровопролитностью отличались и сражения на внутренних фронтах Гражданской войны.

Не меньшим оказалось напряжение в самом крупном национальном регионе – в Украине. Тут динамика, векторы сложнейших процессов были заложены в последние месяцы предыдущего года. Это обуславливает логическую необходимость постижения сущности апогейного периода 1919 года хронологически дополнить, точ-

нее – предварить двумя месяцами 1918 года. Даже самого общего и поверхностного исторического взгляда достаточно, чтобы убедиться в том, какие лагеря, силы были задействованы в борьбе за власть и в регионе, и за его пределами. Это сторонники социалистической и национально-демократической революций, белые и красные, повстанцы и интервенты-антантовцы, заднеэстрянцы и зарубежные коммунисты-интернационалисты, воинские контингенты Польши и Румынии. Свои претензии на право распорядиться судьбой Украины, ее народа параллельно заявили и Директория Украинской Народной Республики, и Временное рабоче-крестьянское правительство Украины, и Украинская Национальная Рада Западно-Украинской Народной Республики, и Правительство Вооруженных сил Юга России, и всеильная Антанта... А еще появилось немало желающих растерзать этническую территорию региональными атаманскими и партизанскими образованиями. Некоторые из них громко именовали себя республиками – Гуляйпольская, Висунская, Баштанская, Пашковская и другие. Самым непостижимым образом это переплеталось с тенденциями к уничтожению любых украинских границ, превращая регион в целом в эпицентр жесточайшей силовой схватки геополитических масштабов.

Завязывавшийся ситуативный клубок весьма непросто распутывать, отыскивать те кончики нитей, ухватившись, «потянув» за которые, можно последовательно проследить даже определяющие вехи, направления развития тогдашних явлений и процессов. Попытка все же осуществить замысел – хотя бы в самых общих чертах разобраться в хитросплетениях и метаморфозах протекания неординарных событий – позволяет предложить некий синтетический вариант.

***

13 ноября 1918 г. в Киеве была создана Директория во главе с В.К. Винниченко – штаб антигетманского восстания, начавшегося через два дня. Оно очень успешно развивалось. В ряды повстанческого войска потянулись десятки и десятки тысяч добровольцев – настолько ненавистным для масс был гетманский режим. Судьба гетманата была предрешена. Но со вступлением восставших в пригороды Киева их движение было «приторжено» немецким командованием, потребовавшим не вводить повстанческие войска (ими командовал С.В. Петлюра) в столицу до окончания своей полной эвакуации на родину. После поражения в Первой мировой

войне, Ноябрьской революции в Германии и революционного распада Австро-Венгрии оккупационные войска этих стран начали покидать Украину. Но процесс этот затянулся. Эвакуировать надо было 500-тысячную военную армаду и немалый контингент гражданского бюрократического корпуса. В результате агония власти П.П. Скоропадского пролонгировалась на целый месяц, а правительство возрожденной УНР было образовано только 26 декабря 1918 г. Тогда же была провозглашена его программа¹.

Почти параллельно, 20 ноября в Курске было создано Временное рабоче-крестьянское правительство Украины во главе с Г.Л. Пятаковым, готовое с небольшими вооруженными отрядами (до 5 тысяч бойцов), сформированными из украинских повстанцев в «нейтральной зоне», ринуться через границу, восстанавливать в республике советскую власть. Но и тут произошла существенная временная заминка: ЦК РКП(б) и СНК РСФСР, исходя из невозможности прогнозирования событий, опасаясь, в частности, активизации агрессивности Антанты, приступившей к высадке своих десантов на Юге Украины, настраивали большевиков Украины на осторожную, выжидательную тактику, отчасти сознательно сковывая их действия².

В ноябре 1918 г. в зоне Черного моря, Крыма, Украины наблюдается бурная активизация стран Антанты³. Не успели еще воинские части Центральных государств покинуть занимавшиеся ими территории, а в Черном море, воспользовавшись капитуляцией Турции, открывшей победителям проливы Босфор и Дарданеллы, уже со середины ноября начала хозяйничать Средиземноморская эскадра. Готовясь к вторжению в Крым, южные губернии Украины и России, интервенты распространили обращение к населению

---

¹ *Солдатенко В.Ф.* Україна в революційну добу. Історичні есе-хроніки: В 4-х т. Т. II. Рік 1918. К., 2009. С. 294–313; Его же. В горниле революцій и войн: Україна в 1917–1920 гг.: Історико-історіографіческие ессе. М., 2018. С. 299–311.

² *Солдатенко В.Ф.* Україна в революційну добу. Т. II. С. 328–340; Его же. Створення й початки діяльності Тимчасового Робітничо-Селянського Уряду України // Революційна доба в Україні (1917–1920 роки). К. 2011. С. 247–258; Его же. Георгий Пятаков: оппонент Лєніна, суперник Сталіна. М., 2018. С. 248–262.

³ См.: Из истории гражданской войны в СССР. Сборник документов и материалов в трех т. 1918–1922. Т. 1. Май 1918 – март 1919. М., 1960. С. 63, 66, 92 и др.

этих территорий, подписанное представителями Англии, Франции, Соединенных Штатов Америки, Японии, Италии, Бельгии, Сербии, Греции, Румынии и белогвардейцев. В нем, в частности, говорилось: «...Мы прибыли на территорию России для водворения порядка и для освобождения ее от власти узурпаторов-большевиков, поэтому сведения, распространяемые провокаторами большевиками, о том, что союзные войска, придя на юг России, будут выбивать германцев оттуда – ложны.

Германцы, как и мы, здесь являются не завоевателями, а защитниками права и порядка, поэтому их и наши цели здесь сходятся. Сведения же о предстоящих боях ложны и распространяются для создания паники.

Весь нездоровый элемент России – большевики и их приспешники – объявляются вне закона; лица, скрывающие большевиков, подлежат полевому суду.

Мы не признаем никаких организаций в России кроме организаций, борющихся с большевиками: добровольческой и казачьей армии и армии учредительного собрания. Ввиду чего предписываем всем организациям, имеющим оружие, сдать его специально назначенным на это представителям международного отряда»¹.

23 ноября в Севастополь прибыли первые иностранные корабли, а в последующие дни их число возрастало; уже до конца месяца в бухте и на рейде оказалось 5 броненосцев, 8 миноносцев и крейсер. Еще 1 крейсер, 3 миноносца и 1 броненосец бросили якоря в других портах полуострова. Их сопровождали 15 транспортов и иные вспомогательные суда². Вначале на сушу спустилось 3 тыс. французских, 2 тыс. греческих и 500 английских солдат³. Затем контингент пополнялся, достигнув 22 тыс. человек, из них в десанте было 7 тыс. сенегальских стрелков⁴.

---

¹ Цит. по: *Полярный Л.* Интервенты в Крыму // К десятилетию интервенции. Сб. статей. М.-Л., 1929. С. 132–133.

² См.: Освобождение Крыма от англо-французских интервентов. Симферополь, 1940. С. 31.

³ См.: *Надинский П.М.* Очерки по истории Крыма. Ч II: Крым в период Великой Октябрьской социалистической революции, иностранной интервенции и гражданской войны (1917–1920 гг.). Симферополь, 1957. С. 124–125; *Возгрин В.Е.* История крымских татар. Очерки этнической истории коренного населения Крыма: В 4-х т. 2-е изд. Симферополь, 2013. Т. III. С. 65.

⁴ См.: Освобождение Крыма от англо-французских интервентов. С. 31.

Предыдущие договоренности были скорректированы, и Крым фактически был разделен на две зоны, контролируемые оккупационной администрацией: на восток от Ялты территория отходила в подчинение британцев, а на запад от Ялты – французам. Первые избрали своей главной базой Керчь – ближе к Кавказу, Закавказью, Средней Азии, вторые – Севастополь. В лучшей базе Черноморского флота обосновались морское (адмирал Ж. Ф. Амет) и сухопутное (полковник Рюйе) командования экспедиционным корпусом Антанты. Министр иностранных дел Крыма М. М. Винавер поднялся на борт флагманского корабля эскадры и в приветственном слове интервентам подчеркнул: «Мы открываем вам наши двери: войдите в наш красивый край, являющийся только порогом страны, и будемте вместе продолжать путь, конечной целью которого являются Москва и Петроград»¹.

В планах Антанты Крым, конечно же, не был ни конечной точкой, ни ее самоцелью, а лишь плацдармом для дальнейшего продвижения в северном направлении, т. е., прежде всего, в Украину.

Пребывая в эйфории после победы над Четверным союзом, но маскируя свои намерения решениями конференции в Яссах (Румыния), где белогвардейцы, правые партии, прежде всего кадеты, просили оказать военную помощь в борьбе с большевиками, Антанта планировала безотлагательно направить на Юг Украины, в Одессу интервенционистский корпус и двинуть его силы на оккупацию Киева и Харькова², координируя наступательные операции с действиями сил Англии, США, Японии и других стран, а также белогвардейцев во всех других регионах российского постимперского пространства.

22 ноября в Киев был назначен французским консулом с особыми полномочиями Э. Энно, который взялся энергично «хозяйничать» в регионе. Среди прочих дипломатических акций было предупреждение немецким оккупантам об ответственности на контролируемой ими до прихода антантских сил территории за возможные революционные выступления и за продажу или передачу оружия повстанцам. Тогда же французского генерала Бертелло назначили командующим войсками Антанты на Юге России и Румынии. В его распоряжение для начала операций были предо-

---

¹ Цит. за: *Возгрин В.Е.* История крымских татар. Т. III. С. 65.

² См.: Из истории гражданской войны в СССР. Т. 1. С. 66, 72–73, 86, 92 и др.

ставлены три французские дивизии с расчетом на последующее пополнение румынскими и другими войсками.

27 ноября корабли Антанты появились в Одесском порту. В город начали стягиваться французские, греческие, польские, сербские и белогвардейские подразделения. 9 декабря английские военные корабли вошли в порт Николаева.

Одесса была превращена в опорную базу сухопутных войск интервентов, а Севастополь – в военно-морскую базу. В Одесском порту находились французские, английские, итальянские корабли – броненосец «Мирабо», 4 крейсера, 5 миноносцев. Общее количество войск интервентов в Одессе составляло 45 тыс. человек¹.

Однако количественно указанные силы на порядок уступали даже австро-германским оккупантам, которые, несмотря на свою мощь, за восемь месяцев так и не смогли овладеть Украиной. Кроме того, военные и моральные кондиции, настроения интервентов, привыкших за годы Первой мировой войны к неторопливым позиционным действиям, в ходе которых неизменно рассчитывали на поддержку союзников (оттягивание подавляющей части войск противника на Восточный фронт), изначально делали их планы оперативной оккупации основных центров Украины – Киева и Харькова – проблематичными.

К тому же войска Антанты оказались на территории, население которой на протяжении двух лет находилось под влиянием радикальных идеологически-политических доктрин. Здесь действовали не только белогвардейские силы и элементы, которые их поддерживали, и потому приветствовали приход интервентов, но и большевики со сторонниками власти Советов, борцами за мировую пролетарскую революцию. Они активно противодействовали иностранным пришельцам, поднимали население на борьбу против них, прибегли к широкой агитации во вражеских войсках, что сразу же дало свой эффект. Рядовой состав интервентов оказался восприимчивым к революционным идеям, по крайней мере, с интересом следил за «социалистическими экспериментами». Поэтому антантское командование в Украине чувствовало себя не слишком комфортно. Оно не могло, в частности, прийти к решению, что делать с повстанческим войском Директории, которое приблизилось

---

¹ Історія Української РСР. У восьми т., десяти кн. Т. 5. Велика Жовтнева соціалістична революція і громадянська війна на Україні (1917–1920). К., 1977. С. 353.

к Одессе и 12 декабря вошло в город. Объявив в Одессе военное положение, интервенционные части остались в основном на кораблях, а белогвардейцы отступили в район порта. Однако с прибытием 17 декабря 156-й французской дивизии ее командир, генерал Бориус, приказал деникинским подразделениям очистить Одессу от повстанцев. При таких обстоятельствах командование войск УНР согласилось сдать оружие и увести свои силы из города.

Воспользовавшись смятением, неразберихой, рабочие боевые дружины по приказу большевистского ревкома захватили богатые оружейные трофеи и на некоторое время 18 декабря заняли ряд ключевых пунктов Одессы. Однако, не имея еще достаточных сил, большевики отдали приказ рабочим отрядам отступить в окрестные села, перейти на нелегальное положение и приступить к организации партизанской борьбы. По призыву большевиков встать на борьбу за восстановление власти Советов, пришло немало жителей южного региона, и Одесса оказалась практически блокированной. Военный губернатор А. Гришин-Алмазов докладывал в штаб А.И. Деникина, что «Одесса находится в состоянии осажденной крепости»¹.

Попытки антантовцев расширить зону оккупации вокруг города встречали значительное сопротивление партизан, и им с большим трудом наконец удалось закрепиться лишь на некоторых железнодорожных станциях (Раздельная, Вознесенск и др.).

Следовательно, при всей военно-экономической и политической мощи стран Антанты, без поддержки других союзных сил, без изменения подходов к делу, в частности – существенного увеличения интервенционного корпуса, в конце 1918 г. реализацию первоначальных планов оккупации Украины следует признать весьма проблематичной.

Параллельно происходило собирание сил Добровольческой армии, центром которой стал белоказачий Дон, расширяя ареал своего воздействия на Юг России, в частности, на Северный Кавказ и частично Крымский полуостров, не останавливаясь перед перенесением своих экспансионистских действий и на юго-восточные регионы Украины. Укреплению белогвардейщины тайно и явно способствовал все 7,5 месяцев своего правления царский генерал, ярый монархист П.П. Скоропадский. Цепляясь за свою власть, он еще 3 ноября 1918 г. заключил договор с Атаманом Всевеликого

---

¹ Там же. С. 356.

Войска Донского П.И. Красновым с целью возрождения единой и неделимой России. Перспективы существования Украины в любом статусе (даже ограниченной, урезанной автономии) не оставалось.

Начавшись еще в период оккупации, по всей Украине, втягивавшейся в военное противостояние упомянутых выше сил, и пользуясь относительной слабостью каждой из них, распространялось повстанческое движение. Наиболее масштабной его составляющей становилась махновщина¹. В ее силовое поле вовлекались десятки тысяч крестьян. «Благо» – было чем воевать: наследием мировой войны стали неисчислимые арсеналы огнестрельного оружия².

С первых дней ноября началась агрессия, полномасштабная война Польши против начавшей создаваться на руинах Габсбургской лоскутовой империи Западно-Украинской Народной Республики. Она стимулировала соборнический (объединительный) процесс Надднепрянской (Великой) и Надднестрянской (Западной) Украины. Уже 1 декабря 1918 г. в Фастове был заключен предварительный («предвступительный») договор двух республик, открывая путь к объединению их потенциалов, в том числе и военных, что с неизбежностью влекло за собой вовлечение УНР в полномасштабную войну с Польшей³.

Украина объективно превратилась в один из главных эпицентров как украинской, так и всероссийской Гражданской войны главного, решающего, «длинного» года – 1919.

***

Пауза, образовавшаяся в результате упомянутого соглашения между оккупационной администрацией и наступавшими на Киев повстанческими войсками Директории, пошла явно на пользу и эффективно использовалась воинским начальством, С.В. Петлюрой, объявившего себя Главным атаманом войск УНР. Ненависть

---

¹ *Белаш А.В., Белаш В.Ф.* Дороги Нестора Махно. Историческое повествование. К., 1993. С. 42; Архирейський Д. Початки махновщини // *Війна з державою чи за державу. Селянський повстанський рух в Україні 1917–1920 років.* К., 2017. С. 180–184.

² *Солдатенко В.Ф.* В горниле революцій и войн. С. 385–394.

³ *Курас І.Ф., Солдатенко В.Ф.* Соборництво і регіоналізм державотворення в Україні (1917–1920 рр.). К., 2001. С. 65–99; *Солдатенко В.Ф.* Україна в революційну добу. Т. II. С. 313–328.

к гетманскому режиму влекла в ряды повстанцев десятки тысяч украинцев, прежде всего крестьян. По различным данным к январю 1919 под знаменами УНР собралось в разных местах от 100 до 300 тыс. добровольцев¹. По мере отъезда из Украины немецких и австро-венгерских войск они практически без препятствий занимали освобождающиеся населенные пункты, устанавливали свой контроль. Поскольку немцы не позволили П.П. Скоропадскому создать национальную армию (ее мизерных сил хватило лишь для того, чтобы крайне бездарно проиграть единственный бой под Мотовиловкой²), а те части, которые конъюнктурно приспособились (конечно, главным образом в лице командиров, офицеров) к оккупационно-гетманскому режиму, в изменившихся условиях быстро переметнулись в лагерь сторонников Директории, Украина очень оперативно и практически бескровно оказалась под новой властью.

Однако вставшую задачу по трансформации части добровольческих формирований в регулярное войско решить не удалось³. Сочтя свою роль исчерпанной, подавляющее большинство повстанцев разбрелись по домам и к вожделенной земле.

Сторонники восстановления советской власти, в распоряжении которых практически не было регулярных сил Красной армии, к концу 1918 г. решились на начало операций непосредственно в Украине, конкретно – на харьковском направлении. Но достичь желаемого оказалось весьма непросто⁴, связывая перспективу успеха с непосредственным восстанием в Харькове.

Сохранившиеся документы весьма убедительно свидетельствуют, что, с одной стороны, процесс формирования украинских воинских подразделений из числа посланцев, проникавших в «нейтральную зону» хотя и начался еще в сентябре, затягивал-

---

¹ Винниченко В. Відродження нації. Ч. III. К.-Відень, 1920. С. 244-245; Історія українського війська. С. 460; Солдатенко В. Ф. Україна в революційну добу: Історичні есе-хроніки. У 4-х т.: Т. III. Рік 1919. К., 2010. С. 26–27; *Его же*. Гражданская война в Украине. 1917–1920. М., 2012. С. 263.

² *Солдатенко В.Ф.* Україна в революційну добу. Т. II. С. 345.

³ Центральный государственный архив высших органов власти и управления (ЦГАВУ) Украины. Ф. 1076. Оп. 1. Д. 17. Л. 1.

⁴ Гражданская война на Украине. 1918-1920. Сборник документов и материалов. В 3-х т., 4 кн. Т. I. Кн. 1. С. 501–502; Савченко В. Авантюристы гражданской войны. М., 2000. С. 26, 27, 341; *Солдатенко В.Ф.* В горниле революций и войн. С. 348–351.

ся по многим причинам¹. С другой стороны, объективно оценивая дефицит необходимого военного потенциала, командование Красной армии остерегалось вторжения в Украину, особенно в районе Харьковской и Екатеринославской губерний, будучи неплохо осведомленным, что это был, по существу, фланг быстро наращивавшего силы на Дону добровольческого движения, преждевременное столкновение с которым могло повлечь нежелательные (предположительно – негативные) последствия².

Но, с третьей стороны, неудержимо нарастало напряжение, массовое стремление к восстановлению советской власти как раз в пролетарских Харьковской и Екатеринославской областях. И хотя командующий группой войск Курского направления В.А. Антонов-Овсеенко, доказывавший руководству Реввоенсовета Российской республики, что «обстановка благоприятна до крайности»³ для начала операций в Украине, ситуация менялась медленно. Не помогали даже апелляции военачальника к В.И. Ленину, просьбы помочь, сопровождаемые уверенными обещаниями успеха и предостережениями, что ситуация может довольно быстро измениться ввиду предпринимаемых врагами социалистической революции усилий по подчинению региона своей власти, т. е. власти Директории⁴.

Несколько иначе развивались события на Екатеринославщине, где восстание приобрело большой размах, развиваясь несинхронно с наступлением на Харьков, и опередило военные действия регулярных войск. Собственно, еще с начала декабря ориентированные на восстановление советской власти части постепенно овладевали Александрийским, Павлоградским, Новомосковским, Верхнеднепровским, Нижнеднепровским, Кайдакским районами⁵, охватывая таким образом губернский центр в «тиски».

28 декабря повстанцы (в их числе были и махновские подразделения) смелой операцией с Нижнеднепровска овладели мостом

---

¹ Директивы Главного командования Красной Армии (1917-1920). Сб. документов. М., 1969. С. 194–195; 205–210, 216; Директивы командования фронтов Красной Армии (1917-1920 гг.). Сб. документов. М., 1971. С. 572–573.

² Директивы Главного командования Красной Армии. С. 196-203; Директивы командования фронтов Красной Армии. С. 544–548.

³ Директивы командования фронтов Красной Армии. С. 548, 551–560.

⁴ Там же. С. 546–547; 551–560.

⁵ Звезда (Екатеринослав). 1918. 4 дек.

через Днепр и ворвались в город. Гайдамаки Директории с боем отступили.

Губернский военно-революционный комитет провозгласил восстановление власти Советов в Екатеринославе и губернии¹. События захвата Екатеринослава и дальнейшего развития отношений советских повстанцев с махновцами с документальной точностью воспроизведены в романе А. Толстого «Хождение по мукам».

Хотя несогласованность в действиях частей Украинской советской армии и повстанцев еще приведет к немалым потерям, в самом конце 1918 г. инициатива начала переходить к советским силам.

Общая военно-стратегическая конъюнктура в конце 1918 г. – начале 1919 г. складывалась для политического руководства РСФСР так, что приходилось некоторое время воздерживаться от активных действий на украинском направлении. Даже для Первой Украинской дивизии, сформированной в «нейтральной зоне», ядро которой составили Богунский (повстанцы Черниговщины) и Таращанский полки был выдвинут лозунг «Путь на Киев лежит через Ростов!». Поэтому восстановление Советской власти на Левобережье Украины и Юге, даже частично на Правобережье в первые два месяца 1919 г. было осуществлено преимущественно местными повстанцами, ставшими под коммунистические знамена².

Вполне обоснованно в докладе Главного командования Красной армии В. Ленину и РВС Республики от 23–25 февраля 1919 г. отмечалось: «Успешность пропаганды в рабочих районах, вооруженная поддержка повстанческих украинских групп создали столь благоприятную обстановку для решения первоначальных задач по созданию выгодного исходного положения для начала борьбы с объединенными войсками Согласия [Антанты. – В.С.] и южных белогвардейских армий, что успех превзошел всякие ожидания. В настоящее время прочно занята линия Днепра от Киева до Екатеринослава и Александровска и партизанские украинские части, проникнув глубоко в Правобережную Украину, продвигаются к берегам Азовского и Черного морей (...). Такой крупный успех был

---

¹ Гражданская война на Украине... Т. I. Кн. 1. С. 527; Известия Харьковского Совета рабочих депутатов. 1919. 3 янв.

² См.: *Солдатенко В.Ф.* Україна в революційну добу. Історичні есе-хроніки. Т. II. Рік 1918. С. 378–387; Т. III. Рік 1919. С. 27–35; *Он же.* Гражданская война в Украине. 1917–1920. С. 257–263.

достигнут почти исключительно многочисленными украинскими повстанческими войсками...»¹

Обобщая объективные данные развернувшейся в начале 1919 г. Гражданской войны в Украине, видный партийно-советский работник В.П. Затонский весомо заключал: «Советская власть пришла на Украину не с регулярной Красной армией, а с партизанскими отрядами крестьянских революционеров»².

Развитие военных событий происходило на фоне провалов дипломатических акций УНР. Безрезультатно закончилась миссия под руководством С. Мазуренко в Москву, обещавшая поначалу достижение мирного соглашения с РСФСР и даже установление союзнических отношений³.

Сделав массу беспрецедентных уступок, Директория взамен не получила ровным счетом никакой помощи от Антанты. Впрочем, переговоры со стороны представителей «новых союзников», которые сами «висели на волоске» на юге Украины (в Одессе и Бирзуле), были чистым блефом. Кроме голых обещаний, они и не собирались хоть в чем-то помогать или даже сочувствовать УНР. Они делали ставку на А. Деникина, «белое движение», суливших реанимацию «единой и неделимой России», в которой никакого места украинской государственности не предполагалось. Более того, западные дипломаты еще пытались повернуть дело так, чтобы подчинить вооруженный потенциал УНР Добровольческой армии и способствовать осуществлению возрождения империи с помощью украинцев⁴.

---

¹ Директивы Главного командования Красной армии (1917–1922). С. 158–159.

² Затонский В. Как была основана КП(б)У // Коммунист (Харьков). 1921. 7 ноября.

³ См.: Симоненко Р. Г., Реснит О. П. Українсько-радянські переговори в Москві (січень-лютий 1919 г.). Документи. К., 1996. 85 с.; Солдатенко В. Ф. Надзвичайна дипломатична місія УНР до Москви // Україна дипломатична. Науковий щорічник. К., 2009. Вип. 10. С. 275–305; 362–391; Он же. Упущенный шанс мирного соглашения между УНР и РСФСР в начале 1919 г. // Российская история. 2010. № 6. С. 137–155; То же. Российско-украинское обозрение. Информационно-аналитический и научно-практический альманах. К., 2015. № 3 (8). С. 27–33; 2017. № 01 (09). С. 1–27.

⁴ Солдатенко В. Ф. Україна в революційну добу. Історичні есе-хроніки. Т. III. Рік 1919. С. 103–117.

С течением времени становилось все более очевидным, что политическое руководство УНР, потратив немало драгоценного времени, идя на уступки, оправдать которые (многие понимали это уже тогда) будет проблематично, не только не получило поддержки со стороны Антанты, но и оказалось просто обманутым. Подавленное моральное состояние, разочарование, возможно, еще как-то можно было пережить. Однако несравнимо хуже было то, что неотвратимо и интенсивно надвигалась катастрофа на фронте.

В первых числах февраля 1919 г. высшим правительственным структурам УНР довелось в очередной раз второпях оставлять столицу страны, прервав перед тем работу высшего государственного органа – Трудового Конгресса Украины, на который в национальных политических кругах возлагали большие надежды. После короткого пребывания в Виннице, довелось эвакуироваться и оттуда¹. А Директория и Рада народных министров продолжали терять поддержку. Участились случаи враждебного отношения к ним даже со стороны тех, кто еще недавно составлял костяк украинской армии – Сечевых стрельцов. Их представители, в частности, 14 февраля 1919 г. заявили Киевскому исполкому Совета о поддержке рабоче-крестьянского Совета и попросили зачислить их в ряды Красной армии².

Бюро украинской прессы сообщало, что с начала февраля количество перебежчиков из петлюровских войск к красным достигало 300 – 500 человек ежедневно³.

Факты перехода в советский лагерь, создания партизанских отрядов, подготовки и осуществления восстаний против власти Директории содержатся не только в документах большевистского происхождения, но и в многочисленных сообщениях, донесениях, отчетах военного командования различных уровней армии УНР. В архивных фондах сохранились такие сведения о событиях в местечках Коростышев, Радомышль и Малин Киевской губернии, городах Проскурове и Могилеве Подольской губернии, практически на всем Правобережье⁴. Угрожающую тенденцию не могли

---

¹ Там же. С. 72–74.

² Известия Временного рабоче-крестьянского правительства Украины и Харьковского Совета рабочих депутатов. 1919. 20 февраля. № 49.

³ Гражданская война на Украине. Т. I. Кн. 1. С. 601.

⁴ См.: ЦГАВО Украины. Ф. 1078. Оп. 1. Д. 7а. Л. 5; Там же. Д. 33. Л. 3, 54, 255–258 и др.

остановить даже жестокие репрессии. Массы переходили на сторону большевиков, а «армия Директории продолжала разлагаться не по дням, а по часам»¹. Ситуация все больше складывалась в пользу советской власти.

Неспособность, а то и невозможность наладить строительство регулярной армии, разрушаемой партизанщиной, приобретающей угрожающие, губительные размеры – также характерная особенность гражданских войн. Этот «недуг» в полной мере довелось познать вооруженным силам УНР.

Сделав после захвата Киева двухнедельную паузу, подтянув и перегруппировав силы, советские войска во второй половине февраля 1919 г. осуществили успешные удары в направлениях Фастов–Белая Церковь и Кременчуг–Знаменка–Цветково. В начале марта были проведены операции по захвату Казатина и Бердичева, а вскоре – и Житомира.

Во второй половине марта войска УНР не смогли удержать Винницу и Жмеринку, вследствие чего фронт был разделен на две части: правифланговую (южную), в районе Вапнярки, где оперировала преимущественно Запорожская дивизия, и левифланговую (западную) преимущественно вдоль линий Могилев–Летичев–Хмельник, Житомир–Коростень–Сарны, где действовали остальные войска УНР. Между этими частями и вклинились советские войска.

Однако, используя концентрацию главных большевистских сил в направлении Казатин–Винница, войска Директории после соответствующей передислокации атаковали правый фланг красных и выбили их из Сарн, Коростеня и Житомира, создав непосредственную угрозу как Киеву, так и тылам 1й украинской советской дивизии, которая под командованием Н. Щорса уже развернула наступление на Жмеринку. Под ударом корпуса Сечевых стрельцов с запада, со стороны Полонного–Шепетовки, оказался Бердичев, тогда как с юго-востока на Казатин развернули наступление части Запорожского корпуса. Войска Н. Щорса, находившиеся в районе Винницы между Жмеринкой и Бердичевом – Казатином, в случае получения верными С. Петлюре силами двух узловых станций были бы отрезаны от Киева и оказались бы в окружении.

Заняв 23 марта станцию Бородянка, что в 50 км от столицы, украинские полки заставили серьезно поволноваться советское ру-

---

¹ *Мазепа І.* Україна в огні й бурі революції. Прага, 1942. Т. І. С. 121.

ководство. Последнее лишь ценой отчаянных мер, серьезного увеличения сил смогло отбить отряды С. Петлюры¹.

На моральном состоянии украинской армии ощутимо сказались и катастрофа антантских интервентов на Юге, которые именно в тот момент не выдержали первого же военного натиска. Здесь молниеносное наступление осуществила группировка бывшего петлюровского атамана М. Григорьева, перешедшего на сторону Красной армии. Его отряд насчитывал 5–6 тыс. человек² (в историографии встречаются и данные о 15–20 тыс. полупартизанского войска³, однако, думается, это завышенные данные).

Им противостоял антантский десант в 60 тыс. оснащенных всем необходимым военных⁴. Однако это не помешало отрядам М. Григорьева внезапным ударом 2 марта 1919 г. войти в Херсон (бои здесь продолжались до 10 марта), 12 марта захватить Николаев, а вскоре и железную дорогу Березовка–Веселиновка–Воскресенск, угрожая таким образом с севера Одессе, а с юга – незащищенному правому флангу южной группы войск Директории – Запорожскому корпусу. 14 марта (по другим данным – 15) французское командование объявило в Одессе осадное положение. За несколько дней был создан Комитет обороны, однако в течение следующих двух недель никаких активных действий против сил М. Григорьева войска Антанты и добровольцы (их было около 5 тыс.) не осуществляли. Это позволило советским войскам начать наступление на южную группировку сил Директории, заставляя ее отходить к Днестру. Вследствие этого все левобережье Днестра от Могилева-Подольского почти до Одессы в конце марта оказалось в руках большевиков.

---

¹ Українська РСР в період громадянської війни, 1917–1920 рр. У 3-х т. Т. II. К., 1968. С. 100–101; *Супруненко Н.И.* Очерки истории гражданской войны и иностранной военной интервенции на Украине (1918–1920). М., 1966. С. 129; *Мазепа І.* Україна в огні й бурі революції. Т. I. С. 187–188.

² *Удовиченко О.І.* Україна у війні за державність. Історія організації й бойових дій Українських Збройних Сил. 1917–1921. К., 1995. С. 60.

³ См.: *Полонська-Василенко Н.* Історія України. У 2 т. К., 1992. Т. II. С. 522; *Павленко Ю., Храмов Ю.* Українська державність у 1917–1919 рр. (історико-генетичний аналіз). К., 1995. С. 231; Великий Жовтень і громадянська війна на Україні: Енциклопедичний довідник. К., 1987. С. 143–144.

⁴ *Нагаєвський І.* Історія Української держави двадцятого століття. К., 1993. С. 316.

3 апреля интервенты Антанты начали паническую эвакуацию из Одессы, а через 3 дня в город вошли войска М. Григорьева.

Между тем под натиском советской армии и в связи с неблагоприятной стратегической обстановкой войска УНР 7 апреля покинули Коростень, 12 апреля – Житомир, 17 – Каменец-Подольский, 20 апреля – Гусятин и Новоград-Волынский.

Практически параллельно с этими событиями окончательное поражение потерпела и южная группировка армии УНР. Ее главная часть – Запорожский корпус (около 8 тыс. человек) в районе Тирасполя был оттеснен к Днестру.

Военные поражения вынудили украинскую армию отступить на запад, прижаться к прежней австрийской границе на узкой полоске северной Подолии и Волыни. Надднепрянская армия расположилась в районах Луцка (Холмская группа), Сарн (Северная группа), Ровно (группа Сечевых стрельцов) и Кременца (Запорожская группа)¹. Мощь войска Директории была подорвана. За 5 месяцев войны армия УНР сократилось с 300 тыс. до 30 тыс. воинов, из которых не более 15 тыс. были боеспособными².

***

То состояние, которым характеризовалось положение территорий под официальным названием «Украинская Народная Республика», где верховодили атаманы «с низу – до верху», вплоть до Главного атамана включительно, получило в историографии название атаманщины³.

Сам термин вошел в политический лексикон уже в 1919 г. Им широко оперировали первые историки Украинской революции – В. Винниченко, П. Христюк, Н. Шаповал и другие. Обобщая их наблюдения и выводы, как и рассуждения позднейших исследователей, представляется возможным следующим образом обрисовать параметры непростого общественного феномена. Атаманщина – это доминирование военного начала, вплоть до его практической

---

¹ Історія українського військ (від княжих часів до 20-х років ХХ ст.). Вид. 4-е, змін і доп. Львів, 1992. С. 459–460.

² Там же. С. 505.

³ *Солдатенко В.Ф.* Режим атаманщины в Украинской Народной Республике (1919–1920) // Гражданская война в России. Жизнь в эпоху социальных экспериментов и военных испытаний, 1917–1922 гг. СПб., 2020. С. 383–393.

абсолютизации в реальной жизни Украинской Народной Республики, в управлении всеми ее процессами, включая политические, государственного строительства, экономические, подмены военными властями функций любых других властей и, наконец, всех других регуляторов общественных отношений и процессов. Отчетливее всего этот украинский феномен проявился в неповиновении армейских командиров разных рангов государственному руководству, перманентных выступлениях против него, практике регионального сепаратизма, сопровождаемой военным террором, еврейскими погромами и т.п.¹

Атаманщина в историческом смысле стала злым роком всей национальной государственной организации (даже самой национально-освободительной революции), поскольку сорвала планы строительства республики трудового народа, поддержанные ведущими украинскими партиями, т.е. большей частью тогдашнего политикума, Трудовым Конгрессом Украины (в некотором приближении – «изданием» Учредительного собрания – идеала украинства всей революционной эпохи).

Одним из порождений и существенных характеристик режима атаманщины стали заговоры против высших органов государственной власти, военного командования, персонально против Главного атамана С.В. Петлюры. В историографии получили довольно обстоятельное освещение целая череда действий взбунтовавшихся атаманов разных уровней – П.Ф. Балбочана, В.П. Оскилко, Е. Волоха, М.А. Григорьева, Д. Терпило (Зеленого) и др.²

В чем-то похожим, отчасти близким по типологии результатом реакции на власть, точнее – противодействия любой власти, являлось повстанческое крестьянское движение, рецидивы которого превращались в неотделимую слагаемую Гражданской войны. В идеологически-политическом отношении они имели самую различную окраску, в некоторых случаях не отличались сколько-нибудь определенной перспективной ориентацией.

---

¹ См.: *Солдатенко В.Ф.* Українська революція. Історичний нарис. К., 1999. С. 693–767; Его же. Новітні видання і дослідження в історії Української революції (1917–1920 рр.) // Актуальні проблеми вітчизняної історії ХХ ст. Збірник наукових праць, присвячений пам'яті академіка НАН України Юрія Юрійовича Кондуфора. Т. І. К., 2004. С. 272.

² См.: *Солдатенко В.Ф.* Україна в революційну добу. Т. III. С. 73, 126–210, 423–424 и др.

Наиболее масштабным проявлением повстанчества считается махновщина (иногда с целью придания определенной идейно-политической окраски используется термин анархо-махновщина). Это справедливо. Как движение, начавшееся еще в конце 1917 г., оно приобрело достаточно мощные потенции во времена австро-немецкой оккупации и Гетманата, а во всей полноте проявилось в 1919 г., когда Украина стала ареной самых ожесточенных и кровавых за годы революции и войны сражений различных сил: белых, красных, антантских, польских, петлюровских.

Исследованию феномена махновщины посвящена объемная историческая литература, а самому явлению отводится отдельный сюжет данного издания¹.

В 1919 г. повстанческая стихия приобрела действительно огромные масштабы. Сводить причины явления к действию одного-двух факторов, как уже отмечалось, было бы неверно, привело бы к одностороннему, упрощенному подходу.

Среди прочего, очевидно, следует выделить настроение отчаяния, рождавшегося в крестьянской душе, когда она не чувствовала, не видела выхода, перспективы, когда в действиях любой власти подозревала (оправданно или нет) недоверие к себе, желание лишь воспользоваться крестьянской силой в борьбе враждующих лагерей, использовавших для поддержания своих потенций результаты труда сельских тружеников.

Немало значило и то, что в условиях Гражданской войны с калейдоскопичностью изменений ситуаций у основного источника пополнения повстанчества – крестьянства, элементарно не хватало времени, чтобы на собственном опыте убежденно уяснить преимущества или, наоборот, недостатки одних политико-правовых моделей над другими, а главное – отвечают ли они интересам широкой общественности. Не хватало времени, сил и у тех, кто желал скорейшего (и часто любой ценой) укрепления собственной общественной организации, считая ее самой справедливой, самой полезной и самой прогрессивной или же ситуативно оправданной. Так, большевики в борьбе с повстанчеством часто подменяли методы идеологического воздействия, воспитания, просвещения силовыми акциями, оправдывая в целом осознаваемые ими негативные последствия подобных действий условиями военного вре-

---

¹ См.: *Шубин А.В.* Махно и его время. О Великой революции и Гражданской войне в России и на Украине. М., 2013. 320 с.

мени, объясняя вынужденность поведения нежеланием уступить классовому врагу, заинтересованному в дестабилизации положения в советском тылу.

В ликвидации антисоветских выступлений все чаще применялись регулярные воинские части. В частности, уже в апреле 1919 г. на так называемом внутреннем фронте (термин, с одной стороны, вроде затушевывал антикрестьянскую направленность действий красноармейцев, а с другой – отражал масштабы угрозы – фронт) было задействовано 21 тыс. бойцов и командиров¹.

На подавление мятежа М. Григорьева (5–15 тыс. бойцов) было брошено 30 тыс. военных². В ликвидации восстания Зеленого (Д. Терпило), под началом которого было до 12 тыс. штыков, в район Триполья – Обухова были направлены пехота, конница, артиллерия и даже использованы корабли Днепровской военной флотилии. Значительные силы понадобились и для обуздания повстанцев под руководством атамана Гончара в Васильковском уезде Киевской губернии (до 8 тыс. бойцов)³. Несмотря на то, что другие отряды (Ангела, Орловского, Соколовского, Струка, др.) численно значительно уступали формациям Н. Махно, М. Григорьева, Зеленого (в основном по несколько сотен человек)⁴, и они оттягивали на себя значительные силы Красной армии. После принятия 17 июля 1919 г. Советом рабоче-крестьянской обороны УССР постановления «О подавлении кулацких и белогвардейских мятежей в деревне» к этому делу все шире привлекались отряды ВУЧК (Всеукраинской чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией, спекуляцией и военными преступлениями). Кроме территориальных (губернские и уездные), их отделы создавались на транспорте – железных дорогах, флотах и т.д. В арсенале их функций большое место отводилось карательным акциям.

Среди последних случались и крайне жестокие, такие как сожжение деревень, где дислоцировались повстанцы. Например, еще в апреле 1919 г. было сожжено села Романовна и Ходовцы непода-

---

¹ См.: *Хміль І. Під гаслом комуни (Аграрна політика РКП(б) у 1919 році)* К., 2002. С. 101.

² Там же.

³ См.: *Верстюк В. Махновщина – селянський повстанський рух в Україні в роки громадянської війни. 1918-1921.* К., 1992. С. 137.

⁴ Там же. С. 138–139.

леку Фастова¹. Без особого промедления (16 апреля 1919 г.) члены ВУЦИК Г. Петровский, С. Косиор и В. Затонский на своем заседании (с участием К. Ворошилова) опротестовали такие действия перед командованием внутреннего фронта. Была принята резолюция «О недопустимости сжигания сел во время подавления кулацких восстаний». В ней, в частности, отмечалось: «Из-за неоднократных случаев сожжения целых деревень во время подавления кулацких восстаний, что является совсем нецелесообразным и крайне вредным для дела советской власти, предложить Совнаркому в срочном порядке издать всем надлежащим ведомствам распоряжение о полном прекращении под страхом суровой ответственности сожжения сел и о принятых мерах сообщить ЦИК»².

Хотя документы о выполнении упомянутой резолюции не найдены, случаи сожжения деревень, очевидно, стали реже. Во всяком случае, в историографии о подобных акциях речь идет или в общих выражениях, или со ссылками на исследование С. Кульчицкого³, который называет лишь один факт сожжения деревни Щербиновки под Обуховом при подавлении восстания Зеленого⁴.

Советские органы прибегали и к практике взятия заложников из населенных пунктов, находившихся в местах действий повстанцев. В случае отказа выдать властям организаторов и оружие, заложникам грозил расстрел. Предусматривались и контрибуции на мятежные села, депортирование главарей бесчинств с конфискацией их имущества. Указанные методы противодействия повстанцам порой не только не позволяли локализовать или искоренить крестьянское сопротивление, но и затягивали решение проблемы, иногда даже обостряли ее.

И все же масштабы повстанчества 1919 г. не могут быть отнесены к доминанте общественной жизни Украины. Имеющаяся сумма фактов не позволяет согласиться с выводами о том, что «с марта Украину охватывает пламя восстаний, сравнимое по масштабам с крестьянской войной 1918 г.», и что «летом 1919 г. УССР пала под ударами не столько денкинских армий, сколько крестьянских восстаний»⁵.

---

¹ См.: *Кульчицкий С.* Комунизм в Україні: перше десятиліття (1919–1928). К., 1996. С. 131.

² Там же. С. 132.

³ См.: *Хміль І.* Під гаслом комуни. С. 102.

⁴ *Кульчицкий С.* Комунизм в Україні. С. 132.

⁵ Там же. С. 77, 129.

Считая степень изученности проблемы украинского повстанчества, борьбы с ним на сегодня недостаточной, хотелось бы одновременно предостеречься от необоснованных, преждевременных конъюнктурных искажений очень непростых, противоречивых, в конце концов, драматических и трагических страниц исторического опыта.

Одновременные вооруженные действия с разнонаправленным территориально и содержательно наполненным, в котором уловить и «прочертить» хотя бы определяющие контуры-векторы довольно не просто. И все же, действуя аппроксиматически, можно выделить главные (в первую очередь, по критерию масштабности) тенденции и факты.

***

Лето и осень 1919 г. стали наиболее ответственным и наиболее критическим моментом Гражданской войны в Украине. Очевидно, именно тогда в решающей степени предопределялись ее судьба и исход. Основные события логически укладываются в несколько главных тенденций. С одной стороны, набирал неоспоримую мощь социалистический советский лагерь. С другой – внутренний противоречия, раздиравшие национально-демократический лагерь, делали его все более аморфным и уязвимым, все менее дееспособным в противостоянии и противоборстве как с приверженцами социалистической революции, так и с любой другой сколько-нибудь весомой политической силой. С третьей стороны, все настойчивее заявляло о себе как о влиятельном общественном факторе повстанческое движение. С четвертой – Украина превратилась в главный плацдарм, где в генеральном сражении сошлись белые и красные, единомысленцы и национал-патриоты. Весьма трудно прогнозируемый результат этого общественного катаклизма выходил далеко за пределы Украины и мог повлиять на судьбы всей Европы.

Пожалуй, самый драматичный эпизод Гражданской войны в Украине в 1919 г. связан с деникинщиной – поход Белой армии на Москву пролегал по территории Украины, где на захваченных территориях устанавливался соответствующий режим.

В самом общем виде схематическую картину, при всей понятной ее условности, можно представить следующим образом. Параллельно с начавшимся деникинским наступлением военные действия Красной армии привели к тому, что петлюровская Дее-

вая (на укр. языке – Дієва) армія к июлю 1919 г. была выбита с территории собственно УНР и оказалась в формальных границах Западно-Украинской Народной Республики (ЗУНР). Однако вооруженные силы последней, их основная мощь – Украинская галицкая армия (УГА) под натиском поляков вынуждены были, отступая, перейти через пограничный Збруч и оказались в пределах Великой Украины. Такой, в общем-то неожиданный и благоприятный для национальных воинских формирований поворот стал возможным, поскольку силы Красной армии должны были развернуть свой главный фронт против Белой армии, соответственно ослабив противостояние на ситуативно формирующемся соборном фронте – Деевой армии и Украинской галицкой армии. Преследуя отступавшие с боями советские войска, овладевая просторами Украины, деникинцы приближались к объединенным формациям УНР, обещая в перспективе войти в неизбежное соприкосновение с ними с непредсказуемыми последствиями¹.

Естественно, вышепрочерченная схема в реальности воплощалась в конкретные действия.

Покидая под натиском красных Большую Украину, военное руководство УНР осознавало, что не менее угрожающей для Надднепрянской армии является перспектива быть втянутой в боевые действия еще и против поляков. С целью ликвидации Западного фронта (не было сил, чтобы воевать хотя бы на одном фронте) С. Петлюра еще с мая 1919 г. зондировал почву в Польше, командировав туда одного за другим нескольких эмиссаров². Не имея ни прочных позиций, ни какого-либо союзника, представители УНР видели единственное спасение в обещаниях полякам территориальных уступок в Западной Украине, то есть в ЗОУНР (сокращенное название Западной области Украинской Народной Республики, как она официально стала именоваться после принятия Акта соборности 22 января 1919 г.) Ничем иным за компромисс Польши по отношению к УНР петлюровская власть заплатить не могла, да и поляки ни на что другое не согласились бы. Поэтому, не отвергая критических упреков в адрес С. Петлюры и его сторонников

---

¹ *Солдатенко В.Ф.* Україна в революційну добу. Т.ІІІ. С 303-358; Его же. В горниле революцій и війн. С. 409–413.

² См.: *Удовиченко О.* Україна у війні за державність: Історія організації і бойових дій Українських Збройних Сил. 1917–1921. Вінніпег, 1954. С. 69–70.

(кстати, судить о достаточно деликатных вещах приходится лишь по фрагментам документов, отдельным субъективным показаниям – В.С.), следует одновременно учесть, что с польской армией удалось найти определенное согласие. Поляки не вели активных действий против петлюровских сил, медленно продвигаясь за отступающими украинскими частями на Волынском фронте. Абсолютно очевидно, что в тот момент при желании польского командования армию УНР можно было быстро и без труда уничтожить. Да, цена действительно была очень дорогой, но хотя бы временно украинские тылы были в безопасности.

В свою очередь, только безысходное положение вынудило Украинскую галицкую армию продолжить борьбу за выживание вне пределов собственной территории, на землях УНР. Не веря в способность Украинской Народной Республики противостоять денikinцам, которых поддерживала Антанта, лидеры ЗУНР ни за что не могли примириться с Польшей (неуступчивая позиция последней также была хорошо известна), а достичь взаимопонимания с Антантой и белым движением они могли только при условии предательства интересов надднепрянцев.

Переход УГА через Збруч сразу усилил позиции армии УНР. Имея в своем составе 60–85 тыс. штыков¹ (данные здесь различаются, М. Лозинский считает, что в Большую Украину перешла 100-тысячная армия галичан, из них 40 тыс. – боеспособного войска)², петлюровцы получили численное преимущество над красноармейцами. Всего на 1 июня 1919 г. насчитывалось 90 тыс. красноармейцев и около 5 тыс. командиров и политработников³. На украинском фронте, естественно, находилась лишь часть. Так, на главном в то время Каменецком направлении – около 12 тыс. штыков, 800 кавалеристов, 40–50 орудий⁴.

Несмотря на то, что 1 июня 1919 г. был образован Военно-политический союз советских республик – России, Украины, Белоруссии, Латвии и Литвы⁵, единое военное командование бросало

---

¹ См.: Там же. С. 95.

² *Лозинский М.* Галичина в рр. 1918–1920. Прага, 1922. С. 168.

³ См.: *Українська РСР в період громадянської війни. 1917–1920 рр.* В 3-х т. К., 1968. Т. 2. С. 281.

⁴ *Капустянский М.* Похід українських армій на Київ-Одесу в 1919 році (короткий военно-історичний огляд). Львів, 1922. Ч. 3. С. 98.

⁵ Декреты Советской власти. М., 1971. Т. 5. С. 259–261.

основные силы на деникинский фронт, и к тому времени еще не могло эффективно помочь УССР в борьбе с армией УНР.

Общая военно-политическая ситуация и перспективы ее развития представлялись очень сложными. Возможно, наиболее lapидарно обрисовал тогдашние стратегические и тактические расчеты внутри разнородного и различно ориентированного украинского лагеря М. Лозинский: «Вынужденное отступить перед Польшей и Антантой с Галиции, галицкое правительство пошло с армией на Большую Украину под кличем: «Через Киев во Львов». Побить большевиков и укрепить украинскую государственность на Большой Украине, а тогда обратить все силы украинского государства против Польши за освобождение Галиции. А может победа над большевиками и укрепление украинской государственности заставит Антанту признать украинское государство и отдать ему Галицию при улучшении отношений между Польшей и Украиной.

Когда галицкое правительство хотело воевать с большевиками и укреплять украинскую государственность для освобождения Галиции, то правительство Директории... думало также воевать с большевиками и укреплять украинскую государственность ценной Галиции. А именно думало оно за счет Галиции помириться с Польшей, через Польшу добыть признание Антанты и так удержаться против большевиков. Для войны с большевиками оно крайне нуждалось в галицкой армии, однако для заключения мира с Польшей ценой Галиции ему мешало галицкое правительство. Поэтому правительство Директории при помощи левых галицких групп повело упорную борьбу против существования отдельного галицкого правительства, за достижение полного соединения под одной властью. Когда бы упреки против галицкого правительства, как препятствия для полного осуществления идеи объединения, достигли успеха, когда бы галицкое правительство утратило доверие своей армии и вынуждено было уступить, отдавая всю власть Директории, тогда Директория с одной стороны получила бы галицкую армию в свое полное распоряжение, с другой же стороны имела бы свободные руки относительно Галиции в переговорах с Польшей»¹.

Конечно, конкретного плана военно-политической деятельности не существовало. Это были только его главные положения, которые надлежало уточнять в соответствии с той или иной ситу-

---

¹ *Лозинський М.* Галичина в рр. 1918–1920. С. 171–172.

ацией. Для объединения операций обеих армий, в согласовании с Диктатором ЗУНР Е. Петрушевичем, в начале августа 1919 г. был образован Штаб Главного атамана во главе с начальником штаба генералом Н. Юнаковым и генералом В. Курмановичем (представителем от Галицкой армии) – генерал-квартирмейстером штаба.

Достичь однородности двух частей армии УНР, а затем – их органического соединения – с самого начала было непросто, если вообще возможно.

Все это в полной мере проявилось в реальных событиях на фронте, в частности, в ходе предпринятого наступления в августе 1919 г. одновременно в двух направлениях – на Киев (осуществлялось двумя самыми мобильными корпусами УГА) и Одессу (силами подразделений Деевой армии, верных С.В. Петлюре)¹. В оставленный красными Киев, что было сделано под угрозой практически неизбежного разгрома белогвардейцами, первыми 30 августа вошли галицкие корпуса под командованием генерала А. Кравса. Однако, уже с утра следующего дня, переправляясь через Днепр, город начали заполнять деникинские войска генерала Н. Бредова. Накалившуюся атмосферу, начавшие возникать конфликты удалось разрядить двусторонним соглашением: получив ультиматум, реально оценивая свои возможности, галицкое командование распорядилось вывести свои части из украинской столицы².

В походе украинских армий на Киев эпохальным стал факт соединения надднепрянских и галицких сил, которые впервые за несколько веков выступили соборным фронтом за украинскую независимость и государственность. Хотя командование прибегло к неоправданному разделению украинских армий, направив одну часть на Киев, а другую – на Одессу, с точек зрения военно-стратегической, политической, нравственной киевская операция имела очень большое значение. Она сразу стала вдохновляющим примером для всех национально-патриотических сил, одновременно – поучительным уроком накануне новых огромных испытаний Гражданской войны, перед которыми оказалась нация.

---

¹ *Солдатенко В.Ф., Савчук Б.П.* Галицька армія у Наддніпрянській Україні. К., 2004. С. 51–101; *Солдатенко В.Ф.* Гражданская война в Украине. С. 334–375.

² См. подробно: *Машкевич С.* Два дня из истории Киева. 30–31 августа 1919 г. К., 2010.

«Так славно начался и так бесславно закончился поход объединения украинской армии на Киев, – заключает И. Мазепа. – Захватив украинскую столицу ценой больших жертв в борьбе с большевиками, мы уже на второй день без всякой пользы для украинского дела сдали ее новым врагам.

Обходя упомянутые выше недостатки и ошибки, допущенные Надднепрянским правительством и командованием, надо сказать, что киевские события были логичным следствием того политического москвофильства, точнее деникинофильства, которым жили уже в то время Галицкое правительство и командование. Отсюда та легкость, с которой руководители Галицкой армии при первой же встрече с деникинцами безоглядно бросились к ним в объятия»¹. К такому повороту событий оказалось не готовым и окружение Петлюры. Попытки последнего исправить положение оказались запоздалыми и неэффективными².

Более того, из галицкого лагеря, со страниц каменецкого журнала «Стрелец» – органа галицкого правительства и Начальной команды УГА – в С. Петлюру полетели критические стрелы. Автором появившихся тогда статей «К булаве необходима голова» и «О военных специалистах» был О. Назарук – министр печати и пропаганды в правительствах В. Чеховского, и С. Остапенко, который позднее стал правой рукой Е. Петрушевича, его авторитетным советником. В упомянутых статьях главная вина за киевский «позор, который... не имеет себе равного в нашей истории», как и за провалы в военном строительстве вообще, возлагалась на людей, «которые и подпрапорщиками никогда не были и даже военной карты не умеют прочесть»³. Все легко угадывали «в тех людях» Главного атамана С. Петлюру, других атаманов.

Оставив Киев, украинские части под командованием генерала А. Кравса отошли сначала на линию Игнатовка–Васильков, а впоследствии – к Попельне и Казатину, а Пий Галицкий корпус и Сечевые стрельцы безуспешно атаковали Коростень и впоследствии отступили в сторону Житомира и Новоград-Волынского. К концу второй декады сентября Пий Галицкий корпус расположился вблизи Бердичева, а Сечевые стрельцы – в районе Полонное–Шепетовка⁴.

---

¹ Мазепа І. Україна в огні й бурі революції. Т. 2. С. 71.

² Там же. С. 72–74.

³ Там же.

⁴ См.: Історія українського війська. С. 561–562.

Чтобы поднять дух войска и народных масс после сдачи Киева, государственный центр УНР решил публично провести торжественную присягу правительства и войска на верность УНР. Это произошло в Каменце 14 сентября 1919 г., но присяги не приняли ни Е. Петрушевич, ни галицкие правительство и войско.

Обозначившаяся тенденция возможности достижения взаимопонимания между командованием УГА и Добровольческой армией получила дальнейшее развитие, несмотря на провозглашенную 24 сентября войну Вооруженным силам Юга России, то есть деникинцам. Прикрываясь фактом наличия в составе Добровольческой армии громадного количества этнических украинцев (под такими подразумевались 70% выходцев с Кубани), развернулась агитация за сближение с ними, завершившаяся несколькими договорами (6-17 ноября 1919 г.), узаконившими переход Галицкой армии в лагерь деникинцев и полное подчинение им¹. Конечно, положение галичан было безвыходным, усугублявшимся до крайности поразившей формацию жутчайшей эпидемией тифа. Однако, как бы там ни было, отчаянный шаг вверх украинские вооруженные силы, да и всю государственную организацию УНР в подлинную катастрофу.

Остатки Деевой армии С. В. Петлюры, продолжая таять по дороге, вновь спешно откатывались на западные рубежи. Парадоксально, но за ними едва поспевали немногочисленные отряды Красной армии, нанешие сокрушительный удар по Добровольческой армии и оперативно перебрасываемые для овладения освобождающимися почти без сопротивления регионами Украины².

Очевидно, что для объективной оценки тогдашней ситуации большое значение имеет воззвание Директории и Рады народных министров к украинскому народу от 2 декабря 1919 г. В документе – не рассуждения «задним числом» и не эквилибристические упражнения позднейших историков, а честная квалификация положения вещей, без чего принятие решения о любых последующих шагах политического и военного руководства было бы просто невозможным.

«Переход Галицкой Армии на сторону Деникина, – отмечается в документе, – поставил нашу армию в чрезвычайно тяжелое стратегическое и материальное положение, поскольку одновременно с передачей врагу множества военного имущества для его

---

¹ См.: *Солдатенко В.Ф.* В горниле революций и войн. С. 472–506.

² Там же. С. 513–516, 523–524.

наступления была открыта наша большого количества коммуникационная линия. Это заставило государственный аппарат нашей Республики и войско покинуть район Каменца, Проскурова и Староконстантинова и перейти в местность, где бы наша армия могла отдохнуть, поправиться и вновь, как организованная и дисциплинированная сила, пойти в наступление против врага. Отступление армии в тяжелых условиях расстроило наш государственный правительственный финансовый аппарат и разрушило снабжение армии...»¹.

Финал оказался просто ошеломляющим, обескураживающим, хотя вряд ли неожиданным, не вытекающим из внутренней логики развития предыдущих событий.

Диктатор Е. Петрушевич оставил 14 ноября Украину, уехал в Вену, где, собрав остатки правительственных структур, добился 20 декабря официальной денонсации Акта соборности УНР и ЗУНР от 22 января 1919 г.²

Глава Директории, главный атаман войск УНР, не в силах пережить почти полную потерю армии, получившую название «Любарской катастрофы», 6 декабря уехал в Варшаву³.

Небольшая часть бывшей Деевой армии, численностью немногим более 5 тыс. человек, решила прибегнуть к партизанской тактике выживания, отправившись в пятимесячный зимний рейд по деникинским тылам (а с их исчезновением – и по тылам Красной армии) под руководством генерала М. Омеляновича-Павленко⁴.

В последние дни декабря 1919 г. и первые дни 1920 г. совершенно ранее непредвиденные метаморфозы случились с Украинской галицкой армией. Оказавшись на территориях, подконтрольных советской власти, галицкие воины в результате не очень длительных переговоров перешли под начало командования Красной армии, получив официальное наименование Червоний

---

¹ Доценко О. Літопис Української революції. Т. 2. Кн. 4. С. 344–345.

² Любінець І., Чануга С. Скасування Акту злуки ЗУНР і УНР // Міжнародна наукова конференція, присвячена 75-річчю Західно-Української Народної Республіки. 1–3 листопада 1993 р. Івано-Франківськ. 1993. С. 86.

³ Шаповал М. Велика революція і українська визвольна програма. Прага, 1928. С. 164.

⁴ Омелянович-Павленко М. Зимовий похід (6. XII. 1919 – 6. V. 1920pp.) // Спогади командарма (1917–1920): Документально-художнє видання. К., 2007. С. 228–397.

(т.е., на русском языке – Красной) армии – ЧУГА¹. Вновь, как и ранее, главным мотивом явилось стремление во что бы то ни стало самосохраниться.

Конечно, параллельно с кратко упомянутыми процессами, явлениями в жизни Украины происходило очень много других событий, обусловленных сущностью Гражданской войны. Речь, в частности, о размахе подпольного, партизанского, повстанческого движения, к примеру – махновщины в период денikinщины. Нельзя забывать и о колоссальных жертвах того же 1919 г., часто совершенно невинных, как не менее 120 тыс., а то и всех 150-200 тыс. загубленных еврейских жизней во время жутких погромов².

Яркой победной страницей стал разгром Красной армией Белой гвардии. Начавшись осенью под Тулой, он привел зимой к освобождению от денikinцев преобладающей части украинских территорий. Завершалось восстановление советской власти в Донбасе и районах Черноморского и Азовского побережий³.

На конец 1919 г. революционные процессы и Гражданская война в Украине не только прошли большую часть отведенного для них историей временного отрезка. Была преодолена апогейная точка противоборства и начали понемногу проступать контуры завершающих кампаний.

Цветков В.Ж.

Особенности создания артиллерийских позиций Русской армии на Перекопско-Чонгарских укреплениях весной-осенью 1920 г.

Представленная к публикации статья, представляет собой небольшой фрагмент из готовящейся к публикации монографии автора, посвященной особенностям боевых действий Русской армии

---

¹ *Солдатенко В.Ф., Савчук Б.П.* Галицька армія у Наддніпрянській Україні. С. 127–159.

² *Гай Ю.* З ким і проти кого. К., 1980. С. 32; *Будков Д., Веденєєв Д.* Слово правди про Україну. Міжнародна інформаційна діяльність Української держави 1917–1923 рр. К., 2004. С. 65; *Попович М.* Червоне століття. К., 2005. С. 216.

³ *Солдатенко В.Ф.* Гражданская война в Украине. С. 466–467.

(далее – РА) генерал-лейтенанта П.Н. Врангеля в Перекопско-Чонгарской операции, а также организации белого тыла в конце октября – начале ноября 1920 г. Источниковая база по данной теме представлена различными материалами. Имеются разнообразные воспоминания чинов РА, участников обороны позиций на Перекопе, Юшуни и Чонгаре, Литовском полуострове, вдоль берега озера Сиваш (Гнилое море)¹.

Очень хорошим обобщающим источниковедческим трудом стал сборник фрагментов из воспоминаний военных, участников боев на Перекопе, Юшуни и Чонгаре, изданный в 1995 г. московским историком А.И. Дерябиным².

Отдельным источником следует считать материалы, отражающие участие соединений Рабоче-крестьянской Красной армии (далее – РККА) в Перекопско-Чонгарской операции, а также официальную и неофициальную документацию, исходившую от советского военного и политического руководства (командования армий Южного фронта, органов высшего партийного и военного управления)³. Много интересных аналитических материалов содержалось в номерах 1921–1923 гг., выходившего в Харькове (УССР) «научного военно-политического журнала» «Армия и революция»⁴. Дан-

---

¹ *Левитов М.Н.* Материалы для истории Корниловского ударного полка. Париж, 1974; *Павлов В.Е.* Марковцы в боях и походах за Россию. Кн. 2. Париж, 1964; *Кравченко В.М.* Дроздовцы в октябре 1920 года в Крыму. Т. 2., Мюнхен, 1975; *Мамонтов С.И.* Походы и кони. Париж, 1981; Смоленский С. Крымская катастрофа (Записки строевого офицера). София, 1921 и другие.

² Октябрь 1920-го. Последние бои Русской армии генерала Врангеля за Крым. М., 1995.

³ Директивы Главного Командования Красной армии (1917 – 1920). М., 1969; Разгром Врангеля. Харьков, 1920; М.В. Фрунзе на фронтах Гражданской войны. Сборник документов. М., 1941; *Фрунзе М.В.* Избранные произведения. М., 1950; Гусев С.И. Гражданская война и Красная армия. Сборник статей. М., 1959; *Какурин Н.Е.* Как сражалась революция. Том 2. 1919–1920 гг. М.; Л., 1926; Перекоп и Чонгар. Сборник статей. М., 1933 и другие.

⁴ *Попов И.* Штурм и взятие Перекопских и Юшуньских позиций // Армия и революция. № 2–3. Июль–август 1921 г., Харьков. С. 89–96; Ш Е Ф. Крымская кампания. Армия и революция. № 2 (9). Февраль 1922 г., Харьков. С. 92–102; *Радумец.* У последнего барьера (Из боевой жизни Сивашской стрелковой дивизии) // Армия и революция. № 1–2. Январь–февраль 1923 г., Харьков. С. 73–76.

ная историография отражала, главным образом, военный аспект, особенности Перекопско-Чонгарской операции.

Из исследований последних лет, отражающих военно-оперативную, стратегическую и тактическую специфику обороны Крыма в 1920 г., можно отметить статьи В.Е. Горбача, Ю.В. Кокина¹. В работе А.Б. Широкограда сделан весьма категоричный негативный вывод о степени готовности перекопских укреплений к обороне с точки зрения артиллерийской подготовки².

В этой связи представляется необходимым подробнее рассмотреть специфику артиллерийского обеспечения оборонительных рубежей белого Крыма. Рассматривая «врангелевский период» в истории Белого движения на Юге России, следует иметь в виду, что новый Главнокомандующий с первых же дней своего командования четко обозначил приоритет защиты Крыма, как «последней пяти русской земли», на которой «еще развевается национальное знамя».

Поэтому идеологическая позиция о неизбежной, необходимой обороне полуострова, о сохранении на нем белой власти постоянно озвучивалась Врангелем. В конце мая (с 22 мая 1920 г.) руководство строительством укреплений на Перекопе и Юшунь, а также постройкой железной дороги Джанкой – Юшунь, перешло от генерал-лейтенанта Я.Д. Юзefовича к генерал-лейтенанту М.В. Макееву (назначение на должность начальника Перекоп-Сивашского укрепленного района)³. Опытный артиллерист, бывший офицер Лейб-гвардии 1-й артиллерийской бригады, инспектор артиллерии Кавказской Добровольческой армии в 1919 г., он главное внимание уделял созданию на перешейках эффективной системы огневой поддержки обороняющихся. При ознакомлении с составленными чертежами укреплений на Перекопе, Юшунь, вдоль Сиваша и на Чонгаре, можно заметить, что Макеев стремился максимально использовать выгоды местоположения Турецкого вала и Юшуньских позиций.

---

¹ Горбач В.Е. Оборона 3-м армейским корпусом Вооруженных сил Юга России Крымских перешейков в январе 1920 года // Социально-гуманитарное обозрение. № 4 / 2019. С. 16–21; Кокин Ю.В. Последние бои Дроздовской дивизии в ноябре 1920 года на Перекопе: в воспоминаниях и документах // Труды междисциплинарной научно-практической конференции «Феодосийские научные чтения». № 4, 2017. С. 95–102.

² Широкоград А.Б. Упущенный шанс Врангеля. М., 2009.

³ Врангель П.Н. Записки. Кн. 2. // Белое дело. Летопись белой борьбы. Т. VI. Берлин. 1928. С. 92.

Опираясь на опыт прошлых боев, предполагалось, что наступающий противник в той или иной форме вынужден будет вести фронтальные атаки на Перекопе и пытаться овладеть переправами на Чонгаре. Поэтому обширные степные пространства перед Турецким валом должны были охватываться артиллерией на максимально возможную дальность стрельбы. На гребне вала, в его центре, позади старой крепости и на южных окраинах города Перекоп были оборудованы стационарные артиллерийские позиции для двух батарей (исходя из размещения четырех, четырех, двух и пяти орудий на каждой позиции). Сохранилось несколько фотографий, на которых запечатлены артиллерийские орудия крупного калибра. Одна из фотографий показывает английскую гаубицу системы Виккерса МК VI¹. Данные орудия могли быть получены в России еще по старым контрактам, заключенным до лета 1920 г., поскольку во «врангелевский период» истории белого Юга Великобритании не оказывала РА какой-либо военной поддержки. Их использование было достаточно эффективным, ведь гаубичный огонь тяжелыми фугасными снарядами (90,7 кг) на дальнюю дистанцию (около 10 км) наносил серьезный ущерб противнику. Благодаря крупнокалиберным орудиям обеспечивался заградительный огонь по дальним подступам к валу. Проще решалась и проблема доставки этих тяжелых орудий на позицию (без использования железных дорог, на тракторной тяге)².

Насколько достаточным к концу октября 1920 г. было сосредоточение в районе Перекопа значительного числа именно крупнокалиберной артиллерии – спорный вопрос. Конечно, наличие тяжелых орудий само по себе способно создать впечатление неприступности укреплений. В частности, на недостаточном внимании Врангеля к использованию тяжелой артиллерии делал акцент в своей критике А. Широкопад. Но нужно учитывать и следующее: расчет крупнокалиберного орудия нуждается в гораздо большей инженерной подготовке позиции, серьезном техническом обеспечении, в наличии запаса снарядов и зарядов, в боевой подготовке артиллерийского расчета солдат и офицеров, имеющих опыт обслуживания тяжелых орудий. Не менее важен вопрос доставки

---

¹ Гражданская война в России в фотографиях и кинохронике. 1917–1922. Альбом. М., 2018. С. 249.

² Шунков В.Н., Мерников А.Г., Спектор А.А. Русская армия в Первой мировой войне (1914–1918). Военная энциклопедия. М., 2014. С. 105–106.

орудия на позицию, а при отсутствии железнодорожного сообщения рассчитывать приходилось только на гужевою или тракторную тягу (это использовалось при доставке гаубиц Виккерса).

Авторитетный военный исследователь генерал-майор Е.З. Барсуков отмечал высокую эффективность крупнокалиберной артиллерии только при определенных условиях. «...Тяжелые позиционные орудия предназначались для подготовки прорыва укрепленной полосы противника или для осады крепостей. Поэтому предполагалось не устанавливать их в районах нашего расположения, предназначенных для пассивной обороны (а Перекопский район был именно таким – прим. В.Ц.) где они могли принести лишь случайную пользу, не окупающую расхода дорогих снарядов крупного калибра.

Главными преимуществами 254-мм пушки (эти орудия размещались уже на Чонгаре – прим. В.Ц.) являются дальность до 20 км и могущество действия – вес снаряда около 225 кг с разрывным зарядом около 19 кг тротила. Поэтому пушку эту предлагалось применять для стрельбы лишь по удаленным целям большого значения: узлы железных дорог, заполненные неприятельскими войсками пункты, дальнобойная или крупнокалиберная артиллерия противника (по артиллерии малого значения стрельба из 254-мм пушки воспрещалась), военные склады, штабы высшего командования и т.п.

Береговые 152-мм пушки Канэ предназначались главным образом для содействия всей остальной артиллерии, имея задачей обстрел наиболее дальних и притом важных в боевом отношении целей, борьбу с дальнобойной и крупной артиллерией противника (наибольшая дальность пушки Канэ 13,2 км). Для разрушения окопов 152-мм пушки Канэ непригодны вследствие ничтожного фугасного действия бомбы (гранаты) – лишь 2,86 кг тротила. Береговые 229-мм пушки, как 229-мм и 280-мм мортиры и 305-мм гаубицы, рекомендовалось применять для разрушения особенно важных и прочно укрепленных участков неприятельской позиции, преимущественно при атаке укрепленных узлов или крепостей. Задачей этим орудиям ставилось полное уничтожение назначенных им целей (сооружений), но отнюдь не моральное только воздействие на противника.

Огромной разрушительностью действия отличались снаряды 305-мм гаубиц, снаряженные тротилом – около 55 кг у гаубиц Виккерса и до 79 кг у 305-мм гаубиц Обуховского завода; у этих

последних были и более слабые чугунные снаряды с разрывным зарядом лишь около 28 кг. Обуховская 305-мм гаубица превосходила 305-мм гаубицу Виккерса не только мощностью снаряда, но и дальностью: наибольшая дальность первой – 13,3 км, а второй – 10,3 км.

Необходимым условием при стрельбе из позиционных орудий является тщательное наблюдение каждого отдельного выстрела и производимого им разрушения ввиду дороговизны и трудности изготовления снарядов крупного «калибра» (а производство снарядов в белом Крыму отсутствовало – прим. В.Ц.). Признавалось полезным сопровождать стрельбу этих орудий обстрелом уничтожаемых сооружений орудиями меньших калибров, чтобы держать противника под постоянной угрозой поражения. Для разрушения искусственных препятствий и слабых окопов позиционные орудия не должны были применяться («из пушки по воробьям» – прим. В.Ц.).

Обращалось особое внимание на организацию питания огнестрельными припасами ввиду большой тяжести боевого комплекта выстрелов и трудности его доставки. При плохом состоянии дорог передвижение этих орудий становилось крайне затруднительным, иногда даже невозможным, особенно для 203-мм и 234-мм гаубиц Виккерса (именно они стояли у вала – прим. В.Ц.), передвигаемых тракторами (остальные тяжелые орудия имели конную тягу).

В позиционный период войны тяжелые орудия выдвигались на боевую линию обычно только для подготовки прорыва укрепленной полосы противника и только на тех участках, где имелись соответствующие их свойствам задачи. При этом приходилось считаться и с состоянием дороги и с тем, что на занятие и снятие с позиции необходимо дать достаточное время. По выполнении задачи в одном районе тяжелые орудия могли быть переброшены в другой район...»¹.

Фланговые участки Турецкого вала защищались полевой артиллерией среднего калибра (русские орудия калибра 76,2-мм и французские калибра 75-мм системы «Шнейдер»). Здесь предполагалось рассредоточенное размещение расчетов одной артиллерийской батареи на обычных позициях, без обеспечения специального подвоза снарядов (два и четыре орудийных расчета с левого фланга, со стороны Черного моря и два орудийных расчета на пра-

---

¹ Барсуков Е.З. Артиллерия Русской армии (1900–1917 гг.) М., 1948. Т. 1. С. 241–245.

вом фланге, со стороны озера Сиваш). Эти расчеты могли вести эффективный фланкирующий огонь.

Беспорным преимуществом стационарных артиллерийских расчетов являлось их расположение «за валом», то есть вне зоны обстрела прямой наводкой со стороны артиллерии РККА. В свою очередь артиллерия РА могла вести результативный навесной огонь с закрытых позиций. При необходимости же не исключалось и ведение огня непосредственно с самого вала (полевыми орудиями) прямой наводкой или даже (что позднее оправдалось) стрельбой «через ствол», то есть без использования прицела.

Теоретически предусматривалась также возможность обстрела наступающего противника орудиями Черноморского флота со стороны Каркинитского залива. Но из-за недостаточной глубины (до 10 метров в восточной части, прилегающей к Турецкому валу, район Перекопского залива) подойти к берегу на максимально допустимое расстояние могли лишь корабли с малой осадкой (канонерские лодки, некоторые типы миноносцев).

На территории позади Турецкого вала и до первых рядов обороны у Юшуни отсутствовали позиции, предназначавшиеся для артиллерийских расчетов. Но на левом берегу озера Соленое, прикрывая дорогу между ним и Сивашом, располагались позиции четырех тяжелых орудий. Для прикрытия Карповой балки, ведения фланкирующего огня на Чувашский (Литовский) полуостров и на броды через Сиваш, перед селением Колодези размещалась крупнокалиберная артиллерия (четыре орудия), а позади него и у побережья Сиваша – полевая артиллерия среднего калибра (три позиции для четырех расчетов каждая).

Очевидно слабым участком обороны становились остальные линии Юшуньских укреплений. Здесь лишь у самой станции Юшунь располагалась стационарная позиция для четырех тяжелых орудий (очевидно также английские гаубицы системы Виккерса 203-мм калибра). Однако, по свидетельству редактора военно-исторического сборника «Перекоп и Чонгар», участника штурма А.В. Голубева в районе Юшуни дислоцировались расчеты «2-3 батареи 8-ми дюймовых, одна – 12 дюймовая»¹.

Дислокация у Юшуни 305-мм орудия маловероятна, хотя именно этот калибр береговой артиллерии мог быть демонтирован и

---

¹ Голубев А.В. Перекопско-Чонгарская операция // На путях к Чонгару и Перекопу. М., 1933. С. 57.

доставлен к месту сборки по железной дороге. Но, так как, железнодорожная ветка от Джанкоя уже действовала, к ближнему тылу последнего оборонительного рубежа (даже до Армянского Базара) могли подойти и бронепоезда. Более оправданно было бы применение здесь 152-мм орудий Канэ.

Относительно прочными могли считаться позиции у Сивашского и Чонгарского мостов, на Тюп-Джанкойском полуострове. Здесь, на правом фланге крымского оборонительного рубежа, гораздо эффективнее могли действовать орудия с канонерских лодок 2-го отряда Черноморско-Азовского флота, блокируя возможность прохода частей противника по Арабатской стрелке. На укрепленных стационарных позициях для четырех расчетов у станции Таганаш размещались орудия, снятые с кораблей Черноморского флота, орудия береговой обороны, перенесенные из Севастопольской крепости (калибра 102 – мм, пушки Канэ калибра 152-мм и калибра 254-мм). Стационарные позиции обеспечивались подачей снарядов по специально смонтированным рельсам. Доставка и установка здесь данных орудий облегчалась бесперебойной работой железной дороги. На Чонгаре установка тяжелой крепостной и морской артиллерии, орудий Канэ вполне оправдывалось (в отличие от Перекопа), так как здесь они могли вести эффективную борьбу с бронепоездами РККА, а также противодействовать огню со стороны Азовской флотилии РККФ. Предусмотрительно были подготовлены и площадки для полевой артиллерии. Но, поскольку, как отмечалось выше, позиции вдоль железных дорог были достаточно узкими, ограниченными озерами и дефиле, легко простреливаемыми фронтальным огнем, то основную огневую нагрузку здесь также могли нести бронепоезда РА.

Таким образом, нет никаких оснований считать артиллерийскую оборону Перекопа и Чонгара не продуманной, лишенной смысла. Напротив. Генерал Макеев, многие его помощники, несмотря на крайнюю ограниченность времени, сил и средств, смогли создать относительно прочную, эшелонированную оборонительную систему (от первых линий окопов на выходах в Северную Таврию до последних оборонительных рубежей у Юшуни). Эта система обосновывалась не только теоретическими принципами тактики, оперативного искусства, уставными нормативами, но и опытом ведения боевых действий начала XX столетия.

Выгодность естественного расположения Перекопа и, особенно, Чонгара, отмечалось многими. Примечательны характери-

ки данные в книге публициста Григория Раковского: «...Нужно сказать, что природные преимущества были на стороне Крыма. Сама природа создала из Крыма крепость с двумя выходами из нее – с Чонгарским мостом и Перекопским перешейком. Первый представлял из себя чрезвычайно узкое дефиле, – полотно железной дороги на протяжении 2–3 ½ верст. Второй – есть не что иное, как то же дефиле, хотя и более широкое, местами достигающее семи верст. Но при обороне проходимость его для противника значительно сокращалась в виду того, что перешеек тянулся на 15–20 верст. Таким образом, атакующие части как бы втягиваются в бутылку, теряя с продвижением вперед связь с главными силами и свободу маневрирования...»¹.

В районе Чонгара линии обороны оказались наиболее подготовленными к осени 1920 г. Но, очевидно, что и построить их, по причине меньшей площади обороняемой территории, было проще, быстрее и, возможно, дешевле. Именно их демонстрировал Врангель представителям военных миссий иностранных государств, прибывшим в Крым в конце августа. По его воспоминаниям «...утром 31-го августа поезд остановился на станции Таганаш, и мы на автомобилях выехали для осмотра части укрепленной позиции. Работы на этом участке фронта были наиболее закончены. Густая сеть проволоки, блиндажи, сложный лабиринт окопов, искусно маскированные батареи. Недавно установленная тяжелая крепостная батарея производила пробную стрельбу. Наши аэропланы корректировали. Прибывшие могли воочию убедиться в огромной работе, сделанной за последние несколько месяцев, почти при отсутствии средств...»².

Последнее утверждение Врангеля, безусловно, соответствовало истине. Средств для надлежащего оборудования укреплений явно не хватало.

Тем не менее, расчет на создание позиций, обеспеченных, в первую очередь, хорошо продуманной организацией артиллерийского огня, оправдал себя, как будет показано далее. Результативность подготовки к обороне обеспечивалась еще и тем, что все пространства перед Перекопскими и Чонгарскими укреплениями заблаговременно изучались военными топографами. Удалось рас-

---

¹ *Раковский Григорий*. Конец белых. От Днепра до Босфора (Вырождение, агония и ликвидация). Прага, 1921. С. 175.

² *Врангель П.Н.* Указ. Соч. С. 183–184.

считать углы обстрела, подготовить направления огня с закрытых позиций, заранее, по конкретным квадратам, пристрелять стационарные дальнобойные орудия¹.

Показательна оценка артиллерийской подготовки Перекопа и Чонгара начальником Марковской пехотной дивизии генерал-майором М.А. Пешней, участником боев на Перекопе. «...Русская Армия, впитавшая в себя ясные и полные понятия о нравственном долге, – на этих позициях, как нигде и никогда никем в истории, показала примеры мудрого распределения своих малочисленных сил перед в 100 раз превосходящими силами противником и инстинктивно учла всю необходимость самоотверженной защиты последней пяти Русской земли... Строевые начальники идеальным образом разработали план обороны позиции, особенно сложную систему наилучшей артиллерийской обороны...»².

---

¹ Описания дислокации артиллерийских позиций даны на основе составленных карт-схем в приложении к статье И. Попова «Штурм и взятие Перекопских и Юшуньских позиций» // Армия и революция. № 2-3. Июль–август 1921 г., Харьков. С. 89–96.

² Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. 5881. Оп. 2. Д. 562. Л. 4 об.

Трибуна иностранного гостя

Й.П. Нильсен

Потерянная граница. Норвегия и гражданские войны на Крайнем Севере (1918–1920)¹

Революционные события в России в 1917 г. и последующая за ней Гражданская война стали во многом переломными в отношениях российского государства со странами Северной Европы, в том числе, и с Норвегией. Сегодня среди норвежцев бытует такое мнение, что представление о русской военной угрозе для Норвегии как раз возникло в результате Русской революции и советского коммунизма. Но данное представление не соответствует реальности. Русофобия в Норвегии намного старше 1917 г. и уходит корнями еще в эпоху Наполеоновских войн. Она стала, по сути, отголоском того, что в начале XIX столетия произошло на поле боя Европы. Так, с поражением Наполеона и внезапным появлением русской армии в Западной Европе в 1813–1814 гг., сначала в сражении под Лейпцигом в октябре 1813 г., а затем при ее вступлении в Париж 31 марта 1814 г. во главе с императором Александром I, буржуазия Европы предположила, что Россия якобы угрожает европейской цивилизации. Многие представляли себе, как пишет нидерландский историк Бруно Нарден, что Россия вскоре возьмет контроль над континентом, чтобы провести русификацию всей Европы².

В Норвегии русофобия появилась чуть позже, в 1830-е гг. Тогда возникли опасения, что России нужны незамерзающие порты на побережье Северной Норвегии, необходимые для развития

---

¹ Настоящая статья является переработанной и дополненной версией статьи: Нильсен Й.П. Гражданские войны на Крайнем Севере (1918–1920) и их последствия для Норвегии // *Международная интервенция и Гражданская война в России и на Русском Севере. Ключевые проблемы, историческая память и уроки истории*. М., 2020. С. 178–188.

² *Naarden B. Socialist Europa and Revolutionary Russia: perception and prejudice 1848-1923*. Cambridge: Cambridge University Press, 1992. P. 31.

российского военно-морского флота. Такое представление стало определяющим для шведско-норвежской политики по отношению к России вплоть до 1905 г., когда шведско-норвежская уния распалась и Норвегия стала самостоятельным государством¹. Однако страх перед российской великой державой не исчез в Норвегии и после 1905 г., но, можно сказать, что он стал более приглушенным. Еще в 1915 г. норвежский генеральный штаб отмечал, что Россия – это единственная страна, которая могла бы атаковать Финнмарк, т.е. самую северную губернию Норвегии, граничащую с Россией². Между тем, когда два года спустя император Николай II отрёкся от престола, ведущие норвежские политики признали, что старая, царская Россия, которая теперь погибает, на самом деле была мирным соседом; что между Норвегией и Россией никогда не было войны; и т.д. Они искренне беспокоились о том, что Норвегия может потерять такого мирного соседа на северо-востоке, где две страны с 1826 г. имели общую границу³.

Вместо того, чтобы рассматривать 1917 г. как источник норвежской русофобии, было бы правильнее посмотреть на революционные события того времени как на период временного прекращения страха (позже, к концу 1930-х гг., этот страх все-таки вернулся в связи с советско-финляндской войной 1939–1940 гг.). Прежде всего, отметим, что в результате революции и последующей за ней Гражданской войны Россия оказалась сильно ослаблена в военном отношении, и Норвегии явно нечего было бояться. Зато Финляндия в этот период стала независимым государством и вскоре пробила себе дорогу к Ледовитому Океану. В результате этих изменений у Норвегии с 1920 года уже не было общей границы с Россией, которая, фактически, отодвинулась дальше, на восток. Близость и связи с Россией стали значительно слабее, и в последующие годы страна все реже и реже фигурировала в норвежских военных сценариях⁴.

---

¹ Сближение. Россия и Норвегия в 1814–1917 годах / ред. Й.П. Нильсен М., 2007. С. 451–478.

² *Eriksen K.E., Niemi E.* Den finske fare. Sikkerhetsproblemer og minoritetspolitikk i nord 1860–1940. Oslo; Bergen; Tromsø, 1981. S. 135.

³ *Eriksen K.E., Niemi E.* Den finske fare. Sikkerhetsproblemer og minoritetspolitikk i nord 1860–1940. Oslo; Bergen; Tromsø, 1981. S. 158, 355.

⁴ *Holtmark S.G.* (red.). Naboer i frykt og forventning. Norge og Russland 1917–2014. Oslo, 2015. P. 78–84.

Как бы взамен традиционной русской угрозе, ставшая независимой Финляндия, сразу была воспринята как очередная и очень серьезная угроза для Норвегии. Правда, страх перед финским экспансионизмом существовал и раньше, в XVIII–XIX вв., главным образом по причине большой волны иммиграции в Северную Норвегию так называемых квенов, т.е. выходцев из Финляндии и финско-язычной части Северной Швеции. Первоначально беспокойство по поводу квенов рассматривалось как аспект русской угрозы, поскольку большинство квенов были подданными Российской Империи. Но когда Финляндия отделилась от России в декабре 1917 г., она оказалась уже самостоятельной проблемой для безопасности Норвегии. После этого норвежцы считали возможной финскую экспансию в направлении Ледовитого Океана, которая могла бы также затронуть и Норвегию. Но главной целью нового финского правительства, как полагали в Норвегии, являлось включение территории Печенги (по-фински, Петсамо) в состав новой, независимой Финляндии¹.

Финские политики уже давно бросали свои взоры на Печенгу. Еще в 1864 г. Александр II подписал указ об обмене «территориями» между Россией и Финляндией, когда завод по производству винтовок, расположенный в Сестрорецке на Карельском Перешейке, был переведен в Петербургскую губернию. В связи с этим переездом Финляндии вроде бы была обещана полоска земли на Мурманском берегу². В результате этого, интерес к Печенге среди финских политиков существенно возрос, и все чаще упоминался тот плачевный факт, что Финляндия в итоге норвежско-русского разграничения и установления границы в 1826 г., в котором Финляндия не участвовала, оказалась совсем отгорожена от Ледовитого Океана. Вопрос о границах был вновь поднят Улеаборгским губернатором в 1882 г., а затем и финским парламентом. Однако притязания финнов были решительно отвергнуты и сняты с по-

---

¹ *Eriksen K.E., Niemi E.* Den finske fare. Sikkerhetsproblemer og minoritetsspolitikk i nord 1860–1940. Oslo; Bergen; Tromsø, 1981. S. 135.

² *Lähteenmäki M.* The flexible Frontier. Change and Continuity in Finnish-Russian Relations. Helsinki: University of Helsinki, 2007. S. 155–156; *Nyyssönen J.* The Finnish Presence on the Murman Coast – the Era of Petsamo 1920-1944 // *Yurchenko A., Nielsen J.P.* (eds.). In the North My Nest is Made. Studies in the History of the Murman Colonization 1860–1940. St Petersburg, 2005, S. 207–211.

вестки дня российским Министерством внутренних дел. Вопрос о выходе к Ледовитому Океану был снова поднят финнами только в 1917–1920 гг., когда революционные события 1917 г. и Гражданская война в России сделали финскую мечту уже более реалистичной.

По мнению норвежцев, финский экспансионизм в северном направлении мог вполне затронуть Норвегию. Так, книга финского педагога и историка Гуннара Сарвы «*Suomen pääsy Jäämerelle: selonteko kysymyksen aikaisemmista vaiheista*» («Выход Финляндии к берегам Ледовитого океана, Пояснительная записка о предыдущих этапах рассмотрения вопроса»), изданная в Хельсинки (1917), вызвала большой переполох в Норвегии¹. В ней Г. Сарва повторил, в частности, давние сожаления о том, что при разграничении Норвегии и Российской Империи в 1826 г., Финляндия потеряла все свои старинные права у берега Ледовитого Океана.

В 1919 г., другой финский историк и видный социал-демократический политик Вейно Войонмаа издал свою книгу «*Suomi Jäämerellä*» («Финляндия у Ледовитого Океана»), где написал, что у Финляндии, несомненно, есть «исторические, национальные и экономические права» на то, чтобы добраться до Ледовитого Океана. «Вопрос о Ледовитом Океане является важным делом для всей Финляндии», – утверждал в итоге В. Войонмаа. Более того, он написал даже о возможном строительстве финского порта в Южном Варангере, т.е. в самой восточной части Финнмарка, и необходимости проложить в перспективе в данной местности железную дорогу². В Норвегии такое высказывание было воспринято как утверждение о том, что в высших кругах финского общества есть люди, которые смотрят на Южный Варангер, т.е. на часть норвежской территории, как на земли, способные увеличить территорию Финляндии.

Появление столь откровенных финских изданий было воспринято норвежцами как открытая угроза Норвегии, которая в такой обстановке якобы рисковала потерять Южный Варангер. Не помогло

---

¹ Sarva G. Suomen pääsy Jäämerelle: selonteko kysymyksen aikaisemmista vaiheista; senaatin kulkulaitostoiminnan toimesta laatinut. Helsinki, 1917. 14 s. Книга Г. Сарвы была переведена на норвежский язык в 1918 г., но так и не напечатана; Eriksen K.E., Niemi E. Den finske fare. Sikkerhetsproblemer og minoritetspolitikk i nord 1860–1940. Oslo; Bergen; Tromsø, 1981. S. 133.

² Voionmaa V. Suomi Jäämerellä. Helsinki: Edistysseurojen kustannusoy, 1919; Eriksen K.E., Niemi E. Den finske fare. Sikkerhetsproblemer og minoritetspolitikk i nord 1860–1940. Oslo; Bergen; Tromsø, 1981. S. 137.

даже то, что высокопоставленные политики Финляндии, в том числе, премьер-министр П.О. Свинхувуд, опровергли представления норвежцев о «финской угрозе» как полностью необоснованные. Однако норвежские власти не доверяли финнам и усилили пограничную охрану на севере страны. То, что менее известно, так это секретные планы норвежских властей провести превентивные мероприятия, которые заключались, между прочим, в территориальной экспансии в том же районе, который финны вроде бы планировали захватить.

Инициатором территориальных устремлений Норвегии стал Фредрик Ведель Ярлсберг, посланник Норвегии в Париже и в то же время родственник Фритьофа Нансена¹. Норвежские историки Кнут Эйнар Эриксен и Эйнар Ниemi, которые в 1981 г. издали новаторскую книгу «*Den finske fare*» (Финская угроза) отмечают, что эти планы были не только оборонительные, а несли в себе отпечаток норвежского этноцентризма и национализма, т.е. тех же черт, которые в межвоенный период, между прочим, привели к норвежским территориальным аннексиям в Арктике и Антарктике. Заметим, что норвежский национализм, который до 1905 г., в основном, оставался либеральным, именно в двадцатые и тридцатые годы XX века приобрел явные черты правого толка².

Когда читаем об этих планах и высказываниях сегодня, спустя сто лет, кажется, тем не менее, что норвежские ведущие политики вели достаточно осторожную линию в вопросе о границе на северо-востоке. Это, прежде всего, объясняется тем фактом, что вопрос решительно касался не только двухсторонних норвежско-финских отношений, но и России, которая как бы притаилась где-то за кулисами. Кроме того, зимой 1918 г. полыхала финская Гражданская война. В таких условиях норвежские политики и чиновники с беспокойством все чаще обращали свои взоры на северное приграничье, задавая вопрос: Может ли борьба между красными и белыми финнами затронуть норвежские территории? К счастью, этого не случилось, хотя имели место маленькие стычки в долине Пасвик (Пазрека), совсем рядом с норвежской границей, между белофиннами и большевиками.

В таких условиях существовал риск того, что всё гражданское население, проживающее тогда на русской стороне долины Пасвик,

---

¹ *Wedel Jarlsberg F. Reisen gjennem livet.* Oslo: Gyldendal Norsk Forlag, 1932.

² *Fure O-B. Mellomkrigstid 1920-1940.* Oslo: Universitetsforlaget, 1996. S. 25–52.

было бы вынужденно искать убежище в Норвегии¹. Но такого исхода дела не случилось. Однако российские саамы, так называемые скольты (коренные жители приграничных территорий), в большинстве своём были все же вынуждены убежать в Норвегию во время продвижения финнов в Печенгу в 1918 г. Когда финнам через некоторое время пришлось отступить, саамы-скольты вернулись домой, но в 1920 г., когда Финляндия вступила во владение Печенгой, они снова переехали в Норвегию. Во время своего пребывания в Норвегии в период территориальной неопределенности, скольты провели голосование, в результате которого они обратились к норвежским властям с просьбой о том, чтобы Норвегия стала владельцем их родных земель, т.е. восточной части Пазрецкой долины. Главное для них, пожалуй, было не попасть под власть финнов, которые по их рассказам, жестоко вели себя во время своего продвижения в Печенгу².

Одновременно с происходящими событиями на приграничных территориях через северные гавани в Норвегию начали прибывать российские эмигранты. Именно тогда Норвегия и особенно ее Север впервые столкнулись с проблемой приема большого количества эмигрантов вообще. Началом эмиграции можно считать сентябрь 1919 г., когда англичане-интервенты начали покидать Русский Север. Среди уезжавших из России людей, как правило, бравших с собой семьи, оказались разнообразные категории лиц. В частности, это были промысловики и крестьяне, имевшие тесные торговые связи с Норвегией еще до революции, и бизнесмены-лесопромышленники из разных стран, в том числе, норвежцы, которые работали в России, особенно в Архангельске и Онеге, во многом усвоили ее культуру, язык и даже имели российское гражданство³.

---

¹ *Eriksen K.E., Niemi E.* Den finske fare. Sikkerhetsproblemer og minoritetspolitikk i nord 1860–1940. Oslo; Bergen; Tromsø, 1981. S. 134–135.

² *Andresen A.* Sii'daen som forsvant. Østsamene i Pasvik etter den norsk-russiske grensetrekningen i 1826. Kirkenes: Sør-Varanger Museum, 1989. S. 143–145; Soleim M.N. Russian Emigration from Murmansk to Varanger before and after the revolution (1800–1920) // Россия. Мурман. 1917. Красноярск, 2018. С. 162.

³ *Абрахамсен Э.* Из Серегова в Онегу. Воспоминания о норвежском лесном бизнесе в России. Архангельск: САФУ, 2016; *Тевлина В.В.* Деятельность норвежских лесопромышленников в Северной России и Сибири в 1890–1920-е годы // Международные отношения на Европейском Севере и в Арктике в первой четверти XX века: исторический опыт и современность. Архангельск. 2015. С. 218–229.

Пик появления русских беженцев в Норвегии пришелся на конец февраля 1920 г., когда ледокол «Козьма Минин», прибывший из Архангельска, причалил в гавани города Тромсё, столицы норвежского Севера. На борту судна был генерал Е.К. Миллер и возглавляемое им правительство Северной области, а также другие белые офицеры и сторонники белого движения. Они бежали из Архангельска в последнюю минуту, когда большевики вернулись в город, и взяли курс на Мурманск. Но по дороге беженцы узнали, что красные части захватили власть и в этом городе, и поэтому приняли решение не заходить в Мурманский порт, а продолжать движение на ледоколе в норвежские воды. На борту «Козьмы Минина» было более тысячи человек, но по пути в Норвегию часть из них из-за перегруза судна была пересажена на пассажирский пароход «Ломоносов», который шёл также в это время из Мурманска в Норвегию¹.

Многие пассажиры боялись, что в Норвегии с ними обойдутся сурово, так как они уже слышали раньше, что норвежские рабочие сочувствуют большевикам. На деле это оказалось не так и далеко от правды. Уже в 1919 г. Норвежская рабочая партия, которая организовала под своим началом почти все социалистические силы страны, стала членом Коммунистического Интернационала и, таким образом, отождествляли себя с революционной борьбой. Более того, Норвежская рабочая партия была особенно сильна именно на Севере². Тем не менее, к своему удивлению, российские беженцы по прибытии в город Тромсё были тепло приняты проживавшей в нем северо-норвежской буржуазией, которая явно сочувствовала этим жертвам Русской революции и Гражданской войны³.

Большая часть пассажиров-эмигрантов, которые прибыли на «Козьме Минине», вскоре покинули Норвегию, устремившись в

---

¹ *Barr W.* General Miller's Flight from Arkhangelsk. February 1920//Polar Record, 1980. Vol. 20. № 125. P. 119–125; *Tevlina V.V.* Russian Emigration to Norway after the Russian Revolution and Civil War // *Myklebost K.A., Nielsen J.P., Rogatchevski A.* (eds.). The Russian revolution of 1917. The Northern Impact and Beyond. Boston, 2020, с. 69–73.

² *Tjelmeland H.* The Impact of the October Revolution on the North-Norwegian Labor Movement // *Myklebost K.A., Nielsen J.P., Rogatchevski A.* (eds.). The Russian revolution of 1917. The Northern Impact and Beyond. Boston: Academic Studies Press, 2020. P. 118–122.

³ *Mørck S.* Pappa – en russisk flyktning. Oslo, 2010. S. 62–88.

крупные колонии русской эмиграции в южные широты Европы. Другая часть пассажиров ледокола вернулись на юг России, где Гражданская война еще не закончилась, чтобы продолжить борьбу с большевиками. Те немногие беженцы, которые остались в Норвегии, оказались способны достаточно быстро интегрироваться в норвежское общество, правда, пережив при этом значительную социальную деградацию¹.

На самом деле мы не знаем точно, сколько российских граждан покинуло родину в эти годы. В исторической литературе имеются разные расчеты: от полутора до двух или даже трех миллионов человек. Более трезвую оценку уехавших из России граждан после многосторонних подсчетов приводит Катрин Гусефф, издавшая в 2014 г. свою монографию о русской эмиграции первой волны во Франции. Она пришла к выводу, что не более 700 тыс. россиян оставили родину в результате революционных волнений 1917–1920 гг.² Если мы берем за основу данную общую цифру, то только одна тысячная часть из эмигрантов, т.е. около 700 человек, выбрали Норвегию как свою новую страну пребывания³.

В первое время после приезда российским эмигрантам в Норвегии приходилось терпеть явное недовольство со стороны норвежской рабочей прессы. Она писала, что русские беженцы нетрудолюбивые, привыкли жить за счет работы других в роскоши, и что они якобы отбирают работу у норвежских рабочих⁴. Газета «Афтенпостен», главный печатный орган консервативной партии Норвегии, выразила более традиционную боязнь в отношении иностранцев вообще, написав следующее: «Значительная часть

---

¹ Нильсен Й.П., Тевлина В.В. Норвежская судьба палеонтолога – петербуржца-эмигранта Анатолия Евгеньевича Гейнца (1898–1975) // Новейшая история России, 2020. Т. 10 (№ 4). С. 933–947.

² Гусефф К. Русская эмиграция во Франции. Социальная история (1920–1930-е годы). М., 2014. С. 62–63.

³ Morken B. Kvite russiske emigranter i Norge. Hovedoppgave i historie, Universitetet i Oslo, 1984; Soleim M.N. Russian Emigration from Murmansk to Varanger before and after the revolution (1800–1920) // Россия. Мурман. 1917. Красноярск, 2018. С. 181–197.

⁴ Тевлина В.В. Эмиграция из России в Норвегию и на ее Север в XX – начале XXI столетий. Волны и особенности // Myklebost K.A., Bones S. (eds.). In the North, the East and West meet. Festschrift for Jens Petter Nielsen. Stamsund, 2019. С. 182–183.

тех русских, которые приехали сюда, не будут желательным приростом к нашей нации». Газета также апеллировала к норвежским властям, чтобы они тщательно контролировали иммиграцию: «[...] и со скептицизмом смотрели на всех новых людей, которые из чуждой нам среды и культуры России ищут убежище в нашей стране»¹.

Еще больше буржуазия Норвегии беспокоилась о том, что норвежские социалисты под влиянием Октябрьской революции могли реально захватить власть в Норвегии. Но данная «красная угроза» была, прежде всего, внутренней угрозой и отличалась от «русской угрозы», которая ассоциировалась в стране со страхом перед Россией, воспринимаемой как внешняя военная угроза. Между тем, как мы отметили выше, такая угроза более или менее исчезла после революции, потому что Россия была охвачена длительной внутренней революционной борьбой, в ходе которой она потеряла общую границу с Норвегией².

Между тем, в этот период появились многочисленные вопросы, которые мучили и беспокоили норвежские власти всё больше и больше: Будет ли вообще буржуазное правительство Финляндии продвигаться к Северному Ледовитому Океану? Займет ли Финляндия не только Петсамо, но и часть норвежской территории, может быть даже в сотрудничестве с Германией, которая еще не проиграла Первую Мировую войну? И, наконец, как отнеслись бы квенны к возможному захвату Финляндией норвежской территории на Севере?

В поисках ответов на возникшие вопросы созрели различные планы по расширению территории Норвегии в приграничье, на участке между Норвегией и теми землями, которые всё ещё считалась российской территорией, но на которую активно претендовала Финляндия. Такой наступательный подход со стороны Норвегии, как тогда считалось, мог бы стать эффективной преградой против возможных финских планов по захвату норвежской земли. Поступали разные предложения о расширении норвежской территории. Так, лесничий Магнус Клерк, служивший в приграничье, предупредил, например, о том, что Финляндия будет неприятным соседом на севере, но одновременно подчёркивал экономические

---

¹ Russere // *Aftenposten*, 1919. 9 August. P. 1.

² *Fure O-B. Mellomkrigstid 1920-1940*. Oslo: Universitetsforlaget, 1996. S. 77–84.

выгоды в том случае, если Норвегия становится хозяином обеих сторон долины Пасвик¹. Но более серьёзным в перечне предложенный стал текст телеграммы, которую получил министр иностранных дел Норвегии того времени Нильс Илен от норвежского посланника в Париже, барона Фредерика Веделя Ярлсберга. В послании барон обратил внимание на возможности расширения границ Норвегии, которые могли бы дать стране решения Версальской мирной конференции, собравшейся в январе 1919 г.

Норвегия, правда, не участвовала в Первой мировой войне и, наверно, не имела значительных прав вкушать плоды победы после неё. Однако, по мнению посланника в Париже, Норвегия всё же существенно содействовала победе союзников, потому что её большой торговый флот во время войны помогал странам Антанты. Поэтому Ведель Ярлсберг полагал, что Норвегия в полной мере могла претендовать на новые территории. Он был готов требовать не только Шпицбергенские острова, которые имели статус ничейной земли, но и часть Мурманского берега, и ещё так называемый Финский клин, узкую полосу финской земли, расположенную между Швецией и Норвегией на севере. Посланник даже хотел приобрести для Норвегии немецкую колонию в Восточной Африке, которая могла бы стать поставщиком сырья для норвежской индустрии. Однако норвежское правительство запретило Веделю Ярлсбергу выдвигать какие-либо требования о колониях в Африке, а также о Мурманском берегу².

Между тем, Веделю Ярлсбергу было дано разрешение работать дальше по Шпицбергенскому вопросу. В итоге, в 1920 г. был подписан трактат, который дал Норвегии суверенитет над Шпицбергенским архипелагом. Работа в данном направлении оказалась облегчена тем фактом, что охваченная революционными событиями Россия не была приглашена на переговоры, которые проходили в ходе Версальской Мирной конференции. Тем не менее, норвежские власти хотели заручиться подписью Советской России, прежде чем Норвегия могла бы вступить во владение Шпицбергенскими островами. Только спустя четыре года, в 1924 г., советское правительство пообещало признать трактат по Шпицбергену. Ответным жестом со стороны норвежцев стало признание советского

---

¹ *Eriksen K.E., Niemi E. Den finske fare. Sikkerhetsproblemer og minoritetspolitikk i nord 1860-1940. Oslo-Bergen-Tromsø, 1981. S. 155–156.*

² *Wedel Jarlsberg F. Reisen gjennem livet. Oslo, 1932. S. 371–372.*

правительства и установление дипломатических отношений с Советским Союзом¹.

Другая задача, с которой посланник Норвегии в Париже мог работать дальше, касалась как раз требования о получении русского Пасвика как оборонительного рубежа против финской экспансии в этом районе. Ведель Ярлсберг сообщил норвежскому министру иностранных дел, что державы Антанты сочувствуют норвежским планам о расширении границы на севере. Между тем, они подчеркнули, что этот вопрос должен найти свое решение в переговорах между всеми сторонами, и не будет рассмотрен на Версальской мирной конференции².

Ведель Ярлсберг был того мнения, что несмотря на исход гражданских войн на Крайнем Севере, переговоры с Финляндией надо начать как можно раньше, чтобы опередить финскую оккупацию. Он подчеркивал, что Норвегия должна использовать такой случай, чтобы избавиться от старых сервитутов русских саамов-скольтов на норвежской стороне границы, в частности, их прав на ловлю сёмги в реках в Южном Варангере. Идеи Веделя Ярлсберга поддерживал Андреас Тоструп Урбю, в то время посланник Норвегии в Финляндии и бывший губернатор Финнмарка. Урбю тоже был того мнения, что не надо требовать особых регулирований границы, если Россия продолжит быть нашим соседом. Но в отличие от Веделя Ярлсберга, Андреас Урбю убеждал руководство страны в том, что Норвегия должна поддерживать Финляндию в этом вопросе, потому что в перспективе лучше иметь как соседа маленькую страну, чем великую державу. В этом мнении его, наоборот, не поддерживал другой бывший губернатор Финнмарка, Николай Груве Пребенсен, влиятельный на протяжении 1905–1918 гг. первый и последний посланник Норвегии в царской России. Он предупредил, что если Норвегия поддержит требования Финляндии на Мурманский берег, то «Россия, когда страна снова приведет [свои вещи] в порядок, не забудет нам этого»³.

Получается, что Норвегия в целом в 1918–1920 гг. официально поощряла советскую власть придерживаться Печенги, как бы странно это сегодня не звучало. Финны, со своей стороны, чув-

---

¹ *Berg R. Norge på egen hånd: 1905–1920. Oslo, 1995. S. 154–173.*

² *Berg R. Norge på egen hånd: 1905–1920. Oslo, 1995. S. 365–372.*

³ *Eriksen K.E., Niemi E. Den finske fare. Sikkerhetsproblemer og minoritetspolitikk i nord 1860–1940. Oslo-Bergen-Tromsø, 1981. S. 159.*

ствовали себя оскорблёнными и задавали себе вопрос: Почему Норвегия предпочитает коммунистическую Россию буржуазной Финляндии? В апреле 1920 г. норвежское правительство отправило Советской России официальную ноту, где заявило, что не потребует урегулирования вопроса о границе на Севере, если Печенга останется русской территорией. А если Советская Россия откажется от Печенги в пользу какого-либо другого государства, то тогда Норвегия всё-таки будет требовать решения вопроса о расширении своей территории в приграничье¹.

Заметим, что дипломатический характер действий в этом вопросе был несколько необычным, поскольку у Норвегии в этот период не было дипломатических отношений с Советской Россией. В свою очередь, Финляндия получила только копию посланной в апреле 1920 г. ноты, которую норвежцы отправили России, и не удостоилась собственной ноты, несмотря на то, что между Норвегией и новой самостоятельной Финляндией уже были установлены дипломатические отношения.

Норвежско-финские переговоры о приграничье начались не «как можно раньше», как советовал в свое время посланник Ведель Ярлсберг, а только в 1922 г., два года спустя после Дерптского мира, по которому Советская Россия окончательно отказалась от Печенги в пользу независимой Финляндии². Норвежские власти двигались слишком медленно в этом деле, и Финляндия поставила Норвегию уже перед свершившимся фактом. Задним числом можно констатировать, что такой отрицательный исход дела в перспективе оказался самым удачливым результатом для Норвегии. Во-первых, потому, что Финляндия не трогала границу, которая теперь стала норвежско-финской государственной границей. Во-вторых, как не парадоксально, потому, что Норвегии не удалось воплотить в жизнь свои наступательные планы по урегулированию границы. Любое изменение в конфигурации границы в пользу Норвегии было бы плохо воспринято российской стороной и могло бы создать дополнительные проблемы в отношениях между

---

¹ *Eriksen K.E., Niemi E.* Den finske fare. Sikkerhetsproblemer og minoritetpolitikk i nord 1860–1940. Oslo-Bergen-Tromsø, 1981. S. 173.

² *Nyysönen J.* The Finnish Presence on the Murman Coast – the Era of Petsamo 1920–1944 // Yurchenko A., Nielsen J.P. (eds.). In the North My Nest is Made. Studies in the History of the Murman Colonization 1860–1940. St Petersburg, 2005. P. 207–215.

Норвегией и Советским Союзом уже после Второй Мировой войны, когда норвежско-российская граница была вновь установлена (Печенга была возвращена Советскому Союзу осенью 1944 г.). Единственная «выгода», которую Норвегия добилась в переговорах с Финляндией, – это отмена сервитутов русских саамов на норвежской земле, которые были предоставлены им в пограничном трактате 1826 г. и в добавочном протоколе 1834 г. Этот итог стал единственным из предложений посланника Веделя Ярлсберга, которое было осуществлено на практике. Коренное население пограничной зоны, русские саамы-скольты, восприняли этот итог как явно невыгодное для себя решение, несмотря на то, что норвежское правительство выплатило небольшую сумму в 12 тыс. крон золотом, предназначенную для русских саамов-скольтов как компенсацию за понесённые ими потери¹.

Подводя итоги происходящих событий на Европейском Крайнем Севере в начале XX века, отметим, что с точки зрения норвежских властей последствия от русской и финской гражданских войн 1918–1920-х гг. для Норвегии не стали особо чувствительными. Даже проблемы, связанные с беженцами или эмигрантами из двух соседних стран, России и Финляндии, не оказались очень сложными. Более серьёзное беспокойство среди норвежцев, безусловно, было по поводу того, что разложение Российской Империи может кончиться тем, что Норвегия получит нового соседа на северо-востоке, т.е. независимую и непредсказуемую Финляндию – взамен традиционного соседа, царской России. В такой обстановке норвежские власти были вынуждены действовать более или менее открыто для того, чтобы препятствовать переходу Печенги к Финляндии, а если этого не удавалось, мешать финнам идти дальше в их возможных планах по захвату части норвежской территории на берегу Ледовитого Океана. В связи с этим, норвежцы, в частности, решили в те напряжённые годы выдвинуть финнам встречное требование по разделению «добычи», т.е. разделить Печенгу. К счастью, можно сказать, это ни к чему не привело, и в связи с захватом Печенги в 1920 г. финны всё равно не тронули норвежские территории. Парадоксально, но таких планов у финских властей, скорее всего, никогда и не было.

---

¹ *Andresen A. Sii'daen som forsvant. Østsamene i Pasvik etter den norsk-russiske grensetrekningen i 1826.* Kirkenes: Sør-Varanger Museum, 1989. S. 154–164.

ЛЮДИ И СУДЬБЫ

Васильев М.В.

Красный партизан Булак-Балахович

Еще с советских времен, зарождение Красной армии устойчиво связывают с 23 февраля 1918 г., когда прошла массовая запись добровольцев в новую армию, а разрозненные Гдовский и Дновский отряды под командованием Я.Ф. Фабрициуса и Н.П. Глебова-Авилова дали бой немецким дивизиям на окраине Пскова. В ряде публикаций как советского прошлого, так и современных, можно встретить подробное перечисление сводных отрядов и команд, сражающихся с немцами на территории Псковской губернии в конце февраля – начале марта 1918 г.

Однако в исторической литературе нет упоминания о небольшом партизанском отряде штаб-ротмистра С.Н. Булак-Балаховича, который успешно действовал против вражеских войск на территории Северо-Запада еще с 1917 г., сохранил свою боеспособность, существенно не подвергаясь разлагающему воздействию социалистической пропаганды. Данный факт может быть объяснен двумя моментами. Во-первых, практически не сохранилось архивных данных, позволяющих проследить боевой путь небольшой военной команды в революционный период. Во-вторых, сам командир партизанского отряда уже совсем скоро станет одним из наиболее одиозных атаманов Белого движения на Северо-Западе России, и советским историкам по понятным причинам не захочется упоминать его имя в числе защитников Пскова от кайзеровских войск¹. В то же время, пребывание отряда С.Н. Булак-Балаховича в феврале 1918 г. на Псковщине являлось одним из существенных факто-

---

¹ Аналогичная ситуация сложилась в советской историографии и личностью создателя Псковского красноармейского отряда, полковника И.Г. Пехливанова, который фактически стоял у истоков Красной армии в феврале 1918 г., но уже летом перешел на сторону Белого движения. Его имя вообще было вычеркнуто из истории на многие десятилетия и во всех книгах, статьях и сборниках документов, указывалась лишь должность без фамилии этого человека.

ров, влиявших на ход боевых действий, и позволяет понять дальнейшую логику развития событий Гражданской войны в регионе.

Первоначально во время февральского наступления немецкой армии на Псковском направлении отряд С.Н. Булак-Балаховича сдерживал наступление противника, однако на фоне отступления всей армии, Балахович доносил, что в штаб, что его конный отряд не может больше удерживать позиции и вынужден отступить. С большими потерями остаткам отряда удалось перебраться на «русский» берег Псково-Чудского озера, где удалось закрепиться в Раскопельской бухте – базе озерной флотилии¹. После того, как немецким частям удалось занять Псков, они развернули наступление на Раскопельскую бухту, в боях за которую С.Н. Булак-Балахович был тяжело ранен 5 марта 1918 г., а его отряд под командованием Юзефа Балаховича (младший брат командира) отступил на территорию Лужского уезда. В связи с этим интересен факт, что локальные боевые действия с частями германских войск продолжались и после подписания мирного договора в Бресте. В нарушение его пунктов, германское командование пыталось захватить базу русских кораблей на Чудском озере, и лишь упорное сопротивление отряда Балаховича сорвало эти планы.

Находясь на лечении в Петрограде до начала мая 1918 г., С.Н. Булак-Балахович рассматривал различные варианты своих дальнейших действий. Вначале он возлагал большие надежды на формирующиеся польские национальные части, однако после их запрета советской властью, добился аудиенции у народного комиссара по военным и морским делам Л.Д. Троцкого, в результате которой уговорил наркома в необходимости сохранения своего кавалерийского отряда. По распоряжению Л.Д. Троцкого отряд официально признавался частью молодой Красной армии и входил в состав Лужской дивизии. По инициативе комиссара Лужского района Яна Фабрициуса предполагалось, что этот отряд будет отвечать за демаркационную зону в районе Чудского озера, Гдова и железнодорожной станции Торошино. Выторговав для себя условие,

---

¹ Псковская Чудская флотилия, состоявшая из нескольких гражданских пароходов и катеров, переоборудованных под военное назначение, была создана еще в 1915 г. на случай необходимости обороны псковского участка. Помимо кораблей имела хорошо укрепленную береговую линию обороны. В годы Первой мировой войны так и не использовалась по назначению.

что отряд будет подчиняться непосредственно Троцкому и тем самым приобретет особый статус, С.Н. Булак-Балахович согласился заняться охраной указанной линии.

Изучая личность этого человека, следует отметить, что в любой военной и политической ситуации Булак-Балахович не чувствовал себя комфортно, если над ним стояло какое-либо начальство. Признавая лишь самодисциплину и увлеченный своими идеями, харизматик и лидер по своей натуре, он всегда стремился выторговать для себя особые условия, позволяющие ему самостоятельно принимать решения и полагаться в первую очередь на самого себя и своих людей, которых тщательно проверял, прежде чем допустить в круг доверенных лиц. Данная черта этого человека проявилась уже в годы Первой мировой войны, когда он просился на службу именно в партизанский кавалерийский отряд, и в полной мере продемонстрирует себя в годы гражданского конфликта. Открытое непризнание начальников и авторитетов, а также устойчивое стремление к личной власти, делали его одним из самых недисциплинированных командиров Гражданской войны.

Имея порой романтические и в некоей степени рыцарские представления о войне, склонный к авантюрам, эпатажу и саморекламе, С.Н. Булак-Балахович представлял собой тип прагматичной и расчетливой личности и никогда не упускал возможности воспользоваться ситуацией в своих меркантильных интересах. А условия гражданского конфликта предоставляли много таких возможностей. Одной из них как раз и стала пограничная территория, образованная Брестским миром. Так, в условиях частичной оккупации Псковской губернии немецкими войсками на демаркационной линии развернулась массовая контрабанда и спекуляция валютой. Особенных размеров контрабандная торговля достигла на железнодорожной станции Торошино. Спекуляцией и контрабандой занимались как бывшие царские офицеры, чиновники, торговцы, так и кайзеровские офицеры и дипломаты.

Контрабанда на границе приобретала столь массовые размеры, что пограничный комиссар на ст. Торошино Р.А. Муклевич вынужден был направить телеграмму народному комиссару иностранных дел Г.В. Чичерину, в которой информировал его о том, что дипломатические курьеры, следующие через станцию Торошино в Псков, злоупотребляют документами, выданными им иностранным отделом в Петрограде, используя их в спекулятивных целях для перевозки золота, серебра, мануфактуры под видом

посольского инвентаря и дипломатической переписки¹. Понимая, какую материальную выгоду несет охрана псковской границы, С.Н. Булак-Балахович стремился монополизировать свое пребывание в регионе и получить максимально возможную автономию действий. Большевистское правительство же не имея в районе Луги и Гдова каких либо крупных воинских команд, кроме отряда Балаховича, было вынуждено уступить. С этого момента красный кавалерист и партизан С.Н. Булак-Балахович на протяжении лета – осени 1918 г. фактически получил полноправную власть и приступил к реорганизации своих частей.

В отличие от других формирований в отряд С.Н. Булак-Балаховича летом 1918 года поступило большое количество добровольцев из числа местных жителей и бывших дезертиров, были в их числе и беглые уголовники и даже остатки расформированного в Петрограде польского легиона. Следует отметить, что формирование красных партизанских отрядов на Северо-Западе России весной-летом 1918 года было достаточно распространенным делом. В условиях немецкой угрозы партизанские отряды начали формироваться в конце февраля в приграничных Псковском, Островском и Новоржевском уездах. Так, к 3 марта 18 деревень Торошинской волости уже имели свои партизанские отряды. Каждая деревня получила пулеметы, винтовки и гранаты для вооружения крестьян². А к 4 марта в псковских партизанских отрядах насчитывалось до 3000 тыс. чел. Весной 1918 г. псковские крестьяне активно записывались в партизанские отряды³. Добровольное вступление крестьян в партизанские отряды носило ярко выраженный характер сезонности и во многом зависело от полевых работ на селе. Так, в донесении командира Островского партизанского отряда отмечалось: «В виду того, что люди в настоящее время заняты полевыми работами, записывается очень мало добровольцев»⁴.

---

¹ Николаев П.А. Интервенция Германии // Интервенция на Северо-Западе России 1917–1920. СПб, 1995. С. 111.

² Установление и упрочение советской власти в Псковской губернии 1917–1918 гг. Сборник документов. Псков, 1957. С. 161.

³ Васильев М.В. «Положившие палец» перешли под германца. Псковское крестьянство под кайзеровской оккупацией // Родина. 2011. № 11. С. 96–98.

⁴ Государственный архив Псковской области (ГАПО). Ф. Р-690. Оп. 1. Д. 83. Д. 83. Л. 5, 8.

Слабо вооруженные и распыленные по отдельным деревням партизанские отряды псковских крестьян не являлись значительной военной силой, однако на их фоне реально боеспособный и регулярно действующий отряд С.Н. Булак-Балаховича не слишком выделялся и первоначально не вызывал опасений у советской власти. Как и другие командиры дивизии, Балахович имел право набирать себе солдат на территории Лужского и Гдовского уездов и, по-видимому, делал это, не советуясь с местными властями. Для организации отряда требовались кавалерийские лошади. В Лужском уезде их было немало количество, поскольку крестьяне за бесценок приобретали их у демобилизованных солдат кавалерийских частей, и Булак-Балахович своей властью распорядился, чтобы эти лошади как государственное имущество были отобраны у крестьян, тем более что, по его мнению, кавалерийские лошади для полевых сельскохозяйственных работ все равно не годились. Действия красного командира бы были вполне логичны, но, осуществляемые без согласования с местными органами власти, являлись полным самоуправством.

Советское руководство опомнилось лишь через месяц, когда в городе появились ходоки из волости с жалобами на произвол военных. Как сообщал председатель Лужского совета И. Сондак, во второй половине апреля 1918 г. к нему в исполком пришли несколько крестьян Яблонецкой волости и пожаловались, что недалеко от них появился какой-то отряд солдат: ходят по деревням, забирают у крестьян лошадей и фураж, денег не платят и ведут себя вызывающе¹. На все запросы Лужского руководства, Петроград первоначально отвечал, что Балаховичу «нужно оказывать содействие». В результате этого последнему удалось добиться хорошего материального обеспечения своей части, которая чуть ли не наполовину состояла из бывших офицеров и унтер-офицеров старой армии. Генерал Г.И. Гончаренко в своих воспоминаниях отмечал: «Через окно, выходящее во двор, видна группа спешивающихся всадников в защитных солдатских рубашках, со шпорами, при шашках и винтовках... Все рослый, бравый народ, с драгунской выправкою. Все будто по-старому – и форма и седловка. Не хватает только погон на плечах, да вместо царской кокарды темное

---

¹ *Хрисанфов В.И.* 1918 год: пребывание С.Н. Булак-Балаховича в Луге // Призвание – история. Сборник научных статей к 55-летию профессора Ю.В. Кривошеева. С. 310.

пятно на околыше. Слышится обычная ругань, матерщина, прибаутки, смех...»¹. Даже внешний облик, как самого командира партизанского отряда «человека разгульной натуры, хитрого, страдающего манией величия»², так и его подчиненных не имел ни чего общего с формирующимися красноармейскими частями. Стараниями своего командира партизаны Балаховича одевались очень хорошо: носили гусарские мундиры и хромовые сапоги, в то время как красноармейцы того времени снабжались крайне плохо и могли иметь просто немыслимый для армии внешний вид вплоть до старых фуфаяк и лаптей.

Летом 1918 г. С.Н. Булак-Балаховича установил контакты с поручиком В.К. Видякиным, который в это время действовал как бывший офицер контрразведки. В результате ряда встреч и переговоров они достигли договоренности о том, что в отряд Балаховича войдут надежные боевые офицеры, которым было опасно находиться в Петрограде. Также известно, что обсуждалась возможность вооруженного переворота в Петрограде, однако дальше разговоров о такой перспективе дело не дошло. Было решено ограничиться созданием отряда на Лужском рубеже. Тайные переговоры происходили на квартире поручика В.К. Видякина на Каменноостровском проспекте. В результате одной из таких встреч Видякин познакомил Балаховича со своим земляком и будущим командиром Талабского полка Б.С. Пермикиным, который с осени 1917 г. работал в генштабе большевиков под фамилией Орлов и, пользуясь своим положением, занимался переправкой офицеров и учащихся военных училищ в Псков и далее на Юг к генералу М.В. Алексееву. Родной брат Бориса Пермикина – есаул Всеволод Пермикин к этому времени находился в первом эскадроне формирующегося отряда Балаховича в районе Луги. Сам Балахович, не вникая в тонкости предложенного офицерами плана, дал свое согласие на оказание помощи и поддержку³.

Формируя отряд, С.Н. Балахович со своим окружением продолжал активно заниматься контрабандой, поскольку место дислокации вблизи от демаркационной линии позволяло это делать

---

¹ Белое движение. Исторические портреты. М., 2004. С. 471.

² Дроздов В. Балахович в Пскове // Спутник большевика. 1926. № 10–11. С. 69.

³ Васильев М.В. История полковника В.К. Видякина // Псков. 2019. № 50. С. 181–190.

фактически беспрепятственно. В сентябре 1918 г. его отрядом был захвачен груз контрабанды (мыльный камень¹) и отправлен в подарок военному комиссариату Петрограда. Причем, это было сделано так, чтобы о подарке узнал Троцкий. Подобный пиар-ход не прошел для Балаховича безрезультатно. За усердие его отряду было выдано новое обмундирование, за которым в начале октября в Петроград поехал капитан Смирнов².

Однако наибольший интерес во время службы С.Н. Балаховича в Лужском партизанском отряде представляет участие его частей в карательных операциях против мятежных крестьян. Так, во время летних восстаний крестьян в Лужском уезде отряд Балаховича был привлечен к восстановлению порядка в крае. А.П. Кузьмин, который одно время служил в его отряде, но осенью того же года ушел от него, свидетельствует, что солдаты Балаховича «обижали крестьян: ...пороли шомполами, отбирали лошадей». Вернувшись из очередной карательной экспедиции, Балахович произнес фразу: «Теперь-то наверно не будут сомневаться в том, что я сторонник советского строя».

Имеется ряд свидетельств того, что Балахович специально проявлял особую жестокость от имени Советской власти, провоцируя крестьян на массовое восстание. Вполне возможно, что С.Н. Булак-Балахович, которого к тому времени достаточно часто стали называть «батькой», планировал возглавить крестьянские повстанческие отряды, пополнить ими свой отряд и открыто выступить против власти большевиков. Тем более, что в ближайшей округе сильных воинских частей к тому времени не было. В подтверждение этой версии говорит и тот факт, что в сентябре 1918 г. в Псковском уезде принимая участие в разоружении крестьян, отряды Балаховича активно применяли порку и самочинные изъятия лошадей без каких либо расписок. При этом, по словам свидетелей, часто произносилась одна и та же фраза: «Это тебе от Совет-

---

¹ Мыльный камень или стеатит – это уникальный драгоценный камень, который представляет собой необработанную тальковую руду. Он очень ценится в ювелирной промышленности.

² *Кругликов В.В.* Станислав Булак-Балахович: от Красного командира (Лужский отряд особого назначения) до службы в Отдельном Псковском Добровольческом корпусе (1918 год) // Северо-Западная армия [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://northwestarmy.ru/> (дата обращения: 25.02.2021 г.).

ской власти!»¹. Любопытно, что во время таких расправ в первую очередь страдали члены комитетов бедноты и советские работники. Естественно такие действия вызывали возмущение крестьян и массовые жалобы в советские инстанции, однако до масштабных крестьянских выступлений дело так и не дошло. Крестьянский мир, еще не столкнувшийся с жестокостью продовольственных отрядов и массовыми мобилизациями в Красную армию, и не был готов выступить с оружием в руках против той власти, которая дала крестьянам землю.

Такое странное поведение красного партизана С.Н. Булак-Балаховича не могло оставаться незамеченным. Первоначально ситуацию спасала преданность партизан своему командиру и достаточно жесткая дисциплина. Попытки создать в его подразделении партийные ячейки не удавались, присылаемые в часть коммунисты «таинственно исчезали», и ЧК не могла ничего с этим поделать. Прибывших в Лугу солдат, подозревавшихся в симпатии к коммунистам, тут же отправляли в Раскопель, где ликвидировали под предлогом гибели в боевой обстановке. Первоначально красному кавалеристу С.Н. Булак-Балаховичу удавалось прикрываться именем Троцкого и особым партизанским положением, но к октябрю его отряд был переименован в особый конный полк 3-й Петроградской дивизии и количество комиссаров и коммунистов резко возросло. А 14 сентября начальник Полевого штаба РВСР Н.И. Раттэль отдал распоряжение: «конный полк [Балаховича] со взводом артиллерии, конной пулеметной командой и саперной командой направить через Москву в Козлов для дальнейшего направления» в соответствии с особым распоряжением.

Такой вариант развития событий совершенно не устраивал С.Н. Булак-Балаховича. Более того, к этому времени члены Псковского и Лужского ГубЧК неоднократно предпринимали попытки задержать его, однако по причине малочисленности сотрудников последнему удавалось уйти. Например, в районе станции Карамышево С.Н. Балахович должен был проводить мобилизацию лошадей для своего отряда, там и собирались его арестовать. Но операция снова сорвалась – силы оказались неравными. Однако батька

---

¹ Белое движение. Исторические портреты. С. 470; *Хрисанфов В.И.* 1918 год: пребывание С.Н. Булак-Балаховича в Луге // *Призвание – история. Сборник научных статей к 55-летию профессора Ю.В. Кривошеева.* С. 312.

Балахович прекрасно понимал, что долго так продолжаться не может. Кольцо вокруг одиозного партизанского командира должно было скоро замкнуться.

В это время в Пскове под эгидой немецких оккупационных сил стал формироваться Псковский добровольческий корпус белогвардейцев. С конца сентября 1918 г. С.Н. Булак-Балахович отправил в Псков несколько своих офицеров из взвода особого назначения для установления контактов с белогвардейским командованием и обсуждения возможности и условий перехода его кавалерийского полка на сторону белых. В ходе беседы с псковскими белогвардейцами и немецким оккупационным командованием поручик В.К. Видякин подробно рассказал о составе и истории полка Балаховича и заявил о готовности его присоединиться к русским добровольческим формированиям¹.

Немецкое командование благожелательно отнеслось к предложениям поручика и дважды передавало ему крупные суммы денег для агентурной работы. Через В.К. Видякина было переправлено предложение о переходе полка Балаховича в Псков и отправке его на Юг к Добровольческой армии, однако в последующем немцы разрешили белогвардейцам создавать свой корпус непосредственно в Пскове.

26 октября 1918 г. первый эскадрон под командование ротмистра Пермикина, охранявший границу под Псковом, снялся с места и направился в Псков вместе с ротой Гдовского полка. Красноармейцев разоружили на станции Торошино, и через четыре дня большинство из них было включено в состав формирующихся белогвардейских частей. За два дня до этого на сторону белых перешел начальник Чудской озерной флотилии капитан 2-го ранга Д.Д. Нелидов, уведя с собой четыре парохода. Через Пермикина и поручика Видякина С.Н. Булак-Балахович установил тайные контакты с командованием Псковского добровольческого белогвардейского корпуса и оговаривал условия перехода его конного полка в Псков. Во время этих переговоров, С.Н. Булак-Балахович выторговал право оставить его во главе своего полка, произвести в ротмистры, а также, подтвердить все дореволюционные чины своим офицерам и оставить прежнюю структуру своей кавалерийской части. Таким образом, одиозный командир вновь навязал

---

¹ *Авалов П.М.* В борьбе с большевизмом. Глюкштадт; Гамбург, 1925. С. 75.

свои собственные правила игры и требовал максимальной самостоятельности и независимости в действиях.

Для ликвидации последствий измены советским командованием были приняты следующие меры: образован полевой революционный штаб в Луге, которому подчинялись 3-я Петроградская дивизия, остатки Чудской флотилии, красноармейские части Гдовского, Лужского и Псковского уездов и пограничная охрана. Все три уезда объявлялись на осадном положении. В этот момент громко возмущавшийся изменой Пермикина С.Н. Булак-Балахович сам перешел на сторону белых. Вместе с ним ушли два неполных эскадрона в количестве 120 всадников, 2 конных орудия и «очень незначительное количество красноармейцев»¹.

После перехода бывший красный полк стал официально называться «отрядом Булак-Балаховича». Любопытно, что сразу же после перехода на сторону белых, среди местного населения была распространена листовка, выполненная типографским способом и большим тиражом, что явно говорит о том, что данный документ был заготовлен заранее.

Текст воззвания содержал такие строки: «По вашему призыву я, батька Балахович, встал во главе крестьянских отрядов. Я, находясь в среде большевиков, служил Родине, а не жидовской своре, против которой я создал мощный боевой отряд. Нет сил смотреть на то, что творится кругом: крестьянство разоряется, церкви, святыни поруганы, вместо мира и хлеба кругом царят братоубийственная война, дикий произвол и голод. Из школ выброшены иконы, и детей с малых лет хотят воспитать в хулиганстве: сыновей наших силой оружия заставляют идти в армию и вместе с наемными китайцами гонят убивать своих же русских людей. Объявляю беспощадную партизанскую войну насильникам. Смерть всем, посягнувшим на веру и церковь православную, смерть комиссарам и красноармейцам, поднявшим ружье против своих же русских людей... С белым знаменем впереди, с верой в Бога и в свое правое дело я иду со своими орлами-партизанами и зову к себе всех, кто знает и помнит батьку Балаховича и верит ему».

С переходом на сторону Псковского добровольческого белогвардейского корпуса, страница жизни красного командира С.Н. Булак-Балаховича была перевернута, начиналась новая история белогвардейского атамана всех крестьянских и повстанческих войск.

---

¹ Интервенция на Северо-Западе России 1917–1920. С. 135.

Заяц Н.А.

**Необходимость контррецензии.
Отклик на статью В.П. Булдакова
«Плоды методологической беспомощности.
О книге А.В. Ганина «Семь «почему» российской
гражданской войны»**

Булдаков В.П. Плоды методологической беспомощности. О книге А.В. Ганина «Семь «почему» российской гражданской войны» (М.: Издательство «Пятый Рим» (ООО «Бестселлер»), 2018 // Вестник Тверского государственного университета. Серия «История». 2019. № 1 (49). С. 125–141.

Одной из самых актуальных и востребованных у широкой публики исторических тем является история Российской революции и Гражданской войны. Несмотря на ее широкую популярность, трудно сказать, что объективные исторические знания об этом периоде повсеместно распространены. Утвердившаяся за постсоветские годы конспирология и мифология до сих пор во многом остаются в массовом сознании, не избалованном научно-популярными изданиями по теме. Однако недавно вышла книга «Семь «почему» российской Гражданской войны» известного историка А.В. Ганина, который пытается исправить эту ситуацию¹. Автор книги – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института славяноведения РАН, один из лучших отечественных специалистов по истории Гражданской войны. По его словам, осознавая нынешние проблемы популяризации истории, он поставил перед собой задачу поделиться с широкой публикой «многоаспектным представлением о событиях Гражданской войны», приобретенным за годы изучения темы, с акцентом на военно-политических сюжетах. У автора есть такая возможность – А.В. Ганин является одним из наиболее активно работающих исследователей этой темы, спе-

---

* Мнение автора может не совпадать с мнением редколлегии.

¹ Ганин А.В. Семь «почему» российской Гражданской войны. М., 2018.

циалистом по истории Гражданской войны, офицерскому корпусу, казачеству, кадрам Генерального штаба. Перу Ганина принадлежит ряд книг, в том числе два объемных биографических справочника и значительное количество статей. Список публикаций можно найти на сайте А.В. Ганина: <http://orenbkazak.narod.ru/publ.htm>

Название книги дано по количеству глав. Они посвящены следующим сюжетам: 1. Положение офицерского корпуса после революции и в ходе Гражданской войны; 2. Роль и настроения казачества; 3. Перспективы эсеровской альтернативы на примере борьбы эсеров с Колчаком; 4. Причины поражения Колчака; 5. Роль спецслужб в годы войны; 6. Система заложничества членов семей военспецов как исторический миф; 7. Причины победы Красной армии. В оставшиеся 400 страниц (почти половина книги) вынесены приложения и научно-справочный аппарат.

Нетрудно заметить, что подбор тем отличается разноплановостью. Первая глава, представляющая собой, по сути, отдельное монографическое исследование, выполнена на высоком научном уровне, но для научно-популярного издания занимает непропорционально большое место. Вторая глава концентрируется на военной роли казачества, в меньшей степени касаясь его политической роли. Кроме того, практически не рассматривается феномен красного казачества. Главы 3 и 6 посвящены более частным сюжетам. Остальные главы представляют собой обзорные очерки по затрагиваемым вопросам.

Разумеется, как формат подобного издания, так и его содержание, цель и воплощение заслуживают внимания академической науки, с которой автор отчасти полемизирует в предисловии, не без резона упрекая ее в том, что она не стремится ответить на читательский запрос и почти не занимается популяризаторской деятельностью. На книгу уже откликнулись известные специалисты по истории Гражданской войны в России доктора исторических наук А.В. Посадский и А.С. Пученков¹, давшие ей высокую оценку в своих рецензиях.

В журнале «Известия Тверского государственного университета» увидела свет и еще одна рецензия, написанная доктором

---

¹ *Посадский А.В.* Новая книга о Гражданской // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2018. № 2 (46). С. 160–170; *Пученков А.С.* От Сибири до Крыма... Обреченность белых? // Российская история. 2018. № 4. С. 204–207.

исторических наук В.П. Булдаковым¹. Булдаков – также известный историк и специалист по революции 1917 г., автор ряда научных статей и исследований, среди которых объемистый труд «Красная смута»², одна из немногих попыток в постсоветской науке дать в развернутой форме новую концептуальную схему того конфликта.

Однако его рецензия несколько не соответствует научному уровню, а даже скорее наоборот – только вводит в заблуждение читателя, не отвечая нормам исторической критики, что и вызвало написание нашей контррецензии. Отличительной особенностью отзыва Булдакова является его ярко провокационный, обвинительный тон и пренебрежительная оценка книги Ганина, не подтвержденная не только приведенными историческими фактами, но даже просто достойными аргументами. Текст переполнен словесными придирками, надуманными обвинениями и неверными утверждениями, которые противоречат не только тексту рассматриваемой книги, но и реальной истории Гражданской войны. Чтобы не быть голословным, далее я рассмотрю эти примеры подробнее.

Почти с самого начала рецензент фактически обвинил А.В. Ганина в том, что тот злоупотребляет архивными ссылками. В итоге то, что книга написана на основе обширного историографического и документального материала, собранного на основе многолетних научных трудов автора, Булдаков счел не особенно важным: «Дело в том, что некоторые нынешние соискатели ученых степеней видят в неперенных архивных ссылках некое ритуальное сопровождение текстов своих диссертаций. Напротив, газетный материал, способный показать Гражданскую войну изнутри, в большей или меньшей степени игнорируется. Похоже, инерция такого наукообразия сказалась и в данном случае. Впрочем, в рецензируемой книге представлены по преимуществу документы лишь двух российских архивов – РГВА и ГАРФа. Остальные, видимо, не понадобились; ссылок на газеты вообще не видно. В общем, несмотря на обещания, источниковая база оказывается довольно однообразной». И это Булдаков говорит про 1918 примечаний приблизи-

---

¹ Булдаков В.П. Плоды методологической беспомощности. О книге А.В. Ганина «Семь «почему» российской Гражданской войны» (М.: Издательство «Пятый Рим» (ООО «Бестселлер»), 2018 // Вестник Тверского государственного университета. Серия «История». 2019. № 1(49). С. 125–141.

² Булдаков В.П. Красная смута: природа и последствия революционного насилия. Изд. 2-е, доп. М., 2010.

тельно на 100 страницах, которые содержат ссылки на документы 27 архивов, включая архивы России, Украины, Армении, Грузии, Литвы, Латвии, Польши, США и Франции.

Да и как может быть иначе? Ведь книга написана на основе многолетних и скрупулезных исследований автора, осуществлявшихся на протяжении последних двадцати лет. Так, значительная часть первой главы, которая рассказывает о положении бывших офицеров, оказавшихся на службе в национальных армиях, возникших после распада Российской империи, построена именно на зарубежных архивных документах и вводит в научный оборот новые, до этого неизвестные данные. Ряд найденных Ганиным документов опубликован в приложениях, а также анализируется в основной части книги. Среди них военные отчеты, документы делопроизводства Красной и белых армий, документы личного происхождения, включая выявленную Ганиным в Гуверовском архиве в США доселе неизвестную заключительную часть знаменитого дневника генерала А.П. Будберга. Последнюю Булдаков пренебрежительно трактует как «в сущности, всего лишь концовку его давно опубликованных записей, содержащих бесконечную череду обличений внутренних пороков белогвардейцев». И это – о важнейшем историческом источнике по теме Гражданской войны на Востоке России. Одна только эта претензия дает яркое представление об уровне аргументации автора.

Но, пожалуй, главное из обвинений Булдакова, регулярно повторяющееся в рецензии, состоит в том, что в труде Ганина якобы «победы и поражения, как белых, так и красных связываются именно с устремлениями военных элит». Подобное впечатление он вынес из тематики первой главы, в которой подробнейшим образом рассмотрено положение офицерского корпуса после революции. Между тем такая оценка не имеет ничего общего с выводами Ганина. Последний раскрывает причины победы красных и поражения белых в основном в заключительной главе книги. В ней подробно показано, что РККА победила на основе выдающегося труда советского руководства, энергии, сплоченности советского лагеря, его перехода к принципам тотальной войны, широкого набора средств от агитации до репрессий, а главное – тесной связи руководства страны с военным строительством. Особенно четко это видно из выводов последней главы: «Достаточно отметить, что красные превосходили своих противников практически во всем: от численности армии и масштабов заготовок для нее до качества

системы учета военных специалистов, количества выпущенных листовок и числа расстрелянных врагов. Фатальные ошибки белых лишь усиливали этот разрыв. Неудивительно, что новая сила в итоге и одержала верх» (С. 433).

Глава об офицерстве, представляющая собой фактически первое за долгие годы исследование, основанное на широком историографическом и документальном материале, чрезвычайно интересна и значима. Это, пожалуй, этапное для данной темы, исследование Булдаков оценивает максимально уничижительно, лишь как скучную статистику: «...требуются навыки культурно-антропологического и психосоциального исследования. Ганин, напротив, отдает приоритет «объективной» статистике. Причем внушительный материал излагается им настолько скучно, что «популярный» читатель вряд ли разберется в том, с кем было офицерство и могли ли его отчаянные метания сказаться на итогах Гражданской войны». На наш взгляд, Булдаков сознательно дезинформирует читателя.

Впрочем, возможно, что рецензент просто не читал внимательно книгу, которую разбирает – во всяком случае, регулярно создается именно такое впечатление. Иначе трудно объяснить абсурдность обвинений Булдакова и несоответствие их реальному тексту книги Ганина. Например, Булдаков часто упрекает Ганина в приверженности конспирологии: «Почему-то Ганин особо выделяет в борьбе красных и белых роль спецслужб. Но на этот счет также можно дать простой ответ: откуда было им взяться, да и могли ли они вести привычную планомерную работу в хаотичных условиях? Как бы то ни было, мода на «тайную» составляющую побед и поражений Гражданской войны в некоторых работах вполне сложилась. У Ганина, вероятно, «свои» воззрения на роль спецслужб, вполне аналогичные взглядам А.А. Здановича, которого он по понятным причинам (генерал!) бесконечно цитирует».

Между тем, А.В. Ганин напротив, категорически выступает против конспирологических теорий в истории и именно о слабости спецслужб того периода и пишет в выводах к главе: «Итоги борьбы спецслужб в период Гражданской войны оказались неутешительны для каждой из сторон. Этот период был, образно выражаясь, детством отечественным спецслужб. Спецслужбы красных и белых находились еще на стадии своего зарождения и становления, профессионализм их сотрудников был невелик... Каждая из сторон имела свои успехи и провалы, однако определяющую роль в победе большевиков сыграли отсутствие у них шаблонности, но-

визна мышления, способность и готовность учиться, в том числе на собственных ошибках, воспринимать и перерабатывать новые идеи. Закостеневшие в традиционализме белые оказались на это не способны» (С. 372, 374). Как видим, никакой конспирологии здесь нет.

Далее Булдаков упрекает А.В. Ганина в отсутствии освещения роли крестьянства и игнорировании классической работы В.В. Кондрашина «Крестьянство России в Гражданской войне»¹. Однако она в книге упоминается под сноской 1313 и именно в контексте освещения позиции крестьянства: «Стоит отметить, что значительной части крестьянства Красная армия казалась своей, обеспечивающей защиту крестьянских интересов (особенно в связи с непосредственной угрозой прихода белых и возвращения помещиков)» (С. 409). Само крестьянство действительно не является объектом пристального исследования, что объясняется тематикой книги и сферой интересов автора. Далее Булдаков, упрекая Ганина за косноязычие, приводит... цитату из текста современника событий, генерала Д.В. Филатьева, проявляя элементарную невнимательность.

Но что самое поразительное, регулярно упрекая Ганина в том, что он якобы связывает победы и поражения белых и красных с действиями военных элит, Булдаков к финалу рецензии сам это делает. Почти в самом конце он бросает небрежную ремарку: «Строго говоря, вся Гражданская война оказалась своеобразным противостоянием неизбежных «слабостей» старых и новых элит России. Именно в этом состояла ее основная особенность, упорно не замечаемая современными исследователями». Как видим, рецензент противоречит самому себе, что является уже верхом абсурда.

Чтобы не казаться предвзятым, отмечу, что отдельные претензии Булдакова нам кажутся справедливыми. Он привел несколько примеров неудачных фраз из книги, резонно отметил, что тему «третьего пути» левых социалистов, противостоящих большевикам и военной диктатуре белых, нельзя распространять на ограниченный эпизод попытки антиколчаковского сопротивления со стороны Комуча, выразил сомнение по поводу объективности находящегося в приложении доклада полковника Сибирской армии Рогуля, упрекавшего Комуч едва ли не в сознательном оставлении военного имущества красным. А.В. Ганин действительно отлича-

---

¹ *Кондрашин В.В.* Крестьянство России в Гражданской войне: к вопросу об истоках сталинизма. М., 2009.

ется заметным антиэсеровским настроем: активно критикуя Самарское правительство, он не уделяет внимания критике недостатков Сибирского правительства.

Кроме того, бесполезным является следующее замечание Булдакова: «В конечном счете Ганину пришлось держать ответ на решающий вопрос: почему победила Красная армия? Между тем вопрос заведомо некорректен. Следовало бы спросить: Почему победил большевизм? Чьи тылы в широком смысле слова были прочнее? Почему? И здесь дело, конечно, не просто в материальных, финансовых и людских ресурсах. Хотя Ганин уверяет, что его подход к истории Гражданской войны является «военно-политическим», идейно-политический аспект противостояния белых и красных не получил у него убедительного освещения».

Действительно, уделив целую главу причинам победы Красной армии, А.В. Ганин подробно описал организацию советских военных сил, ее преимущества по части дисциплины, использования ресурсов, мобилизации и воспитания военных и партийных кадров, идеологической обработки, выработки системы репрессий и поощрений, сплочению и улучшению работоспособности военного тыла, энергичной деятельности лидеров большевиков... Но он не обратил внимания читателя на то, что подобная масштабная и беспрецедентная реорганизация страны была бы невозможна без такого массового ресурса как коммунистическая партия, которая в итоге стала кадровым резервом для тыла, армии и промышленности, скрепляющим воедино всю советскую политическую систему. Данный вопрос о том, каким образом большевистская идея смогла распространить свое влияние на значительные массы людей, обеспечив в итоге себе победу, действительно интересен и важен. Но в то же время он лежит вне сферы интересов автора, занимающегося в основном военно-исторической, а не социально-политической составляющей этого периода.

Отметим, что убедительного ответа на вопрос «почему победил большевизм?» не дал и сам Булдаков – несмотря на неоднократные попытки развернуть свою концепцию в ряде сочинений. Не отвечает он на это и в самой рецензии, а некоторые его рассуждения о причинах победы красных выглядят совершенно нелепо. «В конечном счете, чаша весов Гражданской войны склонялась в ту или иную сторону подчас под воздействием невидимой борьбы внутри сознания и психики обычных людей», – утверждает Булдаков. В другом месте он заявляет: «Гражданская война носила характер

системно преобразующей синергетики под знаком искоренения всех «чужих». Для солдатских масс (и не только их) это было связано прежде всего с избавлением от старой армейской дисциплины и ее носителей. На этом фоне связывать основные результаты Гражданской войны с действиями – удачными, неудачными, бесполезными – офицерского корпуса, оставшегося от опостылевшей мировой войны, как-то сомнительно». Что означают эти туманные строки о синергетике и психике? Красные и белые армии вовсе не сложились сами собой под логикой процесса, наоборот, их создание было результатом организованной политики – в том числе и офицерства, которое напрямую создавало белые армии и активно участвовало в создании армии Красной. То, как это происходило, подробно и ясно и показано А.В. Ганиным.

При этом Булдакова отличает еще и поверхностное знание самой темы Гражданской войны. Это видно из многочисленных ошибок, которыми пестрит его текст. Так, он пишет: «Относительно позиции казачества также все не столь сложно: в целом оно хотело сохранить свои привилегии, по мере возможностей отгородившись от «русской» Гражданской войны. В большинстве своем представители этого сословия, объявившие себя в 1917 г. «нацией», воевать не хотели и брались за оружие скорее в видах пассивного противодействия «крайностям» большевизма». Хотя Булдаков прав в том, что казачество отличалось значительной автономностью и приверженностью своим интересам, на самом деле на позицию казаков принципиально влияла позиция их элиты, т.е. того же офицерства, которое вовсе не собиралось отгораживаться от гражданской войны. Наоборот – именно казачье офицерство стало авангардом первых очагов антибольшевистского сопротивления после Октября в Донском, Оренбургском, Амурском и Забайкальском войске, выдвинув таких лидеров белого движения как Дутов, Семенов, Гамов и др. Замечание о том, что казаки будто бы объявили себя нацией, вообще неисторично. В 1917 г. такого просто не было. Похоже, рецензент перепутал Гражданскую войну со Второй мировой.

Непонятно также, почему Булдаков решил, будто офицеры военного времени были более непримиримы к большевикам, чем кадровые: «...оставаясь менее подготовленными к руководству военными действиями, они были более устойчивы в своем неприятии большевизма. Было среди них и немало молодежи, отчаянно рвавшейся в бой с «предателями-большевиками». Скорее как раз наобо-

рот – кадровые офицеры как носители устойчивого офицерского мировоззрения, пропитанные дореволюционными монархическими традициями, были настроены к большевикам хуже, чем пестрая и разношерстная группа офицеров военного времени, набранных в основном из интеллигенции и лиц свободных профессий. Другое дело, что сильно сократившееся в годы Первой мировой войны кадровое офицерство не могло стать основой белого движения – потому-то в него и шли наиболее непримиримые из корпуса «новых» офицеров. Все это подробно описано в работе Ганина.

После этого неудивительно, что В.П. Булдаков позволяет себе совершенно наивные размышления: «...можно ли было в принципе эффективно управлять боевыми действиями в Гражданскую войну «из штабов»? Сомнительно, чтобы люди, перегруженные опытом «правильных» войн, могли успешно адаптироваться к непредсказуемым коллизиям принципиально иной войны. Характерно, что погубили колчаковцев не столько регулярные красные части, сколько сибирские партизаны, не говоря уже о сомнительной помощи чехословаков и союзников». Рассуждения о том, что сибирские партизаны не просто подорвали тыл, а прямо погубили армию Колчака, что помощь чехословаков и союзников была незначительна и уж тем более, что воевать можно без штабов – псевдоисторичны до нелепости. Именно они, а не книга Ганина, как заявляет Булдаков, несут на себе «печать устаревших и ложных концепций».

В другом месте Булдаков заявляет: «Наивно думать, что в российской «красной смуте» мог кто-то победить чисто вооруженным путем, кто-то кого-то «переиграть». Побеждала сила обычая и традиции, вписанная в сознание «пассивного» большинства населения». О каком пассивном сознании может идти речь в период массового хаоса и развала революционной страны, где каждое действие могло вызвать бунт? Почему пассивное сознание не победило у белых? Они не соответствовали традициям и обычаям страны так, как красные? И разве победа в войне достигается не на поле боя именно вооруженным путем? Эти туманные фразы являются всего лишь отражением пропагандируемой Булдаковым теории о «психосоциальной» роли революционных масс, подверженных традициям жестокого подчинения и деспотического обычая, не подтвержденной, однако, ни одним фактом и ссылкой на исследования по психологии масс и культурологии – в отсутствие которых он вдобавок упрекает именно Ганина!

Поэтому вполне ожидаемо, что в середине текста Булдаков в привычной манере, которой отмечены всего его труды, вдруг сбивается с текста рецензии на перечисление отдельных, разрозненных фактов из того времени, сопровождая их ненужными риторическими вопросами. Например, зачем-то он рассказывает о переходе 1-го Украинского куреня армии Колчака к красным и задает сакраментальный вопрос о загадочности мотивов его участников: «Могли ли такое предусмотреть кабинетные стратеги?» Если бы Булдаков изучал тему, о которой пишет, то знал бы – могли и предусмотрели. К переходу привела деятельность в полку революционной организации, о наличии которого командование догадывалось, поспешив перевести полк на фронт в надежде оторвать его от влияния городского подполья. Наиболее подробно история полка рассмотрена в трудах уральского историка И.Ф. Плотникова¹. Достаточно известным специалистам того периода факт перехода, ставший началом конца продвижения Колчака к Волге, рецензенту, оказывается, до этого был неизвестен. И более того – он ухитрился не заметить его в самой книге Ганина, который сам пишет о подполье в этой воинской части (С. 283).

Заканчивает Булдаков так: «Похоже, что автором движет обычное дилетантское любопытство к интригующим сюжетам и эпизодам прошлого, помноженное на мелковатые амбиции. Впрочем, и на этом спасибо! Вся нынешняя историография Гражданской войны в России оставляет желать лучшего». В контексте вышеописанного нельзя охарактеризовать эти слова иначе как высокомерные и самолюбивые филиппики. Причем настолько же оскорбительные, насколько и нелепые – ввиду того, что автор не имеет на них даже формального права из-за своего вопиющего дилетантизма и регулярного использования ложных обвинений.

Книга А.В. Ганина не идеальна, как и любая книга. Однако в целом это серьезное научное произведение, базирующееся на многолетней исследовательской деятельности автора. Эта работа подытоживает и развивает многие направления его исследова-

---

¹ Плотников И.Ф. Гражданская война на Урале (1917–1922 гг.). Энциклопедия и библиография. Т. 2. Екатеринбург. 2007. С. 144; *Он же*. Из истории 210-го стрелкового украинского полка // Военно-исторический журнал. 1966. № 4. С. 112–114; *Он же*. Полк необычной судьбы. К истории Украинского куреня (полка) имени Т. Г. Шевченко – 210-го (216-го) стрелкового полка имени В.И. Ленина. Екатеринбург, 2011.

ний, что важно для изучения истории Гражданской войны. Отзыв Булдакова совершенно не отвечает высокому уровню этого труда и даже просто нормам научной этики, представляя собой больше попытку наукообразной диффамации. Значение отдельных заслуживающих внимания претензий рецензента несущественно по сравнению с основным текстом рецензии, которая в целом представляет собой бессистемный и сумбурно написанный набор придинок, переходов на личности, путаницы, несправедливых обвинений, дезинформации и банальной неграмотности. Непонятно, на кого рассчитана эта рецензия. Массовый читатель вряд ли с ней ознакомится, а профессиональное сообщество достаточно квалифицировано, чтобы оценить более объективно и книгу А.В. Ганина, и саму рецензию, чья предвзятость, ангажированность и демагогичность видны даже при поверхностном ознакомлении, а ее вопиющая некомпетентность вполне очевидна специалистам.

ПУБЛИКАЦИЯ ДОКУМЕНТОВ

Силин А.В.

«А все-таки это дело такое, которое надо поднять»: воспоминания Алексея Капитоновича Гастева о встрече с В.И. Лениным в 1921 г.

Обращение к мемуарам всегда предполагает учет того, что они, больше чем какой-либо из исторических источников, характеризуются крайней субъективностью. Для авторов многих мемуаров в той или иной степени было присуще стремление преувеличить свою роль в событиях описываемого времени. Субъективность мемуаров, как исторического источника, позволяет, вместе с тем, наиболее четко выяснить позицию автора и соответствующей социальной группы в описываемых событиях. В.В. Кабанов подчеркивает, что мемуары «как никакой другой документ, субъективны. Это не недостаток, а свойство мемуаров, ибо они несут на себе отпечаток личности автора. Все достоинства и недостатки мемуариста невольно переходят и на воспоминания. В противном случае мемуары безлики»¹.

Свидетельством возросшего в последние годы интереса к фигуре Алексея Капитоновича Гастева (1882–1938 или 1941) – революционера, поэта, организатора Центрального института труда (ЦИТ), теоретика и практика профессионально-технического образования, научной организации труда (НОТ) являются проходившие в Москве в 2017–2019 гг. «Гастевские чтения». Материалы первых чтений 2017 г. к настоящему моменту опубликованы².

Предметом публикуемого здесь материала стали воспоминания А.К. Гастева о «вожде мирового пролетариата», озаглавленные «Свидание с Лениным» и впервые появившиеся в печати в журнале «Организация труда» в знаковом для страны 1924 г.³ Впослед-

---

¹ Кабанов В.В. Источниковедение истории советского общества. М., 1997. С. 133.

² Гастевские чтения, 2017. М., 2019.

³ Гастев А.К. Свидание с Лениным // Организация труда. 1924. № 1. С. 11–13.

ствии эти гостевские мемуары оказались на многие десятилетия забыты и стали библиографической редкостью. Они были опубликованы вновь лишь в годы «перестройки» в составе планировавшегося 10-ти томного переиздания мемуарной ленинианы¹. Именно это издание, как наиболее полное, будет положено в основу настоящей публикации.

Мемуары А.К. Гастева, написанные по горячим следам, «не причесаны», менее идеологизированы и отражают многие реалии жизни начала 1920-х годов и характеризуют сложный, противоречивый переход страны от Гражданской войны к гражданскому миру. Хронологически мемуары привязаны к конкретной дате – 3 июня 1921 года. На этот день А.К. Гастев был приглашен к В.И. Ленину в Кремль. При этом следует подчеркнуть, что это далеко не первая встреча Гастева с Лениным, а ранее они неоднократно встречались по самым различным поводам. Уже в первых строках мемуаров А.К. Гастев проявляет профессиональную зоркость организатора НОТ. Алексей Капитонович обратил внимание на то, что, проходя через приемную Совнаркома, он увидел, что «на стене было вывешено «Как надо работать» (цитовская памятка)». Со страниц мемуаров читатель узнает о большой заинтересованности В.И. Ленина вопросами научной организации труда, подбирал соответствующие книги, но не успевал читать все, что хотел: «Вот, все некогда, а обязательно, обязательно...»².

А.К. Гастев приводит сведения, перекликающиеся с данными других источников, в частности о том, что Ленин считал необходимым заимствовать опыт капиталистических стран в области организации труда. Стоит отметить, что В.И. Ленин существенно откорректировал свои взгляды на Ф.Тейлора³ и тейлоризм, когда встал во главе государства. Оказывается в тейлоровской системе «выжимания пота» есть компоненты, которые можно и должно использовать в условиях Советской России⁴.

---

¹ *Гастев А.К.* Свидание с Лениным // Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. В 10-ти томах М., 1991. Т. 7. С. 131–133.

² *Гастев А.К.* Свидание с Лениным // Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. В 10 т. М., 1991. Т. 7. С. 131.

³ Тейлор Фредерик Уинслоу (1856–1915). Американский инженер, основоположник научной организации труда и менеджмента.

⁴ *Ленин В.И.* «Научная» система выжимания пота // *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. 5-е изд. М., 1976. Т. 23. С. 18–19; *Ленин В.И.* Ложка дегтя в бочке меда // *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. 5-е изд. М., 1975. Т. 45. С. 206–207.

Ленин подчеркивал, что научная организация труда – это то, что очень нужно молодой Советской Республике, что следует правильно организовать производство, создать приличные условия труда, оборудовать производство по последнему слову техники: «дело надо обставить хорошо..., условия для работы надо создать приличные..., оборудовать нужно так, как это нужно для трудовой Советской Республики». И, несмотря на хозяйственную разруху, Ленин считал: «А все-таки это дело такое, которое надо поднять»¹.

А.К. Гастев довольно подробно описывает те финансовые трудности, образовавшиеся на стыке политики «военного коммунизма» и нэпа, и организационные неполадки, связанные с неповоротливостью советских внешнеторговых структур, имевших место в деле добывания необходимого оборудования за границей. При этом автор мемуаров подчеркивает, что Ленин давал ему полезные советы, как нужно поступить, например, обратиться с письмом в Народный комиссариат финансов. Но Гастев сетует вождю на слабую служебную исполнительность, царившую в советских ведомствах: «провести» то или иное решение через инстанции не сложно, а добиться его реального выполнения – совсем другое дело. И общегражданское слово «да» не всегда срабатывает, куда надежнее – военное «так точно». Военная лексика, не без влияния завершавшейся Гражданской войны, прочно входила в советское политическое словоупотребление. И здесь, как отмечает автор мемуаров, Ленин в письме члену Коллегии Наркомфина РСФСР, замнаркома финансов А.О. Альскому «нарочно вставил слово «точнее» и подчеркнул его»². Действительно, в письме Альскому от 3 июня 1921 года по поводу просьбы Гастева Ленин пишет: «Подумайте и узнайте точнее и постарайтесь исхлопотать ему известную сумму. Такое учреждение (ЦИТ – А.С.) мы все ж таки, и при трудном положении поддержать должны»³.

В ответном письме А.О. Альский сообщал, что при согласии В.И. Ленина он мог бы в советском порядке провести постановление о реализации купонов китайского займа на сумму 50000 фун-

---

¹ *Гастев А.К.* Свидание с Лениным // Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. В 10 т. М., 1991. Т. 7. С. 131.

² *Гастев А.К.* Свидание с Лениным // Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. В 10 т. М., 1991. Т. 7. С. 131.

³ *Ленин В.И.* О науке и высшем образовании. М., 1971. С. 263.

тов стерлингов для нужд ЦИТ. На этом письме Ленин написал: «Прошу направить в советском порядке. 14/VI. Ленин». 8 июня 1921 г. Совет Труда и Оборона постановил утвердить заявку ЦИТ на 100000 рублей золотом и представить ее в Народный комиссариат внешней торговли для реализации¹.

Гастев ссылается на ленинский авторитет и готовность вождя оперативно среагировать на просьбу, если вдруг возникнут какие-либо затруднения: черкнуть ему «маленькую записку в два слова», передать, и он сейчас же на этой записке ответит². Алексей Капитонович чутко уловил особенность становящейся советской политической культуры, многое унаследовавшей от политической культуры дореволюционной России. В этой культуре имеют значение не столько отлаженные механизмы разработки, принятия и контроля выполнения принятого решения, сколько воля политического лидера, его вмешательство в ход дела в нужный момент. Как считают некоторые современные политологи, советская политическая культура, как и политическая культура дореволюционной России, могут быть отнесены к политическим культурам подданнического типа. В таких системах «существуют устойчивые ориентации относительно дифференцированной политической системы и относительно того, что система дает «на выходе», но ориентации относительно специфических объектов «на входе» системы и относительно себя как активного участника очень слабы»³.

А.К. Гастев правдиво пишет о том, что даже ленинские «ценные указания» далеко не всегда срабатывали. Так, например, обращение в Наркомфин закончилось лишь любезной беседой. Запрашиваемая на оборудование сумма все уменьшалась и уменьшалась. Даже прохождение ее «через глаз» В.И. Ленина, как председателя Совета Труда и Оборона, закончилось сакраментальной фразой: «Дело хорошее, а все-таки сейчас больше не можем»⁴. В итоге, как отмечает А.К. Гастев, ЦИТ перешел вынужденно к тому, что теперь называют импортозамещением, а сам заведующий инсти-

---

¹ Там же. С. 383.

² *Гастев А.К.* Свидание с Лениным // Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. В 10 т. М., 1991. Т. 7. С. 132.

³ *Гавров С.Н.* Модернизация России: постимперский транзит. М., 2010. С. 48.

⁴ *Гастев А.К.* Свидание с Лениным // Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. В 10 т. М., 1991. Т. 7. С. 132.

тутом иронично именует «робинзоной». Алексей Капитонович пишет: «Мы начали собирать все то, что было из какого-нибудь случайного оборудования, и создавали свою аппаратуру на месте. За отсутствием металла мы многое начали делать из дерева»¹.

Необходимо отметить, что публикация мемуаров А.К. Гастева, осуществленная в 1991 г., является наиболее полной. В ней есть сюжет о том, как В.И. Ленин показал Гастеву экземпляр американской «соглашательской» газеты (Чикагской социалистической газеты), в котором содержалась информация о том, что «американские капиталисты послали в Россию медикаменты»². Даже в современной электронной публикации гастевских мемуаров этот сюжет почему-то отсутствует³.

Завершаются мемуары выражением признательности Ленину за то, что ЦИТ ощущал движение ленинской мысли в многочисленных справочных запросах, которые институт получал от вождя. Обобщая, следует отметить, что мемуары А.К. Гастева дают интересную информацию не только по истории НОТ в Советской России, но и дают пищу для размышлений о специфике становления и развития советской политической культуры.

Вступительная статья и публикация А.В. Силина

Гастев А.К.

Свидание с Лениным

Это было 3-го июня 1921 года. Я был вызван к часу дня. Еще проходя через приемную Совнаркома, я увидел, что на стене было вывешено «Как надо работать» (цитовская памятка)⁴. В кабинете ровно в час Владимир Ильич уже ждал. В первый же момент он буквально облил своим радушием, реальную теплоту которого

---

¹ Там же. С. 133.

² Там же. С. 132.

³ *Гастев А.К.* Свидание с Лениным. URL: <https://leninism.su/memory/4344-zhivoj-lenin.html?start=44>. (Дата обращения: 19.01.2021).

⁴ ЦИТ – Центральный институт труда при ВЦСПС, научно-исследовательское учреждение по разработке, демонстрации и пропаганде принципов научной организации труда и подготовки рабочих. Основан в 1920 году.

многие и не знают. «Я теперь в хороших условиях, я очень недурно кормлюсь, а вот Вы что-то плохо, все на Вас висит, а поэтому Вам надо куда-то поехать. Поезжайте-ка за границу да отдохните». Вот были фразы, с которыми он меня встретил. На встречный вопрос о здоровье Владимир Ильич стал жаловаться на недомогание. Уже не в первый раз, как и в прошлых встречах, он упоминал о том, что у него появилась какая-то глухота, которой не было, заявил о том, что он начал стареть. Как-то не верилось, однако, в эту старость, когда он быстро пошел в соседний кабинет и принес книги. Твердой топающей походкой, которую он проводил как будто на одних каблуках, почти бегая, как юноша, он принес книги и сказал: «Вот, все некогда, а обязательно, обязательно...» – и начал с воодушевлением рассказывать о том, как многое необходимо было бы сделать в области организации труда, как тщательно надо изучать капиталистический опыт. Владимир Ильич припомнил наши встречи, которые предшествовали настоящему разговору, и указывал, что вопросы организации труда – это есть самое главное, которое нужно теперь проводить, а потом начал говорить о том, что дело надо обставить хорошо, что условия для работы надо создать приличные, что оборудовать нужно так, как это нужно для Советской трудовой республики. И в то же время говорил, что неладна в хозяйстве вопиющая, а вот надвигается какая-то новая страдная пора: «Вот сейчас мне Раковский¹ телефонировал с Украины, – хлеб, говорит, горит², плоховато что-то», – и начал говорить подробно о том, что, вероятно, будет голод и общее истощение. Немного поговорив об этом, он сказал: «А все-таки это дело такое, которое надо поднять». Тогда как-то не имелось точного представления о золоте. Эпоха военного коммунизма не приучила нас к тому, чтобы знать реальный вес золота и реальную величину государственного золотого запаса, и поэтому я тогда размахнулся на оборудование ЦИТа суммой в полмиллиона золотых рублей. Эту сумму удалось беспрепятственно провести через Наркомвнешторг

---

¹ Раковский Христиан Георгиевич (1873–1941). Революционер, советский политический, государственный и дипломатический деятель. Неоснованно репрессирован, реабилитирован в 1988 году. В публикациях, вышедших до 1991 г., фамилия Раковского по политико-идеологическим причинам не упоминалась.

² Засушливое лето, определившее голод в стране. (Примечание А.К. Гастева).

при активной поддержке тов. Лежавы¹, но скоро оказалось, что решить легко, но реализовать, вследствие малой оперативной подвижности Внешторга, безумно трудно.

Когда я сказал об этом Владимиру Ильичу, он подал мысль обратиться в Наркомфин и настаивать перед ним, чтобы было сделано «хоть кое-что». Но тут же, сейчас же мы съехали на разговор о волоките. В разговоре пришлось коснуться того, что мы очень плохи по части исполнительства. Провести какое-нибудь дело через инстанции не представляет никакой трудности, но точно, реализовать его, точно выполнить, – это очень трудно.

Смеясь и грохоча, Владимир Ильич давал реплики по этому поводу. Я бросил фразу о том, что слово «да» в разговорах очень мало значит; «так точно» – гораздо определеннее. Старая солдатская формулировка не допускала сомнений и предрешала действие. Он живо откликнулся и, когда давал письмо тов. Альскому², то нарочно вставил слово «точнее» и подчеркнул его. Однако я не мог скрыть от Владимира Ильича, что плохо верю в реализацию³ этого дела. Тогда он сказал: «А знаете, ведь, чем черт не шутит, почему не попробовать?..», – и показал мне только что полученный номер американской газеты, где информировалось о том, что американские капиталисты посылают в Россию медикаменты. «Вот посмотрите, газета не наша, газета соглашательская, и смотрите, пишет... Ведь вот находятся же дураки», – сказал он и дал мне этот номер газеты для того, чтобы я мог сделать какие-нибудь выводы из этой информации. Уходя, Владимир Ильич останавливался и говорил, что если встретятся какие-нибудь препятствия, то обязательно надо «черкнуть», что если бы случилось, что он где-нибудь занят, если бы случилось, что он на заседании, то надо тогда «маленькую записку в два слова» передать и он сейчас же на этой записке ответит.

---

¹ Лежава Андрей Матвеевич (1870–1937). Советский государственный деятель, первый советский председатель правления Центросоюза, сторонник «рютинской платформы» в ВКП(б). Необоснованно репрессирован, реабилитирован в 1956 г.

² Альский Аркадий Осипович (1892–1936). Настоящие фамилия и имя: Мальский Аркадий Иосифович. Революционер, советский государственный деятель, сторонниклевой оппозиции в ВКП(б). Необоснованно репрессирован, реабилитирован в 1988 г.

³ В публикациях, вышедших до 1991 г., вместо слова «реализацию» было другое – «реализабельность».

Однако после этого свидания я не решался беспокоить мелочами, но с тех пор, во всяком случае, я всегда чувствовал, что дело, за которое я взялся, находится в поле зрения этого беспримерного человека, и это настроение давало силы, уже не встречаясь с ним, даже и не ища этих встреч, знать, что этим делом нельзя шутить, а его нужно делать. Как-то легко потом пришлось отнестись к тому факту, что знаменитые полмиллиона рублей золотом так и не попали к ЦИТ. От Наркомфина мы тогда не получили ничего, кроме маленького любезного разговора с тов. Альским, который, конечно, кроме этого разговора, при тогдашних условиях ничего не мог сделать, а наша заявка через Наркомвнешторг, которая сначала прошла в количестве полмиллиона рублей золотом, была сбавлена до ста тысяч, сто тысяч было сбавлено до двадцати тысяч. Эта цифра потом прошла через тот же глаз т. Ленина (по должности Председателя СТО) и он сказал: «Дело хорошее, а все-таки сейчас больше не можем». В дальнейшем оказалось, что и двадцати тысяч мы не получили, и заявка наша была сведена до восьми тысяч рублей, да и то она была реализована далеко не в такой мере и не так, как нам хотелось. Заграничный аппарат Наркомвнешторга не мог ее реализовать с той скоростью и целостностью объема, на который мы рассчитывали. Мы сами уловили эту тенденцию и в ожидании заграничных благ, перешли на так называемую робинзонаду. Мы начали собирать все то, что было из какого-нибудь случайного оборудования, и создавали свою аппаратуру на месте. За отсутствием металла мы многое начали делать из дерева, и в этой работе, конечно, имело исключительное значение то, что работа по созданию ЦИТа была в поле зрения человека, который разбил историю человечества на два куска: один до него, другой после него.

Повторяю, что я больше не имел разговоров с тов. Лениным.

Но та потрясающе грузная возня мысли, которая происходила в мозгу Ленина, нами чувствовалась не только по общей информации, мы ее реально ощущали в тех справочных запросах, которые мы получали из управления делами и секретариата Совнаркома.

Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. М., 1991. Т. 7. С. 131–133.

КНИЖНАЯ ПОЛКА

Россия в годы Гражданской войны, 1917–1922 гг.: очерки истории и историографии / отв. ред. Д.Б. Павлов. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2018. 608 с.

В книге, изданной под эгидой Российского исторического общества и Института российской истории РАН, предпринята попытка подвести итоги изучения в России и за ее пределами проблем российского государства и общества в годы Гражданской войны, точнее будем сказать, как следует и из подзаголовка, представить очерки по этой сложнейшей и многоплановой проблематике.

Книга начинается с вводной статьи, адресованной читателю, директора ИРИ РАН, профессора Ю.А. Петрова, подчеркнувшего, что это издание завершает цикл исследований этого Института, посвященных эпохе «великих потрясений» 1914–1922 гг. Он предпринял попытку выделить некоторые современные тенденции в изучении этой эпохи в современной историографии. Правомерно указано, в частности, что Революции и Гражданской войне как явлению предшествовал длительный подготовительный период, наполненный различными событиями и процессами, сложной диалектикой реформ и революций. Содержатся размышления о развитии революционного процесса в 1917–1918 гг. в стране в целом и в национальных регионах, в частности. Не со всем из изложенного следует согласиться, например, с тем, что власть на местах переходила якобы не столько к большевизированным Советам, сколько к вооруженным солдатским массам. В действительности этот процесс происходил гораздо сложнее и по-разному в различных регионах страны. Точнее было бы, вероятно, говорить о высокой активности и мобильности демобилизованных солдат, их активных действиях по установлению советской власти по возвращении в родные места. В этой вводной статье Ю.А. Петрова содержится ряд размышлений о попытках по-новому взглянуть на Гражданскую войну в России, и, вместе с тем, и справедливая критика наблюдающейся идейной инверсии по целому ряду проблем, смене полюсов и взглядов без должного доказательного обоснования.

В предисловии Д.Б. Павлова обоснованно оговаривается, что эта книга «не претендует на систематическое и полное изложение

истории» этого периода. За рамками исследования оставлены, например, военные операции и комплекс проблем внешней политики, но главное внимание сосредоточено на проблемах государства и общества по разные стороны фронта.

Издание состоит из двух частей или разделов. Все тексты, за исключением одного, написаны московскими авторами. Первый раздел называется «Российская государственность по обе стороны фронта». Историографии создания советской государственности и ВЧК посвящены два текста, подготовленные профессором МПГУ С.В. Леоновым. Проблемы советской судебной системы освещены Д.Б. Павловым, а история большевистских концлагерей или лагерей принудительного труда, как они официально именовались в годы Гражданской войны, – в статье Г.М. Ивановой и И.В. Удовенко. Власть, православная церковь и общество стали предметом изучения в материале, представленном профессором из Твери Т.Г. Леоновой. Профессор МПГУ В.Ж. Цветков охарактеризовал основные тенденции изучения Белого движения и представил свое видение перспектив изучения этой темы. А.В. Мамаев обратился к проблемам исследования городского управления в первые советские годы.

Второй раздел характеризуемой книги назван «Социальные, национальные, демографические процессы, общественное сознание, культура», где рассмотрен комплекс очень разных проблем. Целостное осмысление и характеристику получило, например, изучение крестьянского повстанческого движения в очерке профессора В.В. Кондрашина. Тема «Гражданская война и мусульмане» стала предметом исследования в очерке давно занимающегося изучением этой проблематики С.М. Исхакова. Анализ поведения этнических элит представлен в очерке его коллеги из ИРИ РАН Т.Ю. Красовицкой. В этом разделе получили освещение также проблемы «бывших людей», представителей ранее имущих классов, детей Советской России в военные годы, массовых настроений этой эпохи и «культурного измерения» Гражданской войны.

Представленные в книге взгляды и суждения могут представлять несомненный интерес для занимающихся проблемами государственности и общества в Гражданской войне и будут полезны как специалистам, так и широкому читателю.

В.И. Голдин

Гражданская война в России: взгляд через 100 лет. Проблемы истории и историографии / отв. ред. проф. В.В. Калашников. СПб.: СПбЭТУ «ЛЭТИ», 2018. 408 с.

Рецензируемый сборник содержит доклады и материалы участников одноименной международной научной конференции. Самую интересную часть сборника составляют материалы его первой части: «Основные проблемы историографии Гражданской войны в России в вопросах и ответах». 25 ведущих российских и иностранных историков (последние представляли США, Великобританию и Канаду) отвечали на 13 предложенных им вопросов, а также на один дополнительный «открытый» вопрос, который выбирали участники опроса, считая его важным для трактовки Гражданской войны.

На обсуждение были вынесены следующие вопросы: Каким временем (событием) Вы датируете начало Гражданской войны и ее окончание? Почему роспуск Учредительного собрания не вызвал существенного протеста со стороны широких слоев населения? Почему летом 1918 г. в стране разразилась крупномасштабная война? Какова роль Антанты в выступлении Чехословацкого корпуса? Причины поражения «демократической» контрреволюции? Насколько была важна помощь стран Антанты в материальном снабжении армий Колчака и Деникина? Какой из факторов сыграл важнейшую роль в поражении Белого движения» в Гражданской войне? Каковы причины поражения «зеленого» движения (антибольшевистских выступлений крестьян)? Какой из факторов сыграл важнейшую роль в победе большевиков в Гражданской войне? Как Вы оцениваете роль вождей в исходе Гражданской войны (например, Ленина, Троцкого)? Насколько важную роль сыграла Гражданская война в формировании советской политической системы? Какое влияние оказал «национальный вопрос» на ход и исход Гражданской войны в России?

Участники опроса имели возможность выбрать и обосновать один из предложенных вариантов ответа или дать иную трактовку.

Вторая часть рецензируемого сборника называется «Новейшая историография Гражданской войны в России: экспресс-анализ». Она содержит анализ ответов участников опроса на каждый из вопросов, который был представлен профессором В.В. Калашниковым. Знакомство с ответами российских и зарубежных участников опроса и их контент-анализ дают широкий спектр суждений

и представлений о современной историографии Гражданской войны в России и, несомненно, полезны как для специалистов, так и обычных читателей, желающих разобраться в сложнейших проблемах этой войны, в ее истоках, причинах, течении, исходе и последствиях.

Третью часть сборника составляют статьи, представленные участниками конференции, а заключительная его часть представлена двумя статьями, посвященными истории и историографии трагической годовщины – 25-летию политического кризиса осени 1993 г. в России.

Думается, что знакомство с материалами этой книги будет полезно широкому кругу специалистов, историков и политологов, а также всем интересующимся проблемами Гражданской войны в России.

В.И. Голдин, Ф.Х. Соколова

Эпоха Революции и Гражданской войны в России. Проблемы истории и историографии / отв. ред. проф. В.В. Калашников. СПбЭТУ «ЛЭТИ», 2019. 432 с.

Анализируемый сборник содержит материалы одноименной международной конференции. Он состоит из трех частей. Первая часть включает в себя 15 статей 11 российских и 4 зарубежных историков по широкому кругу общих проблем истории и историографии революционной эпохи и Гражданской войны в России.

Вторая часть книги называется «Региональный контекст». Она содержит 10 статей российских историков, дающих характеристику и раскрывающих особенности протекания революционного процесса и Гражданской войны в регионах страны: на Северном Кавказе, Дальнем Востоке, Европейском Севере, Северо-Западе, Урале, в Поволжье, Сибири и в Крыму. Только вдумчивый анализ и раскрытие общего и особенного в протекании Революции и Гражданской войны в регионах страны позволяет раскрыть многомерную и сложнейшую картину этих процессов в стране, жизнь и поведение ее многонационального населения в эту особую эпоху отечественной истории, помогает глубоко и объективно понять макро- и микроисторию этого времени, прийти до конкретного, так называемого «маленького человека».

Третий раздел сборника под названием «Miscellanea» содержит разные материалы: воспоминания, документы. Среди них хоте-

лось бы особо выделить статью Г.З. Иоффе, в прошлом известного советского и российского историка, который в 1995 году переехал в Канаду и живет там, активно публикуясь в России. Эта статья под названием «Кто посмеет пережитое отместить...» содержит интересное повествование о советских и российских историках, с которыми ему довелось работать: Л.С. Гапоненко, П.В. Волобуев, Е.Н. Городецкий, Э.Н. Бурджалов, А.Я. Аврех, А.Я. Грунт, А.И. Юхт, В.Д. Поликарпов, А.В. Игнатъев и др.

Как специалисты, так и думающие, и размышляющие об этой эпохе читатели, найдут в этой книге немало интересного для себя.

В.И. Голдин

Голдин В.И. Север России на пути к Гражданской войне: Попытки реформ. Революции. Международная интервенция. 1918–лето 1920. Архангельск: САФУ, 2018. 623 [16] с: ил.

Рецензируемая монография представляет собой первый том задуманного ее автором трехтомного издания в рамках серии «Русский Север в эпоху великих потрясений: 1900–1920». Обширная глава книги посвящена историографии и источниковедению темы. Она поразительна по численности представленных научных, мемуарных, публицистических изданий и архивных материалов, глубока по концептуальному анализу исследуемой темы, в ней раскрыта динамика векового развития исторической науки в ее изучении.

На страницах этой книги раскрывается широкомасштабная панорама событий на Европейском Севере России, в Архангельской, Вологодской и Олонецкой губерниях, с конца XIX в. по лето 1918 г., которая органично вписывается автором в общероссийский контекст. В монографии глубоко исследуется диалектика реформ, попыток модернизации Севера мирным путем, предыстория и история революционной эпохи, раскрываются глубинные причины революционного процесса, истоки Гражданской войны и интервенции на Русском Севере.

Монография имеет несомненную политическую актуальность. Она буквально «опрокинута» из прошлого в современность. Было бы полезно освоить текст книги нынешним чиновникам и олигархам, чтобы понять, отчего происходят революции, войны и интервенции, как можно довести страну бездарным управлением до революционных взрывов и гражданских войн. Три главы книги

посвящены именно попыткам и провалам российского реформирования в начале XX века. В монографии характеризуется многоплановое и противоречивое воздействие Первой мировой войны на Север России, когда его стратегическое значение для страны резко возросло, и он привлекал к себе растущее внимание противоборствовавших в войне держав и коалиций, где коренились и истоки международной интервенции.

Четвертая, пятая и частично шестая главы раскрывают во всей сложности и противоречивости процесс революционного развития на Европейском Севере в целом и в отдельных его губерниях и местностях в сопоставлении с общероссийской картиной событий. Две последние главы (322 стр.) посвящены генезису и началу интервенции. В них рассмотрение событий в центре России органично переплетается с тем, что происходило в северной части страны. Анализируются события и угрозы Северу России как со стороны стран Антанты, так и Германии, и Финляндии, где гражданская война завершилась победой белофиннов и вынашивались планы создания «Великой Финляндии» за счет северных и северо-западных территорий России.

В последней главе книги, названной «Кровавое северное лето восемнадцатого», подробно и обстоятельно рассматриваются события перехода к широкомасштабной и фронтовой Гражданской войне в России, органично переплетавшейся с иностранной интервенцией. И именно последняя сыграла главную роль в развязывании Гражданской войны на Севере страны. Вслед за подробнейшим рассмотрением и анализом событий, связанных с оккупацией Мурмана, детально рассмотрены планы и реалии интервенции стран Антанты в Архангельск и свержения здесь советской власти. Интересны изложенные в книге дальновидные высказывания американского консула в Архангельске Феликса Коула, сделанные летом 1918 г. Он раскритиковал идею развертывания вооруженной интервенции в России и на Русском Севере, утверждая, что она непременно провалится, но руководство Соединенных Штатов не прислушалось к этому предупреждению. Между тем, аргументация консула, изложенная автором книги, полностью подтвердилась последующим ходом исторических событий.

Рецензируемая монография В.И. Голдина интересна и содержательна, а материалы книги прошли качественную апробацию, стали результатом тридцатилетней научной деятельности автора по изучению истории и историографии Гражданской войны и

интервенции в России и на Русском Севере. Рекомендую эту монографию для чтения специалистам и широкой читательской аудитории, хочется надеяться на то, что в ближайшие годы выйдут и последующие тома этого издания.

А.В. Репневский, В.А. Репневский

Ганин А.В. Измена командармов. Представители высшего командного состава Красной армии, перешедшие на сторону противника в годы Гражданской войны в России 1917–1922. М.: Пятый Рим. 2020. 799 с.

Это во многом неожиданная книга, ибо о командующих армиями на одной стороне фронта, перешедших на сторону противника, не принято писать. Впрочем, своеобразие гражданской войны как вида военно-политического противоборства делает подобные явления нередкими, что было характерно и для Гражданской войны в России. В ряды Красной армии широко привлекались в качестве военных специалистов бывшие офицеры, часть из которых не была готова сотрудничать с большевиками, что порождало и многочисленные измены.

В книге содержится рассказ о сложном жизненном выборе и необычных судьбах четырех командующих армиями, изменивших советской власти: Ф.Е. Махине, Н.Д. Всеволодове, Б.П. Богословском, и Н.А. Жданове. Двое первых из них были полковниками, а вторые двое – генерал-майорами старой армии, причем, Богословский получил этот чин уже у Колчака, в декабре 1918 г. Автор анализирует жизненный путь своих героев, характеризует обстоятельства, в которых они вступили в ряды Красной армии, и причины, по которым они покинули ее и перешли на сторону противника. Документы, помещенные в книгу, позволяют глубже и полнее понять авторское повествование и судьбы людей, о которых идет речь в книге. В целом, в этом исследовании использованы уникальные документы шестнадцати российских и зарубежных архивов.

А.В. Ганин прослеживает последующий жизненный путь этих бывших советских командармов, который складывался у всех по-своему. Наиболее сложен, противоречив и интересен он был у Ф.Е. Махина, о котором приходилось писать и автору этих строк. Бывший эсер и участник антибольшевистского подполья, он после перехода на сторону чехов и сдачи Уфы служил в Народной армии Комуча, но в дальнейшем участвовал в неудавшемся заговоре про-

тив атамана А.И. Дутова и бежал за границу. Из Японии Махин выехал в Европу и в дальнейшем, побывав в эмиграции в ряде европейских стран, осел на жительство в Королевстве Сербов, Хорватов и Словенцев / Югославии. В 30-е годы Ф.Е. Махин был завербован Иностраннным отделом ОГПУ, занимал оборонческую и патриотическую позицию в отношении СССР, а в 1939 году порвал с эсерами и вступил в ряды Коммунистической партии Югославии.

В годы Второй мировой войны Махин принимал активное участие в антифашистском партизанском движении в Югославии, поддерживал тесные отношения с И.Б. Тито и был произведен в генерал-лейтенанты Народно-освободительной армии Югославии. В ноябре 1944 года он в составе правительственной делегации Югославии побывал в СССР, а 1945 году, уже после окончания войны вновь побывал в Москве и встречался с Молотовым. Сталин, несмотря на рекомендацию Тито, не принял Махина, предложив ему возвращаться в Югославию. Умер он в Белграде в 1945 году и был похоронен с воинскими почестями.

Н.В. Всеволодов и Н.А. Жданов оказались в дальнейшем в эмиграции, где и окончили свою жизнь. Б.П. Богословский в условиях распада армии Колчака перешел в январе 1920 г. на сторону Красной армии, но вскоре был арестован чекистами и в том же году расстрелян.

В заключительной части книги содержится и короткое авторское повествование о судьбах еще одной группы командармов-изменников: М.А. Муравьеве, П.А. Славене, А.И. Харченко и В.В. Яковлеве.

В целом, эта рецензируемая книга интересна, содержательна, документальна и позволяет глубже понять сложные, драматические и противоречивые страницы истории Гражданской войны в России.

В.И. Голдин

Русский Сборник: Исследования по истории России. XXVIII: Гражданская война и интервенция в России / ред.-составители О.Р. Айрапетов, Ф.А. Гайда, И.В. Дубровский, М.А. Колеров, Брюс Меннинг, А.Ю. Полунов, Пол Чейсти. М.: Модест Колеров, М., 2020. 640 с.

Участие в этом издании приняли около двадцати историков, представители шести стран. В нем представлен широкий комплекс статей исторического, историографического и источниковедческо-

го характера. Проблемам интервенции стран Антанты в различных регионах России посвящены статьи А.А. Улуныяна, Ю.М. Галкиной, Ч. Паолетти, С.В. Слуцкой, Ш. Элстона и автора этих строк, а германской интервенции на Украине – статьи С.В. Машкевича и Л.В. Ланника. Различные аспекты национальной проблематики, событий на Кавказе и в Туркестане стали предметом изучения в опубликованных материалах Э. Шахина, М. Танрыверди и О.Р. Айрапетова. Р.Г. Гагкуев опубликовал документальную статью, поместив в ней рапорты французского генерала М. Жанена об адмирале А.В. Колчаке и развитии ситуации в Сибири в конце 1919 – начале 1920 г.

А.В. Ганин опубликовал в этом сборнике большую и интересную статью «Революционные искания полковника М.С. Свечникова» о драматическом жизненном пути этого военного специалиста, хорошо известного по событиям гражданских войн в Финляндии и в России, арестованного в самом конце 1937 г., расстрелянного в 1938 г. и впоследствии реабилитированного. Историк из Финляндии А. Майнио опубликовал содержательную статью, посвященную боевым организациям белой эмиграции и разведке финского Генштаба в 1920–1922 гг.

В разделе о новых изданных книгах помещены обзоры о монографии нидерландского историка искусства Ш. Схейена «Авангардисты: русская революция в искусстве. 1917–1935» (переводное издание, М., 2019) и М. Сигурджи «Спасибо, Константинополь! По следам белоэмигрантов в Турции» (М., 2018).

Думается, что знакомство со статьями и материалами этого сборника будет интересно и полезно и специалистам, и широкому кругу читателей.

В.И. Голдин

Итоги научного проекта в Санкт-Петербурге «Россия в эпоху революций и реформ: проблемы истории и историографии»

С 2012 по 2020 г. в Санкт-Петербурге была проведена серия научных конференций с публикацией восьми сборников их материалов¹ под общим названием, вынесенным в заголовок этого текста. Эти материалы размещены и на сайте Научной электронной библиотеки². Все конференции были проведены на базе Санкт-Петербургского государственного электротехнического университета (СПбГЭТУ) совместно с сотрудниками ряда научных институтов РАН и преподавателями университетов России, при участии известных ученых из Белоруссии, Великобритании, Венгрии, Украины, США и Японии.

В 2017 году в рамках подготовки юбилейной конференции по истории Российской революции 1917 г. был реализован специальный проект, подготовленный и осуществленный под руководством профессора СПбГЭТУ В.В. Калашникова и профессора Индианского университета (США) А. Рабиновича. В рамках его 25 ведущих российских и зарубежных ученых ответили на десять ключевых вопросов по истории Февральской революции. Эти материалы и их экспресс-анализ были опубликованы³. В 2018 г. подобный опрос с участием российских и иностранных историков,

---

¹ См.: Русская революция 1917 года: проблемы истории и историографии. СПб., 2013; Гражданская война в России: проблемы истории и историографии. СПб., 2014; Россия в первой мировой войне: проблемы истории и историографии. СПб., 2015; Россия в эпоху революций и реформ: проблемы истории и историографии. СПб., 2016; Февральская революция 1917 года: проблемы истории и историографии. СПб., 2017; Гражданская война в России: взгляд через 100 лет. Проблемы истории и историографии». СПб., 2018; Эпоха Революции и Гражданской войны в России: проблемы истории и историографии. СПб., 2019; Русская революция и ее итоги: взгляд на историю советского общества. СПб., 2020.

² Электронный адрес основной страницы: http://elibrary.ru/title_about.asp?id=63427

³ Февральская революция 1917 года: проблемы истории и историографии. СПб., 2017.

но уже по Гражданской войне, был проведен при кураторстве тех же указанных выше ученых. Эти материалы и их экспресс-анализ были также опубликованы, а о сборнике по Гражданской войне уже шла речь в предшествующем разделе Альманаха, так же как и об издании, посвященном Революции и Гражданской войне, вышедшем в свет в 2019 г.¹

К конференции 2020 г. был подготовлен новый вопросник, посвященный оценке истории итогов Российской революции и основных этапов советского общества. По итогам проведенной конференции в декабре 2020 года был издан сборник ее материалов². В первом его разделе представлены ответы 18 российских и зарубежных ученых. Второй раздел сборника содержит контент-анализ полученных ответов. В третьем разделе этого сборника опубликованы статьи, представленные на конференцию.

Знакомство со сборниками опубликованных материалов и статей будет интересно и полезно всем занимающимся проблемами Великой российской революции.

Всероссийская научная конференция по Гражданской войне и интервенции в Архангельске

10–11 сентября 2020 г. в Архангельске состоялась всероссийская научная конференция «Международная интервенция и Гражданская война в России и на Русском Севере: ключевые проблемы, историческая память и уроки истории». Ее инициаторами и организаторами выступили Российское военно-историческое общество и его Архангельское региональное отделение, Правительство Архангельской области, Ассоциация исследователей Гражданской войны в России и Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова (САФУ).

В конференции в очной и заочной форме, с публикацией своих материалов приняли участие более 60 исследователей из 14 регионов России, а также из Норвегии и Украины. В пленарном заседании этого научного форума, которое состоялось в конференц-зале Пра-

---

¹ Гражданская война в России: взгляд через 100 лет. Проблемы истории и историографии». СПб., 2018; Эпоха Революции и Гражданской войны в России: проблемы истории и историографии. СПб., 2019.

² Русская революция и ее итоги: взгляд на историю советского общества. СПб., 2020.

вительства Архангельской области, приняли участие и выступили помощник президента Российской Федерации, председатель Российского военно-исторического общества В.Р. Мединский и председатель правления Российского исторического общества, исполнительный директор фонда «История Отечества» К.И. Могилевский.

С пленарными докладами на конференции выступили: профессор САФУ В.И. Голдин на тему «Гражданская война и международная интервенция в России и на Русском Севере: итоги изучения, современное состояние исследования, проблемы», руководитель Центра экономической истории Института российской истории РАН, профессор В.В. Кондрашин, охарактеризовавший опыт и результаты работы над XII томом «Гражданская война в России. 1917–1922» 20-томной академической «Истории России», заведующий кафедрой Санкт-Петербургского государственного университета путей сообщения Императора Александра II, профессор В.В. Фортунатов на тему «Борьба за интеллигенцию. Почему победили большевики», профессор Санкт-Петербургского университета А.С. Пученков, рассказавший о взаимоотношениях режима генерала П.Н. Врангеля и Польши, и профессор САФУ А.В. Репневский, охарактеризовавший роль международной интервенции для развязывания и протекания Гражданской войны на Севере России.

Участники конференции имели возможность ознакомиться и с пленарным докладом профессора, члена-корреспондента Национальной академии наук Украины В.Ф. Солдатенко на тему «Украина – один из плацдармов Гражданской войны в России: традиции и новейшие историографические тенденции постижения опыта 1917–1920 гг.».

В рамках конференции работали четыре секции: «Международная интервенция и Гражданская война в России и на Русском Севере: диалектика процессов и историческая память», «Международное, российское, региональное и локальное измерения Гражданской войны в России и на Европейском Севере: военное противоборство и политические процессы», «Экономика, социальные отношения, культура и повседневность военного времени. Человек в Гражданской войне» и «Гражданская война на Севере России: источники, современное понимание, историческая память».

В ходе конференции было организовано несколько «круглых столов». Редакция журнала «Родина» провела его на тему «Столетие интервенции на Русском Севере как последний «дальний раскат» Первой мировой войны. Ее последствия для Арктики. Ин-

тервенция на Севере как историко-культурный мост развития национальной дипломатии в современных условиях, ресурс памяти, объединяющий людей».

Участников и гостей конференции, занимающихся проблемами памяти в истории, собрал «круглый стол» на тему «Историческая и культурная память о Гражданской войне в России: что должно знать о ней и как воспринимать ее современное поколение». Состоялся также «круглый стол», на котором был обсужден ход и результаты работы над XII томом «Гражданская война в России. 1917–1922» 20-томной академической «Истории России».

Участники конференции имели возможность отправиться поездом из Архангельска за 150 км на разъезд 966/967 км Северной железной дороги и принять участие в открытии мемориала «Юрьевский рубеж» в военно-историческом парке «Железнодорожный фронт», где осенью 1918 – летом 1919 г. шли бои с войсками интервентов. По результатам 20-летней работы здесь военно-археологической экспедиции была подготовлена и издана объемная и прекрасно иллюстрированная фотографиями той поры книга «Штык решает»¹, которую вручили здесь всем участникам конференции.

По материалам конференции в Москве издан сборник ее статей и материалов².

Всероссийская научная конференция в Крыму

12–15 ноября 2020 г. в Крыму состоялась всероссийская по своему характеру конференция под названием «Человек, общество и власть в годы "Русской Смуты" 1917–1920-х годов. Память, осмысление, примирение». Этот научный форум был приурочен к 100-летию окончания Гражданской войны и исхода из Крыма. Организаторами конференции выступили Российское историческое общество, Фонд «История Отечества» и центральный музей Тавриды.

Пленарное заседание этой конференции прошло в знаменитом Ливадийском дворце, в Ялте. Оно открылось приветственными выступлениями членов Совета Федерации и Государственной Ду-

---

¹ Сухановский А.Ф. Штык решает. War Diary. Фронтовой дневник. Архангельск, 2020.

² Международная интервенция и Гражданская война в России и на Русском Севере: ключевые проблемы, историческая память и уроки истории. М., 2020.

мы РФ, руководства Республики Крым, председателя правления Российского исторического общества, исполнительного директора фонда «История Отечества» К.И. Могилевского и др.

На пленарном заседании были представлены доклады профессора В.И. Голдина на тему «Гражданская война в России в современном научном понимании: Концепция, содержание, последствия» и директора Удмуртского института истории, языка и литературы УрО РАН профессора А.Е. Загребина (Ижевск) «Ижевское восстание 1918 г.: Борьба, исход и память».

Во второй половине дня в отеле «Пальмира Палас» прошла работа двух «круглых столов»: «Россия, Новороссия, Крым в годы Гражданской войны 1917–1920 гг.» и «Революция и Гражданская войны в России 1917–1920 гг.: уроки истории», где обсуждался широкий круг исторических проблем, вопросы исторической и культурной памяти об этих страницах истории, возможности исторического примирения.

На второй день работы конференции состоялась поездка ее участников в Севастополь, где они приняли участие в церемонии на Графской пристани, посвященной Русскому Исходу, столетию ухода из Крыма Черноморского флота с войсками Русской армии генерала П.Н. Врангеля и беженцами.

Во второй половине дня участники конференции продолжили свою работу в Севастопольском государственном университете. Здесь состоялся «круглый стол» на тему «Вклад российских соотечественников в развитие науки и культуры стран средиземноморского региона», посвященный 100-летию Русского Исхода. К российским участникам присоединились в дистантном режиме, по видеосвязи, представители Франции, Марокко и Туниса, в том числе русские граждане, живущие там. Их выступления были посвящены главным образом эпопее эвакуации войск генерала Врангеля и пребыванию русского Черноморского флота, преобразованного в Русскую эскадру, в тунисской Бизерте, и судьбам русских эмигрантов здесь.

Состоялась экскурсия для участников конференции по историческим местам Севастополя, посещение знаменитой Константиновской батареи.

По итогам конференции опубликован сборник статей и материалов¹.
Материалы раздела подготовлены к публикации В.И. Голдиным.

---

¹ Человек, общество и власть в эпоху «Русской Смуты» 1917–1920: Память, осмысление, примирение. Симферополь, 2020.

О РАБОТЕ НАД XII ТОМОМ «ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА В РОССИИ. 1917–1922» 20-ТОМНОЙ АКАДЕМИЧЕСКОЙ «ИСТОРИИ РОССИИ»*

Работа над новым многотомным академическим изданием «Истории России» началась в соответствии с поручением Президента России от 5 апреля 2013 г. и поручением Правительства РФ от 12 апреля того же года. В разработанной в Институте российской истории РАН концепции многотомной академической «Истории России» охарактеризованы причины и факторы, обусловившие необходимость подготовки этого многотомного издания, проистекающие из внешних и внутренних угроз искажения исторического прошлого нашей страны. Это обусловлено и тем, что предшествующее многотомное издание под названием «История СССР с древнейших времен до наших дней» в 12 томах выпускалось несколько десятилетий назад и осталось незавершенным.

Новая многотомная академическая «История России» должна охватывать весь многовековой исторический путь – с появления древнейших поселений человека на территории нынешней Российской Федерации до начала XXI в. Предполагается охарактеризовать особенности этого пути и отличия его от других стран и народов, показать место и роль России в мире. В новом издании намечены такие сквозные темы, как территория и население, экономика, социальные отношения, власть и государственное управление, культура, место страны в международных отношениях и др.

Координатором работы по подготовке двадцатитомной академической истории России выступает ИРИ РАН. Предполагается, что общая численность ученых, привлеченных к реализации проекта, составит примерно 300 чел., в том числе 100 – сотрудники ИРИ РАН и 200 – представители сторонних научных организаций. К началу 2019 г. была в основном завершена работа по утверждению ответственных редакторов, редколлегий, концепций и структуры томов, сформированные авторские коллективы приступили к работе. Утвержденный план-график реализации проекта охваты-

---

* Материал подготовлен в рамках проекта Института российской истории РАН по написанию многотомного академического труда «История России». Публикуется в целях апробации.

вает период 2018–2021 гг. и для большей части томов предполагает подготовку и передачу их рукописей в издательство в 2021 г. После этих необходимых пояснений приступим к более подробному освещению работы над XII томом.

1 октября 2018 года было принято решение о назначении ответственными редакторами этого тома профессора Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова В.И. Голдина и руководителя Центра экономической истории ИРИ РАН профессора В.В. Кондрашина. В течение следующих двух месяцев указанные лица подготовили концепцию, план-проспект и структуру тома XII «Гражданская война в России. 1918–1920», а также состав его редколлегии, которые были утверждены 4 декабря 2018 г. Затем развернулся процесс подбора и согласования кандидатур авторов и распределения листажа. Общий объем тома (в двух книгах) должен составить 120 п. л., а со справочным аппаратом – 140 п. л.

В состав редколлегии, приводимый ниже, вошли 8 человек, представляющих шесть научных учреждений и университетов, а в состав авторского коллектива – 35 исследователей из 10 регионов России и более 20 научных учреждений и университетов России и Украины.

Ниже представлены содержание Оглавления с перечнем авторов, а также тексты Введения и Заключения тома.

Том XII. Гражданская война в России. 1917–1922 гг.

Редакционная коллегия: В.И. Голдин (ответственный редактор), В.В. Кондрашин (ответственный редактор), И.Н. Слепнев (бригадир тома), А.В. Ганин, Р.Г. Гагкуев, С.М. Исхаков, Д.Б. Павлов, В.М. Рынков.

Авторы: В.Б. Аксенов, Д.А. Аманжолова-Киселева, Н.Е. Быстрова, А.В. Ганин, Р.Г. Гагкуев, В.И. Голдин, В.Б. Жирумская, С.М. Исхаков, Б.Н. Колоницкий, В.В. Кондрашин, И.В. Купцова, С.В. Леонов, Я.В. Леонтьев, Т.Г. Леонтьева, М.И. Мельтюхов, О.Б. Мозохин, К.Н. Морозов, О.М. Морозова, В.И. Мусаев, Д.Б. Павлов, С.Н. Полторак, Д.И. Рублев, В.М. Рынков, А.С. Сеннин, Т.М. Смирнова, В.Ф. Солдатенко, О.А. Сухова, В.П. Федюк, М.А. Фельдман, Т.А. Филиппова, В.В. Фортунатов, Р.А. Хазиев, М.В. Ходяков, В.Ж. Цветков.

СОДЕРЖАНИЕ

Книга 1. Военное и политико-дипломатическое противоборство

Введение. Историография проблемы. В.И. Голдин, В.В. Кондрашин

Раздел 1. Истоки и начало Гражданской войны в России

Гл. 1. Исторические корни и причины Гражданской войны. *В.И. Голдин*

Гл. 2. Начало и первые очаги вооруженного противоборства в стране.

§ 1. Антибольшевистское сопротивление и первые очаги Гражданской войны. *В.Ж. Цветков*

§ 2. Начало Гражданской войны на Украине. *В.Ф. Солдатенко*

Раздел 2. 1918 год: от «малой» к широкомасштабной Гражданской войне в России

Гл. 1. Борьба за установление и упрочение советской власти. Нарастание и углубление кризиса в стране (январь – май). *С.В. Леонов*

Гл. 2. Брестский мир и его последствия. *С.Н. Полторак*

Гл. 3. Переход к широкомасштабной Гражданской войне в стране.

§ 1. Вооруженное выступление Чехословацкого корпуса и его последствия. *В.И. Голдин*

§ 2. Интервенционистские действия стран Четверного союза и Антанты. *В.И. Голдин*

§ 3. Крестьянское сопротивление чрезвычайной политике советской власти. *В.В. Кондрашин*

§ 4. Вооруженные выступления в казачьих районах. *Р.Г. Гагкуев*

Гл. 4. Антибольшевистское движение от «демократической контрреволюции» к Белому движению. Состав, программы, действия.

§ 1. Самарский Комитет членов Учредительного собрания. *В.В. Кондрашин*

§ 2. Ярославское восстание: вооруженное выступление под руководством Савинкова. *В.П. Федюк*

§ 3. От Верховного Управления к Временному Правительству Северной Области. *В.И. Голдин, В.Ж. Цветков.*

§ 4. От «демократической контрреволюции» в Сибири и на Дальнем Востоке к режиму Колчака. *В.Ж. Цветков.*

Гл. 5. Превращение Советской России в единый военный лагерь. *В.И. Голдин, С.В. Леонов*

Гл. 6. Гражданская война и иностранная военная интервенция в регионах страны.

§ 1. Восток России (Урал, Сибирь, Дальний Восток). *В.И. Голдин*

§ 2. Европейский Север России и Северная область. *В.И. Голдин*

§ 3. Северо-Запад и Прибалтика. *В.И. Мусаев*

§ 4. Белоруссия. *В.В. Кондрашин*

§ 5. Украина и Крым. *В.Ф. Солдатенко*

§ 6. Юг России (Дон, Кубань, Северный Кавказ). *Р.Г. Гагкуев*

§ 7. Закавказье и Средняя Азия. *С.М. Исхаков*

Раздел 3. 1919: год решающих сражений

Гл. 1. Восток России и Восточный фронт. *В.И. Голдин, В.В. Кондрашин*

Гл. 2. Север России. *В.И. Голдин*

Гл. 3. Северо-Запад и Прибалтика. *В.И. Мусаев*

Гл. 4. Белоруссия. *В.В. Кондрашин*

Гл. 5. Юг России и Южный фронт. Наступление Деникина на Москву и его провал. *Р.Г. Гагкуев*

Гл. 6. Украина и Крым. *В.Ф. Солдатенко*

Глава 7. Средняя Азия и Закавказье. *С.М. Исхаков*

Раздел 4. 1920 год: окончание широкомасштабной Гражданской войны в России

Гл. 1. Советская Россия в войне. *В.В. Кондрашин*

Гл. 2. Падение антисоветской Северной области и мирное урегулирование с Финляндией. *В.И. Голдин*

Гл.3. Польско-советская война. *М.И. Мельтюхов*

Гл. 4. Южный фронт, Украина, Крым. *В.Ф. Солдатенко, В.В. Кондрашин*

Гл. 5. Борьба с белогвардейцами и интервентами на Востоке страны. Образование и деятельность Дальневосточной республики. *В.И. Голдин*

Гл. 6. Закавказье и Средняя Азия. *С.М. Исхаков*

Раздел 5. 1921–1922 годы: завершение Гражданской войны в стране

Гл. 1. Кронштадтское восстание. *В.В. Кондрашин*

Гл. 2. Крестьянское повстанческое движение.

- § 1. «Антоновщина». *В.В. Кондрашин*
- § 2. «Махновщина». *В.В. Кондрашин*
- § 3. Западно-Сибирское восстание. *В.В. Кондрашин*
- § 4. Повстанческое движение в Поволжье. *В.В. Кондрашин, А.В. Посадский*

Гл. 3. Окончание Гражданской войны и интервенции на Дальнем Востоке. *В.И. Голдин*

Гл. 4. Ликвидация военных очагов и установление советской власти в Закавказье и в Туркестане. *С.М. Исхаков*

Раздел 6. Армии, воинские формирования и военное строительство

Гл. 1. Особенности военного строительства в условиях Гражданской войны. *А.В. Ганин*

§ 1. Создание Красной армии и особенности советского военного строительства.

§ 2. Особенности военного строительства в белых армиях.

§ 3. «Национальные армии».

Гл. 2. Красная армия в войне. *А.В. Ганин*

Гл. 3. Белые армии в войне. *Р.Г. Гагкуев*

Гл. 4. Офицерство и его выбор. *А.В. Ганин*

§ 1. Офицерский корпус старой русской армии – основной источник комплектования командного состава Красной и белых армий.

§ 2. Участие офицерского корпуса в Белом движении.

§ 3. Офицеры русской армии в антибольшевистских национальных формированиях.

§ 4. Эффективность использования офицерских кадров противоборствующими лагерями.

Гл. 5. Казачество в войне. *А.В. Ганин, В.В. Кондрашин*

§ 1. Причины участия казачества в Гражданской войне на стороне белых и красных.

§ 2. Казачество в белых армиях.

§ 3. Казачество в Красной армии и в повстанческом движении на подконтрольной советской власти территории.

Гл. 6. Военная разведка и контрразведка противоборствующих сторон. *А.В. Ганин*

§ 1. Организация и деятельность советской военной разведки и контрразведки.

§ 2. Разведка и контрразведка в белом лагере.

Гл. 7. Иностранцы в Красной армии. *С.Н. Полтораки*.

Раздел 7. Международный фронт Гражданской войны

Гл. 1. Международное положение России и внешнеполитическая деятельность противоборствующих сторон. *Н.Е. Быстрова*

Гл. 2. «Русский вопрос» на Парижской мирной конференции, ход и завершение интервенции Антанты в России. *В.И. Голдин*

Гл. 3. Создание и деятельность Коммунистического Интернационала. Идеи и практика мировой революции. *А.Ю. Ватлин, В.И. Голдин*

Заключение. *В.И. Голдин, В.В. Кондрашин*

Книга 2. Россия в Гражданской войне

Раздел 1. Государственность по обе стороны фронта

Гл. 1. Советская государственность и партия большевиков в военную эпоху. *С.В. Леонов*

§ 1. «Великий незнакомец»: большевистская партия.

§ 2. Советский Левиафан.

Гл. 2. Белая государственность. *В.Ж. Цветков*

§ 1. Формирование белой государственности на Юге России.

§ 2. Власть Верховного правителя адмирала Колчака.

§ 3. Образование и деятельность Северо-Западного правительства.

§ 4. Система управления в казачьих областях.

§ 5. «Смена курса» внутренней политики Колчака, Деникина и Врангеля на завершающем этапе Белого движения.

§ 6. Белая государственность в Забайкалье.

Раздел 2. Спецслужбы и репрессивно-карательные системы противоборствующих сторон

Гл. 1. ВЧК. *О.Б. Мозохин*

Гл. 2. Советская судебная и пенитенциарная системы. *Д.Б. Павлов, В.В. Кондрашин*

§ 1. Создание советской судебной системы.

§ 2. «Пролетарский суд без буржуазного права, но и без пролетарского».

§ 3. «Единый народный суд» и революционные трибуналы.

§ 4. Особенности большевистского правосудия. Судебное законодательство и судебная практика.

Гл. 3. Спецслужбы и репрессивно-карательная система Белого движения. *В.И. Голдин*

Раздел 3. Небольшевистские политические партии

Гл. 1. Кадеты. *В.В. Кондрашин*.

Гл. 2. Меньшевики. *Д.Б. Павлов*

§ 1. Деятельность меньшевиков в конце 1917–1918 гг.

§ 2. 1919–1920 гг.: дрейф «влево» в условиях квазизаконоуложения.

§ 3. 1921–1922 гг.: от полузаконности к подполью.

Гл. 3. Эсеры. *К.Н. Морозов*

§ 1. Начало борьбы ПСР с большевиками (октябрь 1917 – май 1918 г.).

§ 2. Период вооруженной борьбы с большевиками (июнь – ноябрь 1918 г.).

§ 3. Тактика «третьей силы».

§ 4. Деятельность В.Б. Савинкова.

§ 5. Политика большевиков по отношению к ПСР.

Гл. 4. Левые эсеры. *Я.В. Леонтьев*

Гл. 5. Максималисты. *Я.В. Леонтьев*

Гл. 6. Анархисты. *Д.И. Рублев*

Раздел 4. Экономика и экономические процессы

Гл. 1. Формирование системы «военного коммунизма» в Советской России: политика, экономика. *В.В. Кондрашин*

§ 1. Причины утверждения «военного коммунизма» как основы экономической политики советской власти в годы войны.

§ 2. Реализация политики «военного коммунизма».

Гл. 2. Подпольное предпринимательство в условиях «военного коммунизма». *Р.А. Хазиев*

Гл. 3. Промышленность и транспорт советской России.

§ 1. Промышленность. *В.В. Кондрашин*

§ 2. Транспорт. *А.С. Сенин*

Гл. 4. Денежное обращение по обе стороны фронта. *М.В. Ходяков*

§ 1. Денежное обращение на территории Советской России.

§ 2. Денежное обращение в антибольшевистском лагере.

Гл. 5 Сельское хозяйство. *В.В. Кондрашин*

§ 1. Динамика сельскохозяйственного производства.

§ 2. Причины кризисных явлений и падения сельскохозяйственного производства.

Гл. 6. Экономическая политика антибольшевистских правительств. *В.М. Рынков*

§ 1. Регулирование прав собственности.

§ 2. Финансовая политика.

§ 3. Организация торговли, промышленности и решение продовольственного вопроса.

§ 4. Аграрная политика.

Раздел 5. Социальные и социально-демографические процессы

Гл. 1. Российское общество в период послереволюционной трансформации: особенности социальных отношений и проблема социальной идентификации. *Т.М. Смирнова*

Гл. 2. Советская социальная политика: основные приоритеты, декларируемые принципы и их реализация. *Т.М. Смирнова*

§ 1. Создание единой государственной системы социального обеспечения и социальной защиты населения, ее основные приоритеты и формы.

§ 2. Охрана труда в условиях принудительного труда: труд как право и обязанность каждого.

§ 3. Формирование государственной системы здравоохранения и санитарно-просветительная работа.

§ 4. Решение жилищной проблемы: основные задачи, методы и итоги.

§ 5. Основные противоречия социальной политики.

Гл. 3. Социальная политика антибольшевистских правительств. *В.М. Рынков*

§ 1. Рабочий вопрос и регулирования рынка труда.

§ 2. Решение жилищных проблем.

§ 3. Выплаты пенсий и пособий.

§ 4. Социальная помощь пострадавшим от боевых действий и разрушений Гражданской войны.

§ 5. Организация медицинского обслуживания армии и гражданского населения.

§ 6. Проблема беженцев.

Гл. 4. Человек на войне. *О.М. Морозова*

Гл. 5. Крестьянство в войне. *В.В. Кондрашин, О.А. Сухова*

- § 1. Социально-демографические процессы в российской деревне.
- § 2. Крестьянство как основной источник людских и материальных ресурсов противоборствующих сторон.

Гл. 6. Рабочие в условиях войны. *В.В. Кондрашин, М.А. Фельдман*

- § 1. Положение рабочих и рабочий вопрос в политике большевиков.
- § 2. Поддержка рабочих советской власти в годы войны.
- § 3. Протестное рабочее движение.
- § 4. Положение рабочих на территории антибольшевистских правительств.

Гл. 7. Интеллигенция в войне. *В.В. Фортунатов*

§ 1. Реакция интеллигенции на захват власти большевиками и начавшуюся Гражданскую войну.

§ 2. Интеллигенция и советская власть в годы войны.

Гл. 8. «Бывшие» в Советской России. *Т.М. Смирнова*

§ 1. «Бывшие» как объект научной дискуссии о социальной структуре российского общества в годы войны.

§ 2. Адаптация бывших привилегированных сословий и имущих слоев царской России к реалиям советской действительности.

Гл. 9. Дети в условиях войны. *Т.М. Смирнова*

Гл. 10. Массовые настроения эпохи. *В.Б. Аксенов*

Гл. 11. Демографическая ситуация и людские потери. *В.Б. Жиромская*

§ 1. Людские потери от военных действий, террора, эпидемий и голода.

§ 2. Потери населения в результате эмиграции.

Раздел 6. Культура, образование и наука

Гл. 1. Гражданская война «в культурном измерении». *Т.А. Филиппова*

§ 1. Культурная политика большевиков.

§ 2. Становление советской системы народного образования.

§ 3. Создание органов управления сферой культуры.

§ 4. Специфика «культурного измерения» Гражданской войны.

Гл. 2. Наука и высшая школа в годы войны

§ 1. Наука. *И.В. Купцова*

§ 2. Высшая школа. *В.В. Кондрашин*

Гл. 3. Политические символы революции и символическая политика в условиях Гражданской войны. *Б.Н. Колоницкий*

Раздел 7. Национальные процессы и национальные движения

Гл. 1. Национальные проблемы и национально-государственное строительство в Советской России. *Д.А. Аманжолова-Киселева*

§ 1. Выработка большевиками советской национальной политики.

§ 2. Реализация большевиками национальной политики большевиков.

Гл. 2. Национальный вопрос в политике антибольшевистских правительств. *В.Ж. Цветков*

§ 1. Национальный вопрос в политике деникинского правительства.

§ 2. Национальный вопрос в политике антибольшевистских правительств Урала, Сибири и Дальнего Востока.

§ 3. Попытки разрешения «украинского вопроса» правительством генерала Врангеля.

Гл. 3. Национально-государственное строительство на Украине.

§ 1. Украинская Центральная Рада и ее программа национально-государственного строительства. *В.Ф. Солдатенко*

§ 2. Создание Украинской Народной Республики. *В.Ф. Солдатенко*

§ 3. Гетманство Скоропадского. *В.Ф. Солдатенко*

§ 4. Режим Директории. Падение УНР. *В.Ф. Солдатенко*

§ 5. Советское национально-государственное строительство на Украине. *Д.А. Аманжолова-Киселева*

Гл. 4. Национально-государственное строительство в Белоруссии. *В.В. Кондрашин*

Раздел 8. Церковь, религии, конфессии

Гл. 1. Русская православная церковь и священнослужители в условиях войны. *Т.Г. Леонтьева*

§ 1. Изменение статуса РПЦ в Советской России.

§ 2. Положение РПЦ и священнослужителей на подконтрольной большевикам территории.

§ 3. Деятельность Русской православной церкви на территориях, занятых белыми.

Гл. 2. Ислам и мусульманство. *С.М. Исхаков*

Заключение. *В.И. Голдин, В.В. Кондрашин*

ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА В РОССИИ. 1917–1922

И там, и здесь между рядами
Звучит один и тот же глас: –
«Кто не за нас – тот против нас!
Нет безразличных: правда с нами!»
А я стою один меж них
В ревущем пламени и дыме
И всеми силами своими
Молюсь за тех и за других.

Максимилиан Волошин (1919 г.)

Книга 1. Военное и политико-дипломатическое противоборство

Введение. Историография проблемы.

В.И. Голдин, В.В. Кондрашин

Одним из важнейших и судьбоносных событий в тысячелетней истории России была Гражданская война 1917–1922 гг., как часть великих революционных потрясений страны первых десятилетий XX века, завершившихся созданием СССР – новой формы российской государственности.

Гражданская война в России – это особая и сложнейшая эпоха в истории страны. Ее исход во многом определил развитие не только отечественной, но и мировой истории в XX веке. Несмотря на вековую дистанцию, отделяющую нас от драматических и трагических перипетий этой войны, она по-прежнему вызывает живой интерес в российском обществе, и ныне продолжают дискуссии историков по многим ее проблемам.

Как историческое явление Гражданская война известна человечеству с древности. И, тем не менее, каждая из гражданских войн, наряду с общими чертами, и прежде всего глубоким расколом общества, который она вызывала, отличалась своеобразием и неповторимостью. Это обуславливалось и особенностями переживаемой исторической эпохи, и спецификой социально-экономического, политического, культурного развития конкретной страны и общества, международной обстановкой, в которой она протекала.

Десятки гражданских войн идут и в современном мире, не избежало их проявлений и постсоветское пространство, что актуализирует изучение исторического опыта и вытекающих из него уроков. Главными из них является понимание того, как и почему эти войны начинаются, какова логика их развития и окончания, что нужно делать для примирения и воссоединения расколотого войной общества. Понимание и изучение гражданских войн усложняется, если они взаимосвязаны с иными процессами, если им предшествуют революции, войны, а сами они сопровождаются внешними вмешательствами, иностранными интервенциями.

Всё это и происходило в России сто лет назад. Гражданская война в стране, уходящая своими корнями в десятилетия и века предшествующей истории, была тесно связана прежде всего с Первой мировой войной, которая ей непосредственно предшествовала и из которой она в определенной мере вытекала, и с Великой российской революцией 1917 г., как реакции российского общества на груз нерешенных властью проблем, связанных с объективно необходимыми и исторически обусловленными модернизационными процессами в экономике и социально-политической сфере. При этом, по мнению лидеров большевиков, революционный процесс в России должен был вылиться в мировую революцию, и именно в этом они видели, как предназначение, так и спасение своей революции. С другой стороны, Гражданская война в России тесно переплеталась с международной интервенцией, в которой участвовали ведущие страны мира. Характер взаимосвязи и взаимозависимости между Гражданской войной и интервенцией являлся и является предметом острых дискуссий в историографии.

Крайняя ожесточенность, драматичность, сложность и противоречивость Гражданской войны в России, ее истоки, причины, участники, логика развития, характер, протяженность и далеко идущие последствия вызывали и вызывают разнообразие мнений, суждений, интерпретаций и трактовок как ее феномена в целом, так и различных событий, процессов и проблем, ее влияния на судьбы страны, государственности, общества, отдельных народов, этносов, регионов, а также на международные отношения.

Более глубокое понимание всего вышеизложенного, уникального феномена российской Гражданской войны в целом и своеобразие ее протекания в различных регионах, ее военные, политические, социальные, экономические, культурные, национальные,

международные и иные проблемы и аспекты требуют прежде всего внимательного анализа историографии, сложившейся на протяжении минувшего столетия в нашей стране и за рубежом. Учитывая огромный объем литературы по теме, в ходе представленного обзора будут выделены лишь основные этапы в развитии историографии с их краткой характеристикой и названы наиболее значимые труды, особенно историографического и обобщающего исторического характера с тем, чтобы в итоге оценить современное состояние исследования Гражданской войны в России и подходы к ее изучению. В дальнейшем, при рассмотрении конкретных исторических проблем на страницах этого издания авторы кратко охарактеризуют и историографический уровень их разработки, назовут наиболее значимые исторические исследования.

В развитии отечественной историографии Гражданской войны в России, целесообразно выделить два больших этапа: советский и постсоветский, которые кардинально различались по характеру, направленности исследований, их теоретико-методологической и источниковой базе. Внутри советского этапа можно, в свою очередь, вычленить ряд периодов, что позволит глубже понять характерные черты и особенности изучения данной тематики и ее проблем.

Уже в годы Гражданской войны в Советской России были приняты первые попытки создания организационных структур для ее изучения, собирания и издания материалов по ее истории. Речь идет об учреждении в 1918 г. и деятельности Военно-исторической комиссии при штабе РККА, которая в годы войны претерпела ряд трансформаций, создании в том же году Социалистической академии, а в 1920 г. Комиссии по истории РКП(б) и Октябрьской революции (Истпарт) и истпартов на местах, и, наконец, в 1921 г. Военно-научного общества. Начиная складываться система архивного дела (в лице Архива Октябрьской революции и Архива Красной армии) и периодических изданий. Уже в 1919 г. ЦК РКП(б) планировал подготовить научное издание по истории Гражданской войны. Ведущие советские политики и военные предпринимали первые попытки осмысления, прежде всего военного и политического опыта противоборства, и исторических уроков Гражданской войны, что воплощалось как в статьи, так и в книги¹.

---

¹ Гражданская война в России в 1918–1919 гг. М., 1919; Фронты Красной армии и флота. М., 1920; *Быстрянский В.А.* Красная армия и революционная война. Пг., 1920; *Гусев С.И.* Уроки гражданской войны. М., 1920 и др.

Но полноценное изучение Гражданской войны в России развертывается все-таки с ее окончанием, и первый период охватывает 1920-е гг. Главное внимание уделялось изучению ее военной истории, опыта и уроков военного строительства и основных боевых операций. Истпарт и его местные отделения проводили большую работу по собиранию и изданию воспоминаний, сборников документов и материалов, обобщающих опыт советского и партийного строительства, успехов и неудач борьбы с врагом в годы войны. Историю войны писали ее непосредственные участники, что помогало воссоздавать ее атмосферу, переживания людей, картину борьбы, свершений и самопожертвования, жестокости и страданий, лишений и выживания. Авторы трудно было назвать беспристрастными, ибо минувшие события еще будоражили их сознание, а отгремевшие сражения войны переносились на бумагу, нередко воплощаясь в дискуссии с соратниками или вчерашними противниками. Предпринимались и первые попытки изучения и описания социально-экономической жизни Советской России в годы войны.

По жанру издаваемых работ преобладала мемуарная литература, что было объяснимо и значимо для этого периода. Нередко появление воспоминаний сопровождалось критикой и полемикой. Публиковалось и немало документов. Нередко издания носили смешанный характер и содержали как воспоминания, так и документы, публицистику и попытки научного исследования.

Свое понимание Гражданской войны в России, ее сущности и характера как классовой войны, ее ключевых проблем, стратегии, особенностей протекания изложили советские политические лидеры и государственные деятели (В.И. Ленин, Л.Д. Троцкий, И.В. Сталин, А.С. Бубнов, Г.В. Чичерин, А.В. Луначарский и др.), а также военные (В.А. Антонов-Овсеенко, И.И. Вацетис, С.И. Гусев, А.И. Егоров, С.С. Каменев, М.Н. Тухачевский, М.В. Фрунзе и др.). Утверждается ставшее характерным для советской историографии представление о Ленине как первом историке Гражданской войны в России, теоретическое наследие которого становится в дальнейшем и методологическим фундаментом для ее изучения в СССР.

Подробнее см.: *Шерман И.Л.* Советская историография гражданской войны в СССР (1920–1931). Харьков, 1964. С. 8–13; *Инполитов Г.М., Полторак С.Н.* Ранняя советская историография Гражданской войны в России. 1918–1922 гг. // Клио. 2016. № 1. С. 44–60.

В 1920-е годы выходят в свет материалы по истории Красной армии, первые обобщающие издания по истории Гражданской войны в России, носившие чаще всего очерковый и научно-популярный характер¹. Их авторы, указывая на ограниченность архивных источников, стремились, вместе с тем, представить ее общее видение, дать периодизацию, охарактеризовать главные проблемы и основные боевые операции, обобщить накопленный опыт, военную стратегию и военное искусство Красной армии, закладывая фундамент для будущих и более глубоких научных исследований.

При первоочередном внимании и изучении военной тематики авторы обращались и к проблемам внутренней и внешней политики, особенно к истории иностранной интервенции². В опубликованных в 1920-е гг. исследованиях закладывается характерная для всей советской эпохи традиция именно с интервенцией связывать начало, длительность и ожесточенность Гражданской войны в России. Вместе с тем, авторы существенно расходились в трактовках роли отдельных стран-участниц интервенции, в том, каковы были мотивы, причины и последствия иностранного вмешательства.

Важной темой исследования становится ущерб, нанесенный интервентами Советской России в годы Гражданской войны, что было и предметом дискуссий на ряде международных конференций³.

В советской исторической литературе 1920-х гг. в центре исследования находился советский лагерь, но значительное внима-

---

¹ Гражданская война: Материалы по истории Красной Армии. В 3-х томах. М., 1923–1924; *Какурин Н.Е.* Как сражалась революция. В 2-х томах. М.; Л., 1925–1926; *Он же.* Стратегический очерк гражданской войны. М.; Л., 1926; *Анишев А.Н.* Очерки истории гражданской войны. 1917–1920 гг. Л., 1925; Гражданская война 1918–1921. В 3-х томах. М., 1928–1930 и др.

² Ограничимся перечислением авторов книг по этой тематике: А.И. Гуковский, Л.Н. Иванов, Я. Иоффе, М.Ю. Левидов, И.И. Майский, М.Н. Покровский, М.П. Павлович, К.Б. Радек, М. Танин, Б.Е. Штейн, Г.В. Чичерин, Е.Е. Якушкин и др.

³ *Любимов Н.Н.* Баланс взаимных требований СССР и держав Социалистического Союза Советских Республик. М.; Л., 1924; Кто должник? К вопросу о франко-советских отношениях. Сборник документированных статей к вопросу об отношениях между Россией, Францией и другими державами Антанты до войны 1914 г., во время войны и во время интервенции. М., 1926; К десятилетию интервенции. М.; Л., 1929.

ние уделялось истории контрреволюции в Гражданской войне. Это воплотилось в издание документальных сборников из лагеря контрреволюции, в серию книг «Революция и гражданская война в описаниях белогвардейцев», вобравшую в себя опубликованные за рубежом воспоминания и размышления эмигрантов. Немало подобных материалов публиковалось на страницах советской исторической периодики. Вышел в свет ряд исследований книжного формата, посвященных колчаковщине, деникинщине, махновщине, носивших критический и обличительный характер, раскрывавших с большевистских партийных позиций их социально-политическую природу и антинародную политику противников советской власти¹. Для времени, когда война только завершилась и еще сильна была боль потерь, это было вполне объяснимо, и объективистский подход был вряд ли приемлем.

Для рассматриваемого периода была характерна относительная творческая свобода. Это воплощалось в том, что на страницах советской печати, посвященной Гражданской войне, можно было найти многообразие суждений, в т.ч. немало материалов бывших оппозиционеров и противников советской власти, проходили острые дискуссии по целому ряду проблем ее истории. Они касались, например, вариантов планов и реалий разгрома войск генерала Деникина в 1919 г. или советско-польской войны 1920 г. В отношении последней речь шла, например, о том, целесообразно ли рассматривать ее как часть Гражданской войны в России или явление, выходящее за ее пределы. Был представлен широкий обмен мнениями, и прежде всего советских военачальников, участников польской военной кампании, в связи с поисками причин ее неудачи и вытекавшими из этого уроками².

В рассматриваемый период появились работы, в т.ч. книжного формата, рассматривавшие историю Гражданской войны в различных регионах страны: на Востоке, Юге, Севере, Северо-Западе, на национальных территориях. При этом нередко сталкивались разные мнения и интерпретации, разворачивались дискуссии.

---

¹ Колчаковщина. Екатеринбург, 1924; *Кин Д.* Деникинщина. М.; Л., 1927; *Кубанин М.* Махновщина. Л., 1927 и др.

² *Тухачевский М.Н.* Поход за Вислу. М., 1923; *Егоров А.И.* Львов – Варшава. М., 1929; *Какурин Н.Е., Меликов В.А.* Война с белополяками. М., 1925; *Гай Г.Д.* На Варшаву. М., 1928; *Шапошников Б.М.* На Висле. М., 1925 и др.

Тематический указатель литературы по Гражданской войне в России, выпущенный в 1929 г. Военно-политической академией включал в себя 3750 наименований работ¹, что свидетельствует о большом объеме проделанной работы. При главном внимании к военной истории освещение находили и проблемы социально-экономической политики, социалистического строительства. Согласно одной из оценок, из почти 250 наименований работ, опубликованных в 1920-е гг., которые можно отнести к категории исследовательских, 44 были посвящены проблемам социалистического строительства в годы войны².

Особый интерес вызывала политика «военного коммунизма», у которой были как сторонники, так и противники. В книге Л.Н. Крицмана он характеризовался как первый грандиозный опыт «пролетарско-натурального хозяйства», опыт первых шагов к социализму. «Военный коммунизм», утверждал автор, «в основе своей отнюдь не являлся заблуждением лиц или класса; это – хотя и не в чистом виде, а с известными извращениями, – предвосхищение будущего, прорыв этого будущего в настоящее»³. Э.И. Квиринг, полемизируя с Крицманом, утверждал, что политика «военного коммунизма» «была навязана пролетариату, вынуждена войной и разорением»⁴. В условиях развивающейся в это время «революции сверху» и попытки форсированного продвижения к социализму эта дискуссия была прервана.

Подводя итоги этого периода, следует отметить, что в рамках его происходили накопление и публикация конкретно-исторических материалов, начинала складываться исследовательская традиция, появились первые обобщающие работы по истории Гражданской войны в целом и широком кругу ее проблем. При этом доминировала военно-историческая тематика. Изучение Гражданской войны в России тесно переплеталось с осмыслением истории Октябрьской революции.

---

¹ *Ипполитов Г.М., Полторак С.Н.* Историография Гражданской войны в России в первые послевоенные годы (1922–1932 гг.) // Клио. 2016. № 3. С. 31.

² *Шерман И.Л.* Указ. соч. С. 46.

³ *Крицман Л.Н.* Героический период Великой русской революции (Опыт анализа т.н. «военного коммунизма»). М.; Л., 1925. С. 77.

⁴ *Квиринг Э.И.* Очерки развития промышленности России. М.; Л., 1929. С. 38.

Начало 1930-х гг. можно характеризовать как начало нового периода в советской историографии Гражданской войны, который большинство исследователей доводят до первой половины 1950-х гг. Следует отметить столкновение в рамках этого времени противоречивых тенденций. С одной стороны, происходило укрепление кадрового потенциала, началась реализация крупных исследовательских проектов, а с другой, – укрепление культа личности Сталина, ограничение творческой свободы исследователей, возможностей работы с архивными источниками, репрессии, в которых погибли многие видные советские военачальники и историки.

В конце 1920-х – начале 1930-х гг. рождается и начинает осуществляться замысел создания многотомной истории Гражданской войны. Это стало реализацией инициативы А.М. Горького, которая получила поддержку Сталина. Заметим, что в это же время появился и другой проект, и был создан план-проспект 8-томного издания по истории Гражданской войны, который предполагалось осуществить силами Коммунистической академии. Но проект Горького, получивший наименование «История гражданской войны в СССР» (ИГВ), оказался более жизнеспособным, хотя и претерпевал в ходе реализации кардинальную трансформацию.

Анализ работы над ИГВ познавателен с точки зрения разработки концепции, подходов к изданию, формирования коллектива авторов, определения объема, решения организационных вопросов и др. Этот проект стал не только и не столько исследовательским, сколько политическим, и в главную редакцию ИГВ, утвержденную в 1931 г. в составе 7 человек, входили 4 члена Политбюро (включая Сталина).

Замысел и реализация этого проекта, и прежде всего его первого тома, стали предметом изучения в ряде современных изданий¹. В результате комплекса причин работа над ИГВ затянулась на три десятилетия (в 1935 и в 1942 г. вышли в свет лишь два тома с доведением текста до ноября 1917 г.) и вместо 16-томного вышло в свет 5-томное издание.

---

¹ «История гражданской войны в СССР» (1935 г.): история текста и текст истории. М., 2017; Быстрова О.В., Закружная З.С., Московская Д.С. «История гражданской войны»: издательский проект эпохи реконструкции // Историография Гражданской войны в России. Исследования и публикации архивных документов. М., 2018. С. 15–160.

Уже краткое изложение судьбы указанного проекта свидетельствует о сложностях исследовательской работы по истории Гражданской войны в рассматриваемый период. Он характеризовался жесткой политико-идеологической регламентацией работы историков, что подкреплялось идеологическими кампаниями и поисками «врагов народа», а изданный в 1938 г. «Краткий курс истории ВКП(б)» сформулировал и жесткие маркеры-стереотипы для трактовки истории Гражданской войны, выходить за которые было опасно. В ходе репрессий пострадали многие видные военачальники и участники Гражданской войны, а также ее историки. Их имена были на десятилетия вычеркнуты из летописи ее истории. Формировавшая ранее традиция изучения истории контрреволюции как составной части Гражданской войны была фактически свернута в соответствии со сталинским постулатом, что «врага надо не изучать, а бить».

Постепенно расширялась архивная документальная база по этой тематике. Но после публикации в 1931 г. письма Сталина «О некоторых вопросах истории большевизма» в журнале «Пролетарская революция», где люди, работающие в архивах, были названы «архивными крысами»¹, архивные изыскания не только не поощрялись, но были введены ограничения и запреты на работу исследователей в архивохранилищах.

Впрочем, в этот период была проведена значительная работа по публикации сборников документов по истории Гражданской войны, главным образом из советского лагеря, а качество археографической работы существенно повысилось, хотя комментарии и страдали от жесткой идеологической заданности.

Время Великой Отечественной войны востребовало изучение опыта защиты Отечества в годы Гражданской войны, патриотического воспитания на ее уроках, что воплощалось в книги, брошюры и др.

Несмотря на потери специалистов в результате репрессий и утрат в ходе Великой Отечественной войны, в условиях становления и развития системы подготовки и аттестации научных и научно-педагогических кадров в СССР происходил количественный рост, и улучшалось качество подготовки специалистов, занимавшихся изучением истории Гражданской войны в России. В науку приходили люди с опытом участия не только в Гражданской, но и в Великой Отечественной войне. И это новое военное поколение

---

¹ Пролетарская революция. 1931. № 6 (113). С. 3–12.

занималось изучением и переосмыслением истории Гражданской войны в последующие десятилетия советской истории.

В содержательном отношении в изучении истории Гражданской войны доминировала, как и раньше, тема героической борьбы советского народа с интервентами и белогвардейцами и преобладало изучение военной истории. В периодизации войны утвердилась схема «трех походов Антанты»: 1) весной 1919 г., когда главной силой была армия Колчака; 2) осенью 1919 г., когда ударной силой была армия Деникина; 3) весной 1920 г., когда главный удар наносили войска Врангеля и буржуазно-помещичьей Польши. Действия внутренней контрреволюции трактовались как подчиненные планам международного империализма. Изучению истории интервенции Антанты уделялось особое внимание, а трактовка лидерства в ее осуществлении зависела от политической конъюнктуры. Культ личности Сталина находил в изучении Гражданской войны воплощение в том, что гипертрофировалась его роль в ней, а историки уделяли особое внимание операциям, в которых он участвовал (например, оборона Царицына), часто преувеличивалось значение Южного фронта и вклад Сталина в разгром Деникина. В условиях шельмования Троцкого именно Сталин рассматривался как ближайший сподвижник Ленина в организации разгрома интервентов и белогвардейцев.

Изучение Гражданской войны происходило не только в СССР, но и за рубежом, и первоначально в первую очередь в эмиграции. Оказавшиеся там противники советской власти различной политической ориентации вели активную издательскую деятельность, выпускали немало книг и периодических изданий¹, в которых большое внимание уделялось истории Российской революции и Гражданской войны. Особо выделим, например, «Архив Русской Революции» (в 22 томах; Берлин, 1921–1929) и «Белое Дело» (в 7 томах; Берлин, 1921–1929). Эмигрантские авторы размышляли и спорили прежде всего об истоках, причинах и уроках Гражданской войны, программах и действиях противников большевиков, о смысле и характере Белого дела, о причинах поражения антибольшевистских сил и др.

К числу наиболее заметных изданий, вышедших в эмиграции в межвоенный период, следует отнести книги генералов П.Н. Вран-

---

¹ *Базанов П.Н.* Издательская деятельность политических организаций русской эмиграции (1917–1988 гг.). 2-е изд., испр. и доп. СПб., 2008.

геля, Н.Н. Головина, А.И. Деникина, П.Н. Краснова, полковника А.А. Зайцова, а также политиков и общественно-политических деятелей – Н.А. Бердяева, И.А. Ильина, П.Н. Милюкова, С.П. Мельгунова, В.В. Шульгина и др., вызывавшие широкое обсуждение и разнообразие мнений в эмиграции. Некоторые из них представляли собой воспоминания, другие претендовали на историческое исследование.

Среди них следует выделить в первую очередь 5-томник А.И. Деникина¹ и двухтомник П.Н. Милюкова². И если первый из названных авторов уделил главное внимание военным и, в известной мере, политическим проблемам 1917–1920 гг., и прежде всего Белому делу, то второй попытался дать анализ двух главных противоборствовавших лагерей – советского и антибольшевистского, посвятив каждому из них по тому.

Эмигрантская историография Гражданской войны в России складывалась в острой борьбе мнений, которая нередко продолжала дискуссии, начатые в условиях войны, и обнажала крайнюю противоречивость антибольшевистского лагеря.

Публиковалась и иностранная литература о Гражданской войне и интервенции в России. Значительную роль для ее становления имел выход в свет за рубежом воспоминаний и работ видных западных политиков (Д. Ллойд Джордж, У. Черчилль, В. Вильсон, Ж. Клемансо, Р. Лансинг, Ю. Пилсудский и др.), дипломатов (Д. Фрэнсис, Ж. Нуланс, Р.Б. Локкарт и др.) и военачальников (П. Марч, Э. Людендорф, М. Гофман и др.), в т.ч. командовавших войсками интервентов в России (У. Грэвс, У. Айронсайд, Ч. Мейнард, У.П. Ричардсон и др.), деливших размышлениями о «русской политике» и интервенции в России.

В книгах, публиковавшихся в межвоенный период за рубежом, Гражданская война в России рассматривалась в тесной взаимосвязи с Российской революцией. Классическим изданием стал, например, двухтомник американского журналиста и историка У.Г. Чемберлина, опубликованный в 1935 г., который неоднократно переиздавался в последующие десятилетия³. Особое внимание уделялось

---

¹ Деникин А.И. Очерки Русской Смуты. В 5 томах. Париж; Берлин, 1921–1926.

² Милюков П.Н. Россия на переломе. В 2-х томах. Париж, 1927–1929.

³ Chamberlin W.H. The Russian Revolution, 1917–1921. In 2 vols. New York, 1935.

иностранными авторами истории интервенции и антибольшевистского движения в России¹.

Руководителями ряда научных школ по проблемам революционного движения и Гражданской войны в России, сложившихся за рубежом, стали русские эмигранты (М.М. Карпович, Г.В. Вернадский, В.А. Рязановский, Л.И. Страховский, П.А. Сорокин).

В условиях «холодной войны» за рубежом формировалась так называемая «тоталитарная школа». Тема истории Гражданской войны в России рассматривалась представителями этого направления в общем контексте Российской революции. Приход большевиков к власти «тоталитаристы» рассматривали как случайность, результат заговора и путчистских действий, а удержание власти и победу в Гражданской войне объясняли главным образом чрезвычайными мерами, красным террором, насилием и диктаторскими действиями². Впрочем, в западной историографии сохранилась и традиция либерального подхода в истории Российской революции и Гражданской войны. Наиболее крупным исследованием, выполненным в рамках этой традиции, стал, например, трехтомник известного британского историка Э. Карра³.

Вторая половина 1950-х гг., начавшийся, пусть и ограниченный процесс десталинизации в СССР, расширил возможности для научной работы историков и знаменовал собой начало нового периода и в изучении Гражданской войны в России. В 1957–1960 гг. завершается издание 5-томной «Истории гражданской войны в СССР», причем, вышли в свет три тома, непосредственно посвященные ей. Они отражали представления того времени. Раскрывалась преимущественно история советского лагеря и военные аспекты борьбы с белогвардейцами и интервентами. Социально-экономические и социально-политические проблемы рассматривались довольно фрагментарно. Деятельность противников большевиков не являлась предметом специального и объективного

---

¹ *Coates W.P., Coates Z.K.* American Intervention in Russia, 1918–1922. London, 1933; *Stewart G.* The White Armies of Russia; A Chronicle of Counter-Revolution and Allied Intervention. New York, 1933, etc.

² *Pipes R.* The Formation of the Soviet Union: Communism and Nationalism, 1917–1923. Cambridge, 1954; *Shapiro L.* The Origins of the Communist Autocracy. Cambridge, 1955; *Ulam A.* The Unfinished Revolution. New York, 1960, etc.

³ *Carr E.* The Bolshevik Revolution. In 3 vols. London, 1950–1953.

изучения. То же самое можно сказать и о культуре этой эпохи, национальных и межнациональных отношениях и др.

Одновременно с завершением указанного многотомного издания, в 1960 г. вышла в свет в Москве объемная (почти 500 стр.) научно-популярная «Краткая история гражданской войны в СССР».

В последующие четверть века происходил быстрый рост исследований, в т.ч. изданий книжного формата о Гражданской войне, по довольно широкой и уже не только военной тематике. Создание в 1957 г. Научного совета АН СССР по комплексной проблеме «История Великой Октябрьской социалистической революции» под руководством академика И.И. Минца, в рамках которой разрабатывалась и история Гражданской войны в России, способствовало активизации и координации исследований по этой тематике.

Развитие археографии воплотилось в реализацию целого ряда фундаментальных документальных издательских проектов по Гражданской войне¹. Наряду с публикацией сборников документов по Гражданской войне общероссийского характера, развернулось и издание документальных сборников в регионах. Только в 1956–1960 гг. было опубликовано почти 200 документальных сборников, посвященных событиям 1917–1922 гг. И эта работа активно продолжалась в последующие годы. Это, в свою очередь, расширяло источниковую базу для научного изучения истории Гражданской войны в стране и в регионах.

В 1960-е – первой половине 1980-х гг. в СССР был реализован ряд крупных научно-издательских проектов. Третий том (в двух книгах) изданной 6-томной «Истории КПСС» был посвящен событиям 1917–1920 гг.² Этот же период раскрывался в седьмом томе 12-томной «Истории СССР». Его вторая часть называлась «Советская страна в годы интервенции и гражданской войны», а во

---

¹ Из истории гражданской войны в СССР. В 3-х томах. М., 1960–1963; Директивы Главного командования фронтов Красной Армии (1917–1920). М., 1969; Директивы командования фронтов Красной Армии (1917–1922). В 4-х томах. М., 1971–1978; Партия в период иностранной военной интервенции и гражданской войны (1918–1920 гг.). М., 1962. В 1957 г. развернулась публикация многотомного издания «Декреты Советской власти».

² История Коммунистической партии Советского Союза. В 6-ти томах. Т.3. В 2-х книгах. М., 1967–1968.

Введении уточнялось, что речь идет о «широкой военной интервенции и гражданской войне». Внутри нее выделялись три этапа: 1) с конца мая 1918 г. – с антисоветского выступления белочешского корпуса, спровоцированного Антантой; 2) с ноября 1918 г. – окончание Первой мировой войны и усиление интервенции Антанты, организовавшей выступление объединенных сил внутренней контрреволюции, до разгрома вооруженных сил Колчака, Деникина и других ставленников Антанты и изгнания интервенционистских войск из Страны Советов к началу 1920 г.; 3) с весны 1920 г., когда войска империалистической Польши вторглись в Советскую республику. «Гражданская война и интервенция, продолжавшиеся три года, завершились в ноябре 1920 г. полным разгромом белогвардейцев в Крыму»¹, – утверждалось в этом издании.

Наряду с четырьмя главами, посвященными военной истории, в VII томе «Истории СССР» появились и специальные главы, раскрывающие национально-государственное строительство, социально-экономическое развитие, а также культурное строительство, что было несомненным прогрессом в понимании и более глубоком раскрытии истории Гражданской войны в стране.

Вслед за публикацией И.И. Минцем трехтомной «Истории Великого Октября» вышла в свет в 1982 г. ставшая ее органичным продолжением его объемная монография, посвященная 1918 г.² В 1980 г. был издан подготовленный Институтом военной истории первый том «Гражданской войны в СССР», а второй том этого двухтомного издания вышел в свет в 1986 г. В 1983 г. была опубликована энциклопедия Гражданской войны и интервенции в СССР³. Попытки раскрыть причины, сущность и значение Гражданской войны, а также охарактеризовать состояние страны после ее окончания и произошедшие социально-демографические и географические изменения были предприняты в монографиях Ю.А. Полякова⁴.

---

¹ История СССР. В 12-ти томах. Т.VII. М., 1967. С. 11.

² Минц И.И. Год 1918-й. М., 1982.

³ Гражданская война и военная интервенция в СССР: Энциклопедия. М., 1983.

⁴ Поляков Ю.А. Гражданская война в России: причины, сущность, значение. М., 1981; Поляков Ю.А. Советская страна после окончания гражданской войны: территория и население. М., 1985.

Выходит в свет ряд историографических изданий книжного формата по Гражданской войне¹. Это было обусловлено потребностью анализа большого объема опубликованных работ по Гражданской войне, подведения общих итогов ее изучения, вычленения дискуссионных вопросов и определения перспектив дальнейших исследований этой тематики.

Оценивая итоги развития исторической литературы о Гражданской войне в России во второй половине 1950-х – первой половине 1980-х гг., следует отметить расширение проблематики исследований. Вместе с тем, идейно-политическую основу ее историографии составлял классовый подход, который не давал возможности объективно раскрыть всю сложность, драматичность и противоречивость происходившего противоборства. «Ленинское наследие» и «ленинская концепция» считались основополагающими при осмыслении Гражданской войны. Она рассматривалась главным образом как вооруженная борьба большевиков и их противников, красных и белых. Тем самым ее картина существенно упрощалась, ибо борьба тогда происходила не только на военном и политическом, но и на экономическом, национальном, культурном и иных фронтах.

Изучался главным образом советский лагерь, и под влиянием господствующей идеологии и политики складывалась апологетическая история победителей. Лейтмотивом изучения являлось раскрытие героической борьбы сторонников советской власти, которые под руководством партии большевиков одержали победу над интервентами и белогвардейцами. О драматизме и трагизме Гражданской войны советскими историками писалось немало, но связывалось это прежде всего с действиями и ответственностью интервентов и белогвардейцев, с белым террором против рабочих и крестьян, сторонников советской власти. Победа в Гражданской

---

¹ *Найда С.Ф.* О некоторых вопросах истории гражданской войны в СССР. М., 1958; *Найда С.Ф., Наумов В.П.* Советская историография гражданской войны и иностранной военной интервенции в СССР. М., 1966; *Шерман И.Л.* Советская историография гражданской войны в СССР (1920–1931). Харьков, 1964; *Наумов В.П.* Летопись героической борьбы. Советская историография гражданской войны и империалистической интервенции в СССР. М., 1972; *Поликарпов В.Д.* Начальный период гражданской войны: история изучения. М., 1980; *Спирин Л.М., Литвин А.Л.* На защите революции: В.И. Ленин, РКП(б) в годы гражданской войны: Историографический очерк. Л., 1985 и др.

войне была фундаментом всей последующей советской истории и основанием для легитимности правящего режима.

Советский лагерь в Гражданской войне во многом идеализировался. О сложных и болезненных проблемах его истории, об очевидных просчетах и ошибках говорилось как о неизбежных «издержках», обусловленных чрезвычайной ситуацией военного времени. Ошибки советского партийного и государственного руководства связывались главным образом с именами его представителей, репрессированных после войны и в межвоенный период.

Обширная литература была издана по истории Красной армии и флота, организации обороны Советской России¹, а также партизанско-повстанческому движению и подполью советской направленности². При формально большом внимании историков к деятельности партии большевиков и советской государственности в годы войны, большом количестве исследований по этой тематике и посвященных ей книг³ общая создаваемая картина приукраши-

---

¹ *Кораблев Ю.И.* В.И. Ленин и защита завоеваний Великого Октября. М., 1979; *Кляцкин С.М.* На защите Октября. Организация регулярной армии и милиционное строительство в Советской Республике. 1917–1920. М., 1965; *Славин М.М.* Реввоенсоветы в 1918–1919 гг. Историко-юридический очерк. М., 1974; *Петров Ю.П.* КПСС – руководитель и воспитатель Красной Армии. (1918–1920 гг.). М., 1961; *Зверев Б.И.* Ленин и флот (1918–1920). М., 1978; *Хесин С.С.* Моряки в борьбе за Советскую власть. М., 1977; *Липицкий С.В.* Ленинское руководство обороной страны. Создание и деятельность высших органов руководства обороной Советской Республики. 1917–1920. М., 1979 и др.

² *Стишов М.И.* Большевистское подполье и партизанское движение в Сибири в годы гражданской войны (1918–1920 гг.). М., 1962; *Плотников И.Ф.* В белогвардейском тылу. Большевистское подполье и партизанское движение на Урале в период гражданской войны (1918–1919). М., 1978; *Павлов Я.С.* Народная война в тылу интервентов и белогвардейцев: (Руководство РКП(б) подпольной и партизанской борьбой в годы вооруженной иностранной интервенции и гражданской войны). Минск, 1983 и др.

³ *Шатягин Н.И.* Партия в период иностранной интервенции и гражданской войны. М., 1966; *Голиков Г.Н., Мухина Г.З.* Во главе Великого Октября (март 1917–1920 г.). М., 1966; *Гимпельсон Е.Г.* Советы в годы интервенции и гражданской войны. М., 1968; *Ирошников М.П.* Создание советского центрального государственного аппарата. 2-е изд. М., 1967; *Ирошников М.П.* Председатель Совнаркома и Совета обороны В. Ульянов (Ленин): очерки государственной деятельности в июле 1918 – марте 1920 г. М., 1980 и др.

вася, а многие сложные вопросы эволюции большевизма, теории и практики советского государственного строительства оставались вне поля зрения и осмысления специалистов.

В 1960-е – первой половине 1980-х гг. возобновилась дискуссия на страницах исторических журналов о природе «военного коммунизма». Вышел в свет ряд монографий о нем, экономической политике и различных проблемах социально-экономической жизни Советской России в военную эпоху¹.

В указанный период началось изучение проблем культуры военного времени, истоков культурной революции в стране².

Значительное внимание уделялось исследованию классов и социальных слоев в Гражданской войне³. При этом особый упор делался на привлечение различных категорий трудящегося насе-

---

¹ *Гимпельсон Е.Г.* «Военный коммунизм»: политика, практика, идеология. М., 1973; *Гимпельсон Е.Г.* Великий Октябрь и становление советской системы управления народным хозяйством (ноябрь 1917–1920 гг.). М., 1977; *Шарапов Г.В.* Разрешение аграрного вопроса в России после победы Октябрьской революции (1917–1920 гг.). М., 1961; *Берхин И.Б.* Экономическая политика Советского государства в первые годы Советской власти. М., 1970; История социалистической экономики СССР. В 7 томах. Т. 1: Советская экономика в 1917–1920 гг. М., 1976; *Коваленко Д.А.* Ленин и социалистические преобразования в промышленности Советской России. 1917–1920 гг. М., 1976; *Амбарцумов Е.А.* Ленин и путь к социализму. М., 1982 и др.

² *Ким М.П.* Великий Октябрь и культурная революция в СССР М., 1967; *Степанов З.В.* У истоков культурной революции. Л., 1972; *Куманев В.А.* Революция и просвещение масс. М., 1973; Великая Октябрьская социалистическая революция и становление советской культуры. 1917–1927. М., 1985 и др.

³ *Федюкин С.А.* Великий Октябрь и интеллигенция. Из истории вовлечения старой интеллигенции в строительство социализма. М., 1972; *Баевский Д.А.* Рабочий класс в первые годы Советской власти (1917–1921 гг.). М., 1974; *Гимпельсон Е.Г.* Советский рабочий класс. 1918–1920 гг. М., 1974; *Гимпельсон Е.Г.* Рабочий класс в управлении Советским государством. Ноябрь 1917–1920 гг. М., 1982; *Трифонов И.А.* Ликвидация эксплуататорских классов в СССР. М., 1975; Изменения социально-классовой структуры советского общества. Октябрь 1917–1920. М., 1976; *Андреев В.М.* Под знаменем пролетариата. Трудовое крестьянство в годы гражданской войны. М., 1981; *Ермолин А.П.* Революция и казачество (1917–1920 гг.). М., 1982; Городские и средние слои в Октябрьской революции и гражданской войне. Тамбов, 1984 и др.

ления к сотрудничеству с советской властью и достигнутые положительные результаты. Антисоветские крестьянские протестные выступления трактовались как «кулацкие» и «эсеровские». Факты протеста в рабочей среде объяснялись политической незрелостью части пролетариата, усталостью от войны и влиянием меньшевиков и эсеров. Не находила объективного освещения драматическая история казачества, причины его раскола и эволюции поведения в годы войны. Изучалась в основном та его часть, которая поддерживала советскую власть.

Вышла серия книг по советскому национальному строительству¹. Вместе с тем, весь самый сложный спектр вопросов национальной проблематики в эпоху Гражданской войны во всей ее противоречивости и драматизме не находил должного осмысления в советской исторической литературе.

В проводимых исследованиях и в названиях работ Гражданская война обычно сопровождалась словами «и иностранная военная интервенция». Диалектическое единство этих понятий было характерно при раскрытии этой эпохи в России.

Историками была проделана большая работа по изучению генезиса, организации и протекания иностранной интервенции в России в целом и в отдельных ее регионах, в частности, роли и степени ответственности отдельных ее стран-участниц. Литература по истории международной интервенции пополнилась новыми монографиями². Начинает подвергаться критической оценке и переос-

---

¹ *Чигирев И.С.* Братское содружество народов Советской страны в годы иностранной военной интервенции и гражданской войны. М., 1958; *Макарова Г.П.* Осуществление ленинской национальной политики в первые годы Советской власти (1917–1920 гг.). М., 1969; Военное содружество Советских республик. 1919–1922 гг. М., 1982 и др.

² Крах первого нашествия империалистов на Страну Советов. М., 1973; *Ахтамзян А.А.* От Бреста до Киля. Провал антисоветской политики германского империализма в 1918 г. М., 1963; *Соловьев О.Ф.* Великий Октябрь и его противники. О роли союза Антанты с внутренней контрреволюцией в развязывании интервенции и гражданской войны (Окт. 1917 – июль 1918). М., 1968; *Васюков С.В.* Предыстория интервенции. Февраль 1917 – март 1918. М., 1968; *Гвишиани Л.А.* Советская Россия и США. 1917–1920. М., 1970; *Петров В.И.* Отражение Страной Советов наступления германских империалистов в 1918 году. М., 1980; *Волков В.Ф.* Тайны Уайтхолла и Даунинг-стрит. М., 1980; *Светачев М.И.* Империалистическая интервенция в Сибири и на Дальнем Востоке (1918–1922 гг.). Новосибирск, 1983 и др.

мыслению распространенное ранее суждение о единстве действий международного империализма против Советской России. Больше внимания уделялось противоречиям во взаимоотношениях отдельных стран-участниц международной интервенции.

Вместе с тем, сохраняющееся объяснение развязывания Гражданской войны в России прежде всего действиями интервентов и возложение именно на них главной ответственности за ее продолжительность и кровопролитность не давало возможности раскрыть всю глубину раскола российского общества в эту эпоху, его причины и последствия. С 60-х гг. сталинская концептуальная схема истории Гражданской войны как «трех походов Антанты» постепенно уходит из советской научной литературы.

Изучение истории интервенции переплеталось с исследованием советской внешней политики в годы войны, становлением и развитием советской дипломатии, использованием ее средств и методов для прекращения военного противоборства¹.

Важным направлением изучения истории Гражданской войны считалась международная солидарность с Советской Россией, участие зарубежных интернационалистов в ее борьбе с интервентами и белогвардейцами. Этой теме была посвящена значительная литература².

В 1960-е гг. и в последующий период активизировался интерес к изучению так называемых «непролетарских» партий. Эта тематика стала предметом целого ряда научных конференций, опубликованных сборников и монографий³. Но доминирующим мотивом

---

¹ *Выгодский С.Ю.* У истоков советской дипломатии. М., 1965; *Ознобишин Д.В.* От Бреста до Юрьева. Из истории внешней политики Советской власти. 1917–1920 гг. М., 1966; *Чубарьян А.О.* В.И. Ленин и формирование советской внешней политики. М., 1972 и др.

² *Комарова В.А.* Интернационалисты зарубежных стран в борьбе за власть Советов в России. М., 1958; *Жаров Л.И., Устинов В.М.* Иностранцы в Красной Армии в боях за власть Советов в годы иностранной интервенции и гражданской войны в СССР. М., 1960 и др.

³ *Спирин Л.М.* Классы и партии в гражданской войне в России. М., 1968; *Спирин Л.М.* Крушение помещичьих и буржуазных партий в России (начало XX в. – 1920 г.). М., 1977; Банкротство мелкобуржуазных партий России. 1917–1922. Ч. 1–2. М., 1977; *Гусев К.В.* Партия эсеров: от мелкобуржуазного революционаризма к контрреволюции. Исторический очерк. М., 1975; *Непролетарские партии России. Урок истории.* М., 1984 и др.

было все-таки не объективное изучение многопартийности военного времени, всего спектра российских политических партий, и каждой из них от генезиса до распада, но их обличение и доказательство неизбежности краха. Это обуславливало наличие в названиях книг терминов «банкротство» или «крушение». Впрочем, в ряде случаев это было и вынужденным прикрытием для серьезных исследований.

Антисоветский лагерь в Гражданской войне в России в целом и в отдельных ее регионах возвращается в сферу внимания историков, но в большей мере не как предмет объективного и обстоятельного изучения, но как объект критики и разоблачения. Поэтому в названиях издаваемых книг по этой теме также обычно фигурировало «крах» или «крушение». Это нередко фигурировало и в наименованиях серьезных исследований и отражало лишь политико-идеологические реалии времени¹. Политика антибольшевистских режимов в различных сферах деятельности и ее результаты не стали пока предметом обстоятельного и объективного изучения советскими историками.

Сложилась обширная литература, посвященная Гражданской войне и интервенции не только в России в целом, но и в отдельных ее регионах, и на национальных окраинах, хотя научный уровень и ценность издаваемых книг существенно различались. Нельзя не отметить такую черту советской исторической литературы, как моноцентризм. Основополагающие издания публиковались главным образом в Москве, и столичным историкам предоставлялось право на формулировку основополагающих выводов и умозаключений, что, в свою очередь, санкционировалось партийными инстанциями. Историки, работавшие в регионах, могли лишь транслировать эти выводы в своих работах и аргументировать их местным материалом, что относилось и к изучению Гражданской войны, и это обедняло создаваемую картину ее истории в стране.

С такими результатами и состоянием дел в изучении истории Гражданской войны советская историческая наука пришла к периоду так называемой «перестройки» в СССР, провозглашенной во второй половине 80-х годов, о чем пойдет речь в дальнейшем.

---

¹ *Иоффе Г.З.* Крах российской монархической контрреволюции. М., 1977; *Иоффе Г.З.* Колчаковская авантюра и ее крах. М., 1983; *Думова Н.Г.* Кадетская контрреволюция и ее разгром. М., 1982 и др.

Изменения происходили в 1950-е гг. и в последующие десятилетия и в зарубежной историографии. Развернулся критический пересмотр «тоталитарной» модели советской истории с ее негативным отношением к советскому опыту. Это было обусловлено как международными факторами, хрущевской «оттепелью» и известной десталинизацией в СССР, что способствовало определенному изменению облика СССР, так и внутренними процессами в западном, прежде всего в американском, обществе.

Развернувшийся пересмотр осуществлялся усилиями молодых ученых, так называемых «ревизионистов» (название проистекло из того, что они приступили к «ревизии» основных установок представителей «тоталитарной» школы), питавших особый интерес к Великой российской революции 1917 г. и связанной с ней Гражданской войне. В противовес их традиционному изучению «сверху», сквозь призму власти, политики и идеологии, «ревизионисты» обратились к их исследованию «снизу», сквозь призму социальной истории, посредством исследования социального опыта, действий, поведения, настроений и менталитета широких масс населения, и прежде всего рабочих, крестьян и солдат. Изучение революционных событий и Гражданской войны развернулось не только в общероссийском масштабе, с главным вниманием к столицам, но и в регионах, и на местах.

В 1970-е гг. за рубежом начинается серьезное изучение истории российского крестьянства, в т.ч. его поведения и действий в революции и Гражданской войне. Одной из первых фундаментальных работ становится монография английского социолога и историка Т. Шанина, исследовавшего особенности российского крестьянства, и не только его невозможность стать «капиталистическим» в дореволюционную эпоху, но и сложности и конфликтность его взаимоотношений с советской властью¹.

Американский историк О. Рэдки своей книгой, посвященной Тамбовскому восстанию, заложил основы изучения крестьянского повстанческого движения в иностранной литературе, направления, которое активно развивалось за рубежом в последующие годы и десятилетия².

---

¹ *Shanin T.* The Awkward Class. Political Sociology of Peasantry in a Developing Society: Russia, 1910–1925. Oxford, 1972.

² *Radkey O.H.* The Unknown Civil War in Soviet Russia. A Study of the Green Movement in the Tambov Region, 1920–1921. Stanford, 1976

Большое внимание по-прежнему уделялось партии большевиков. При этом историки-«ревизионисты» отмечали трансформацию ее в годы Гражданской войны из достаточно демократической и децентрализованной партии, с дискуссиями и разнообразием мнений в 1917 г., в жестко централизованную организацию с железной дисциплиной и мощным бюрократическим аппаратом, в политическую практику которой стали широко входить методы милитаризации, подавления и террора.

Диалектика политики и культуры, формирование новой политической культуры большевиков и сторонников советской власти, влияние процессов милитаризации на советскую государственность в годы Гражданской войны становится одной из важных тем изучения в западной исторической литературе. Американка Ш. Фитцпатрик, дав своей статье, опубликованной в 1985 г., символическое название, – «Гражданская война как формирующий опыт», заметила: «В последние годы многие историки предполагают, что Гражданская война заслуживает большего места в нашей картине эволюции большевистской партии и советского режима»¹.

Роль пропаганды в деятельности советского государства как способа массовой мобилизации стала предметом монографии американского историка П. Кенеца². Проблема мобилизации масс как одна из центральных в Российской революции стала предметом изучения в монографии профессора Дж. Кипа³.

К середине 1980-х гг., по мнению английского историка Э. Эктона, «ревизионистская» интерпретация была поддержана большинством западных историков⁴. Но по мере укрепления «ревизионистского» направления оно дифференцировалось, постепенно утрачивая цельность и единство, обусловленное изначальной потребностью борьбы со сторонниками «тоталитарной» школы. Выявлялись существенные расхождения взглядов и интерпретаций,

---

¹ *Fitzpatrick S.* The Civil War as a Formative Experience // *Bolshevik Culture. Experience and Order in the Russian Revolution.* Bloomington; Indianapolis, 1985. P. 57–58.

² *Kenez P.* The Birth of the Propaganda State: Soviet Methods of Mass Mobilization, 1917-1929, Cambridge; New York, 1985.

³ *Keep J.L.* H. The Russian Revolution: A Study in Mass Mobilization. New York, 1976.

⁴ *Эктон Э.* Новый взгляд на русскую революцию // Отечественная история. 1997. № 5. С. 69–70.

происходили дискуссии, например, по поводу предопределенности перехода большевиков к политике подавления своих противников и массовому террору, о допустимости применения классовых категорий и подходов к изучению Великой российской революции и Гражданской войны¹.

За рубежом появился целый ряд монографий, посвященных Гражданской войне в России в целом, а также ее протеканию на отдельных фронтах и в крупных регионах². Главное внимание уделялось прежде всего ее военной и, в известной мере, политической истории. Особый интерес иностранных исследователей по-прежнему вызывала история международной интервенции в Россию, и в первую очередь стран Антанты. Они стремились выявить ее истоки, причины, логику развития, результаты и последствия, выяснить роль отдельных стран-участниц³.

---

¹ *Fitzpatrick S.* The Bolshevik Dilemma: Class Culture and Politics in Early Soviet Years // *Slavic Review*. 1988. P. 599–613; *Suny R.G.* Class and State in the Early Soviet Period: A Reply to Sheila Fitzpatrick // *Slavic Review*. 1988. P. 614–619, etc.

² *Footman D.* Civil War in Russia. London, 1961; *Bradley J.* Civil War in Russia 1917–1920. London, 1975; *Rosenberg W.A.* Denikin and the Anti-Bolshevik Movement in South Russia. Amherst, 1961; *Fleming P.* The Fate of Admiral Kolchak. New York, 1963; *Luckett R.* The White Generals. An Account of the White Movement and the Russian Civil War. London, 1971; *Kenez P.* Civil War in South Russia, 1918. The First Year of the Volunteer Army. Berkeley; Los Angeles, 1971; *Kenez P.* Civil War in South Russia, 1919–1920. Berkeley, 1977, *Dotsenko P.* The Struggle for Democracy in Siberia, 1917–1920. Stanford, 1983, etc.

³ *Kennan G.F.* Soviet-American Relations, 1917–1920. In 2 vols. Princeton, 1956, 1958; *Ullman R.H.* Anglo-Soviet Relations, 1917–1921. In 3 vols. Princeton, 1961, 1967, 1971; *Baumgart W.* Deutsche Ostpolitik, 1918: Von Brest-Litowsk bis zum Ende des Ersten Weltkriegs. Wien; München, 1966; *Thompson J.M.* Russia, Bolshevism and the Versailles Peace. Princeton, 1966; *Bradley J.* Allied Intervention in Russia. 1917–1920. London, 1968; *Swettenham J.* The Allied Intervention and the Part Played by Canada. London, 1966; *Jackson R.* War with Bolsheviks. Allied Intervention into Russia. 1917–1920. London, 1972; *Silverlight J.* The Victors Dilemma: Allied Intervention into the Russian Civil War. London, 1970; *McLaren R.* Canadians in Russia, 1918–1919. Toronto, 1976; *Goldhurst R.* The Midnight War. The American Intervention in Russia. 1918–1920. New York, 1978; *Rotshtein A.* When Britain Invaded Soviet Russia. The Consul Who Rebelled. London, 1979; *Carley M.J.* Revolution and Intervention: The French Government and the Russian Civil War, 1917–1919. Kingston; Montreal, 1983, etc.

Налицо были попытки, если не оправдать, то, по крайней мере, объяснить вмешательство в дела России. И, если советские авторы особый упор делали на геополитические, политические, идеологические и экономические мотивы и интересы организаторов интервенции, то зарубежные исследователи предпочитали объяснять вмешательство прежде всего военно-стратегическими целями, связанными с продолжением Первой мировой войны и стремлением восстановить Восточный фронт.

Значительное внимание в зарубежной литературе уделялось истории антисоветского лагеря в Гражданской войне, взаимоотношениям его сторонников и интервентов, а также деятельности оппозиционных большевикам политических партий¹. Таким образом, круг проблем Гражданской войны в России, изучаемых в зарубежной историографии, существенно расширился, хотя она, до известной степени, находилась в тени по сравнению с изучением Российской революции.

Чтобы представить общие масштабы исследовательской работы, проделанной в России и за рубежом по истории Гражданской войны, отметим, что в 1988 г. прозвучала оценка, что по этой теме было издано более 15 тысяч книг в СССР и еще несколько тысяч их было опубликовано за рубежом².

Период советской «перестройки» второй половины 1980-х – начала 1990-х гг. характеризовался переоценкой ценностей исторического прошлого и стал завершающим в советской историографии³. «Гласность» и призывы к десталинизации истории и, в частности,

---

¹ *Brinkley G.* The Volunteer Army and Allied Intervention in South Russia. 1917–1921. A Study in the Politics and Diplomacy of the Russian Civil War. Notre Dame, 1966; *Rosenberg W.* Liberals in the Russian Revolution. The Constitutional Democratic Party, 1917–1921. Princeton, 1974; *Haimson L., Dallin D.* The Mensheviks: From the Revolution of 1917 to the Second World War. Chicago, 1974, etc.

² *Лутвин А.Л., Поликарпов В.Д., Спиринов Л.М.* Гражданская война: ломка старых догм и стереотипов // Историки спорят. 13 бесед. М., 1988. С. 46.

³ Подробнее о тенденциях и литературе этого периода см.: *Голдин В.И.* Россия в гражданской войне. Очерки новейшей историографии (вторая половина 1980-х – 90-е годы). Архангельск, 2000; *Ипполитов Г.М., Полторац С.Н.* Проблематика истории российской Гражданской войны в советской историографии периода перестройки (вторая половина 1980-х 1991 г.) // Клио. 2018. № 6. С. 35–44.

Гражданской войны, возвращения ее ленинского понимания обернулись обратными, нежели ожидалось властью, результатами. В обществе развернулась острая идейно-политическая борьба, в ходе которой размывались «социалистические ценности». Острота дискуссий об истории «Октябрьской революции» и Гражданской войны объяснялась тем, что их результаты и существовавшие трактовки «закономерности» победы большевиков обуславливали легитимность советского политического режима.

К 70-летию «Октябрьской революции» было осуществлено второе издание энциклопедии Гражданской войны и интервенции в СССР, в которое не было внесено принципиальных изменений и дополнений. Были опубликованы некоторые другие издания, претендовавшие на обобщенное изложение истории Гражданской войны¹. Вышла в свет коллективная монография об иностранной интервенции в России, которая положила начало публикации серии подобных изданий в республиках и макрорегионах страны², оставшейся незавершенной в связи с распадом СССР. Для книг этой серии был характерен традиционный для советской историографии «разоблачительный» подход к интервенции.

Но сложившиеся подходы и стереотипы восприятия Гражданской войны в России рушились в ходе развернувшихся в СССР дискуссий. Тон в них задавали радикальные публицисты. Они ставили под сомнение сложившуюся в СССР концепцию Гражданской войны и военной интервенции, привычные трактовки многих проблем. Поднимался широкий круг вопросов, не находивших ответа или адекватного объяснения в исторической литературе, не изучавшихся по различным раньше или являвшихся запретными для исследования. Их стали именовать «белыми пятнами» истории. В их числе оказались история политических партий, антибольшевистского и «зеленого» движения, судьбы их лидеров, как

---

¹ Кузьмин Г.В. Гражданская война и иностранная интервенция в СССР: военно-политические очерки. М., 1988.

² Антисоветская интервенция и ее крах, 1917–1922. М., 1987; Иностранная военная интервенция в Прибалтике, 1917–1920 гг. М., 1988; Империалистическая интервенция на Дону и Северном Кавказе. М., 1988; Иностранная военная интервенция в Белоруссии. 1917–1920 гг. Минск, 1990. К числу монографий об интервенции следует добавить: Петров В.И. Не покорившиеся кайзеровскому нашествию. М., 1988; Думова Н.Г., Трухановский В.Г. Черчилль и Миллюков против советской России. М., 1989.

и репрессированных видных деятелей партии большевиков и военачальников, «рассказчивание», «красный террор» и деятельность ВЧК, «цена» и последствия Гражданской войны, ее взаимосвязь со сталинскими репрессиями и др.

Формирование многопартийности, углубление кризиса и обострение идейно-политической борьбы привели не только к десталинизации, но и к деленинизации общества, отрицанию «социалистического выбора». Сильное влияние на общество и отношение к истории оказывала развернувшаяся в условиях «гласности» публикация ранее запрещенных в СССР работ видных представителей российской интеллигенции, в свое время оппозиционно относившихся к большевикам, а также лидеров противобольшевистского движения эпохи Гражданской войны.

Начавшийся процесс рассекречивания документов, снятие цензуры открывали и новые возможности для историков, которые призваны были отвечать на поднимаемые вопросы, и повышало их ответственность. Это привело к активному обсуждению в историческом сообществе новых подходов к изучению Гражданской войны в России и утверждению перспективных программ ее исследования¹.

Отметим опубликованную в это время знаковую статью членкорреспондента АН СССР Ю.А. Полякова. Автор поднимал вопросы, связанные с истоками, причинами, характером и периодизацией Гражданской войны, ее началом и окончанием, диктатурой пролетариата и ролью партии большевиков, о революционном насилии и мировой революции, о необходимости объективного из-

---

¹ Литвин А.Л., Поликарпов В.Д., Спиринов Л.М. Гражданская война: ломка старых догм и стереотипов // Историки спорят. 13 бесед. М., 1988. С. 46–82; Корблев Ю.И. Гражданская война 1918–1920 годов: новые подходы // Страницы истории советского общества. М., 1989. С. 64–66; Исаков С.М. Проблемы изучения военной интервенции и гражданской войны в России: дискуссии в Научном совете по истории Великой Октябрьской социалистической революции в условиях перестройки // Военная интервенция и гражданская война в России (1918–1920 годы). М., 2009. С. 146–159. 2 февраля 1989 г. Бюро Научного совета АН СССР по комплексной проблеме «История Великой Октябрьской социалистической революции» в основном одобрило новую комплексную программу по истории Октябрьской революции и Гражданской войне – см.: Россия 1917 год: Выбор исторического пути. М., 1989. С. 270–284.

учения лагеря контрреволюции и др., пытаясь дать ответы или, по крайней мере, обозначить подходы к их переосмыслению. В качестве приложения к этой статье был опубликован план-проспект 5-томного издания «Гражданская война в России»¹.

Впрочем, реализация подобного масштабного проекта была не реальна в этот период ни по финансовым соображениям, в условиях углубляющегося экономического кризиса, ни в силу того, что для этого необходимо было достигнуть некое общее понимание, выработать новые принципиальные подходы, изучить и осмыслить, наконец, обширные пласты новых источников, которые становились доступны в результате рассекречивания документов, что требовало времени.

Период «перестройки» характеризовался выходом в свет ряда книг историков, дававших принципиально новое видение раскрываемых проблем. Отметим, например, монографию А.Г. Кавтарадзе, посвященную теме привлечения военных специалистов на службу советской власти². Попыткой раскрытия одного из «белых пятен» истории Гражданской войны стал выход в свет сборника, посвященного Реввоенсовету Республики (РВСР) и судьбам его членов, большинство из которых, включая председателя РВСР Л.Д. Троцкого, были объявлены в дальнейшем «врагами народа»³.

Стремление к комплексному и объективному изучению истории контрреволюции в Гражданской войне воплотилось в содержательные монографии Г.З. Иоффе⁴ и В.Д. Поликарпова⁵. Книга профессора Иоффе стала фактически и первой попыткой объективного взгляда и комплексного исследования личности одного из лидеров Белого движения в России.

Происходившая в СССР переоценка ценностей вызывала отклик за рубежом. Заметным событием научной жизни стало проведение в США специально посвященного Гражданской войне в Рос-

---

¹ *Поляков Ю.А.* Гражданская война в России (поиски нового видения) // История СССР. 1990. № 2. С. 98–117.

² *Кавтарадзе А.Г.* Военные специалисты на службе Республики Советов. 1917–1920 гг. М., 1988.

³ Реввоенсовет Республики (6 сент. 1918 – 28 авг. 1923 г.) / Науч. редактор А.П. Ненароков. М., 1991.

⁴ *Иоффе Г.З.* «Белое дело». Генерал Корнилов. М., 1989.

⁵ *Поликарпов В.Д.* Военная контрреволюция в России. 1905–1917. М., 1990.

сии семинара по истории России в XX в. и советской социальной истории. В сборнике его материалов¹ были помещены статьи концептуального и историографического характера (Ш. Фитцпатрик, Л. Хеймсона, М. Левина), прозвучали призывы уделить главное внимание проблемам социальных и демографических перемен, изучению рабочего класса и интеллигенции (учитывая, что история крестьянства представляет собой большую и самостоятельную тему), политической культуры советского лагеря, изменениям в партии большевиков, управлении и государственном строительстве в военную эпоху. Это издание стало важной вехой в переосмыслении истории Гражданской войны в России за рубежом.

1980-е гг. были временем расцвета социальной истории Российской революции и Гражданской войны на Западе, с особым интересом исследователей к осмыслению этих процессов «снизу», к изучению истории «низов» российского общества, пролетариата, крестьянства, солдат, провинции. Это воплотилось в серию книг, посвященных этой тематике, социальной и социально-экономической истории революционной эпохи и Гражданской войны². Крестьянское протестное движение в эти годы в России стало предметом монографии израильского историка М.С. Френкина³.

Растущий интерес иностранных исследователей вызывало культурное и духовное измерение российского революционного процесса, подход большевиков к проблемам культурной революции, их видение новой культуры, отношение к интеллигенции, рождающаяся новая политическая культура революции, ее символы и проявления, мечты и утопии революционной эпохи и др. Эти

---

¹ Party, State and Society in the Russian Civil War. Explorations in Social History. Bloomington, 1989.

² Lewin M. The Making of the Soviet System: Essays in the Social History of Interwar Russia. London, 1985; Malle S. The Economic Organization of War Communism, 1918–1921. Cambridge, 1985; Figes O. Peasant Russia, Civil War. The Volga Countryside in Revolution 1917–1921. Oxford, 1989; Sakwa P. Soviet Communists in Power: A Study of Moscow during the Civil War 1918–1921. London, 1989; Hagen M. Soldiers in the Proletarian Dictatorship: The Red Army and the Soviet Socialist State, 1917–1930. Uthaca; London, 1990; Lih L.T. Bread and Authority in Russia. 1914–1921. Berkeley, 1990; McAuley M. Bread and Justice: State and Society in Petrograd, 1917–1922. Oxford, 1991, etc.

³ Френкин М.С. Трагедия крестьянских восстаний в России, 1918–1921 гг. Иерусалим, 1987.

проблемы стали предметом монографий и сборников статей, опубликованных во второй половине 1980-х – начале 1990-х гг.¹

В это же время за рубежом был издан ряд монографий по истории российской Гражданской войны в целом². В развитие традиции изучения политических партий – противников большевиков в США вышла в свет книга В.Н. Бровкина о меньшевиках после «Октября»³. Продолжалось изучение истории интервенции в России⁴. Различные стороны и проблемы процесса переосмысления революционной истории и Гражданской войны находили освещение в издаваемых за рубежом книгах⁵.

Распад СССР в 1991 г. знаменовал собой окончание советского этапа историографии Гражданской войны в России и начало постсоветского ее этапа. В рамках его произошли принципиальные изменения в концептуальных подходах, методологии, источниковой базе, в характеристике основных направлений и проблем изучения истории Гражданской войны в России, расширился спектр ее исследований.

В результате рассекречивания документов архивов («архивной революции») расширились источниковые возможности для ис-

---

¹ *Read C.* Culture and Power in Revolutionary Russia: The Intelligentsia and the Transition from Tsarism to Communism. London, 1990; *Sochor Z.* Revolution and Culture: The Bogdanov-Lenin Controversy. Ithaca, 1988; Culture and Revolution. London, 1990; *Mally L.* Culture of the Future: The Proletkult Movement in Revolutionary Russia. Berkeley, 1990; *Stites R.* Revolutionary Dreams. Utopian Vision and Experimental Life in the Russian Revolution. New York and Oxford, 1989; *Burbank J.* Intelligentsia and Revolution. Views on Bolshevism, 1917–1922. Oxford, 1986, etc.

² *Mawdsley E.* The Russian Civil War. Boston, 1987; *Lincoln W.B.* Red Victory. A History of the Russian Civil War. New York; London, 1989.

³ *Brovkin V.N.* The Mensheviks after October: Socialist Opposition and the Rise of the Bolshevik Dictatorship. Ithaca, 1987.

⁴ *Kettle M.* Russia and the Allies. In 3 vols. New York, 1981–1992; *Dobson C., Miller J.* The Day We Almost Bombed Moscow. The Allied War in Russia 1918–1920. London, 1986; *Rhodes B.* The Anglo-American Winter War with Russia. 1918–1920. A Diplomatic and Military Tragicomedy. New York; London, 1988, etc.

⁵ *Cohen S.F.* Rethinking the Soviet Experience: Politics and Soviet History since 1917. Oxford, 1985; *Acton E.* Rethinking the Russian Revolution. London; New York, 1990; Revolution in Russia: Reassessments of 1917. Cambridge, 1992, etc.

следовательской деятельности. В последние десятилетия в ходе археографической работы в центре и на местах было издано большое количество сборников документов по различным проблемам Гражданской войны в России, особенно по истории антибольшевистского движения (мемуары его участников, документы о деятельности антибольшевистских правительств, восстаниях против большевистской власти и т.п.)¹. Документальная история войны находила освещение в рамках многотомных проектов изданий документов по истории политических партий², спецслужб³, кре-

---

¹ Кронштадт 1921. Документы о событиях в Кронштадте весной 1921 г. / сост. В. Наумов, А. Косаковский. М., 1997; Кронштадтская трагедия 1921 г.: Документы. В 2 томах. / В.П. Козлов (отв. ред.). М., 1999; Ярославское восстание 1918. Документы. / Сост. Е.А. Ермолин, В.Н. Козляков. М. 2007; Россия антибольшевистская: из белогвардейских и эмигрантских архивов. М., 1995; Временное Всероссийское правительство (23 сентября – 18 ноября 1918 г.). Сборник документов и материалов. Новосибирск, 2010; Совет министров Российского правительства: журналы заседаний (18 ноября 1918 – 3 января 1920 г.). В 2-х томах. Новосибирск, 2016; Боевой восемнадцатый год. Сборник документов и воспоминаний [сост.: Я. В. Леонтьев, Д. И. Рублев]. М., 2018; На внутреннем фронте Гражданской войне. Сборник документов и воспоминаний / отв. сост. Я.В. Леонтьев. М., 2019 и др.

² Протоколы ЦК конституционно-демократической партии 1915–1920 гг. Т. 3. [Павлов Д.Б. и др. (сост.)]. М., 1998; Анархисты: Документы и материалы. 1883–1935 гг.: В 2 т. Т. 2. 1917–1935 / Сост., авт. предисл., введ. и коммент. В. В. Кривенький. М., 1999; Меньшевики в 1918 году / отв. сост. Д. Павлов. М., 1999; Меньшевики в 1919–1920 гг. / отв. сост. Д. Павлов. М., 2000; Партия социалистов-революционеров. Документы и материалы в 3-х тт. Т. 3. Ч. 2. Октябрь 1917 г. – 1925 г. / отв. ред. В.В. Шелохаев. М., 2000; Съезды и конференции конституционно-демократической партии. 1905–1920 гг. В 3-х т. Т. 3. Кн. 2. 1918–1920 гг. / отв. ред. В.В. Шелохаев. М., 2000; Союз эсеров-максималистов: Документы, публицистика. 1906-1924 гг. [Сост., авт. предисл. коммент. Д.Б. Павлов]. М., 2002; Партия левых социалистов-революционеров: Док. и материалы. 1917–1925 гг.: В 3 т. Т. 1; Т. 2, ч. 1–3 [сост., авт. предисл., введ. и коммент. Я.В. Леонтьев]. М., 2010–2017.

³ Советская деревня глазами ВЧК–ОГПУ–НКВД. Документы и материалы в 4 томах. Т. 1: 1918–1922 / В. Данилов, Н. Ивницкий, В. Кондрашин (отв. составители). М., 1998; Архив ВЧК. Сб. документов / сост. В. Виноградов, Н. Перемышленникова. М., 2007; Тактический центр. Документы и материалы [сост. и авт. коммент. Н. И. Канищева и др.]. М., 2012 и др.

стьянства¹ и некоторых других². Был осуществлен ряд крупных энциклопедических проектов, например, по истории политических партий в России, где получила освещение и их деятельность в период Гражданской войны³. Данная тема нашла отражение и в ряде добротного фunderированных новыми источниками монографических исследованиях⁴.

Для исторической науки в целом и для исследований, посвященных истории Гражданской войны, в частности, стал характерен методологический плюрализм. При ее изучении используются как классовый и формационный подход, так и многообразие иных – междисциплинарный, историософский, социокультурный, историко-антропологический, психоментальный, постмодернистский, модернизационный, цивилизационный, синергетический и др. В исследованиях используются теоретические наработки «новой политической», «новой социальной», «новой культурной истории» и др.

Формированию новых подходов и концептуализации Гражданской войны в России способствовал развернувшийся диалог российских и иностранных историков, реализация совместных научных проектов.

---

¹ Крестьянское восстание в Тамбовской губернии в 1919–1921 гг. «Антоновщина». Документы и материалы. [Сост. В. Данилов и др.]. Тамбов, 1994; Филипп Миронов (Тихий Дон в 1917–1921 гг.). Документы и материалы / сост. В. Данилов и др. М., 1997; Крестьянское движение в Поволжье. 1919–1922 гг.: Документы и материалы. [Сост.: В. Данилов (отв. сост.) и др.]. М., 2002; Нестор Махно. Крестьянское движение на Украине. 1918–1921: Документы и материалы / В. Данилов, В. Кондрашин, Т. Шанина (отв. ред.). М., 2006; «Антоновщина». Крестьянское восстание в Тамбовской губернии в 1920–1921 гг.: документы, материалы, воспоминания [сост.: В.П. Данилов и др.]. Тамбов, 2007.

² Протоколы заседаний Совета Народных Комиссаров РСФСР. Ноябрь 1917 – март 1918 гг. М., 2006; Реввоенсовет Республики. Протоколы. 1920–1923 гг. Сб. док. М., 2000. Чешско-словацкий (Чехословацкий) корпус. 1914–1920. Документы и материалы. Т. 2. Чехословацкие легионы и Гражданская война в России. 1918–1920 гг. М., 2018 и др.

³ Политические партии России. Конец XIX – первая треть XX века. Энциклопедия. М., 1996 и др.

⁴ Павлов Д.Б. Большевиcтская диктатура против социалистов и анархистов 1917 – середина 1950-х годов. М., 1999; Шелохаев В.В. Конституционно-демократическая партия в России и эмиграция. М., 2015 и др.

В изучении истории Гражданской войны в России присутствует сегодня весь спектр политико-идеологических взглядов – от коммунистических и социал-демократических до либеральных, консервативных и монархических. Это во многом обуславливает и остроту дискуссий о Гражданской войне, когда в них сталкиваются сторонники и противники большевиков, русофилы и русофобы, что в полной мере проявилось в канун ее столетия, только сегодняшние схватки и войны протекают уже на интеллектуальных фронтах. Все это сказывается и на настроениях современного российского общества, в котором явно вновь обозначился раскол на «красных» и «белых». Впрочем, если иметь в виду не только советскую, но эмигрантскую и иностранную историографию, то следует признать, что политизация и идеологизация, столкновение и борьба мнений всегда были характерны для восприятия и изучения Гражданской войны в России. Ее столетие просто возродило и обострило былые споры.

Одной из основополагающих тенденций в изучении Гражданской войны в постсоветскую эпоху стал отход от так называемого «героического мифа» о ней, но рассмотрение и осмысление ее как драмы и трагедии российского общества, в т.ч. с целью извлечения исторических уроков и недопущения ее или ее проявлений в будущем.

За 30 лет постсоветского развития в России сложилась обширная литература, посвященная истории Гражданской войны, которая отражает как достижения, так и отступления, и проблемы. Для понимания процесса ее изучения, его основных тенденций, состояния дел с исследованием основных проблем целесообразно обращение к обобщающим историографическим работам книжного формата или к изданиям с историографическими разделами¹.

Уже в начале 1990-х гг. в России развернулся процесс кардинального переосмысления истории Гражданской войны в стране и ее концептуального понимания. «Гражданская война в России –

---

¹ *Голдин В.И.* Россия в гражданской войне. Очерки новейшей историографии (вторая половина 1980-х – 90-е годы). Архангельск, 2000; *Голдин В.И.* Гражданская война в России сквозь призму лет: историографические процессы. Мурманск, 2012; Россия в годы Гражданской войны. 1917–1922: очерки истории и историографии. М., 2018; Гражданская война в России: взгляд через 100 лет. Проблемы истории и историографии. СПб., 2018; Эпоха Революции и Гражданской войны в России. Проблемы истории и историографии. СПб., 2019.

это сложное, многоэтапное, многоплановое явление, – писал, например, в 1992 г. видный российский историк Ю.А. Поляков, – это длившаяся около 6 лет вооруженная борьба между различными группами населения, имевшая в своей основе глубокие социальные, национальные и политические противоречия, проходившая при активном вмешательстве иностранных сил в различные этапы и стадии, принимавшая различные формы, включая восстания, мятежи, разрозненные столкновения, крупномасштабные военные операции с участием регулярных армий, действия вооруженных отрядов в тылу существовавших правительстве и государственных образований, диверсионно-террористические акции»¹.

Лучшему пониманию исторических корней Гражданской войны в России способствовали исследования и дискуссии, связанные с анализом противоречивого процесса развития страны в начале XX в., попытками ее модернизации, достижениями, проблемами и трудностями на этом пути, осмыслением диалектики реформ и революций. Канун и столетие Первой российской революции содействовали изучению и осмыслению ее истории как своеобразного пролога не только революций 1917 г., но и Гражданской войны².

Столетие Первой мировой войны стимулировало интенсивное изучение всего комплекса ее проблем, публикацию серии монографий и научных сборников, осмысление ее как глубокого кризиса мировой цивилизации³. Следствием этой войны стала череда политических и социальных потрясений в мире, и одним из их наиболее ярких проявлений стали революционные взрывы 1917 г. и Гражданская война в России.

В свою очередь, столетие революционных потрясений России вызвало новую волну острых дискуссий и попытки дать ее современное толкование, проанализировать ее последствия и взаимосвязь с Гражданской войной. Это воплотилось в концепцию Вели-

---

¹ Поляков Ю.А. Гражданская война в России: возникновение и эскалация // Отечественная история. 1992. № 6. С. 32–33.

² Петров Ю.А. 1905-й год: пролог Гражданской войны // Россия в начале XX века. М., 2002. С. 354–395. Первая революция в России: взгляд через столетие. М., 2005 и др.

³ Россия и Первая мировая война: экономические проблемы, общественные настроения, международные отношения / отв. ред. Ю.А. Петров. М., 2014; Россия в Первой мировой войне, 1914–1918: энциклопедия. В 3 т. / А.К. Сорокин (отв. ред.). М., 2014 и др.

кой российской революции, охватывающей период с 1917 по начало 1920-х гг., и включающей в себя как революционный процесс 1917 г., так и Гражданскую войну¹.

И, если историки, занимающиеся революционным 1917 г., часто подчеркивают его ключевую роль и значение в процессе Великой российской революции, то исследователи Гражданской войны нередко утверждают, что именно она стала ее решающим актом, определив ее исход, открыла дорогу и возможности для реализации социалистического проекта или, напротив, предопределила его драму, заложив предпосылки последующего развития, привела к тоталитарному перерождению социалистической идеи. Так или иначе, глубокая и многоплановая взаимосвязь между событиями 1917 г., разными революционными видениями и проектами, с одной стороны, и следовавшей за ними Гражданской войной, с другой, несомненна, а их диалектика является предметом современных исследований и диалога российских и зарубежных историков².

Исследователи, выявляя взаимосвязь между Первой мировой войной, Российской революцией и Гражданской войной, проводят исторические параллели с эпохами предшествующих великих войн и революций, которые, оказывая трансформирующее воздействие на принципы мироустройства, нередко сопровождались гражданскими войнами и интервенциями³.

Важным направлением исследований Гражданской войны, в котором было достигнуто несомненное продвижение вперед, является история крестьянства и крестьянского движения.

Иницируя в начале 1990-х гг. международный научно-исследовательский проект «Крестьянская революция в России. 1902–1922», его руководители В.П. Данилов и Т. Шанин подчеркивали,

---

¹ Российская революция 1917 года: власть, общество, культура. В 2-х томах. М., 2017; Великая российская революция, 1917: сто лет изучения: материалы Международ. науч. конф. (Москва, 9–11 октября 2017 г.) / отв. ред. Ю.А. Петров. М., 2017. С. 17–21, 31–35; Петров Ю.А. Великая российская революция: проблемы исторической памяти // Вестник Российской академии наук. 2018. Т. 88. № 5. С. 393–395; Российская революция 1917 года и ее место в истории XX в. М., 2018 и др.

² Эпоха Революции и Гражданской войны в России. Проблемы истории и историографии. СПб., 2019.

³ Торкунов А.В. Значение Великой российской революции // Российская революция 1917 года и ее место в истории XX века. М., 2018. С. 10–13.

что «глубинной основой социальных, политических и экономических потрясений в России была именно «крестьянская революция». «Все другие политические и социальные революции совершались на фоне крестьянской революции»¹, – утверждали они. Крестьянская революция вошла в качественно новый этап своего развития в 1917 г. и прошла целый ряд стадий в последующие годы. Антипомещичья, антицаристская и антифеодальная крестьянская революция являлась одним из важнейших факторов победы большевиков над белыми и другими своими противниками. Но, одновременно, по мнению В.П. Данилова и Т. Шанина, происходила «трансформация крестьянской революции в крестьянскую войну против большевистского режима, который все более отождествлялся с различными мобилизациями и повинностями, с системой повседневно и всеохватывающего насилия»².

Если в советский период историки изучали главным образом участие крестьянства в борьбе против белогвардейцев, то в постсоветскую эпоху они исследовали преимущественно борьбу крестьян за реализацию собственных интересов в ходе Гражданской войны, историю антисоветских восстаний и повстанческого движения крестьянства, его попытки отстоять «свою правду» и создать государственную власть, соответствующую его представлениям и интересам. Активная деятельность историков вылилась в конце XX – начале XXI в. в серию глубоких исследований, посвященных истории крестьянства в Великой российской революции, что позволяет лучше понять, как изменение его поведения и действий повлияло на исход противоборства в Гражданской войне³.

---

¹ Крестьянское восстание в Тамбовской губернии в 1919–1921 гг. («Антоновщина»). Документы и материалы. Тамбов, 1994. С. 6.

² Крестьянское восстание в Тамбовской губернии в 1919–1921 гг. («Антоновщина»). Документы и материалы. Тамбов, 1994. С. 6.

³ *Оситова Т.В.* Российское крестьянство в революции и гражданской войне. М., 2001; *Климин И.И.* Российское крестьянство в годы гражданской войны. СПб., 2004; *Кондрашин В.В.* Крестьянство России в Гражданской войне: к вопросу об истоках сталинизма. М., 2009; *Кондрашин В.В.* Крестьянство в годы Гражданской войны. М.; Берлин, 2019; *Кондрашин В.В.* Крестьянское повстанческое движение 1918–1922 гг.: итоги и направления изучения // Россия в годы Гражданской войны. 1917–1922: очерки истории и историографии. М., 2018. С. 437–484 и др.

Характерной тенденцией последних лет является особый интерес к теме крестьянского протеста в годы Гражданской войны в России, его причин, характера и направленности. И, если в советский период главное внимание историков уделялось участию крестьян в борьбе на стороне большевиков против белогвардейцев, что нередко расценивалось как одна из главных причин победы Советской России в войне, то в дальнейшем и сегодня центр тяжести исследований сместился в противоположную сторону, и особый интерес вызывает борьба крестьян против советской власти. Масштабы крестьянской борьбы в Гражданской войне воплотились в такие используемые историками образы, как «крестьянская война» или даже «великая крестьянская война»¹ (хронологические рамки которой в ряде случаев неправомерно удлиняются до начала 1930-х гг.), «крестьянский фронт»², «крестьянская Вандея». Впрочем, сама правомерность использования этих терминов является предметом дискуссии³. Особый интерес по-прежнему вызывают наиболее крупные крестьянские выступления – Тамбовское и Западно-Сибирское восстания, а также движение под руководством Н.И. Махно⁴.

Повстанческое движение крестьянства, его общие черты и особенности в разных регионах, персоналии и судьбы крестьянских вожаков – все это превратилось в самостоятельный предмет исторических исследований, воплотившись в издания книжного фор-

---

¹ Сафонов Д.А. Великая крестьянская война 1920–1921 гг. и Южный Урал. Оренбург, 2000; Грациози А. Великая крестьянская война в СССР. Большевики и крестьяне. М., 2008; Алешкин П.Ф., Васильев Ю.А. Крестьянская война в России в условиях политики военного коммунизма и ее последствий (1918–1922 гг.). М., 2010.

² Крестьянский фронт 1918–1922 гг. Сб. статей и материалов. М., 2013.

³ Кондрашин В.В. Дискуссионные проблемы крестьянского движения в России в годы Гражданской войны // Гражданская война на востоке России (ноябрь 1917 – декабрь 1922 г.). Новосибирск, 2019. С. 16–23.

⁴ Сибирская Вандея. Документы в 2-х томах. М., 2000; Нестор Махно. Крестьянское движение на Украине. 1918–1921. Документы и материалы. М., 2006; Шубин А.В. Махно и его время: О Великой революции и Гражданской войне 1917–1922 гг. в России и на Украине. М., 2013; Алешкин П.Ф. Тамбовское восстание (1920–1921 гг.). «Антоновщина». М., 2016; Тамбовское восстание 1920–1921 гг.: исследования, документы, воспоминания. М., 2018 и др.

мата¹ и в историографические публикации². Наиболее полно данная проблема получила освещение в коллективных монографиях, подготовленных при участии и под научным руководством А.В. Посадского³.

С историей крестьянства теснейшим образом переплетается история казачества, которая вылилась в крупное самостоятельное направление исследований. Если советские историки изучали главным образом казачество, поддерживавшее советскую власть, то в постсоветский период начала активно исследоваться история казачества в Российской революции и Гражданской войне в целом, положение в различных казачьих войсках и регионах, в том числе тех, которые слабо изучались ранее⁴. Вышло в свет немало моно-

---

¹ Деятели и события крестьянского повстанческого движения на Украине (1917-й – начало 1920-х годов). Вып. 1. 2010; Вожаки и лидеры Смуты. 1918–1922 гг.: Биографические материалы. М., 2017; *Посадский А.В.* Зеленое движение в Гражданской войне. Крестьянский фронт между красными и белыми. 1918–1922. М., 2018 и др.

² *Посадский А.В.* Изучение крестьянского повстанчества: контексты и задачи // Крестьянский фронт 1918–1922 гг. М., 2013. С. 13–23; *Кондрашин В.В.* Крестьянское повстанческое движение 1918–1922 гг.: итоги и направления исследования // Россия в годы Гражданской войны, 1917–1922 гг.: очерки истории и историографии. М.; СПб., 2018. С. 437–484.

³ Крестьянский фронт 1918–1922 гг. Сб. статей и материалов. М., 2013; От «германской» к Гражданской: становление корпуса народных вожаков русской смуты. Сб. статей и материалов. М., 2014; Атаманщина» и «партизанщина» в Гражданской войне: идеология, военное участие, кадры. Сб. статей и материалов. М., 2015; Вожаки и лидеры Смуты. 1918–1922 гг.: Биографические материалы. М., 2017; Тамбовское восстание 1920–1921 гг.: исследования, документы, воспоминания. М., 2018.

⁴ *Венков А.В.* Донское казачество в гражданской войне. 1917–1920. Ростов-на-Дону, 1992; *Мамонов В.Ф.* Гибель Русской Вандеи. Казачество Востока России в революции и гражданской войне. Челябинск; Екатеринбург, 1994; *Гражданов Ю.Д.* Всевеликое Войско Донское в 1918 году. Волгоград, 1997; *Савченко С.Н.* Уссурийское казачье войско в гражданской войне на Дальнем Востоке (1917–1922). Хабаровск, 2002; *Футорянский Л.И.* Казачество России в огне гражданской войны (1918–1920 гг.). Оренбург, 2003; *Шулдяков В.А.* Гибель Сибирского казачьего войска. В 2-х кн. М., 2004; *Василевский В.И.* Забайкальское казачье войско в годы революции и гражданской войны. Чита, 2007 и др.

графий, посвященных участию казаков в антибольшевистских воинских формированиях и повстанческом движении¹.

Среди них следует особо отметить коллективную монографию и сборник документов, подготовленные в рамках реализации целевого конкурса Российского фонда фундаментальных исследований, посвященного 100-летию революции 1917 г. в России². В них впервые в историографии осуществлен комплексный анализ регионально-национальных особенностей участия в революции 1917 г. и Гражданской войне казачества и крестьянства. До выхода в свет данных изданий, как правило, казачество и крестьянство при освещении их участия в указанных событиях рассматривались исследователями отдельно.

На современном этапе историографии проблемы изменилась направленность исследований рабочего класса в Гражданской войне. В советский период он рассматривался как главная и надежная опора советской власти. В последние десятилетия центр тяжести изучения и публикуемых монографических и документальных изданий, за редким исключением³, сместился на протестную деятельность рабочих в Советской России и их участие в антибольшевистской борьбе⁴.

---

¹ Ганин А.В. Атаман А.И. Дутов. М., 2006; Венков А.И. Атаман Краснов и Донская армия в 1918 г. М., 2008; Венков А.И. Донская армия в борьбе с большевиками в 1919–1920 гг. М., 2019 и др.

² Российское крестьянство в эпоху революций и Гражданской войны: регионально-национальный аспект / В.В. Кондрашин, В.А. Юрченок (отв. ред.). Саранск, 2016; Крестьянство и казачество России в условиях революции 1917 г. и Гражданской войны: национально-региональный аспект [В.В. Кондрашин, В.А. Юрченок, Д.И. Люкшин и др.]. Саранск, 2017; Российское крестьянство в эпоху революций и Гражданской войны: регионально-национальный аспект (В.В. Кондрашин, В.А. Юрченок (отв. ред.). Саранск, 2016.

³ Яров С.В. Пролетарий как политик. Политическая психология рабочих Петрограда в 1917–1923 гг. СПб., 1999; Борисова Л.В. Трудовые отношения в Советской России (1918–1924). М., 2006; Поршинева О.С., Фельдман М.А. Власть и рабочие России и Урала в условиях Гражданской войны: проблемы взаимоотношений. Екатеринбург, 2013.

⁴ Рабочее оппозиционное движение в большевистской России. 1918 г. Собрания уполномоченных фабрик и заводов. Документы и материалы. М., 2006; Чураков Д.О. Революция, государство, рабочий протест: формы, динамика и природа массовых выступлений рабочих в советской

Жизнь и деятельность интеллигенции в годы Гражданской войны, ее политический выбор, взаимоотношения с властью и противоборствовавшими сторонами стали предметом изучения в ряде изданий документального и монографического характера¹. Но эта тема нуждается в дальнейшей научной разработке. Российскими исследователями активно изучается история военной интеллигенции, раскол офицерства и выбор, сделанный им в годы Гражданской войны².

С историей интеллигенции в годы войны переплетаются проблемы реформирования системы культуры и образования в Советской России и «культурное измерение» Гражданской войны, переосмысление которых происходит в отечественной исторической литературе³. Вместе с тем, предстоит целостное изучение и раскрытие культурных процессов в стране в годы Гражданской войны, сопоставление политики в этой сфере противоборствовавших сторон.

России. 1917–1918 гг. М., 2004; Чураков Д.О. Бунтующие пролетарии: рабочий протест в Советской России (1917–1930-е гг.). Изд. 4-е, испр. и доп. М.; Берлин, 2019; Ижевско-Воткинское восстание: сто лет истории. Ижевск, 2019 и др.

¹ Купцова И.В. Художественная интеллигенция России (размежевание и исход). СПб., 1996; Казанин И.Е. Власть и интеллигенция: исторический опыт формирования государственной политики в октябре 1917–1925 г. Волгоград, 2006; В жерновах революции: российская интеллигенция между белыми и красными (1917–1927 гг.). Сборник документов и материалов. М., 2008; Квакин А.В. Русская интеллигенция и большевистская власть в годы Гражданской войны в России. Саарбрюккен, 2013.

² Волков С.В. Трагедия русского офицерства. М., 2002; Ганин А.В. «Мозг армии в период «Русской Смуты»: Статьи и документы. М., 2013; Ганин А.В. Закат Николаевской военной академии 1914–1922. М., 2014; Ганин А.В. Офицерский корпус в годы Гражданской войны в России 1917–1922 гг. М., 2018 и др.

³ Красовицкая Т.Ю. Российское образование между реформаторством и революционаризмом. Февраль 1917–1920. М. 2002; Балашов Е.М. Школа в российском обществе, 1917–1927 гг. Становление «нового человека». СПб., 2003; Соскин В.Л. Российская советская культура (1917–1927 гг.): очерки социальной истории. Новосибирск, 2004; Квакин А.В., Постников Е.С. Завоевание высшей школы. Профессорско-преподавательский состав и студенчество России в постреволюционное время (1917 – конец 1930-х годов). М., 2009; Купцова И.Б., Филиппова Т.А. Гражданская война в «культурном измерении» // Россия в годы Гражданской войны, 1917–1922 гг.: очерки истории и историографии. М.; СПб., 2018. С. 544–585 и др.

Налицо прогресс в изучении истории Русской православной церкви и ее взаимоотношений с советским государством в годы войны¹. Вместе с тем, следует продолжить исследования для воссоздания обобщающей картины церковно-религиозных процессов и поведения представителей различных религиозных конфессий в условиях военного времени и их взаимоотношений с государственными органами по обе стороны фронта.

Национальный вопрос и межнациональные отношения, история различных национальностей, этносов и групп населения в Гражданской войне, их выбор и поведение – эта большая и сложная группа проблем активно разрабатывается историками и находит освещение в монографических работах последних десятилетий².

В то же время с точки зрения значимости проблемы монографические исследования и документальные издания о национальной политике большевиков и их противников, а также межнациональных отношениях в годы войны немногочисленны, что затрудняет создание обобщающей картины национально-государственного строительства в Советской России в данный период³.

---

¹ *Нечаев М.Г.* Церковь на Урале в период великих потрясений: 1917–1922. Пермь, 2004; *Каишеваров А.Н.* Православная Российская церковь и советское государство (1917–1922). М., 2005; *Павлов Д.Б.* Отечественная и зарубежная историография государственно-церковных отношений 1917–1922 гг. М., 2011; *Рогозный П.Г.* Православная церковь и Русская революция. Очерки истории. 1917–1920. М., 2018; *Леонтьева Т.Г.* Власть, православная церковь, общество в годы Гражданской войны // Россия в годы Гражданской войны, 1917–1922 гг.: очерки истории и историографии. М.; СПб., 2018. С. 183–211.

² *Аманжолова Д.А.* Казахский автономизм в России. История движения Алаш. М., 1994; *Исхаков С.М.* Мусульмане и революция (весна 1917 – лето 1918 г.). М., 2004; *Наумов Н.И.* Еврейская диаспора Сибири в условиях смены политических режимов (март 1917 – февраль 1920 гг.). Красноярск, 2003; *Будницкий О.В.* Российские евреи между красными и белыми (1917–1920). М., 2008; *Нам И.М.* Национальные меньшинства Сибири и Дальнего Востока на историческом переломе (1917–1922). Томск, 2009; *Сушко А.В.* Процессы суверенизации народов Сибири в годы Гражданской войны. Омск, 2009; *Федоров В.И.* Якутия в эпоху войн и революций (1900–1919). В 2-х кн. 2-е изд. Новосибирск, 2013 и др.

³ *Чеботарева В.Г.* Наркомнац РСФСР: свет и тени национальной политики. 1917–1924 гг. М., 2003; ЦК РКП(б) – ВКП(б) и национальный вопрос. Кн. 1: 1918–1923. М., 2003; *Исхаков С.М.* Российские мусульмане и революция (весна 1917 г. – лето 1918 г.). 2-е изд., испр. и доп. М., 2004;

Отсутствуют исследования, посвященные широкому спектру национальных и межнациональных отношений этой эпохи, сравнительному анализу национальных политик противоборствующих сторон, основанные на разнообразной и достоверной источниковой базе.

Ломка старой социально-классовой структуры общества в условиях революции и Гражданской войны обнажила проблему, которая не была объектом изучения в советской исторической науке, но начала исследоваться в последние годы, – это судьбы представителей ранее привилегированных групп населения и имущих слоев¹.

В русле «новой социальной истории» и «антропологического поворота» в исторической науке резко возрос интерес к изучению «человеческого измерения» Гражданской войны. Это призвано глубже понять мотивацию, поведение и действия разных групп людей – воевавших, стремившихся остаться в стороне от войны, выживавших в чрезвычайных условиях, или напротив, стремившихся использовать новую ситуацию и возможности для самореализации и развития. Эта тематика переплетается с историей повседневности и позволяет глубже изучить российский социум в

Красовицкая Т.Ю. Национальные элиты как социокультурный феномен советской государственности (октябрь 1917–1923 гг.): документы и материалы. М., 2007; *Гросул В.А.* Образование СССР (1917–1924 гг.). М., 2007; Погромы на Украине, в Белоруссии и европейской части России в период Гражданской войны. 1918–1922 гг.: Сборник документов. М., 2007; *Булдаков В.П.* Хаос и этнос. Этнические конфликты в России, 1917–1918 гг. Условия возникновения, хроника, комментарий, анализ. М., 2010; *Жуков Ю.Н.* Первое поражение Сталина, 1917–1922 гг.: от Российской империи к СССР. М., 2011; Гражданская война в России и мусульмане. Сборник документов и материалов. М., 2014; История Новороссии / отв. ред. В.Н. Захаров. М., 2017 и др.

¹ *Смирнова Т.М.* «Бывшие люди» Советской России: стратегия выживания и пути интеграции, 1917–1936 годы. М., 2003; *Валуев Д.В.* Лишenci в системе социальных отношений (1918–1936 гг.) (на материалах Смоленской губернии и Западной области). Смоленск, 2012; *Смирнова Т.М.* «Бывшие люди» Советской России: в 1917–1922 гг.: проблемы историографии, источников и методов исследования // Россия в годы Гражданской войны, 1917–1922 гг.: очерки истории и историографии. М.; СПб., 2018. С. 263–291.

эпоху Гражданской войны как на индивидуальном уровне, так и на уровне малых и больших социальных групп¹.

В постсоветский период историки активно изучали и изучают антибольшевистское движение в многообразии и эволюции его составных частей, в т.ч. Белое дело. Это вполне объяснимо, ибо, с одной стороны, данный комплекс проблем лишь фрагментарно освещался в советское время. С другой стороны, без познания его истории невозможно понять Гражданскую войну в России в целом. Изучение этой тематики вылилось в появление множества работ книжного формата, выполненных как на общероссийских, так и на региональных материалах, хотя и разного научного уровня². Сложилась обширная библиография изучения так называемого «третьего пути» в Гражданской войне в России³.

Некоторые издания претендуют на обобщающий характер в осмыслении, например, Белого дела⁴. Наиболее активно изучаются его военные и политические, а в меньшей степени социально-эко-

---

¹ *Нарский И.В.* Жизнь в катастрофе: Будни населения Урала в 1917–1922 гг. М., 2001; *Скипина И.В.* Человек в условиях гражданской войны на Урале: историография проблемы. Тюмень, 2003; *Косоулин В.Г.* Томск в годы революции и гражданской войны (февраль 1917 – декабрь 1919 г.). Новосибирск, 2012; *Морозова О.М.* Антропология гражданской войны. Ростов н/Д, 2012; *Яров С. и др.* Петроград на переломе эпох. Город и его жители в годы революции и Гражданской войны. М., 2013; *Яров С.В.* Человек перед лицом власти. 1917–1920-е гг. М., 2014 и др.

² См. напр.: *Васильченко А.В.* Ярославский мятеж. М., 2018; *Соловьев Е.А.* Расстрелянный Ярославль. Ярославль. 2018 и др.

³ *Суслов А.Ю.* Социалисты-революционеры в Советской России: источники и историография. Казань, 2007; *Лапандин В.А.* Эсеровские политико-государственные образования в России в годы гражданской войны: историко-библиографическое исследование отечественной литературы 1918–2002 гг. Самара, 2006; *Лапандин В.А.* Эсеровские политико-государственные образования в России в годы гражданской войны: историко-библиографическое исследование отечественной литературы 1991–2009 гг. Самара, 2010; *Юрьев А.И.* Эсеры на историческом переломе (1917–1918). М., 2011.

⁴ *Зимина В.Д.* Белое дело взбунтовавшейся России: Политические режимы Гражданской войны 1917–1920 гг. М., 2006; *Цветков В.Ж.* Белое дело в России. 1917–1919. М., 2019; *Цветков В.Ж.* Белое дело в России. 1920–1922. М., 2019.

номические проблемы¹, национальная политика², внешнеэкономические связи и внешняя политика, где монографические исследования редки и чаще всего ограничиваются отдельными регионами или деятельностью отдельных белых вождей³. Активно исследуется история спецслужб Белого движения, что воплотилось в серию монографий⁴.

Появление в начале этого века ряда монографий по историографии антибольшевистского движения и Белого дела способствовало лучшему пониманию проблем и трудностей познания этой проблематики⁵. Но, учитывая вышедшую позднее обширную литературу, необходимы новые подобные исследования, а пока публикуются только статьи⁶.

---

¹ *Гордеев О.В.* Аграрная политика временных государственных образований Сибири в период гражданской войны (1918–1920 гг.). Красноярск, 2005; *Рышков В.М.* Финансовая политика антибольшевистских правительств востока России (вторая половина 1918 – начало 1920-х гг.). Новосибирск, 2006; *Рышков В.М.* Социальная политика антибольшевистских режимов на востоке России (вторая половина 1918–1919 гг.). Новосибирск, 2008; *Ломкин А.В.* Экономическая политика Белого движения на юге России и в Сибири. М., 2008; *Шацлло М.К.* Российская буржуазия в период гражданской войны и первые годы эмиграции, 1917 – начало 1920-х годов. М., 2008; *Карпенко С.В.* Белые генералы и красная смута. М., 2009.

² *Пученков А.С.* Национальная политика генерала Деникина (весна 1918 – весна 1920 г.). СПб., 2002.

³ *Шмелев А.В.* Внешняя политика правительства адмирала Колчака (1918–1919 гг.). СПб., 2017 и др.

⁴ *Кирмель Н.С.* Деятельность контрразведывательных органов белогвардейских правительств и армий в годы Гражданской войны в России (1918–1922 гг.). М., 2007; *Кирмель Н.С.* Спецслужбы Белого движения. 1918–1922. Разведка. М., 2013; *Кирмель Н.С.* Спецслужбы Белого движения. 1918–1922. Контрразведка. М., 2013; *Кирмель Н.С.* *Хандорин В.Г.* Караяющий меч адмирала Колчака. М., 2015 и др.

⁵ *Бордюгов Г.А., Ушаков А.И., Чураков В.Ю.* Белое дело: идеология, основы, режимы власти. Историографические очерки. М., 1998; *Рыбников В.В., Казаков В.Г., Ипполитов Г.М.* «Белое дело» в литературе и источниках. М., 2001; *Ушаков А.И.* Современная российская историография антибольшевистского движения в годы Гражданской войны в России. М., 2004; *Гришанин В.Д., Зиминова В.Д.* «Падения» и «взлёты» Белого движения в отечественной историографии. Пятигорск, 2008 и др.

⁶ *Цветков В.Ж.* Основные тенденции и перспективы изучения Белого движения // Россия в годы Гражданской войны. 1917–1922: очерки истории и историографии. М., 2018. С. 239–260 и др.

Идеализировать это направление изучения Гражданской войны не приходится, ибо наряду с появлением содержательных исследований появилось и немало поверхностных работ, выполненных в духе политической конъюнктуры, обеляющих и героизирующих антибольшевистское и Белое движение.

В постсоветский период оказалась в известной степени утрачена традиция изучения истории иностранной интервенции. На протяжении первых двух постсоветских десятилетий появлялись лишь монографические исследования, посвященные военной интервенции на Севере и Северо-Западе России, а также взаимоотношениям интервентов и белогвардейцев¹. Правда, в 1990-е гг. был опубликован ряд документальных изданий об интервенции на Дальнем Востоке и Севере России². В 2011 г. вышло в свет двухтомное исследование об истории иностранных вторжений в Россию в 1918–1922 гг.³ В связи со столетием интервенции появился ряд интересных изданий книжного формата⁴, была проведена крупная международная конференция в Архангельске, участники которой подвели итоги изучения данной проблемы в отечественной и зарубежной историографии, наметили пути ее дальнейшего исследования⁵.

---

¹ *Голдин В.И.* Интервенция и антибольшевистское движение на Русском Севере. 1918–1920. М., 1993; Интервенция на Северо-Западе России 1917–1920 гг. СПб., 1995; *Зими́на В.Д., Гражданов Ю.Д.* Союз орлов: Белое дело России и германская интервенция в 1917–1920 гг. Волгоград, 1997 и др.

² Подготовка к интервенции на Дальнем Востоке. Владивосток, 1997; Колчак и интервенция на Дальнем Востоке. Владивосток, 1995; Подготовка к интервенции на Дальнем Востоке. Владивосток, 1997; Зброшенне в небытие. Интервенция на Севере России (1918–1919) глазами ее участников. Архангельск, 1997.

³ Соловьёв О.Ф. Иностранные вторжения в Россию. В 2-х томах. Т. 1: 1918–1920. Т. 2: 1920–1922. М., 2011.

⁴ *Галин В.В.* Интервенция: как Запад хотел поделить и ограбить Россию. М., 2018; *Сергеев Е.Ю.* Большевики и англичане. Советско-британские отношения, 1918–1924 гг.: от интервенции к признанию. СПб., 2019; *Ланник Л.В.* После Российской империи: германская оккупация 1918 г. СПб., 2020.

⁵ Международная интервенция и Гражданская война в России и на Русском Севере: ключевые проблемы, историческая память и уроки истории: сб. материалов международной научной конференции / сост. В.И. Голдин, Г.С. Рогозин. М., 2020.

В постсоветский период существенно ослабло изучение советского лагеря. Он является нередко не столько предметом объективного изучения, сколько критики или даже обличения.

Практически исчезли серьезные исследования, посвященные партии большевиков и ее трансформации в годы Гражданской войны¹. После распада СССР авторы ряда опубликованных монографий попытались раскрыть характер и причины трансформации советской государственности в военный период от марксистского идеала «государства-коммуны» к бюрократической диктатуре, ослабления роли Советов и движения к диктатуре большевистской партии, формированию партии-государства². В дальнейшем изучение эволюции советской государственности в годы Гражданской войны, даже с учетом некоторых появляющихся работ книжного формата, оказалось во многом на периферии исследовательских интересов историков³. Современные обобщающие фундаментальные работы по этим проблемам отсутствуют.

Хотя в отечественной историографии существует давняя традиция изучения экономики России и экономической политики противоборствующих сторон в годы Гражданской войны, в современных исследованиях, посвященных этой войне, данная тематика заметно уступает другим сюжетам с точки зрения количества опубликованных работ, особенно в последнее десятилетие, причем как российскими, так и зарубежными исследователями. Примером тому является представительная научная конференция, посвященная 100-летию Гражданской войны в России, состоявшаяся в Институте российской истории РАН 1–3 октября 2018 г. Из 80-ти докладов участников конференции лишь 8 были на тему эконо-

---

¹ К числу исключений относится монография С.А. Павлюченкова «Орден меченосцев». Партия и власть после революции. 1917–1928». М., 2008.

² Гимпельсон Е.Г. Формирование советской политической системы. 1917–1923. М., 1995; Шишкин В.А. Власть. Политика. Экономика. После-революционная Россия (1917–1928 гг.). СПб., 1997; Леонов С.В. Рождение советской империи: государство и идеология в 1917– 1922 гг. М., 1997 и др.

³ Тропов И.А. Эволюция местных органов государственной власти в России (1917 – 1920-е гг.). СПб., 2011; Войтиков С.С. Узда для Троцкого. Красные вожди в годы Гражданской войны. М., 2016; Леонов С.В. Историография создания советской государственности (1917–1922 гг.) // Россия в годы Гражданской войны, 1917–1922: очерки истории и историографии. С. 23–58.

мики России в 1917–1922 гг.¹ В настоящее время лишь немногие исследователи целенаправленно занимаются изучением экономики России в годы Гражданской войны (М.В. Ходяков, А.С. Сенин, Р.А. Хозиев, В.М. Рынков, А.Ю. Давыдов, С.В. Веселов, Л.В. Борисова и др.)².

Причем подобная ситуация выглядит парадоксальной на фоне исследовательской активности в данном направлении в 1990-е гг. и в начале 2000-х гг., когда и в России, и за ее пределами были опубликованы десятки монографий и статей, посвященных экономическим сюжетам рассматриваемой проблемы. Но констатируя данный факт, следует указать на особенность вышеупомянутых публикаций. Подавляющая их масса содержала резко негативную оценку экономической политики большевиков в годы Гражданской войны. Авторы акцентировали внимание на роль марксистской идеологии в выработке и осуществлении советской властью этой политики, указывали на главную ответственность большевиков за все проблемы российской экономики в данный период³.

Квинтэссенцией подобного подхода стало сравнение рядом авторов политики «военного коммунизма» советской власти с «экономической чумой»⁴. Фактически в указанный период налицо был

---

¹ Россия в годы Гражданской войны, 1917–1922: власть и общество по обе стороны фронта / отв. ред. Ю.А. Петров. М., 2018. С. 53–100.

² *Ходяков М.В.* Децентрализм в промышленной политике регионов России: 1917–1920. СПб, 2001; Советское военно-промышленное производство (1918–1926 гг.). Сб. док. Т. 2. М., 2005; *Борисова Л.В.* Трудовые отношения в Советской России (1918–1924 гг.). М., 2006; *Рынков В.М.* Финансовая политика антибольшевистских правительств востока России (вторая пол. 1918 – нач. 1920 г.). Новосибирск, 2006; *Хазиев Р.А.* Централизованное управление экономикой на Урале в 1917–1921 годах: хаос, контроль и стихия рынка. М., 2007; *Сенин А.С.* Железнодорожный транспорт России в эпоху войн и революций (1914–1922 гг.). М., 2009; *Мау В.А.* Реформы и догмы. Государство и экономика в эпоху реформ и революций (1861–1929). М., 2013; *Сенин А.С.* Железнодорожная администрация Советской России в годы Гражданской войны. М., 2015; *Ходяков М.В.* Деньги революции и Гражданской войны: 1917–1920. 2-е изд., испр. и доп. СПб., 2019.

³ См. напр.: *Булдаков В.П., Кабанов В.В.* «Военный коммунизм»: идеология и общественное развитие // Вопросы истории. 1990. № 3. С. 40–58.

⁴ *Присяжный Н.С.* Экономическая чума: Военный коммунизм в России (Историко-экономический анализ. 1918–1921 гг.). Ростов н/Д, 1994.

факт смены «ориентиров» большинства отечественных исследователей экономики России с однозначно положительной оценки экономической политики большевиков в годы Гражданской войны на отрицательную. Самым ярким примером этого является автор остающейся на данный момент лучшей монографии о крестьянском хозяйстве в период Гражданской войны В.В. Кабанов¹. В указанной монографии он писал об объективных причинах данной политики большевиков, но затем отказался от этой позиции. В дальнейшем в соавторстве с В.П. Булгаковым В.В. Кабанов опубликовал статью, в которой заявил о важнейшем и определяющем значении большевистской идеологии и доктринерских взглядах большевиков на экономику России и политику «военного коммунизма»². В этом же ключе в последние десятилетия были написаны и другие исследования, в том числе получившие широкое признание научной общественности³.

Проведенный анализ отечественной историографии истории экономики и экономической политики противоборствующих сторон в годы Гражданской войны позволяет, на наш взгляд, заключить, что несомненную научную ценность до настоящего времени сохраняют как труды советских историков на указанную тему (И.Б. Берзина, Е.Г. Гимпельсона, В.П. Дмитренко, В.В. Кабанова и др.), так и их современных последователей, если они созданы на достоверной источниковой базе и характеризуют при этом фактическую сторону какого-то конкретного сюжета экономической жизни страны, особенно на примере конкретных регионов. В то же время необходима дальнейшая дискуссия на тему общих оценок экономической политики советской власти и их противников, причин этой политики, ее механизма и последствий.

Изучение экономики России в период Гражданской войны, по-прежнему, остается актуальным направлением в российской историографии⁴. По нашему мнению, на данный момент актуальными

---

¹ *Кабанов В.В.* Крестьянское хозяйство в условиях «военного коммунизма». М., 1988.

² *Булдаков В.П., Кабанов В.В.* «Военный коммунизм»: идеология и общественное развитие // *Вопросы истории.* 1990. № 3. С. 40–58.

³ См. напр.: *Павлюченков С.А.* Военный коммунизм в России: власть и массы. М., 1997.

⁴ *Кондрашин В.В.* Экономическая политика Советской власти в годы Гражданской войны // *Международная интервенция и Гражданская*

для изучения остаются такие аспекты рассматриваемой проблемы, как: соотношение идеологии и практики в политике «военного коммунизма» советской власти, влияние на ее выработку опыта зарубежных стран и предшествующей политики царского самодержавия и Временного правительства, определение основных этапов утверждения этой политики в годы Гражданской войны. Нуждаются в дальнейшем анализе причины жесткой антикрестьянской политики большевиков в рассматриваемый период, возникшие на ее почве крестьянские восстания и кризис аграрной экономики страны в целом, запоздалую реакцию на них большевистского руководства. В частности, следует объяснить нежелание В.И. Ленина и большинства его соратников отменить продразверстку в 1920 г., несмотря на предложение Л.Д. Троцкого¹. В контексте общего анализа всей экономической политики советской власти в годы Гражданской войны сохраняет актуальность вопрос о ее оценке в целом, с точки зрения достижения главной цели этой политики, а также развития экономики страны. Самостоятельной и очень важной темой в рамках обозначенной проблемы является изучение истории экономики и экономической политики на подконтрольных белым правительствам территориях России, особенно в контексте сравнения с экономической политикой советской власти. Парадокс современной историографии состоит в том, что до настоящего времени имеются лишь отдельные исследования на эту тему², но отсутствует обобщающий труд о состоянии экономики и особенностях экономической политики антибольшевистских правительств на занятых белыми территориях страны.

война в России и на Русском Севере: ключевые проблемы, историческая память и уроки истории: сб. материалы международной научной конференции. М., 2020. С. 112–124; *Кондрашин В.В.* К вопросу об итогах и перспективах изучения экономики России в годы Гражданской войны в отечественной и зарубежной историографии // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2020. Т. 26. № 2. С. 49–54.

¹ *Кондрашин В.В.* Крестьянство России в Гражданской войне: к вопросу об истоках сталинизма. М., 2009. С. 167.

² См. напр.: *Рышков В.М.* Финансовая политика антибольшевистских правительств востока России (вторая пол. 1918 – нач. 1920 г.). Новосибирск, 2006.

В современной литературе находят освещение проблемы социальной политики советской власти и ее противников в годы Гражданской войны¹.

Более двадцати лет назад была издана последняя в России крупная и обобщающая монография, посвященная Красной армии в Гражданской войне². Издания, выходящие в дальнейшем, освещали лишь отдельные стороны и проблемы Красной армии в условиях войны, хотя нередко интересные и раскрывавшие, например, проблемы взаимоотношений и дискуссий в советском руководстве о военном строительстве, отношении к военным специалистам, их измены и переход на сторону противника и др.³ Сегодня назрела потребность создания обобщающего исследования о Красной армии, основываясь на всей совокупности источников и достижениях исторической литературы.

В постсоветский период активно разрабатывалась и продолжает изучаться сегодня история советских секретных служб, в первую очередь ВЧК и чрезвычайных комиссий, что воплотилось в серию монографий и иных изданий, различающихся по характе-

---

¹ *Ильюхов А.А.* Политика Советской власти в сфере труда (1917–1922 гг.). Смоленск, 1998; *Ильюхов А.А.* Жизнь в эпоху перемен: материальное положение городских жителей в годы революции и гражданской войны. М., 2007; *Меерович М.Г.* Наказание жильем: Жилищная политика в СССР как средство управления людьми (1917–1937 годы). М., 2008; *Рынков В.М.* Социальная политика антибольшевистских режимов на востоке России (вторая половина 1918–1919 г.). Новосибирск, 2008; *Ильюхов А.А.* Как платили большевики. Политика Советской власти в сфере оплаты труда в 1917–1941. М., 2010 и др.

² *Молодцыгин М.А.* Красная Армия. Рождение и становление. 1917–1920 гг. М., 1997.

³ *Войтиков С.С.* Троцкий и заговор в Красной Ставке. М., 2009; *Войтиков С.С.* Высшие кадры Красной армии, 1917–1921 гг. М., 2010; *Войтиков С.С.* Армия и власть: Корнилов, Вацетис, Тухачевский, 1905–1937. М., 2016; *Ганин А.В.* Повседневная жизнь генштабистов при Ленине и Троцком. 2-е изд., испр. М., 2017; *Ганин А.В.* Семь «почему» российской Гражданской войны. М., 2018; *Ганин А.В.* Измена командармов. Представители высшего командного состава Красной армии, перешедшие на сторону противника в годы Гражданской войны в России 1917–1922 гг. М., 2020.

ру и выводам¹. На острие дискуссий находится тема «красного» и «белого» террора².

В самостоятельное направление исследований превратилось изучение темы революционного насилия, взгляд на процессы послеоктябрьского развития в России сквозь призму столкновения модернизаторства и традиционализма (архаики), с сосредоточением внимания на познании логики развития хаоса, массовой психопатологии и осмыслении характера «красной смуты»³. Хотя справедливо подмечено, что у российской смуты было много цветов и оттенков.

В исторической отечественной литературе произошло существенное переосмысление международной политики Советской России в годы Гражданской войны в целом⁴ и отдельных ее про-

---

¹ *Мозохин О.Б.* ВЧК–ОГПУ. Карающий меч диктатуры пролетариата. М., 2004; *Зданович А.А.* Отечественная контрразведка (1914–1920): Организационное строительство. М., 2004; *Линдер И.Б., Чуркин С.А.* Красная паутина: Тайны разведки Коминтерна, 1918–1943. М., 2005; *Скоркин К.В.* На страже завоеваний революции. История НКВД – ВЧК – ОГПУ РСФСР. 1917–1923. М., 2011; *Кирмель Н.С., Шинин О.В.* Красные против белых. Спецслужбы в Гражданской войне 1917–1922. М., 2016; *Войтиков С.С.* Советские спецслужбы и Красная армия. М., 2017; ВЧК (1917–1922 гг.): к столетию создания. М., 2017; *Тепляков А.Г.* Деятельность органов ВЧК–ОГПУ–НКВД: историографические и источниковедческие аспекты. Новосибирск, 2018; *Леонов С.В.* Историография ВЧК // Россия в годы Гражданской войны. 1917–1922: очерки истории и историографии. М., 2018. С. 59–88 и др.

² *Литвин А.Л.* Красный и белый террор в России. 1918–1922 гг. М., 2004; *Голуб П.А.* Белый террор в России (1918–1920 гг.). М., 2006; *Ратьковский И.С.* Красный террор и деятельность ВЧК в 1918 году. СПб., 2006; *Ратьковский И.С.* Хроника белого террора в России: репрессии и самосуды (1917–1920 гг.). М., 2017; *Литвин А.Л.* Российская историография государственного террора в стране 1917–1953. Изд. 3-е, доп. и уточн. М., 2019 и др.

³ *Булдаков В.П.* Красная смута. Природа и последствия революционного насилия. 2-е изд., доп. М., 2010; *Булдаков В.П.* Хаос и этнос. Этнические конфликты в России, 1917–1918 гг. Условия возникновения, хроника, комментарий, анализ. М., 2010.

⁴ *Шишкин В.А.* Становление внешней политики послереволюционной России (1917–1930 годы) и капиталистический мир. СПб., 2002; *Нежинский Л.Н.* В интересах народа или вопреки им? Советская международная политика в 1917–1933 годах. М., 2004; Война, революция, мир. Россия в международных отношениях, 1915–1925. М., 2019.

блем. Это относится прежде всего к такой сложной и дискуссионной теме, как выход России из войны, что воплотилось в монографии, посвященные не только российскому, но и украинскому Брестскому миру, противоречивым перипетиям и итогам переговорного процесса со странами Четверного союза¹. Появились монографические исследования, раскрывающие отношения большевиков и Советской России с великими державами².

Следует отметить ряд вышедших в свет монографий и документальное издание, посвященные сложным и противоречивым отношениям России и Финляндии в 1917–1920 г.: получение Финляндией независимости, Гражданская война в этой стране, замыслы создания «Великой Финляндии от моря до моря», карельский вопрос, рейды белофиннов на советскую территорию, угроза большой войны и, наконец, мирное урегулирование отношений двух стран и разрешение вопроса о границе³. Румынская интервенция в Бессарабию в начале 1918 г. и территориальный спор Советской России/СССР с Румынией из-за Бессарабии, затянувшийся на два с лишним десятилетия, стал предметом исследования в монографии М.И. Мельтюхова⁴.

Одной из самых драматических и дискуссионных тем на протяжении минувшего столетия были и остаются взаимоотношения и военное противостояние между Польшей и Россией в 1918–1920 гг. Уже восстание Польского корпуса в Советской России в начале

---

¹ *Михутина И.В.* Украинский Брестский мир. Путь выхода России из Первой мировой войны и анатомия конфликта между Совнаркомом РСФСР и правительством Украинской центральной рады. М., 2007; *Полторак С.Н.* Брест-Литовск. 100 лет истории переговоров о мире. СПб., 2018.

² *Быстрова Н.Е.* «Русский вопрос» в 1917 – начале 1920 г.: Советская Россия и великие державы. М., 2016; *Сергеев Е.Ю.* Большевики и англичане. Советско-британские отношения, 1918–1924 гг.: от интервенции к признанию. СПб., 2019.

³ *Уткин Н.И.* Россия – Финляндия: «карельский вопрос». М., 2003; *Килин Ю.М.* Карельский вопрос во взаимоотношениях Советского государства и Финляндии в 1918–1922 гг. Петрозаводск, 2012; *Рупасов А.И., Чистиков А.Н.* Советско-финляндская граница. 1918–1938 гг. Очерки истории. СПб., 2016; *Россия и Финляндия: от противостояния к миру. 1917–1920.* М., 2017.

⁴ *Мельтюхов М.И.* Бессарабский вопрос между мировыми войнами 1917–1940. М., 2010.

1918 г. и последующее участие польских формирований в Гражданской войне в России на стороне антибольшевистских сил было предзнаменованием будущих коллизий противостояния Польши, получившей независимость в 1918 г., и Советской России. Великодержавные амбиции польского руководства, мечтавшего о новой Речи Посполитой, великой Польше от Балтийского до Черного моря, воплотились в вооруженное противоборство, войны Польши с Украиной, Белоруссией, Литвой в 1919–1920 гг. и, наконец, наиболее острой фазой этой борьбы стала ее война с Советской Россией. Если в советской историографии в отношении нее доминировал термин «советско-польская война», то в постсоветской литературе в России, наряду с его использованием, появилось и понятие «польско-советская война»¹. Историки, таким образом, подчеркивают инициативу и ответственность Польши за развязывание этой войны, охватившей период 1919–1920 гг.

В ней сложным образом переплелись польский великодержавный национализм и амбиции, стремление к преумножению своих территорий за счет соседей, подталкивание Польши к этой войне с Советской Россией странами Антанты, объединение советским руководством широких патриотических сил в стране вокруг лозунга спасения Отечества от иностранного нашествия и, наконец, его надежды на реализацию в ходе контрнаступления идей «мировой революции». Все это обусловило выход большой интерес российских исследователей к этой теме, включая и проблему массовой гибели красноармейцев в польском плену и ответственности за это польского руководства, что воплотилось в широкий круг монографических исследований².

---

¹ Польско-советская война 1919–1920 (ранее не опубликованные документы и материалы). В 2-х частях. М., 1994; *Михутина И.В.* Польско-советская война 1919–1920 гг. М., 1994; *Райский Н.С.* Польско-советская война 1919–1920 годов и судьба военнопленных, интернированных, заложников и беженцев. М., 1999.

² *Савченко В.Н.* Восточнославянско-польское пограничье (1918–1921 гг.). (Этносоциальная ситуация и государственно-политическое размежевание). М., 1995; *Мельтюхов М.И.* Советско-польские войны: Военно-политическое противостояние 1918–1939. М., 2001; *Зуев М.Н., Ионов В.В., Симонова Т.М.* Россия и Польша. 1918–1920 гг. Советско-польское вооруженное противостояние 1918–1919 и советско-польская война 1920 г. М., 2006; *Исаев А.П.* Уроки советско-польской войны 1920 года. СПб., 1999; *Яжборовская И.С., Парсаданова В.С.* Россия и Польша.

Эта проблематика и сегодня остается предметом острых дискуссий, когда в польской литературе предпочитают трактовать происходившее как «польско-большевистскую войну». История польско-российского противоборства в 1918–1920 гг. часто переплетается в дискуссиях с темой Второй мировой войны, «синдромом войны» и «образом врага» в истории отношений двух стран от прошлого до современности.

Ряд монографий и документальных изданий российских авторов посвящен такому малоизученному ранее направлению советской международной политики, как оказание помощи революционным движениям за рубежом, деятельность советского руководства и Коминтерна по превращению Гражданской войны в России в международную гражданскую войну¹. Столетие создания Коммунистического Интернационала, задуманного как «всемирная партия пролетариата», вызвало всплеск интереса к его деятельности и прежде всего в период Гражданской войны в России².

Последние десятилетия и годы характеризовались серьезной научной работой, проделанной по изучению истории Гражданской войны в регионах, где появилось немало глубоких содержательных исследований, хотя центр тяжести в сравнении с предшествующей эпохой сместился с исследования советского лагеря на изучение антибольшевистского движения. Регионы России в Гражданской войне стали предметом обсуждения на ряде между-

---

Синдром войны 1920 г. М., 2005; *Матвеев Г. Ф., Матвеева В.С.* Польский плен. Военнослужащие Красной армии в плену у поляков в 1919–1921 годах. М., 2011; *Трошина Т.И.* «Интернированная Красная армия» в Германии в 1920–1921 годах. Об одном полузабытом эпизоде Гражданской войны. Архангельск, 2016 и др.

¹ Коминтерн и идея мировой революции. Документы. М., 1998; *Персиц М.А.* Застенчивая интервенция. О советском вторжении в Иран. 1920–1921 гг. Издание второе, расширенное и исправленное. М., 1998; Коминтерн и идея мировой революции. М., 1998; *Генис В.Л.* Красная Персия: большевики в Гиляне, 1920–1921. М., 2000; Политбюро ЦК РКП(б) – ВКП(б) и Коминтерн: 1919–1943. Документы. М., 2004; Персидский фронт мировой революции. Документы о советском вторжении в Гилян (1920–1921). Второе издание, исправленное. М., 2017 и др.

² *Ватлин А.Ю.* Второй конгресс Коминтерна: точка отсчета истории мирового коммунизма. М., 2018.

народных и всероссийских научных конференций, посвященных 100-летию Гражданской войны, с публикацией сборников их материалов¹.

Касаясь итогов и перспектив изучения Гражданской войны в регионах России, заметим, что важным представляется создание обобщающей комплексной истории противоборства на Востоке России и Восточном фронте с 1918 по 1922 г., ибо к настоящему времени оно исследуется главным образом в отдельных макрорегионах: Поволжье, Урал, Сибирь, Дальний Восток. То же самое относится и к Южному фронту и Югу России.

Таким образом, отечественной историографией проделан большой путь в изучении истории Гражданской войны в стране, создан серьезный научный фундамент для ее глубокого понимания. Немало интересного в переосмыслении ее истории сделано в постсоветский период. Вместе с тем, идеализировать сделанное не приходится, ибо идейная инверсия, смена полюсов в оценках без должного обоснования и серьезной доказательной базы, но руководствуясь политической конъюнктурой, характерна для многих проблем изучения Гражданской войны в России в постсоветскую эпоху.

Столетие этой войны активизировало исследовательский поиск и дискуссии, способствовало публикации обобщающих монографий, сборников статей и материалов всероссийских научных конференций, «круглых столов», обсуждений с участием ведущих российских специалистов по этой теме². Отметим издание альма-

---

¹ Гражданская война в регионах России: социально-экономические, военно-политические и гуманитарные аспекты. Ижевск, 2018; Гражданская война и российская провинция: современное восприятие, подходы и оценки. Уфа, 2018; Гражданская война на востоке России (ноябрь 1917 – декабрь 1922 г.). Новосибирск, 2019; Международная интервенция и Гражданская война в России и на Русском Севере: ключевые проблемы, историческая память и уроки истории. М., 2020.

² Ганин А.В. Семь «почему» российской Гражданской войны. М., 2018; Гражданская война в российской истории: взгляд через столетие. М., 2018; Гагжуев Р.Г., Ганин А.В., Голдин В.И., Кондрашин В.В., Михайлов В.В., Пученков А.С. Гражданская война в России спустя столетие // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия «Гуманитарные и социальные науки». 2020. № 4. С. 5–37; В журнале «Российская история» (2019. № 1, С. 3–71) под рубрикой «Мнение историка» опубликован ряд статей по ключевым проблемам истории Гражданской войны в России и ее протекания на окраинах страны.

нахов созданной в 2012 г. Ассоциации исследователей Гражданской войны в России, на страницах которых обсуждаются актуальные проблемы ее теории и истории¹. В этом же ряду сборник очерков по истории и историографии Гражданской войны, подготовленный Институтом российской истории РАН при поддержке РФИИ в 2018 г.² Крупным обобщающим трудом российских исследователей на тему Гражданской войны является трехтомная энциклопедия «Россия в Гражданской войне. 1918–1922». В ее подготовке участвуют ведущие специалисты страны по данной теме³.

Распад СССР оказал сильное воздействие на зарубежные исследования о Великой российской революции и Гражданской войне. Это вызвало активную полемику, серию дискуссий и публикаций, в т.ч. статей иностранных историков в российских изданиях, с целью поиска новых подходов к их осмыслению⁴. Британский историк К. Рид назвал происходящую переоценку ценностей «постревизионизмом»⁵.

В процессе новой «ревизии» взглядов на революцию 1917 г. и Гражданскую войну первоначально произошел известный ренессанс «тоталитарной» школы. Яркой демонстрацией такого подхода стало издание двухтомника профессора Р. Пайпса⁶. Развивая свои прежние взгляды, он оценивал происходившее в России в 1917 г. не как социальную революцию, а как политический коллапс. Лейтмотивом издания стало предъявление Пайпсом не только политиче-

---

¹ Альманах Ассоциации исследователей Гражданской войны в России. Вып.1–3. Архангельск, 2014–2017.

² Россия в годы Гражданской войны, 1917–1922 гг.: очерки истории и историографии. М.; СПб., 2018

³ Россия в Гражданской войне. 1918–1922. Энциклопедия. В 3 т. Т. 1. М., 2020.

⁴ *Smith S.* Writing the History of the Russian Revolution after the Fall of Communism // *Europe-Asia Studies*. Vol. 46. № 4. 1994. P. 563–578; *Фитцпатрик Ш.* Гражданская война в советской истории: западная историография и интерпретации // *Гражданская война в России: перекресток мнений*. М., 1994; *Кенез П.* Западная историография гражданской войны в России // *Россия XIX–XX вв. Взгляд западных историков*. М., 1996 и др.

⁵ *Рид К.* Британская историография русской революции // *Великая Российская революция 1917 года: проблемы истории и преподавание истории*. М., 2017. С. 20.

⁶ *Pipes R.* *The Russian Revolution, 1899–1919*. New York, 1990; *Pipes R.* *Russia under the Bolshevik Regime, 1919–1924*. New York, 1994.

ского, но и морального счета большевикам, которые не гнушались, по его мнению, ничем в борьбе с противниками. Он утверждал, что аморальность идей и политики большевиков заслуживает всяческого осуждения, и делал вывод о близости власти большевиков и фашистских режимов в Италии и Германии с самого начала.

Взгляды Пайпса на Российскую революцию 1917 г. «пришлись ко двору» в «новой» России, где его книги переводились и неоднократно переиздавались. Вместе с тем, у него появилось и немало критиков в России и за рубежом. Например, американский профессор П. Кенез, характеризуя Пайпса как эрудированного ученого, в то же время назвал его общее видение подходом «исключительно консерватора». Ненависть к революции и революционерам, утверждал Кенез, не позволила Пайпсу претендовать на объективное толкование истории Российской революции и Гражданской войны и дать «убедительное объяснение победы большевиков в Гражданской войне»¹. По мнению критиков Пайпса, он фактически проигнорировал историографическую и исследовательскую работу целого поколения западных историков.

В развернувшейся в постсоветский период критике «ревизионистского» направления и сторонников социальной истории в изучении Великой российской революции и Гражданской войны их оппоненты утверждали, что «ревизионисты» создали новую мифологию, внесли марксистские категории в социальный анализ и совершенно необоснованно «рассматривали победу большевиков в Гражданской войне как естественное и прогрессивное событие в истории XX века». «Ревизионистская» интерпретация истории критиковалась и за фактическое исчезновение в ней политики и политиков².

Защищая социальную интерпретацию истории против нападок, ее представители в определенной степени признавали упреки в свой адрес, полагая, в частности, что политика должна заполнить «белые пятна» социальной истории. Американский исто-

---

¹ *Kenez P.* The Prosecution of Soviet History: A Critique of Richard Pipes' The Russian Revolution // *The Russian Review*. Vol. 50. No. 3. 1991. P. 345, 351; *Kenez P.* The Prosecution of Soviet History, Volume 2 // *The Russian Review*. Vol. 54. No. 2. 1995. P. 267.

² *Brovkin V.* Behind the Front Lines of the Civil War: Political Parties and Social Movements in Russia, 1917–1922. Princeton, 1994. P.2; *Малуха М.* В поисках истинного Октября // *Отечественная история*. 1992. № 4. С. 198.

рик Р. Суни предложил сторонникам социальной и политической школ признать свои слабости и работать вместе через постмодернистский синтез соперничающих историографических тенденций. Он утверждал, что только так историки могут продвинуться в правильном понимании Российской революции¹.

Мода на постмодернизм обуславливала особый интерес к проблемам языка, истории идей, внутреннему миру людей, соотношению сознания и повседневного существования в противовес социальному анализу, изучению социальной структуры, групп населения, социальных и социально-экономических интересов, чем традиционно занимались социальные историки. Анализ меняющегося языка, лексики, смысла значений в эпоху Российской революции 1917 г. и Гражданской войны использовались сторонниками постмодернистского направления для характеристики меняющегося сознания и психологии масс.

Из этого вытекало и стремление создать новую культурную историю, в т.ч. революционной эпохи и Гражданской войны. Исследователи обращались к таким междисциплинарным понятиям и проблемам, как менталитет, язык, символы, ритуалы, культурные ориентиры, массовые действия, идеология, пропаганда, психология, сексуальная революция, новые взаимоотношения мужчин и женщин и др. «Новая культурная история» воплощалась в переосмысление истории культуры и ее взаимоотношений с обществом.

Это вылилось в серию книг, выполненных в парадигме «новой культурной истории», посвященных революционной эпохе и нередко охватывающих более широкие хронологические рамки, чтобы раскрыть ее предпосылки и последствия². Культурное изме-

---

¹ *Suny R.G.* Revision and Retreat in the Historiography of 1917: Social History and Its Critics // *The Russian Review*. Vol.53. No. 2. 1994. P.182; *Marot J.E.* A “Post-Modernism” Approach to the Russian Revolution. Comment on Suny // *The Russian Review*. Vol. 54. No. 3. 1995. P. 260–264.

² *Geldern J.* Bolshevik Festivals 1917–1920. Berkeley; Los Angeles; London, 1993; *Bonnell V.* Iconography of Power: Soviet Political Posters under Lenin and Stalin. Berkeley, 1997; *Naiman E.* Sex in Public: The Incarnation of Early Soviet Ideology. Princeton, 1997; *Halfin I.* From Darkness to Light: Class, Consciousness and Salvation in Revolutionary Russia. Pittsburg, 2000; *Платтенберг Шм.* Революция и культура. Культурные ориентиры в период между Октябрьской революцией и эпохой сталинизма. СПб., 2000; *Steinberg M.* Proletarian Imagination: Self, Modernity, and the Sacred in Russia, 1910–1925. Ithaca, 2002, etc.

рение призвано было дать новое прочтение и более глубокое понимание многогранного феномена Гражданской войны в России¹.

Представители этого научного направления реализуют в своих исследованиях междисциплинарный подход, изучают столкновение, взаимодействие и противоборство старой и новой культуры, взаимоотношения революции и культуры, рождение и реализацию новых культурных тенденций и ориентиров в тесном переплетении с политикой и социальными отношениями. Это предполагает неизбежное тесное взаимодействие, сотрудничество и диалог с исследователями, работающими в русле «новой политической» и «новой социальной» истории. В рамках последней появились и новые темы: повседневность, быт, выживание, голод, история женщин. Налицо стремление историков выявить взаимосвязь социальных процессов с политикой, партиями, общественно-политическими движениями, демографией и др.²

Один из критиков «ревизионистской» истории Российской революции 1917 г. и Гражданской войны американский историк В.Н. Бровкин, обращаясь к тематике социальной истории и исследуя действия партий и социальных движений в теснейшей взаимосвязи с политическими процессами, пришел к выводам, кардинально отличающимся от взглядов сторонников вышеназванного направления³.

На волне возродившегося интереса к политике в американской русистике в 90-е годы XX века формируется направление, именуемое «новой политической историей», активно использующее культурологические и антропологические методы. В центре его внимания – политические практики и политический дискурс. Примером этой новой тенденции в изучении революции 1917 г. и Гражданской войны в России стала монография П. Холквиста. В основу его

---

¹ *Кунцова И.В., Филиппова Т.А.* Гражданская война в «культурном измерении»: история осмысления // Россия в годы Гражданской войны, 1917–1922 гг. Очерки истории и историографии. М., 2018. С. 544–585.

² *Goldman W.* Women, the State and Revolution. Soviet Family Policy and Social Life, 1917–1936. New York, 1993; *Wood E.* The Baba and Comrade: Gender and Politics in Revolutionary Russia. Bloomington, 1997; *Borrero M.* Hungry Moscow: Scarcity and Urban Society in the Russian Civil War. New York, 2003; *Carleton G.* Sexual Revolution in Bolshevik Russia. Pittsburgh, 2005, etc.

³ *Brovkin V.* Behind the Front Lines of the Civil War: Political Parties and Social Movements in Russia, 1917–1922. Princeton, 1994.

авторской концепции был положен тезис о преемственности политики насилия, сформированной в годы Первой мировой войны и характерной для всех воюющих держав, которая была усилена в революционную эпоху и в Гражданскую войну. Эта преемственность отмечалась автором и в действиях элит, и в функционировании государственности¹. В зарубежной историографии стал широко использоваться термин «континуум» кризиса, связывающий истоки российского революционного кризиса и Гражданской войны с Первой мировой войной.

Возрождение интереса к политике и стремление к созданию новой политической истории Гражданской войны в России выразилось в том, что в западной историографии активно изучались и изучаются, подвергаясь переосмыслению и новому прочтению, проблемы власти, деятельность большевистской партии и ее лидеров, насилие и террор, а также взаимоотношения партии большевиков, советского государства и общества². Опубликован ряд изданий, посвященных национальной политике большевиков и советской власти, развитию ситуации в национальных регионах³. При этом оценки и интерпретации существенно различаются в работах историков разных научных и политико-идеологических направлений.

При давней существующей за рубежом традиции изучения так называемого «третьего пути» в Гражданской войне в России и

---

¹ *Holquist P.* Making War, Forging Revolution: Russia's continuum of crisis, 1914–1921. Cambridge (Mass.), 2002.

² *Баберовски Й.* Красный террор: история сталинизма. М., 2007; *Siegelbaum L.H.* Soviet State and Society between Revolutions, 1918–1929. Cambridge, 1992; *Read C.* From Tsar to Soviets: The Russian People and Their Revolution, 1917–21. New York; Oxford, 1996; *Mayer A.J.* Furies: Violence and Terror in the French and Russian Revolutions. Princeton, 2000; *Rabinowitch A.* The Bolsheviks in Power: The First Year of Soviet Rule in Petrograd. Bloomington, 2007; *Ryan J.* Lenin's Terror: The Ideological Origins of Early Soviet State Violence. London, 2012; *Read C.* War and Revolution in Russia: 1914–22. The Collapse of Tsarism and the Establishment of Soviet Power. Basingstoke and New York, 2013, etc.

³ *Blank S.* The Sorcerer as Apprentice: Stalin as Commissar of Nationalities, 1917–1924. Westport, CT, 1994; *Smith J.* The Bolsheviks and the National Question, 1917–1923. Basingstoke, 1999; *A State of Nations: Empire and Nation-Making in the Age of Lenin and Stalin.* New York; Oxford, 2001; *Буттино М.* Революция наоборот. Средняя Азия между падением царской империи и образованием СССР. М., 2007, etc.

«демократической альтернативы» власти большевиков в последние годы эта тема исследуется не столь активно¹.

Вместе с тем, иностранные историки ведут активное изучение проблем антибольшевистского и Белого движения в России, его истоков и деятельности в различных регионах страны. Исследуются программы Белого движения и его практическая политика, попытки и провалы объединительных усилий антибольшевистского движения, его региональные особенности и причины поражений². Интерес иностранных исследователей вызывает национальная программа Белого движения, исследуются его взаимоотношения с национальными движениями и правительствами и их противоречия³. Продолжается и изучение крестьянского повстанческого

---

¹ *Smith S.B.* Captives of Revolution: The Socialist Revolutionaries and the Bolshevik Dictatorship, 1918–1923. Pittsburgh, 2011; *Прайсман Л.Г.* Третий путь в Гражданской войне. Демократическая революция 1918 года на Волге. СПб., 2015.

² *Swain G.* The Origins of the Russian Civil War. London, 1996; *Smele J.* Civil War in Siberia: The Anti-Bolshevik Government of Admiral Kolchak, 1918–1920. Cambridge, 1996; *Pereira N.* White Siberia. The Politics of Civil War. Montreal, 1996; *Pereira N.* Siberian „Atamanshchina“: Wardlordism in the Russian Civil War. New Haven, 1997; *Rupp S.* The Struggle in the East: Opposition Politics in Siberia, 1918. Pittsburgh, 1998; *Fic V.* The Rise of the Constitutional Alternative to Soviet Rule in 1918. Provisional Governments of Siberia and All-Russia: Their Quest for Allied Intervention. Boulder, 1998; *Katzer N.* Die Weisse Bewegung in Russland: Herrschaftsbildung, praktische Politik und politische Programmatic im Bürgerkrieg. Köln, 2000; *Bisher J.* White Terror: Cossack Warlords of the Trans-Siberian. London; New York, 2005; *Lazariski C.* The Lost Opportunity. Attempts of Unification of the Anti-Bolsheviks, 1917–1919: Moscow, Kiev, Jassy, Odessa. Lanham, 2008; *Кенез П.* Красная атака, белое сопротивление. 1917–1918. М., 2007; *Кронэр Э.* Белая армия, черный барон. Жизнь Петра Врангеля. М., 2011; *Кенез П.* Подлинная история Добровольческой армии, 1917–1918. М., 2017 и др.

³ *Procyk A.* Russian Nationalism and Ukraine: The Nationality Policy of Volunteer Army during the Civil War. Edmonton, 1995; *Palij M.* The Ukrainian-Polish Defensive Alliance 1919–1921. An Aspect of Ukrainian Revolution. Edmonton, 1995; *Brüggemann K.* Die Gründung der Republik Estland und das Ende des „Einen und unteibaren Rußland“. Die Petrograder Front des Russichen Bürgerkriegs 1918–1920. Wiesbaden, 2002; *Boltowsky T., Nigel, T.* Armies of the Baltic Independence Wars 1918–20. Osprey Publishing, 2019, etc.

движения в Гражданской войне¹. Из работ зарубежных исследователей на тему национально-государственного строительства в годы войны следует отметить публикации украинского историка В.Ф. Солдатенко, а также коллективный труд белорусских ученых о создании в указанный период Белорусской государственности².

Необходимо отметить ряд зарубежных исследований экономики России в годы Гражданской войны, сохраняющие, на наш взгляд, свою научную ценность и до настоящего времени³. Среди них особенно выделяются публикации, посвященные продовольственной политике большевиков⁴.

За рубежом существует давняя традиция изучения истории интервенции в России, и прежде всего стран Антанты, и последние десятилетия характеризовались появлением новой серии книг. Их авторы, различаясь в подходах и интерпретациях и дискутируя, пытаются дать ответы на ключевые вопросы: причины и мотивы интервенции, различные ее аспекты, действия стран-участниц, особенно Великобритании и США, результаты и последствия, причины неудачи иностранного вмешательства в Россию. В этих работах присутствует как оправдательный, так и критический подход в отношении действий организаторов интервенции и их войск в России⁵.

---

¹ *Грациози А.* Большевики и крестьяне на Украине, 1918–1919 годы. Очерк о большевиках, национал-социализмах и крестьянских движениях. М., 1997; *Грациози А.* Великая крестьянская война в СССР. Большевики и крестьяне. 1917–1933. М., 2001; *Landis E.C.* Bandits and Partisans: The Antonov Movement in Russian Civil War. Pittsburgh, 2008, etc.

² *Солдатенко В.Ф.* Україна в революційну добу: Історичні есе-хроніки: У 4-х т. Київ, 2010; *Солдатенко В. Ф.* В горниле революцій и войн: Україна в 1917–1920 гг.: Історико-історіографіческие ессе. М., 2018; История белорусской государственности. В 5 т. Т. 3. Белорусская государственность: от идеи к национальному государству (1917–1939 гг.). Минск, 2019.

³ *Кадзикава С.* О военном коммунизме // Россия в XX веке: судьбы исторической науки. М., 1996. С. 331–336; *Кадзикава Синъити.* Ленинский вариант перехода к нэпу // История сталинизма: крестьянство и власть: материалы международной научной конференции. Екатеринбург, 29 сентября–2 октября 2010 г. М., 2011. С. 88–95.

⁴ *Lih L.* Bread and Authority in Russia, 1914–1921. Berkely, 1990.

⁵ *Foglesong D.S.* America's Secret War Against Bolshevism: U.S. Intervention in the Russian Civil War, 1917–1920. Chapel Hill, 1995; *Melton C.* Between War and Peace: Woodrow Wilson and the American Expeditionary

С окончанием «холодной войны» российские и зарубежные историки, посредством критического анализа литературы и сложившихся подходов, стремятся преодолеть былые разногласия, найти точки соприкосновения в изучении международной интервенции в России и представить комплексную и объективную ее историю, роль и значение в Гражданской войне. Этому способствуют материалы, публикуемые российскими историками за рубежом, а иностранными исследователями в России¹.

Из обобщающих работ западных историков о российской Гражданской войне следует в первую очередь назвать объемную работу британского историка О. Файджеса и монографию его коллеги из Великобритании Дж. Смита². Последний предпринял попытку

Force in Siberia, 1918–1921. Macon Ga, 2001; Дэвис Э., Трани Ю. Первая холодная война. М., 2002; Moore P. Stamping out the Virus: Allied Intervention in the Russian Civil War. 1918–1920. Atglen, 2002; Willett R.L. Russian Sideshow. America's Undeclared War. 1918–1920. Washington, 2003; House J.M. Wolfhounds and Polar Bears: The American Expeditionary Force in Siberia, 1918–1920. Alabama University Press, 2006; Kinvig C. Churchill's Crusade. The British Invasion of Russia, 1918–1920. London, 2006; Wilson M. For Them the War Was Not Over: Royal Navy in Russia. 1918–1920. Stroud, 2010; Isitt B. From Victoria to Vladivostok: Canada's Siberian Expedition, 1917–19. Vancouver, 2010; Dunscomb P.E. Japan's Siberian Intervention, 1918–1922. "A Great Disobedience against the People". Lanham, 2011; Richard C.J. When the United States Invaded Russia: Woodrow Wilson's Siberian Disaster. Lanham, 2013; Moffat I. The Allied Intervention in Russia, 1918–1920: The Diplomacy of Chaos. Basingstoke, 2015; Wright D. Churchill's Secret War with Lenin: British Commonwealth Military Intervention in the Russian Civil War. Solihull, 2017; Nelson J. The Polar Bear Expedition: The Heroes of America's Forgotten Invasion of Russia, 1918–1919. New York, 2019, etc.

¹ Goldin V. New Views on the Allied Intervention // Revolutionary Russia. Vol. 13. No. 1. June 2000. P. 88–95; Фоглесонг Д. Иностранная интервенция // Критический словарь Русской революции: 1914–1921. СПб., 2014. С.108–114; Foglesong D.S. Revolutionary Russia in American Eyes // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2018. Т.63. Вып.3. С. 967–969; Элстон Ш. Интервенция в России в годы гражданской войны. Роль Великобритании и ее обоснование в Лондоне и на театре военных действий // Русский Сборник: Исследования по истории России. Т. XXVIII. М., 2020. С. 457–485.

² Figes O. A People's Tragedy: The Russian Revolution, 1891–1924. London, 1996; Smele J.D. The "Russian" Civil Wars, 1916–1926. Ten Years That Shook the World. London 2015.

расширить традиционные хронологические рамки Гражданской войны до десятилетия (1916–1926 гг.) и рассмотреть ее сквозь призму серии войн, прокатившихся по территории бывшей Российской империи. Смил опубликовал и двухтомный исторический словарь Гражданской войны в России¹. За рубежом издан и ряд других книг о Гражданской войне в России в целом².

Столетие Первой мировой войны и Российской революции 1917 г. стимулировало зарубежных историков на создание обобщающих работ, исследующих их во взаимосвязи с Гражданской войной в России³.

Для переосмысления истории российской Гражданской войны используется контрфактуальный подход, иначе говоря, рассмотрение ее с позиций исторической альтернативистики, обсуждение вариантов развития событий, которые не имели места в действительности, но могли бы развиваться по иным сценариям, с иными результатами и последствиями⁴.

Касаясь исторической литературы государств, получивших независимость после распада СССР, заметим, что в ней часто превагирует односторонний взгляд на ход и итоги Гражданской войны в России. Одной из доминирующих в них стала тенденция «национализации» истории, характерная и для освещения периода Гражданской войны. Процессы, происходившие на национальных территориях в тот период, часто квалифицируются как национально-освободительная и антиколониальная борьба, направленная

---

¹ *Smele J.* Historical Dictionary of the Russian Civil Wars. 1916–1926. In two vols. New York; London, 2015.

² *Bullock D.* The Russian Civil War, 1918–22. Oxford, 2008; *Mawdsley E.* The Russian Civil War. Edinburgh, 2008.

³ *Read C.* War and Revolution in Russia: 1914–22. The Collapse of Tsarism and the Establishment of Soviet Power. Basingstoke and New York, 2013; *Engelstein L.* Russia in Flames: War, Revolution, Civil War, 1914–1921. New York, 2017.

⁴ Примером такого подхода стал форум в лондонском журнале «Революционная Россия»: *Smele J.D.* “If Grandma had Whiskers ...”: Could the Anti-Bolsheviks have won the Russian Revolutions and Civil Wars? Or, the Constraints and Conceits of Counterfactual History; *Engelstein L.* “A Single Civilian Whore” – Reflections on the Might-Have-Beens of the Russian Civil War; *Swain G.* More Thoughts on Grandma’s Whiskers; *Smele J.D.* A Response to Geoffrey Swain and Laura Engelstein // *Revolutionary Russia*. 2020. URL: <https://www.tandfonline.com/loi/frvr20> (дата обращения: 30.03.2020).

на образование собственной государственности. Создававшиеся и действовавшие тогда движения, национально-государственные образования, режимы и правительства часто идеализируются.

Новейшая официальная украинская историография фактически отказалась от использования термина «гражданская война» в контексте событий Украинской революции, утверждая, что на Украине не было масштабных внутренних войн на идеологической почве, а имели место три украино-большевистские или украино-советские войны с конца 1917 по 1920 г. По мнению значительно числа современных украинских историков, в отличие от советских агрессий и оккупаций, других фактически не было – ни австро-германской, ни антантской, ни польской. Впрочем, подобные политизированные суждения встречают неприятие среди ряда авторитетных украинских историков, и ими воссоздается реальная историческая картина событий Гражданской войны в Украине¹.

При разнообразии мнений и интерпретаций в исторической литературе в отношении особенностей генезиса и протекания Гражданской войны в национальных регионах² следует анализировать происходившие процессы не только как национальную или межнациональную борьбу, но и как социальное противоборство, а также как часть большого международного конфликта той поры. Возникновение и существование национальных государственных образований во многом или даже в решающей степени зависели

---

¹ *Солдатенко В.Ф.* Гражданская война в Украине в современном историографическом дискурсе // Россия в годы Гражданской войны, 1917–1922 гг.: власть и общество по обе стороны фронта. М., 2018. С. 32–42; *Солдатенко В.Ф.* В горниле революций и войн: Украина в 1917–1920 гг. М., 2018.

² *Буттино М.* Революция наоборот. Средняя Азия между падением царской империи и образованием СССР. М., 2007; *Балаев А.* Азербайджанская революция 1917 – 1918 годов в современной историографии // Падение империи, революция и гражданская война в России. М., 2010; *Пученков А.С.* Украина и Крым в 1918 – начале 1919 года. Очерки политической истории. СПб., 2013; *Тарасов К.* Антиимпериалистическая революция. Национальные окраины и распад Российской империи // Неприкосновенный запас. 2017. №5. С.150–164; *Солдатенко В.Ф.* Россия – Крым – Украина: опыт взаимоотношений в годы революции и Гражданской войны. М., 2018; *Исхаков С.М.* Гражданская война и мусульмане // Россия в годы Гражданской войны, 1917–1922 гг.: очерки истории и историографии. М.; СПб., 2018. С.361–407 и др.

тогда от поддержки (политической, военной, финансово-экономической) внешних сил, стран Четверного союза или Антанты. Те, в свою очередь, преследовали собственные интересы, связанные и с ослаблением России, вне зависимости от того, какой она была или могла стать по итогам Гражданской войны – советской или антибольшевистской. В ряде молодых национальных государств и между ними происходили острые межнациональные и межэтнические конфликты и войны, отзвуки которых имеют место и сегодня. Учитывая все это, идеализировать деятельность национально-государственных образований тех лет не приходится.

На страницах настоящего издания большое внимание будет уделено анализу развития событий и противоборства в национальных районах страны, проблемам национально-государственного строительства с тем, чтобы объективно и с научных позиций оценить эти процессы, их характер и последствия.

Характерной чертой развития современной историографии Гражданской войны является международный диалог ее исследователей, происходящий в различных форматах. На протяжении постсоветского периода был издан целый ряд совместных сборников статей и материалов конференций как в нашей стране, так и за рубежом, о Гражданской войне в России¹. Трибуной диалога стали международные конференции, проводимые в России к 100-летию Гражданской войны, с публикацией их материалов². В частности, на страницах Санкт-Петербургского издания опубликованы ответы

---

¹ Гражданская война в России: перекресток мнений. М., 1994; *The Bolsheviks in Russian Society. The Revolution and the Civil War*. New Haven; London, 1997; *Critical Companion to the Russian Revolution 1914–1921*. London, 1997; *Критический словарь Русской революции. 1914–1921*. СПб., 2014 и др.

² Россия в годы Гражданской войны, 1917–1922 гг.: власть и общество по обе стороны фронта. М., 2018; *Гражданская война на востоке России (ноябрь 1917 – декабрь 1922 г.)*. Новосибирск, 2019; *Эпоха Революции и Гражданской войны в России. Проблемы истории и историографии*. СПб., 2019; *Гражданская война в России: жизнь в эпоху социальных экспериментов и военных испытаний, 1917–1922*. СПб., 2020; *Международная интервенция и Гражданская война в России и на Русском Севере: ключевые проблемы, историческая память и уроки истории*. М., 2020; *Русский Сборник: Исследования по истории России. Т. XXVIII: Гражданская война и интервенция в России*. М., 2020 и др.

7 иностранных и 18 российских историков на вопросы по ключевым проблемам истории Гражданской войны в России¹.

С 2014 г. на базе издательства Индианского университета (США) идет публикация серии международных сборников с участием как иностранных, так и российских историков, в рамках проекта «Великая война и революция в России», призванного, по замыслу инициаторов, фундаментально трансформировать понимание «континуума кризиса» в России 1914–1922 гг.²

Одной из ключевых проблем исследования и более глубокого познания российской Гражданской войны является ее концептуализация. Она находится в центре изучения, дискуссий и современного историографического осмысления³.

Истоки и генезис Гражданской войны в России рассматриваются сквозь призму выявления конфликтогенного потенциала в отечественной истории в ее долговременном контексте, раскрытия особенностей освободительного и революционного движения, модернизации страны, а также в тесной взаимосвязи с Первой мировой войной и революционным процессом 1917 г.

Гражданская война в России характеризуется как сложный и уникальный исторический феномен в многообразии военных, политических, экономических, социально-классовых, социокультурных, культурно-религиозных, духовно-нравственных, национальных и межнациональных процессов, конфликтов и расколов, разнообразных внутренних и международных столкновений и противоборств, обстоятельный анализ которых и позволяет понять исход борьбы на линиях и за линиями фронтов, и итоги войны.

Характеризуя Гражданскую войну в России, следует подчеркнуть ее глобальный и тотальный характер, ибо она охватила все пространство страны, включая самые удаленные ее уголки, разделила классы, слои, группы населения (линия раскола происходила как между ними, так и внутри них), развела, образно говоря, по разные стороны баррикад друзей, соседей, членов семей. Это и со-

---

¹ Гражданская война в России: взгляд через 100 лет. Проблемы истории и историографии. СПб., 2018. С.8–252.

² Russia's Great War & Revolution. – URL:https://slavica.indiana.edu/series/Russia_Great_War_series (дата обращения: 17.12.2018).

³ *Голдин В.И.* Россия в Гражданской войне. Архангельск, 2000. Гл.3. С. 57–74; *Голдин В.И.* Гражданская война в России сквозь призму лет: историографические процессы. Мурманск, 2012. Гл.3. С. 90–97.

ставляло в совокупности общую, крайне противоречивую и драматическую картину Гражданской войны в России. Противоборство в ней велось на военном, политическом, дипломатическом, социальном и культурном фронтах, но главным из них была все-таки вооруженная борьба, ибо от ее исхода в решающей степени зависел исход Гражданской войны.

Популярным в современной мировой историографии Гражданской войны является суждение о ней как о серии или комплексе войн (гражданских войн), разнообразии видов вооруженных и иных противоборств с участием в них различных акторов.

Профессор из Санкт-Петербурга Б.И. Колоницкий предложил «российскую Гражданскую войну считать комплексом войн, в которых каждая из множества сторон пыталась вооруженным путем реализовать свой план реорганизации постимперского пространства, меняя характер государства или его границы»¹.

Американский профессор Р. Уэйд дал более развернутое определение: «То, что обычно называют Российской гражданской войной, правильнее было бы называть во множественном числе – «гражданские войны». В действительности мы имеем дело со сложным, многоэтапным событием, в котором переплетались военные, экономические, национальные, международные и другие конфликты. Происходила так называемая военная гражданская война, которая велась несколькими участниками и была, по сути, явлением множественного, а не единственного числа. Была тесно связанная с ней попытка создания новой большевистской социально-экономической системы, включавшей в себя сильные элементы классовой борьбы, которая подкрепляла военное противостояние (и усиливала его). Помимо этого, велись гражданские войны между различными национальными группами и большевиками, и национальными силами. На культурном фронте сторонники стремительной культурной революции вели войну против старых культурных и художественных норм. Более того, большевики видели себя участниками международной гражданской войны, яростной международной классовой борьбы, способствующей распространению революции (как они надеялись) по Европе и далее по миру»².

---

¹ Колоницкий Б.И. От мировой войны к гражданским войнам (1917? – 1922?) // Российская история. 2019. № 1. С. 21.

² Wade R. The Bolshevik Revolution and Russian Civil War. Westport, Connecticut; London, 2001. P. 63.

Правомерно выделять и исследовать в российской Гражданской войне такие виды противоборств, как война советского и антибольшевистского лагерей («красных» и «белых»), фронтовое противостояние их армий и борьба с противниками на внутренних фронтах; борьба общества и государства в различных проявлениях; столкновения центробежных и центростремительных сил, национальные, межнациональные и региональные войны и вооруженные конфликты; военные интервенции стран Антанты, Четверного союза и отдельных государств; советские попытки «экспорта революции» в страны Европы и Азии, военные и политические действия за пределами страны; восстания, заговоры, деятельность антиправительственных группировок в тылу противника, подпольная, партизанская и террористическая деятельность и др.¹

Продуктивным представляется осмысление особенностей феномена Гражданской войны в России сквозь призму типологии гражданских войн. Представив свое видение и формально-статистические закономерности их, воронежский историк М.Е. Разиньков охарактеризовал, например, Гражданскую войну в России как объединяющую несколько войн разной степени продолжительности, но высокой интенсивности, и сочетавшую несколько войн по национально-освободительному признаку и несколько войн по признаку раскола титульной нации².

Вообще же компаративный подход к изучению гражданских войн и сравнение Гражданской войны в России с подобными войнами, и прежде всего в XX в. (в Китае, Корее, Испании, Финляндии и др.), а также и более раннего времени³, представляется

---

¹ Подробнее см.: *Голдин В.И.* Истоки и феномен Гражданской войны в России: взгляд через столетие // *Былые годы.* 2015. Т. 36. № 2. С. 382–387.

² *Разиньков М.Е.* О необходимости создания типологии гражданских войн для исторической науки // *Альманах Ассоциации исследователей Гражданской войны в России.* Вып. 1. Архангельск, 2014. С.40–47; *Он же.* Типология гражданских войн – Евразия (1900–1950 гг.): из дневника исследователя // *Там же.* Вып. 2. Архангельск, 2015. С. 112–123.

³ *Революции и гражданская война в России и Америке: сравнительно-исторический анализ.* Новокузнецк, 2004; *Данилов С.Ю.* Гражданская война и общенациональное примирение: США, Россия, Испания. М., 2004; *Леонов С.В.* Гражданская война в России: сущность, периодизация, особенности // *Российская история.* 2019. № 1. С. 32–35; *Smith S.* Revolution and the People in Russia and China: A comparative history. Cambridge, 2008.

плодотворным и позволяющим глубже понять ее генезис, логику развития, исторические уроки и последствия, пути и способы мирения общества.

Существуют и иные направления, и подходы к осмыслению Гражданской войны в России, но и в др. странах в различные исторические эпохи. Речь идет, например, об изучении логики нарастания хаоса, природы революционного насилия¹, характера так называемой «красной смуты» сквозь призму психоментальности, психопатологии и девиантного поведения, а также в контексте теории имперства, анализа системного кризиса, смерти и возрождения империи². Имеет место рассмотрение Гражданской войны в России с позиций синергетики как турбулентного пространства, как столкновения и противоборства культур и разных систем культурных и духовных ценностей, как экстренного способа культурного самоопределения, происходившего путем культурного разлома, столкновения и борьбы разных культурных ориентаций и ценностей, и утверждения новых культурных и ценностных моделей³.

Группа саратовских историков предложила для изучения и понимания Гражданской войны в России идею полидискурсивного подхода, полагая, что рассмотрение борьбы дискурсов в пространстве историко-семантического подхода открывает новые возможности для анализа ее феномена⁴.

Так или иначе, накопленный исследовательский опыт и сложившаяся обширная отечественная и иностранная литература по истории Гражданской войны в России, существующие теоретико-

---

¹ См. напр.: *Каливас Статис*. Логика насилия в гражданской войне / пер. с англ. Н. Алексеевой, С. Алексеева; под научн. Ред. О.Е. Орленко, А.Р. Дюкова, М.А. Поликарпова. М., 2019.

² *Булдаков В.П.* Красная смута. Природа и последствия революционного насилия. М., 2010; *Булдаков В.П.* Хаос и этнос. М., 2010.

³ *Гаврилов О.Ф., Гаврилова Н.П.* Гражданская война как кризис культурной самоидентификации // Сибирь в период Гражданской войны. Кемерово, 2007. С.6–7; *Купцова И.Б., Филиппова Т.А.* Гражданская в «культурном измерении»: история осмысления // Россия в годы Гражданской войны, 1917–1922 гг.: очерки истории и историографии. М.; СПб., 2018. С. 544–585.

⁴ *Булгаков А.О., Виноградский В.Г., Посадский А.В., Романовская О.А.* Гражданская война в России. Историческая семантика и борьба дискурсов. Саратов, 2018.

методологические и концептуальные наработки являются определенным фундаментом при подготовке настоящего тома, написании обобщающей научной истории этой войны.

В основу исследования положены системный и междисциплинарный подходы, принципы научности, историзма, объективности, комплексности и целостности. Учитывая остроту и актуальность темы, сохраняющуюся в российском обществе боль и даже раскол по отношению к событиям, участникам и лагерям той войны, авторский коллектив стремился, образно говоря, «подняться над схваткой», обеспечить взвешенность, научную академичность, беспристрастность и объективность в характеристике и оценке основных событий и процессов Гражданской войны в России, раскрыть во всей полноте, глубине и противоречивости рассматриваемую историческую эпоху и народную драму.

Гражданская война рассматривается на страницах этого издания не только как уникальный феномен российской истории, но и как глобальное явление, исход которого во многом предопределил развитие не только России, но и международных отношений, человечества в XX веке.

В томе используется устоявшаяся в историографии терминология, характеризующая события Великой российской революции: Февральская революция, Октябрьская революция, Октябрьский переворот, советская власть, Советы, Советская Россия и т.д., поскольку, по мнению авторского коллектива, она принципиально не влияет на анализ содержательной стороны событий.

В основе структуры тома лежит хронологически-проблемный принцип. Хронологические рамки охватывают период с 1917 г., когда в России появились первые очаги Гражданской войны, по 1922 г., когда завершились боевые действия на Дальнем Востоке и был создан Советский Союз.

Происхождение Гражданской войны в России, факторы и причины ее вызвавшие, логика развития и основные процессы, ее наполнявшие, диалектика внутренних и внешних (международных) ее составляющих, объяснение ее исхода, анализ последствий и исторических уроков – вот круг узловых вопросов, которые красной нитью проходят через этот том. Самым важным является то, чтобы, поняв, как Россия пришла к Гражданской войне, и чего она ей стоила, не допустить более ничего подобного.

Том состоит из двух книг. В первой из них раскрываются проблемы военного и политико-дипломатического противоборства

в Гражданской войне, а во второй – жизнь России в годы войны. Внутри каждой книги выделяются разделы, которые, в свою очередь, делятся на главы, а последние в ряде случаев на параграфы.

В первом разделе первой книги тома раскрываются исторические корни, причины, внутренние и международные факторы, обусловившие Гражданскую войну в России, рассматриваются ее локальные проявления или начало войны в широком смысле слова и ее основные участники.

Во втором разделе исследуются причины и процесс перехода от «малой» к широкомасштабной Гражданской войне, тесно переплетающейся с международной военной интервенцией, раскрываются основные процессы, проблемы и события 1918 г. в России в целом и в регионально-фронтном разрезе, в частности. Всесторонне характеризуется новое состояние страны, когда войне была подчинена и ею определялась вся жизнь народа и общества.

В третьем и четвертом разделах первой книги, посвященных, соответственно, 1919 и 1920 гг., характеризуется ход военно-политического противоборства в основных регионах и на фронтах Гражданской войны. Раскрывается процесс ликвидации основных фронтов к концу 1920 г. и окончания Гражданской войны в узком смысле слова, когда ей была подчинена вся жизнь страны и общества.

Пятый раздел посвящен завершающему периоду Гражданской войны. В нем характеризуется история массового повстанческого, главным образом крестьянского, движения, а также других протестных действий против советской власти, и завершение военных действий в ряде регионов, прежде всего на Дальнем Востоке, что вместе с переходом к НЭПу и созданием СССР знаменовало собой окончание Гражданской войны в стране.

В шестом разделе первой книги тома на основе так называемого «сквозного» подхода, в течение всей войны, раскрывается история армий, воинских формирований и военного строительства. Заключительный, седьмой раздел посвящен международным аспектам Гражданской войны, проблемам дипломатии и внешней политики противоборствующих сторон, а также истории интервенции и деятельности Коминтерна, анализу идей и практики мировой революции.

Вторая книга тома посвящается различным аспектам жизни России в условиях Гражданской войны. В ее первых трех разделах раскрывается история государственности по обе стороны фронта, деятельность спецслужб и репрессивно-карательных систем и

основных политических партий. Четвертый, пятый и шестой разделы посвящены, соответственно, экономике и экономическим процессам, социальной политике, социальным и социально-демографическим процессам. В шестом разделе исследуются культура, образование и наука, в седьмом – национальные процессы и движения. В заключительном, восьмом разделе второй книги рассматриваются церковно-религиозные проблемы.

В Заключении анализируются основные итоги и последствия Гражданской войны в России, причины поражения антибольшевистских сил и исторические уроки.

В структуре тома ряд аспектов освещены более полно, по сравнению с другими, хотя последние не менее значимы в истории Гражданской войны. Это связано с принципиальной позицией редколлегии: попытаться учесть новые, а также наиболее успешно изученные в последние годы аспекты проблемы, введенные в научный оборот источники, ранее не известные исследователям. В этом ряду в разделы тома о военном строительстве, социально-демографических процессах, крестьянском повстанческом движении, национально-региональных особенностях Гражданской войны. В данном контексте авторский коллектив понимает, что предстоит еще большая исследовательская работа по разработке новых аспектов и уточнении уже накопленных знаний по истории Гражданской войны.

Издание основывается на обширной источниковой базе, и прежде всего на документах и материалах 10 центральных архивов (архивов Президента Российской Федерации (АП РФ), внешней политики Российской империи (АВП РИ), внешней политики Российской Федерации (АВП РФ), Государственного архива Российской Федерации (ГА РФ), Российского государственного архива военно-морского флота (РГА ВМФ), Российского государственного исторического архива (РГИА), Российского государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ), Российского государственного архива экономики (РГАЭ), Российского государственного архива военной истории (РГВА), Центрального архива Федеральной службы безопасности России (ЦА ФСБ России) и 37 региональных 26 субъектов Российской Федерации. Значительная часть архивных источников вводится в научный оборот.

В томе широко используются различные документы и материалы, опубликованные в разные годы в нашей стране и за рубежом. Среди них коллекции официальных документов руководства Со-

ветской России, антибольшевистских правительств, военного командования противоборствовавших армий, ВЧК–ГПУ, национальных и региональных органов власти, военно-политические и дипломатические документы стран-участниц интервенции, а также речи, доклады и иные материалы руководителей государств и правительств, политических и военных деятелей разного уровня и др.

Важной группой источников являлись справочные, энциклопедические и статистические материалы. Широко использовались материалы российской, национальной и иностранной периодической печати эпохи Гражданской войны. Ценным источником были воспоминания активных участников тех событий, и особенно государственных и военных лидеров, политиков, дипломатов, сотрудников органов власти разных уровней и др. При подготовке тома использовались материалы электронных ресурсов. Всё вышесказанное позволяет сделать вывод о репрезентативности источниковой базы. Все документы и материалы тщательно проверялись на достоверность.

Издание рассчитано не только на профессиональных историков, специалистов, учителей, но и на широкий круг читателей, интересующихся проблемами истории Отечества.

Заключение 1-й книги тома *Голдин В.И., Кондрашин В.В.*

В книге представлен подробный и содержательный анализ военных, военно-политических и внешнеполитических проблем Гражданской войны в России, раскрыты ход и результаты военно-политического противоборства на огромном постимперском российском пространстве и особенности его протекания в различных регионах страны.

Начавшись с локальных и эпизодических вооруженных столкновений большевиков и их противников в 1917 – начале 1918 г. Гражданская война в стране приобрела широкомасштабный характер в конце весны – начале лета 1918 г., когда развернулась борьба регулярных армий на возникших фронтах, кольцом окруживших Советскую Россию. Массовый характер приобрело в 1918 г. повстанческое, главным образом крестьянское, движение. В результате упорная борьба, в том числе вооруженная, развернулась и на внутренних фронтах. Если в конце весны – летом 1918 г. крестьянское движение в стране было направлено прежде всего против большевиков и советской власти, их чрезвычайной продовольственной политики, то с формированием антибольшевистских, и

особенно белых режимов, и выявлением их реставраторской политики по аграрно-крестьянскому вопросу на контролируемых ими территориях нарастало мощное крестьянское повстанческое движение, в котором активное участие принимали и рабочие.

В результате восстания Чехословацкого корпуса, интервенции стран Четверного союза и Антанты, действий внутренних антибольшевистских сил широкого политического и национального спектра на российском постимперском пространстве возникло в 1918 г. более 20 государственных образований и правительств, развернувших борьбу с большевиками и советской властью. Вместе с тем, внутренняя ситуация в этих государственных образованиях не отличалась стабильностью, происходила острая борьба между ними и внутри них. Интервенционистский лагерь в России тоже был полон противоречий. Непримиимые противоречия существовали между державами Четверного союза и странами Антанты, которые вели борьбу между собой в мировой войне, и каждая из этих военно-политических коалиций, а внутри них отдельные страны, стремились реализовать в России свои цели и интересы. Антанта стремилась вернуть Россию в войну, восстановив Восточный фронт, а германский блок преследовал прямо противоположные цели. Каждая из коалиций делала ставку в России на разные антибольшевистские группировки, стремясь создать прогерманские или, напротив, проантантовские режимы, что, в свою очередь, вызывало противоречия между ними и препятствовало созданию единого антисоветского фронта.

Антибольшевистское движение в России отличалось крайней пестротой, включая в свои ряды и умеренных социалистов, и центристские группировки, и сторонников Белого дела, и монархистов. Летом – в начале осени 1918 г. антибольшевистские правительства состояли, как правило, из умеренных социалистов (эсеров, меньшевиков и энесов) или являлись коалиционными, левоцентристскими или центристскими по своему составу и характеру деятельности, олицетворяя собой так называемую «демократическую контрреволюцию». После заключения Брестского мира его противники обвиняли большевиков в германофильстве, пытаясь объединить широкие массы населения в борьбе с ними на патриотической основе.

Попытка консолидации антибольшевистского движения вылилась в проведение Уфимского государственного совещания в сентябре 1918 г. и создание Временного Всероссийского правитель-

ства (Директории), что стало результатом трудного, вынужденного и крайне неустойчивого компромисса. Оно просуществовало менее двух месяцев и пало в результате колчаковского переворота в Омске 18 ноября 1918 г.

Для противодействия своим противникам руководство Советской России провозгласило программу превращения страны в единый военный лагерь и подчинения всей жизни государства и общества интересам обороны, собиранию сил для военного противоборства. Это коснулось всех сфер: военной, политической, социально-экономической, культурной. В области внешнеполитической деятельности руководство страны и молодая советская дипломатия пытались лавировать и играть на противоречиях своих противников, ради выживания и выигрыша времени. Особые надежды возлагались на революции в других странах, и прежде всего в Германии, а мировая революция виделась главным средством спасения советской власти в России. Прилагались усилия для превращения мировой войны и Гражданской войны в России в международную гражданскую войну.

Ноябрьский переворот в Омске и окончание Первой мировой войны внесли кардинальные перемены в ход Гражданской войны и интервенции в России. В антибольшевистском движении произошел дрейф вправо, развернулся процесс формирования авторитарных белогвардейских режимов и военных диктатур. Происходила консолидация антибольшевистского движения вокруг Верховного правителя адмирала А.В. Колчака и его правительства, которые были признаны в качестве руководящей силы правительствами на Юге, Севере и Северо-Западе России, за исключением национальных правительств. 1919 г. нередко именуют годом белых, на армии которых легла основная тяжесть борьбы с большевиками и Красной армией.

Вместе с тем, Белое движение с момента своего зарождения заболело неизлечимым недугом – идейно-политической несовместимостью с умеренными социалистами. Но именно последние могли привлечь на сторону противников большевиков значительные слои населения, а офицерство – создать военную организацию. Но их несовместимость во многом предопределила исход борьбы с большевиками в пользу последних.

Окончание Первой мировой войны привело к эвакуации с оккупированных российских территории войск стран Четверного союза, к падению созданных ими или при их поддержке режимов и

переориентации антибольшевистского движения в России на державы Антанты. Их военная интервенция против Советской России резко расширяется, как и поддержка противников большевиков в России. Стала в полной мере очевидна антибольшевистская направленность интервенции стран Антанты, ранее прикрывавшаяся военно-стратегическими мотивами и лозунгами спасения России от германского порабощения и восстановления Восточного фронта. Интервенты стремились реализовать в первую очередь свои политические, геополитические и экономические цели и интересы в России, а сама интервенция приобретала не только антисоветский, но и антироссийский характер.

Вместе с тем, в политическом и военном руководстве ведущих держав Антанты и, в частности, на Парижской мирной конференции развернулась дискуссия о методах и формах борьбы с Советской Россией, масштабах и характере интервенции. С одной стороны, налицо было стремление к организации «крестового похода» против Советской России, с максимальной концентрацией и направлением туда иностранных войск для свержения советского правительства, но, с другой стороны, в условиях сложной социально-экономической и политической ситуации в странах Антанты, звучали и призывы сосредоточить основные усилия на оказании помощи белым правительствам, чтобы их руками и силами белогвардейских армий добиться сокрушения большевизма. Экономическая блокада Советской России также считалась действенным оружием в борьбе с ней.

В свою очередь, руководство Советской России, расторгнув с окончанием мировой войны унизительный Брестский мир, предпринимало, с одной стороны, усилия для мирного урегулирования отношений со странами Антанты и прекращения их интервенции в России и оказания ими помощи белогвардейским режимам, а с другой, – стремилось объединить широкие слои населения вокруг идеи и лозунга спасения Отечества от иностранного порабощения, объявляя своих противников марионетками западных держав, предающих национальные интересы. Советская агитация и пропаганда среди населения и в войсках интервентов и белогвардейцев в России давала свои результаты. Она способствовала активизации борьбы широких слоев населения против белогвардейцев как на фронте, так и в их тылу, росту массового повстанческого движения, которое взрывало белогвардейский тыл. Этому содействовало и внутреннее разложение белых режимов, что воплощалось в

произвол, коррупцию, массовые репрессии. Происходила деморализация войск белогвардейцев и интервентов. В войсках последних усиливалось неповиновение, звучали требования возвращения на родину. А в странах Запада нарастало движение под лозунгом «Руки прочь от России!», и с ним не могли не считаться власти этих государств.

Важным направлением деятельности партии большевиков и советского руководства в 1919 г. и в дальнейшем была поддержка революций и революционных движений за рубежом, распространение идей и реализация практики «мировой революции» в Европе и в Азии. Создание в 1919 г. Коммунистического Интернационала сыграло важную роль в становлении и расширении коммунистического движения в Европе и в мире, а также в оказании всемерной поддержки национально-освободительному движению, в т.ч. просоветской ориентации, что, в свою очередь, способствовало укреплению позиций Советской России.

В конце 1918–1919 г. в условиях вывода войск германской коалиции с оккупированных российских территорий здесь произошел мощный подъем революционного и национально-освободительного движения, что привело к созданию советских республик, становлению и укреплению в дальнейшем их военно-политического и экономического союза. Это способствовало укреплению позиций советского лагеря в Гражданской войне.

Убеждение в несостоятельности и неспособности антибольшевистских режимов в России вести успешную борьбу с Советской Россией, даже при огромных поставках оружия, боеприпасов, амуниции и снаряжения из-за границы, привело страны Антанты в 1919 г. к решению о прекращении военной интервенции и выводе своих войск из России. Этот процесс завершился в 1920 г., но японская интервенция продолжалась до 1922 г. Стремление избежать расширения войны с Японией после разгрома войск Колчака и падения колчаковского режима привело руководство Советской России к необходимости создания в Забайкалье и на Дальнем Востоке буферного демократического государственного образования – Дальневосточной республики. Ее образование и развитие лишало Японию аргументов на продолжение своей интервенции на русском Дальнем Востоке.

А вывод отсюда японских войск в октябре 1922 г. предопределил и падение здесь антибольшевистского режима, и вхождение территорий, объединенных ранее в ДВР, в состав Советской России.

Советская Россия в борьбе с внутренними и международными противниками поставила во главу угла идеи социальной справедливости, пролетарского интернационализма и патриотизма, создания общества без эксплуатации человека человеком и смогла объединить вокруг них довольно широкие слои населения и прежде всего представителей рабочего класса, часть крестьянства и интеллигенции, населения национальных окраин.

Таких консолидирующих и привлекательных идей не оказалось у противников большевиков. У них отсутствовала общая программа борьбы, а тактика «непредрешенчества» в Белом движении, которая призвана была объединить всех противников большевиков в борьбе с ними, сыграла скорее отрицательную, нежели положительную роль. Великодержавный и агрессивный русский национализм Белого движения отталкивал их потенциальных союзников из числа националов. Трудными для решения у противников большевиков оказались рабочий и аграрно-крестьянский вопрос.

Большевики и советская власть оказались более успешны, чем их противники в военном строительстве, создав сплоченную и дисциплинированную Красную армию, смогли привлечь на свою сторону часть старых военных специалистов и создать многочисленные кадры ее нового командного состава. Важную роль в сплочении и повышении морального и боевого духа войск сыграл институт комиссаров. В ходе войны формировалось советское военное искусство. Система ВЧК внесла свой весомый вклад в обеспечение внутренней безопасности советского государства в годы войны. Советский тыл, при всех испытаниях и коллизиях, оказался более прочным, чем тыл антибольшевистских государственных образований, и смог обеспечить армию и фронт всем необходимым для достижения победы. В свою очередь, тыл белых армий был парализован и взорван массовым повстанческим и партизанским движением.

Провозглашение новой экономической политики позволило советской власти покончить с массовым, прежде всего крестьянским, повстанческим движением, которое представляло для нее главную опасность после крушения основных белогвардейских фронтов.

Советская внешняя политика и дипломатия умело играли на противоречиях в лагере противника и стремлении народов различных стран, в том числе ведущих держав, к миру после страшной войны. При известной противоречивости и дуализме совет-

ской внешнеполитической деятельности, в основе которой лежали принципы пролетарского интернационализма и мирного сосуществования, призывы к прекращению военных действий, развитию торговли и восстановлению совместными усилиями мировой экономики сыграли свою роль в выводе иностранных войск, снятии экономической блокады Советской России и развитии взаимовыгодных торгово-экономических отношений между ней и капиталистическими странами.

Ядром советской политической и государственной системы, организации обороны страны была партия большевиков, которую справедливо называли «воюющей партией». Она была своего нервной и кровеносной системой всего государственного организма Советской России, хотя огосударствление и милитаризация большевистской партии вели, вместе с тем, к ее отчуждению от выражения интересов тех, чьи интересы она призвана была представлять и защищать, – рабочих и крестьян.

РКП(б) была инициатором создания Коминтерна и консолидирующей силой набиравшего в мире авторитет и влияние мирового коммунистического движения с его привлекательными, в условиях глубокого кризиса капиталистической системы, идеями ликвидации существующих порядков и строительства справедливого социалистического общества. И хотя реализовать идеи мировой социалистической революции в это время не удалось, но возникшее широкое движение солидарности с Советской Россией способствовало ослаблению международного военного натиска на нее, выводу иностранных войск из страны и стало значимым фактором в достижении ее победы в Гражданской войне.

Так или иначе, на стороне большевиков было много преимуществ, и, в конечном итоге, они обладали значительно большей поддержкой населения, и прежде всего его низов, чем их противники, что и предопределило исход Гражданской войны в России.

Заключение 2-й книги тома. *Голдин В.И., Кондрашин В.В.*

Во второй книге тома, посвященной жизни России в условиях Гражданской войны, на основе использования достоверных и разнообразных источников дан всесторонний анализ специфики государственности по обе стороны фронта, деятельности спецслужб и репрессивно-карательных систем, основных политических партий, состояния экономики, культуры, образования, науки, церкви, динамике социально-демографических и национальных процессов.

В книге показано, что государственность красных и белых имела как общие, так и особенные черты. Общим было стремление использовать все возможности власти для борьбы с противником, ее централизация и превращение в военную диктатуру. Различия состояли в том, что скрепляющим стержнем советской государственности была партия большевиков, организационно готовая к работе в условиях военного времени. У белых партии не имели такого влияния на их политику. Также у красных были лидеры, превосходящие по своим организаторским способностям руководителей Белого дела. В отличие от своих противников красные создали эффективно действующий госаппарат, сумевший сконцентрировать и направить на военные цели имевшиеся в его распоряжении ресурсы.

Важнейшим средством борьбы противоборствующих сторон в Гражданской войне были спецслужбы и репрессивно-карательные органы. И у красных, и у белых они выполняли одинаковые функции, в том числе осуществляли политику террора. Но при внешней схожести между ними имелись принципиальные различия. Главное – это степень централизации, управляемости данных органов со стороны политического руководства. Репрессивно-карательные структуры советской власти подчинялись единому центральному руководству и контролировались им. Ее костяк составляли члены большевистской партии, идейно разделявшие программу и цели РКП(б) в Гражданской войне. Иной была ситуация у белых, правительства которых действовали в условиях отсутствия единого политического центра. Поэтому, в отличие от спецслужб и карательно-репрессивных органов красных, их деятельность определялась политикой конкретного режима, а также субъективным фактором руководящего состава данной структуры. Более эффективными в войне оказались спецслужбы и репрессивно-карательные органы красных. Им удалось, хотя и с большими трудностями, ликвидировать подпольные антисоветские организации, агентов белых и т.д.

Гражданская война стала испытательным полигоном для политических партий. Большевики захватили центральную власть. Наряду с ними действовали небольшевистские политические партии. Лишь одна из них – партия кадетов – выступила последовательной сторонницей Белого движения, способствуя его идейному и организационному оформлению. Остальные оказались в советском лагере, или поддержали антибольшевистские правительства, которые выступали под лозунгами Учредительного собрания и де-

мократии. И кадеты, и остальные небольшевистские партии проиграла в Гражданской войне. Они оказались слабее большевиков в организационном плане и идеологическом плане. У них не сложилось единого руководящего центра. Они скомпрометировали себя фактами прямого или кратковременного сотрудничества с белой контрреволюцией и другими антисоветскими силами. Им не удалось выдержать давление со стороны большевиков, которые свели к минимуму их влияние на население страны.

Экономика России периода Гражданской войны – это экономика, работавшая на войну и в условиях войны. Ее целью была поставка ресурсов противоборствующим сторонам, а также обеспечение чисто физического выживания населения страны. Она реализовывалась с помощью государственной политики и механизмов рыночных отношений. В годы войны экономика России оказалась в кризисном состоянии: резко снизились валовые показатели промышленного и сельскохозяйственного производства, в тяжелейшем положении оказался транспорт, была подорвана финансовая система страны. К кризису привели такие факторы, как дезорганизация производства, разрыв экономических связей, разрушение сложившегося механизма управления экономикой в результате революционных потрясений 1917 г., а затем раскола страны на враждующие лагеря в связи с началом Гражданской войны. Для сельского хозяйства глубина кризиса определялась политикой «военного коммунизма» большевиков.

Советская экономическая политика в годы войны получила название политики «военного коммунизма», поскольку она, с одной стороны, впитала в себя элементы коммунистической доктрины, а с другой была обусловлена войной. Эта политика позволила сконцентрировать в руках Советского государства необходимые ресурсы и направить их на борьбу с Белым движением: было получено продовольствие, сырье, военное снаряжение, удовлетворившие основные потребности Красной армии, транспорт перевез необходимые товары в города и на фронт. Добиться такого результата удалось за счет жесткой централизации управления основными отраслями промышленности, установления контроля над производством и распределением товаров. В то же время в годы войны существовали «черный рынок» и предпринимательство (на советской территории подпольное), позволившие обеспечить продуктами и товарами значительную часть населения страны, страдавшего от их недостатка.

Экономическая политика антибольшевистских правительств характеризовалась отменой советского законодательства в сфере экономики и курсом на сохранение регулируемого рынка. Она была более мягкой с точки зрения изъятия ресурсов у населения на государственные нужды, но не смогла конкурировать с советской по объемам производства и мобилизационным возможностям, что стало одной из причин поражения белых в войне.

Гражданская война стала суровым испытанием для жителей России, которые погибали на ее фронтах, становились жертвами террора, эпидемий, голода, выживали в крайне тяжелых условиях. Они испытали психологический стресс из-за крушения старого мира и нарождавшегося нового, от ужасов братоубийственной войны. При этом и красные, и белые (хотя и в меньшей степени) заставляли их выполнять обременительные государственные повинности, нередко с помощью насилия.

Противоборствующие стороны не только выжимали из населения все соки, но и пытались облегчить положение ряда категорий граждан. Например, советская власть создала централизованную систему государственных органов, которые осуществляли социальную политику государства, основанную на «классовом подходе» и государственной системе регулирования трудовых и жилищных отношений, соцобеспечения и здравоохранения. Несмотря на издержки «классового подхода» (дискриминацию в вопросах соцобеспечения категории «бывших» граждан из буржуазных и привилегированных сословий), она заслуживает высокой оценки, поскольку благодаря ей удалось обеспечить продовольствием, жильем и медицинской помощью население, работавшее на советскую власть в промышленности, госаппарате, органах образования, культуре, здравоохранении, на транспорте и т.д.

Несомненны успехи советской социальной политики в борьбе с эпидемиями, в области охраны материнства, детства, семьи, эмансипации («раскрепощения») женщин. В то же время крестьянство, обремененное государственными повинностями (продразверсткой, мобилизациями в Красную армию и т.п.), оказалось «обделено» ею, за исключением периода голода 1921–1922 гг. В целом социальная политика советской власти была одним из факторов победы большевиков в Гражданской войне.

В условиях войны антибольшевистские правительства также уделяли внимание социальным проблемам, используя опыт царского и Временного правительств в организации бирж труда, стра-

ховании рабочих, выплате пенсий, компенсаций гражданам, пострадавшим от революции и большевиков и т.д. Наиболее успешным направлением социальной политики белых была выплата пенсий и пособий лицам, связанным с армией и госаппаратом. Нехватка средств, а также кратковременный период существования антибольшевистских правительств, не позволили им в полной мере реализовать свою социальную политику.

В годы войны на почве дороговизны, безработицы и по другим причинам возникло протестное рабочее движение, в массовом сознании укоренялся негативный образ советской действительности и большевистской власти. Но одновременно появились коммунистические субботники – феномен Гражданской войны, свидетельство поддержки советской власти ее многочисленными сторонниками из числа рабочих. Ничего подобного не наблюдалась в противоположном лагере участников войны.

В период Гражданской войны были заложены основы советской культуры, образования и науки: осуществлялась политика ликвидации безграмотности, доступности для населения школьного и высшего образования, создавались научные центры, высшие и специальных учебные заведения, внедрялись передовые методы обучения и воспитания, утверждалась советская государственная символика (флаг, гимн), новые формы художественного творчества (плакатная живопись – «Окна Роста» и т.д.) и т.д. На подконтрольной белым территории открывались новые университеты, поддерживалась школа и наука.

В годы войны преподаватели вузов, учителя, ученые пережили голод, эпидемии, репрессии и террор, многие из них эмигрировали или были высланы советской властью как политически неблагонадежные. Но большинство представителей творческой и научной интеллигенции осталось в России и продолжило свою деятельность на ниве народного просвещения, культурного строительства и научного познания.

В период Гражданской войны на территории бывшей Российской империи происходили сложные и драматические национальные процессы, активно развивались национальные движения, имевшие целью создание собственной национальной государственности, или самостоятельной от России, или в рамках их автономии в составе России, как советской, так и антибольшевистской. Противостоящие друг другу в войне стороны выработали и реализовали на практике свои варианты решения национального вопроса.

Большевики выдвинули идею права наций на самоопределение и поддержали в национальных регионах страны национальные политические силы, придерживавшиеся советской ориентации и союза с Советской Россией. За основу национально-государственного строительства они взяли федеративный проект, суть которого состояла в признании возникших в различных регионах страны советских национальных республик. Успешная реализация национальной политики советской власти в годы войны во многом была обеспечена эффективной работой Народного комиссариата по делам национальностей во главе с И.В. Сталиным. Эта политика создала условия для образования СССР – новой формы российской государственности.

Национальная политика белых правительств формировалась и реализовывалась каждым из них отдельно, но имела единую позицию в вопросе сохранения территориальной целостности России, негативного отношения к новым национальным государствам на территории бывшей Российской империи (УНР и др.) и сепаратизму. Позорным явлением белой власти были еврейские погромы, запреты на преподавание родного языка в школах. В результате Белое движение так и не создало антибольшевистского фронта с активным участием народов России, что стало еще одной причиной их поражения в Гражданской войне.

Во время войны были предприняты попытки создания национальных государств (УНР, БНР и др.). На территории Украины и Белоруссии они не увенчались успехом, поскольку их существование было возможно лишь при поддержке внешних сил (Германии, Польши и др.), участвовавших в борьбе с большевистской Россией. Как только ее не стало в результате поражения стран Четверного союза в мировой войне, военных побед Красной армии и по другим причинам, УНР и БНР прекратили свое существование. Им на смену пришли советские республики, поддержанные Советской Россией.

Гражданская война стала временем выживания и приспособления к новым реалиям для церкви и верующих. Их положение принципиально изменилось по сравнению с предшествующим периодом. На подконтрольной большевикам территории церковь была отделена от государства и школы, Русская православная церковь потеряла первенствующее положение среди других конфессий, священнослужители и верующие пережили гонения и террор со стороны советской власти, часть из них поддержала новую власть в рамках обновленческого движения.

Духовенство разделилось на противников и сторонников советской власти, представители которых участвовали в Гражданской войне на той или иной стороне. На территории белых Русская православная церковь и другие конфессии не признавали советских антирелигиозных законов и поддерживали Белое дело. В самостоятельную военно-политическую силу в годы войны превратился мусульманский фактор, с которой в своей политике считались и белые, и красные.

Таким образом, в России в годы Гражданской войны произошли важнейшие перемены в общественно-политической жизни, экономике, социальных и национальных отношениях, образовании, науке и культуре, утвердилась советская государственность во всех ее проявлениях, население страны пережило тяжелейший и драматический период. В результате возникла новая, Советская Россия, противостоявшие ей в войне политические силы потерпели поражение и не реализовали свой вариант общественно-политического и социально-экономического развития страны. Начался новый этап в истории российской государственности.

Общее заключение. *В.И. Голдин, В.В. Кондрашин*

Гражданская война в России сыграла важную, но крайне противоречивую роль в отечественной и мировой истории. Поэтому ее осмысление, предпринятое в этом томе, рассмотрение процессов противоборства и противостояния на военном, политическом, социальном и культурном фронтах, внутри страны (и в различных ее регионах) и за ее пределами, осмысление исторических уроков представляется полезным для наших современников.

Прежде всего, следует отметить, что это была трагедия страны, потому, что брат шел на брата, а примирение оказалось невозможным, ввиду непреодолимой пропасти между ее участниками по вопросам прошлого, настоящего и будущего России. Главное, к чему стремились авторы тома – это представить на суд читателя сбалансированный подход в освещении Гражданской войны, как переломного события в истории России, имевшего историческое значение и исторические последствия. На его страницах нет правых и виноватых, героев и антигероев. И красные, и белые воювали за Россию и были ее патриотами. Но каждый любил ее по-своему, и у каждого была своя правда. Рассказать о ней языком достоверных фактов, не утаивая неудобные из них, а, тем более, не искажая их, не занимая ту или иную сторону, встать над схваткой

и попытались авторы тома на его страницах. Они убеждены, что только научное и беспристрастное осмысление истории Гражданской войны – единственно верный путь поиска истины, преодоления разногласий, исторического примирения по этому драматическому событию отечественной истории.

Это долгий путь, но учитывая научную и общественную значимость проблемы, по нему будут идти дальше новые поколения российских и зарубежных исследователей. Поэтому представленная в томе авторским коллективом версия истории Гражданской войны не может быть окончательной. Она отражает лишь авторское видение проблемы и является попыткой познакомить читателя с современным состоянием историографии проблемы. Изложенный в томе материал позволяет высказать ряд принципиальных суждений по наиболее важным и дискуссионным вопросам истории Гражданской войны в России.

Остается дискуссионным вопрос о хронологических рамках войны. Одни исследователи ее началом считают Февральскую революцию, другие – корниловское выступление, третьи – поход войск Краснова – Керенского на Петроград и т.д.¹ При этом у всех не вызывает сомнений факт резкого обострения противоборства после захвата власти большевиками, которое в ряде районов страны приобрело уже вооруженный характер. Но в это время Гражданская война носила лишь очаговый, локальный характер, приобретая наиболее острые формы в некоторых казачьих районах и на Украине, где противники большевиков, оказавшись в явном меньшинстве, в начале 1918 г. потерпели поражение. Это было началом Гражданской войны в широком смысле слова, «малой» Гражданской войной, в которую не была втянута основная масса населения. В ней участвовала лишь незначительная его часть. Остальная была занята решением насущных вопросов, которые продекларировал II съезд Советов, и которые были созвучны ожиданиям и интересам большинства жителей страны: мир, конец войне, возвращение солдат домой, разрешение земельного, рабочего и национального вопроса. У основной массы населения сохранялись надежды на перемены к лучшему. Но им не суждено было сбыться. В результате действий и сверху, и снизу, совокупности внутренних и внешних факторов нарастали кризис, хаос, которые в конце весны – начале

---

¹ См.: Гражданская война в России: взгляд через 100 лет. Проблемы истории и историографии. СПб., 2018. С. 187, 193–197.

лета 1918 г. привели к широкомасштабной и фронтовой Гражданской войне.

Как известно, противники советской власти обосновывали свою непримиримую позицию в отношении большевиков фактом их «узурпации власти», свидетельством которой был роспуск Учредительного собрания. Авторский коллектив тома и большинство исследователей не считают роспуск Учредительного собрания катализатором Гражданской войны, поскольку последующие месяцы не вызвали взрыва сопротивления в стране. Объяснялось это тем, что «поезд» Учредительного собрания к этому времени уже ушел. Если бы оно собралось ранней осенью – у него еще был какой-то шанс стать действительно общенациональной властью, но не более. Попытка в дальнейшем собрать противников большевиков под знаменем Учредительного собрания успеха не имела, ибо слишком по-разному они относились к составу этого Учредительного собрания (правые и военные – адмирал Колчак, в частности, впоследствии поддерживали его разгон) и по-разному видели программу действий и будущее России. В то же время нельзя не отметить упущенный большевиками (в лице Совнаркома и ВЦИК) и эсеровским большинством Учредительного собрания шанс учредить новую демократическую Россию с помощью компромисса, который обсуждался в конце 1917 г. и в первые дни 1918 г.

Роль катализатора Гражданской войны сыграл и внешний фактор: Брестский мир, вооруженное выступление Чехословацкого корпуса, иностранная интервенция.

Период широкомасштабной фронтовой Гражданской войны закончился в 1920 г. исходом из Крыма разбитых красными частями Русской армии и находившихся там гражданских лиц – противников советской власти. Но сама война продолжалась еще два года событиями в Кронштадте, «антоновщиной» – крестьянской войной в Тамбовской губернии, крестьянским восстанием в Западной Сибири, боями за советскую власть на территории Дальнего Востока. Поэтому окончанием войны следует считать 1922 г., когда пал последний плацдарм белых на Дальнем Востоке, который являлся частью страны. В это же время был ликвидирован «крестьянский фронт», и большевики, таким образом, победили всех своих врагов в Гражданской войне. Символом этой победы и убедительным фактом необратимости результатов войны стало создание в 1922 г. Советского Союза.

Кто были основными участниками Гражданской войны? Традиционно эта война воспринималась как противостояние белых и красных армий. И действительно, по большому счету судьба страны решалась в ходе фронтовых сражений между красными и белыми. Но в вооруженной борьбе участвовали не только армейские части. Был еще и «крестьянский фронт», когда воевали в лесах, на тачанках и т.д. На страницах тома показано, как это было, насколько масштабным было крестьянское повстанческое движение, особенно в 1921 г. Для его подавления командование Красной армии задействовало боевые части, применяло бронепоезда и артиллерию. Наконец, в войне принимали участие националисты, отстаивавшие вооруженным путем созданную ими государственность от посягательств и красных, и белых (например, режим С. Петлюры на Украине). Поэтому Гражданская война – это, во-первых, война между красными и белыми; во-вторых, война крестьян против белых и красных за свои чисто крестьянские интересы; в-третьих, война национальных и региональных правительств против центра.

Участники военных действий не могут быть отделены от остального населения страны, которое непосредственного участия в них не принимало и составляло подавляющую массу всего населения. При этом следует иметь в виду, что противоборствующим сторонам по объективным причинам не удалось бы поставить под ружье больше подвластного населения, чем это было сделано в ходе массовых мобилизаций. Солдат ведь надо одеть, обусть, накормить, вооружить, а возможности для этого были ограничены имеющимися ресурсами, как у красных, так и у белых. Тем не менее, на нужды армий противоборствующих сторон работало почти все население страны. Например, продразверстку и другие повинности выполняло все крестьянство. То же самое с трудовой повинностью для городского населения. Поэтому Гражданская война в той или иной степени коснулась каждого, причем самым непосредственным образом: на фронтах, на производстве и в других сферах деятельности в тылу, в застенках ВЧК и белой контрразведки, в крестьянских повстанческих отрядах и т.д.

Какие факторы предопределили победу в войне Советской России? Итоги войны, ее исход и свою победу сами большевики нередко называли историческим чудом, учитывая крайне неблагоприятное соотношение сил, борьбу с противниками не только внутри страны, но и с международной интервенцией. Но в действительности эта победа была во многом закономерной, обу-

словленной комплексом причин, связанных, с одной стороны, со слабостями и проблемами противников большевиков, а с другой, – с преимуществами и достоинствами, которыми обладали большевики, Советская Россия и Красная армия.

Начнем все-таки с того, что противники большевиков обладали рядом несомненных преимуществ. Командный состав Белого движения был лучше профессионально подготовлен, и белые, в отличие от большевиков, не боялись измены в своих рядах. Противники советской власти располагали большей частью таких хорошо подготовленных в военном отношении групп населения, как казачество и офицерство. Они, контролируя основные сельскохозяйственные районы и имея на своей территории меньше крупных городов, тем самым лучше обеспечивали продовольственное снабжение, что было важным фактором в Гражданской войне. Кроме того, белогвардейцы получали большую военную и финансово-экономическую помощь из-за рубежа, опирались на поддержку, в том числе вооруженную, иностранных союзников. Антибольшевистские силы пользовались поддержкой Церкви в лице различных ее конфессий. Но, несмотря на все это, они потерпели поражение.

К числу причин поражения противников большевиков относятся территориальная разобщенность, отсутствие согласованности, единого плана действий и военной стратегии, четкой связи и взаимодействия белых армий. Белые на протяжении всей Гражданской войны оставались разрозненными, действовали несогласованно, хотя формально объединились, признав Верховным правителем России адмирала Колчака.

Белое движение опиралось на более слабо развитые регионы, чем красные, на окраины, где не было военной промышленности, что ставило их в зависимость от иностранных поставок, и развитой транспортной системы. Негативную роль играло отсутствие единого и сплоченного руководства антибольшевистского движения, соперничество военных и политических лидеров, дефицит авторитетных руководителей, которые по своему уровню и популярности среди населения могли быть сравнимы с лидерами большевиков.

Характерной чертой военного времени являлось ослабление партийно-политической составляющей антибольшевистского движения при общей тенденции его поправления, движении к военной диктатуре, что означало и сокращение социальной опоры бело-

гвардейских режимов. Неспособность создать широкий политический фронт оппозиционных большевикам сил – от умеренных социалистов до правых и монархистов – и обеспечить их единство действий, привлекая на свою сторону и широкие слои населения, во многом обусловило их поражение в Гражданской войне. Одной из причин неудач, выявившихся уже на начальном этапе борьбы и усиливавшихся в ходе ее, была несовместимость и противоборство умеренных социалистов, которые могли привлечь на сторону противников большевиков значительные слои населения, и ядра Белого движения – офицерства, которое было призвано обеспечить военную организацию противобольшевистских сил (армий).

Отдельные социальные группы, оказывавшие большую поддержку Белому движению, вместе с тем, реализуя свои частные интересы, несли ему слабость и противоречивость. Речь идет прежде всего о казачестве с его тягой к автономии и стремлением защищать от большевиков только свои земли, часто не желая выходить за их пределы, как того требовали стратегические интересы войны, и с «атаманщиной», как выражением или стремлением к независимости от высшего белого командования.

Среди противоречий Белого движения была борьба сторонников прозападного и традиционного направлений в его рядах. В целом же были очевидны его идейно-политические слабости. Отсутствие общей программы борьбы не компенсировалось наличием формулируемых целей и задач. Тактика «непредрешенства» не столько объединяла, сколько вызывала вопросы и сомнения, связанные с перспективами борьбы, будущим устройством страны и решением ключевых проблем, волновавших общество, в случае победы белых. Лозунг «единой и неделимой России» вызывал большие сомнения у представителей национальностей, а великодержавие и часто агрессивный русский национализм белых отталкивали от них лидеров национальных движений. Слабостью Белого движения была не только национальная, но и рабочая, и аграрно-крестьянская политика. Противники большевиков не смогли сформулировать программу борьбы, которая привлекла бы на их сторону основную часть населения. Отсутствие широкой социальной опоры и прочного тыла белых режимов во многом предопределило исход борьбы в Гражданской войне.

Большой темой Белого движения была низкая эффективность управления, часто пораженного коррупцией. Одной из причин его поражения была морально-нравственная деградация власти

и самого движения. Один из его видных участников В.В. Шульгин писал в связи с этим: «Белое движение было начато почти что святыми, а кончили его почти что разбойники». «Утверждение это исторгнуто душевной жестокой душевной болью, – добавлял он, – но оно брошено на алтарь богини Правды»¹.

Крайне противоречивую роль в Гражданской войне сыграла иностранная интервенция в России, первоначально, в 1918 г., государств Четверного союза, и в течение нескольких лет стран Антанты. Она носила комплексный характер: вооруженное вмешательство (с нахождением на российской земле, хотя и одновременно, более 1,5 млн. иностранных солдат), политические и финансово-экономические действия, экономическая и торговая блокада Советской России. Осуществление интервенции крайне обострило Гражданскую войну в России, было ее важным компонентом, имевшим противоречивые последствия. С одной стороны, иностранное вмешательство, и прежде всего вооруженное, представляло большую опасность для советской власти, а с другой – создавало, казалось бы, благоприятные условия для расширения и укрепления антисоветского движения и победы противников большевиков в войне. Но в действительности все оказалось неизмеримо сложнее.

Конец 1917 и большая часть 1918 г. прошли под знаком непростого выбора, который делали противники советской власти в России между двумя противоборствовавшими в мировой войне коалициями, расширявшими военное присутствие на российской земле. В ряде случаев это вело к расколу в 1918 г. противников большевиков по вопросу о выборе внешнеполитической ориентации (партия кадетов, «Правый центр»). Окончание Первой мировой войны и поражение Четверного союза сделали выбор безальтернативным и помощь противники большевиков могли получать только со стороны стран Антанты.

Гражданская война обнажила разные варианты отношений интервентов и противников большевиков внутри России. В ряде регионов антисоветские режимы самим своим возникновением были обязаны действиям интервентов (Север России и, в известной мере, Дальний Восток), что предопределяло и характер их отношений, в других – возникшие антибольшевистские правительства стремились получить всемерную военную и финансово-экономи-

---

¹ Шульгин В.В. Дни. 1920: Записки. М., 1989. С. 69.

ческую помощь из-за рубежа. Без иностранной военной помощи белые армии не смогли бы вести сколько-нибудь продолжительные и успешные боевые действия против Красной армии. Но получение помощи из-за рубежа и складывание военно-политического союза с интервентами часто не столько улучшали, сколько осложняли положение антибольшевистских правительств, ибо усиливали их зависимость от внешней поддержки и играли на руку пропаганде большевиков утверждавшей, что они являются марионетками иностранного империализма.

Мотивация действий стран-участниц интервенции в России эволюционировала на протяжении войны, включая в себя комплекс политических, геополитических, военно-стратегических и экономических мотивов и интересов. Если первоначально действия зарубежных государств в России были во многом обусловлены военно-стратегическими интересами, проистекавшими из мировой войны, – ликвидировать Восточный фронт или, напротив, воссоздать его, то в дальнейшем, на протяжении 1918 г. и особенно после окончания мировой войны приобретали ярко выраженный антибольшевистский и антироссийский характер, были направлены на ослабление и раскол российского государства, ликвидацию его как влиятельной силы в международных отношениях, укрепление или восстановление экономических позиций зарубежного капитала в России.

Налицо были глубокие противоречия во взглядах иностранных лидеров и военачальников ведущих стран Антанты на характер и цели интервенции и прежде всего в отношении масштабов вооруженного вмешательства в Россию и объемов помощи противникам большевикам здесь, что мешало выработке стратегии интервенции и ее осуществлению. Не увенчались успехом попытки руководства Антанты вовлечь в активную военную интервенцию против Советской России граничащие с ней малые страны.

Иллюзией оказались надежды лидеров антибольшевистского движения на бескорыстную помощь союзников по Антанте. В период Гражданской войны и в дальнейшем в эмиграции из лагеря противников большевиков часто звучали суждения, что лидеры держав Антанты предали их, эвакуируя свои войска из России, прекращая или сводя к минимуму военную и иную помощь и, более того, что действия интервентов оказались в большей мере на руку большевикам, чем тем, кому, казалось бы, они призваны были помочь.

Действительно советская власть успешно вела пропагандистскую войну против интервентов, что дало Ленину основание заявить, что «мы у нее (Антанты) отняли ее солдат»¹, а также и против белогвардейцев. Большевики убеждали население в том, что ведут борьбу за спасение Отечества от иностранного порабощения, что Гражданская война – это во многом и отечественная война против иностранных захватчиков. И это находило отклик среди значительной части населения России и представителей разных его слоев.

С другой стороны, следует иметь в виду, что участники интервенции стремились реализовать в России прежде всего собственные цели, а противников большевиков хотели использовать для их реализации. К тому же, лидеров ведущих стран Антанты настораживали великодержавные амбиции сторонников «единой и неделимой» России, и им не нужно было возрождение сильного российского государства как конкурента на международной арене.

Вместе с тем, своей победой в Гражданской войне большевики обязаны были не только слабостям и противоречиям своих противников. Они имели немало преимуществ и сильных сторон и прежде всего олицетворяли собой и своей программой многовековую мечту людей о справедливом обществе, без насилия и без эксплуатации человека человеком. Советская власть и большевики использовали в своих интересах многовековую ненависть «низов» к «верхам», белые же ассоциировались в широком народном сознании с прежними правителями, и это во многом предопределило исход Гражданской войны.

В отличие от своих противников, которые не смогли выработать и реализовать общегосударственную политическую и социально-экономическую программу, большевики сумели это сделать. Они обеспечили подчинение всей жизни Советской России и общества интересам вооруженной борьбы, проводили жесткую и целенаправленную политику в различных сферах жизни. В сравнении со своими противниками и в отличие от них большевики были способны вести диалог с обществом, говорить с основными слоями населения – рабочими и крестьянами не только на языке насилия, но используя аргументы убеждения и ссылаясь на то, что уже было сделано после революции в их пользу советской властью. Большевики, несравненно более умело, активно и успешно,

---

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 39. С. 391.

чем противники, умели говорить и взаимодействовали с представителями различных национальностей.

В широком общественном сознании масс руководители советской власти воспринимались как люди, делавшие ошибки, проводившие чрезвычайную, а нередко и жестокую политику, но в то же время как выходцы из народа, движимые в своих действиях суровыми реалиями войны. Значительная часть населения выражала надежду, что с окончанием войны политика большевиков и советской власти изменится к лучшему.

Особую роль в победе сыграла партия большевиков, которая в годы войны кардинально изменилась, стала ядром и главной цементирующей силой государства и вооруженных сил. Ее руководство прорабатывало и контролировало все вопросы жизни страны и общества, от идеологии и политики до военного дела, экономики, социальных отношений и культуры, организации партизанского движения и подполья в тылу врага и через свою жесткую и дисциплинированную структуру партийной организации проводило намеченное в жизнь.

Идейно-политическая и организационная сплоченность советского лагеря, руководимого коммунистической партией, с целеустремленностью, верой в будущее, революционным фанатизмом и аскетизмом, присущим большинству его членов, была важным фактором победы в войне. К концу Гражданской войны в РКП(б) насчитывалось свыше 730 тысяч человек, составлявших ядро армии и государственного аппарата в центре и на местах. Партия большевиков обладала разветвленной сетью партийных ячеек – более 20 тысяч к концу 1920 г., которые помогали контролировать ситуацию в городской и сельской местности, на фронте и в тылу¹.

Коммунистическая партия имела плеяду ярких харизматических лидеров, способных говорить с массами, равных которым не имели их противники. Большевики оказались лучшими строителями новой государственности, более дееспособной в условиях войны, чем у их оппонентов. Несмотря на совершаемые ошибки, советская власть и большевики более умело, гибко и своевременно, в сравнении с противниками, перестраивали свою стратегию и тактику в меняющихся условиях Гражданской войны, постоянно имели в своем распоряжении довольно значительные материаль-

---

¹ История Коммунистической партии Советского Союза. В 6 томах. Т. 3. М., 1968. С. 554, 555.

ные, военные и социальные ресурсы, предопределявшие поворот в их пользу в критические моменты войны.

В руках большевиков находилась центральная часть страны с ее крупным промышленным потенциалом, транспортными узлами и коммуникациями, что давало им несомненные географические, геополитические, военно-стратегические и экономические преимущества над противниками, действовавшими разрозненно, позволяло эффективно перенаправлять и концентрировать силы для противодействия врагу.

Во многом определяющим фактором победы в войне была Красная армия, армия нового типа, многочисленная (более 5 млн. к концу Гражданской войны), организованная и сплачиваемая на основе новых принципов, которая, несмотря на многочисленные трудности в строительстве, научилась побеждать армии своих противников. Ее ядро составляли коммунисты (около 300 тыс. человек, более 50 тыс. из которых погибли) и комсомольцы (более 70 тыс. к концу войны)¹. Партийные, комсомольские и профсоюзные мобилизации в армию были чрезвычайно значимы для укрепления ее рядов.

Победы Красной армии во многом определялись ее командным составом. В создании Красной армии важную роль сыграли военные специалисты. В 1918 г. доля бывших офицеров в командном составе Красной армии составляла 75 %, но в дальнейшем она снижалась – 53 % в 1919 г., 42 % в 1920 г., 34 % в конце 1921 г. и в 1922 г. – не более 23 %. Это являлось и результатом выдвижения на командные должности лучших солдат, матросов, рабочих и крестьян. Тем более, что в Советской России действовали в годы войны многочисленные курсы красных командиров, дававших Красной армии новые командные кадры. В 1922 г. в РККА числилось: 4710 кадровых офицеров, получивших образование до начала Первой мировой войны, 15592 офицера военного времени, 39896 командиров без военной подготовки, 220 выпускников военных академий, 2372 выпускника высших школ, 12752 выпускника школ и курсов командного состава². В конце Гражданской войны в РККА служили около 130 тысяч командиров, и не менее чем две

---

¹ История Коммунистической партии Советского Союза. В 6 томах. Т. 3. М., 1968. С. 554, 561.

² Ганин А.В. Семь «почему» российской Гражданской войны. М., 2018. С. 41.

трети из них составляли представители рабочего класса и трудящегося крестьянства¹. Следует заметить, что командный состав Красной армии был очень молодой. В 1922 г. молодые люди в возрасте от 18 до 32 лет составляли в нем 93,4 %, в том числе около 57 % – в возрасте 23 – 27 лет².

В годы Гражданской войны в Советской России сформировалась блестящая плеяда талантливых и выдающихся полководцев и военачальников, в их числе были и крупные специалисты старой русской армии, и командиры-самородки, выходцы из народа, деятельность которых во многом определила успех в войне.

Родившееся в годы Гражданской войны советское военное искусство имело важные и принципиальные особенности, отличалось единством военной и политической стратегии, способностью сосредоточить основные усилия на главном и решающем направлении, быстро переориентироваться и перегруппировывать силы в соответствии с меняющейся ситуацией, использовать разнообразие форм оперативного маневра, учитывать боевые и морально-политические факторы и др.

В сплочении Красной армии, повышении ее боевого и морального духа, в политическом и ином воспитании личного состава важную роль играли партийно-политический аппарат и военные комиссары, опиравшиеся на большевистские партийные ячейки в войсках. Кроме того, они держали под своим неослабным контролем деятельность военных специалистов.

Система ВЧК и чрезвычайных комиссий, при всех их проблемах и недостатках деятельности, внесла большой вклад в обеспечение безопасности тыла Советской России, в борьбу с политическими противниками и контрреволюционными организациями.

Массовое подпольное и партизанское движение в тылу противника, дезорганизовавшее его и охватившее огромные территории, в котором важную роль играли большевики, стало важным фактором победы в Гражданской войне.

Национальная программа с ее привлекательными положениями и лозунгами (право наций на свободное самоопределение, вплоть до отделения и образования самостоятельных государств, отмена всех национальных и национально-религиозных привилегий и

---

¹ История гражданской войны в СССР. В 5 томах. Т. 5. М., 1960. С. 375.

² Ганин А.В. Семь «почему» российской Гражданской войны. М., 2018. С. 40–41.

ограничений, свободное развитие всех национальных меньшинств и др.) и политика советской власти обеспечивали сплочение вокруг нее значительной части трудящихся разных национальностей многонациональной страны. Важным фактором победы большевиков в войне стал военно-политический союз советских республик, объединение их усилий и ресурсов. Этому всемерно способствовало наличие единой коммунистической партии, действовавшей на обширном постимперском пространстве, работа ее национальных структур и подразделений. По мере расширения пределов Советской России большевики получали значительную общественную легитимизацию как собиратели земель распавшейся Российской империи.

Советская власть умело использовала в борьбе с внешними и внутренними противниками, для разложения и деморализации их войск идейно-политическое и агитационно-пропагандистское оружие. В условиях иностранной интервенции большевики воспринимались значительной частью общества как государственники, спасающие Отечество от внешнего врага и порабощения страны. Они взаимодействовали и умело использовали в своих интересах нараставшее за рубежом движение под лозунгом «Руки прочь от России!», охватывавшее разные слои населения в странах-участницах интервенции и выступавшее за вывод из России иностранных войск.

Важным фактором поддержки Советской России являлось оформившееся в годы Гражданской войны международное коммунистическое движение (компартии и группы существовали к концу 1920 г. в 40 странах мира¹), организационным и политическим центром которого был Коммунистический Интернационал, активно взаимодействовавший с советским руководством и партией большевиков. Значимую роль в победе большевиков в войне сыграли несколько сот тысяч иностранцев, именуемых в то время интернационалистами, в большей своей части бывших военнопленных, воевавших в рядах Красной армии и работавших в партийных и государственных органах, в составе чрезвычайных комиссий, действовавших в подполье и в рядах партизанского движения на контролируемых противником территориях.

---

¹ История Коммунистической партии Советского Союза. В 6 томах. Т. 3. С. 563.

В ходе Гражданской войны рождалась советская внешняя политика и дипломатия, которые действовали не только и не столько на межгосударственном уровне, сколько воздействовали через головы иностранных правительств непосредственно к народам этих стран, использовали противоречия внутри империалистических держав и между странами-участницами интервенции в России, между крупными и малыми государствами.

Чрезвычайная социально-экономическая политика, именуемая «военным коммунизмом», несмотря на все ее недостатки и негативные последствия, позволила советской власти выжить, выстоять в тяжелое военное время, дать фронту необходимое оружие, амуницию и снаряжение, а тылу – хотя бы в минимуме, но промышленные товары, сырье и продовольствие.

Советская власть и большевики при всех перепадах общественного мнения и настроений общества обладали в условиях войны большей поддержкой, и прежде всего низов населения, чем их противники, что, конечном итоге, и предопределило исход Гражданской войны, победу советского лагеря в ней. Эта победа была достигнута колоссальным перенапряжением сил и, благодаря использованию методов как убеждения, организации, так и насилия.

Впрочем, сама тема победы в Гражданской войне нередко является предметом дискуссии, ибо существуют суждение, что в подобных войнах нет, и не может быть победителей, но проигрывает все общество и население страны в целом, неся колоссальные потери и издержки. Вместе с тем, существует и точка зрения, что в войне выиграли не большевики, а крестьянство, заставив советскую власть отступить и ввести НЭП.

Действительно крестьянство, составлявшее более 80% населения России, во многом предопределило исход Гражданской войны в России. Но при всей противоречивости поведения крестьянства в Гражданской войне, его массовом протестном движении и стремлении воплотить на практике «свою правду», именно поддержка, оказанная его значительной частью советской власти в борьбе с белогвардейцами, и союз рабочего класса и трудового крестьянства стали одной из причин победы большевиков в войне.

Рабочий класс, при наличии в его рядах протестных настроений и действий в отношении советской власти в военные годы и при резком сокращении его численности, тем не менее, в значительной своей части являлся главной и наиболее надежной соци-

альной опорой большевиков, ядром Красной армии, РКП(б) и государственного аппарата страны.

Россия вышла из Гражданской войны, понеся большие экономические потери. Ущерб, причиненный народному хозяйству, составил около 50 млрд. золотых рублей. Промышленное производство упало до 4–20 % от уровня 1913 г. Сельскохозяйственное производство сократилось почти вдвое¹. Все промышленные и производственные мощности европейской части страны находились в критическом состоянии. Особенно пострадали объекты машиностроения, металлургии и в целом тяжелой промышленности. Была разрушена и приведена в негодность большая часть производственного потенциала фабрик и заводов легкой промышленности, принадлежащих ранее частным лицам. Были разрушены ранее существовавшие экономические связи между регионами страны.

Колоссальный ущерб был нанесен транспорту. За время военных действий была нарушена целостность его инфраструктуры, не разрушенными оказались лишь 15 тысяч верст железных дорог из 75 тысяч, существовавших в 1914 году. Была разрушена банковская система, что способствовало оттоку материальных ценностей из страны, несмотря на проведение национализации банковского сектора. Обесценивание национальной валюты привело к переходу на систему товарообмена. Тяжелый ущерб понесли и другие отрасли экономики. В ходе военных действий и последовавшей разрухи пострадали тысячи городов, поселков и деревень, заводов и железных дорог, огромные имущественные потери понесли жители страны.

К числу последствий Гражданской войны относится деурбанизация. Города обезлюдели, происходил массовый отток населения в сельскую местность ради выживания.

Одной из самых трагичных страниц и последствий Гражданской войны являлись человеческие потери. Эта тема относится к числу наиболее сложных и дискуссионных. В большей мере изучены потери Красной армии и антисоветских вооруженных формирований. Согласно существующим оценкам, общие безвозвратные потери Красной армии составили 939765 человек, и примерно такими же были потери антисоветских вооруженных формирований. Таким образом, безвозвратные потери воюющих армий составили менее 2 млн. человек, или 1,4 % от всего населения к на-

---

¹ Гражданская война в СССР. В 2-х томах. Т. 2. М., 1986. С. 406.

чалу 1918 г.¹ Причем, основную часть этих потерь составили не погибшие в ходе боевых действий, а умершие в результате болезней, и прежде всего инфекционных.

Одной из особенностей гражданских войн в сравнении с другими видами войн является то, что в них гибнет главным образом гражданское население, и главным образом от болезней и голода. По данным В.П. Данилова, смертность в стране только от эпидемии испанки составила 3–4 млн. человек, а от тифа, дизентерии и оспы умерло 2,1 млн.² Одним из страшных последствий Гражданской войны стал голод 1921 – 1922 гг., вызвавший массовую смертность населения.

В целом же, данные от прямых потерь населения страны в результате Гражданской войны варьируются в большом пространстве – от 4,4–8 до 16–18 млн. человек, нередко останавливаясь на средней между ними цифре в 10–13 млн.³ Ю.А. Поляков, многие годы занимавшийся изучением темы населения и его потерь в результате Гражданской войны, утверждал, что оно в сопоставимых границах сократилось с 1917 по 1922 г. почти на 13 млн., а косвенные потери народонаселения составили 12 млн. человек⁴.

Но потери от Гражданской войны – это не только погибшие, умершие от ран, голода и болезней, а также ушедшие из жизни преждевременно в результате ее последствий. Одной из тяжелых потерь для страны являлась эмиграция из страны. Наиболее распространенная оценка численности эмигрантов – 2 млн. человек,

---

¹ Гриф секретности снят. М., 1993. С. 54; *Поляков Ю.А.* Советская страна после окончания гражданской войны: территория и население. М., 1986. С. 104.

² Родина. 1990. № 10. С. 15.

³ Гражданская война в СССР. В 2-х томах. Т. 2. М., 1986. С. 406; *Поляков Ю.А.* Советская страна после окончания гражданской войны: территория и население. М., 1986. С. 127–128; Родина. 1990. № 10. С. 14–15; *Булдаков В.П.* Красная смута. М., 1997. С. 244; *Здоров А.А.* Гражданская война: потери населения. Опыт сравнительного анализа // Свободная мысль. 1999. № 10. С. 119; *В.И. Голдин.* Россия в гражданской войне. Очерки новейшей историографии (вторая половина 1980-х – 90-е годы). Архангельск, 2000. С. 216–217.

⁴ *Поляков Ю.А.* Гражданская война: взгляд сквозь годы // Гражданская война в России: перекресток мнений. М., 1994. С.279; *Поляков Ю.А.* Советская страна после окончания гражданской войны: территория и население. М., 1986. С. 127–128.

что соответствует количеству паспортов, выданных бывшим гражданам России от имени верховного комиссара Лиги Наций по делам беженцев Ф. Нансена. Но так как эти паспорта получали не все эмигранты, то общая их численность доводится, по некоторым оценкам, до 3,5 млн. человек¹. Значительную часть эмигрантов составляла интеллигенция и, хотя трудно оценить интеллектуальные потери, понесенные в результате этого страной, но они велики.

В результате боевых действий погибла значительная часть наиболее дееспособной и социально активной части населения, а следствием массового террора стало уничтожение или утрата, подавление или изоляция политически активной части граждан, что не могло не сказаться на послевоенных процессах.

Исход Гражданской войны в России имел различные последствия в разных сферах жизни страны и в международных отношениях, как кратковременного, так и долговременного действия. Одним из результатов Гражданской войны стало сокращение территории страны и создание независимых государств в Финляндии, Польше и Прибалтике, потеря Бессарабии. Россия потеряла территории, где проживало 15,4 % населения и находилось 10 % железных дорог и треть индустриальных предприятий, производивших пятую часть промышленных товаров².

Следствием Гражданской войны стало «усреднение» социально-культурного уровня населения, архаизация, окрестьянивание социума, ослабление городской цивилизации. Глубокие изменения произошли в социально-классовой структуре общества, исчезли целые классы и слои населения. Серьезнейшим образом пострадали островки городской культуры в стране, произошли процессы маргинализации.

Переплетение в Советской России в годы войны процессов архаизации, милитаризации и огосударствления, отождествляемого с социализмом, привело к ослаблению демократических и усилению авторитарных компонентов революционного процесса, способствовало «упрощению» всей общественной жизни.

Далеко идущими последствиями Гражданской войны стали централизация и бюрократизация власти, широкое использование ею приказных методов, традиции принуждения и репрессий.

---

¹ Родина. 1990. № 10. С. 15.

² Уткин А.И. Унижение России: Брест, Версаль, Мюнхен. М., 1994. С. 508.

На послевоенном развитии сказались укоренившиеся традиции классового подхода и классовой борьбы, доведенные до абсолюта в годы войны. Фактором долговременного действия стала уравнительность и ее конкретные проявления – уравнительная справедливость, уравнительная психология и аскетизм. Произраставшие из революции и развивавшиеся в условиях Гражданской войны они рождали привычку к однородному и более или менее равному низкому уровню жизни. Уравнительность в бедности стала устойчивой традицией советского времени. Но привычка к «затягиванию поясов» и уравнительность не создавали должных стимулов к экономической деятельности и повышению качества труда, не обеспечивали рост его производительности и объективно способствовали нарастанию сложных и негативных явлений, тормозили развитие страны в послевоенные годы.

В целом же, советское общество сформировалось во многом и выросло из Гражданской войны, поэтому сложившиеся привычки, традиции, психология и менталитет, поведение как руководителей, так и представителей широкой народной массы, во многом предопределили путь и направленность послевоенного развития.

Огромные изменения произошли в годы войны в коммунистической партии и советском государстве. Именно Гражданская война и ее чрезвычайные условия определили складывание однопартийной системы и характер функционирования партии большевиков (как своеобразной «партии-государства») и советской государственности. Военное время показало популярность советского типа и формы государственности в международных масштабах и стремление называть государства, где побеждали революции, советскими (Венгрия, Бавария).

Вместе с тем, в самой России Советы, формально сохраняя в своих руках всю полноту власти, на деле стали играть подчиненную роль во взаимоотношениях с партией большевиков, которая определяла характер государственной политики и следила за ее осуществлением. Этатизм, резко ослабший в условиях разрушения государственности в 1917 г., вновь возродился в ходе Гражданской войны, и советское государство закрепило за собой право вмешиваться и жестко контролировать все сферы жизни общества и личную жизнь граждан. Происходило растворение человеческой личности в государстве.

Характер борьбы – не на жизнь, а на смерть – вырабатывал соответствующие качества в партийных и советских кадрах: реши-

тельность, твердость, жесткость, перераставшую в жестокость, непримиримость, двухцветное – красно-белое видение мира, действительности и др. Политическая культура «воюющей партии» и ее членов, вернувшихся после окончания войны в основной своей массе в гражданское общество, как и в целом нескольких миллионов людей, прошедших в Красной армии школу войны, и у которых сформировался «военный менталитет», выступали гарантами незыблемости политических завоеваний революции и нередко противниками «перерождения» общества и власти в эпоху НЭПа. Но именно это и крайне затрудняло послевоенную перестройку общества на основе принципов рыночной экономики и гражданского мира.

В период Гражданской войны происходило формирование советской государственной идеологии, проистекавшей изначально из марксистской доктрины, которая, вместе с тем, претерпела кардинальные перемены. На смену первоначально господствовавшему в эпоху Российской революции политическому и идеологическому плюрализму приходит и утверждается идеология одной партии. «Пролетарский интернационализм», постепенно ослабевающая, уступает место советской имперской державности. Неоправдавшиеся надежды на мировую революцию и международную гражданскую войну, в т.ч. посредством «красной интервенции», сменились идеями «опоры на собственные силы» и строительства социализма в одной стране. В новой государственной идеологии переплелись авторитаризм, патернализм и новая коллективность, базирующаяся на традициях общинности.

Гражданская война оказала противоречивое воздействие на культуру страны, стала временем глубоких перемен, экспериментов, исканий и потерь, привнесла в политическую культуру нового общества традиции конфронтационности, разделения на «своих» и «чужих». В ходе войны родился особый тип «воюющей культуры», «красный» проект победил «белый» и стала формироваться новая советская культура. Но следствием эпохи войн стали глубокие социально-нравственные перемены в обществе, духовный кризис, дегуманизация, привычка к аргументам подавления и насилия. Духовное, идейно-политическое и психологическое наследие Гражданской войны стало живительным источником сталинизма, способствовало осуществлению так называемой «революции сверху» в конце 1920-х гг.

Многобразны оказались международные последствия Гражданской войны в России. Это прежде всего сам факт появления на

международной арене государства, провозгласившего социалистические цели и идеи, которые стали очень привлекательны в XX в. Резко активизировалась революционная борьба в мире, важным ее фактором стало коммунистическое движение с центром в Советской России в виде Коминтерна. Под влиянием событий в России произошел мощный подъем национально-освободительного движения, обнажился глубокий кризис капиталистической системы, которая в своем последующем развитии должна была учитывать исторические уроки Российской революции и Гражданской войны, проводить в жизнь социальные реформы.

В ходе Гражданской войны Советская Россия отвоевала себе право за самостоятельное существование, но характер складывающихся отношений, торговых, а затем и дипломатических, с капиталистическими государствами оставался сложным.

Важным следствием Гражданской войны в России стали недоверие, неприязнь и враждебность к западным странам и Японии – вчерашним участницам интервенции, укоренившиеся в умах руководителей советского государства и среди основной населения, что стало предпосылкой для формирования менталитета «осажденной крепости». Система Версальско-Вашингтонских договоренностей, которой страны Антанты – победители в Первой мировой войне попытались скрепить послевоенный мир и международные отношения, создавалась без участия России. Это сформировало негативное отношение советского руководства к ней и стимулировало послевоенное сотрудничество с Германией, другим изгоем новой системы международных отношений, что, в свою очередь, способствовало милитаризации последней и подрыву системы послевоенных договоренностей. В дальнейшем всё вышеуказанное привело к срыву замыслов создания системы коллективной безопасности в Европе и в конечном итоге к Второй мировой войне.

Победа большевиков в Гражданской войне открыла возможности для реализации их программы действий. Речь идет об упразднении сословности, классового и социального неравенства, помещичьего землевладения, отделении церкви от государства и школы от церкви, расширении социальной мобильности и открытии вертикальных социальных лифтов для выходцев из народа, стремлении к социальному равноправию, повышению уровня и качества жизни широких слоев населения, к обеспечению равноправия народов и полов, бесплатности образования и медицинской

помощи, а также о прогрессе в образовательной, научной и культурной сфере и др. Все это оказало колоссальное влияние на мир, заставило капитализм меняться, способствовало его социализации и гуманизации, ориентации на создание социальных государств, обществ всеобщего благоденствия в развитых странах мира, краху колониальной системы и др.

Вместе с тем, победа советской власти в Гражданской войне принесла запрет свободной торговли, частной собственности и рыночной экономики, широкое использование принудительного труда и уравнильность, однопартийную диктатуру, огосударствление разных сфер жизни, подчинение общества государству, зависимость всех ветвей власти от высшего руководства, что вело к злоупотреблениям и попранию законности, к всевластию спецслужб, подавлению оппозиции и проявлений инакомыслия, ограничению деятельности церкви и свободы вероисповедания, и др.

В этом смысле можно говорить о том, что в долговременной перспективе победа большевиков в Гражданской войне сформировала те силы, которые установили в стране сталинскую диктатуру. Победила партия, ориентированная на силовое решение проблем. У ее актива сформировалась идеология классовой ненависти. Коллективизацию и индустриализацию проводили люди с опытом и менталитетом Гражданской войны. Вспомним Макара Нагульнова из романа Михаила Шолохова «Поднятая целина», которому постоянно во сне приходят погибшие в боях с белыми фронтовые друзья! И когда его исключили из партии за «перегибы», он не стал стреляться лишь потому, что не хотел доставить радость недобитым, по его мнению, в Гражданскую войну врагам, ставшими при НЭПе кулаками. Нет, решил Макар, лучше он их сначала порешит, а потом уж застрелиться. Такие коммунисты делали ставку на решительность, бескомпромиссность, силовый вариант и уничтожение мнимых и реальных врагов. Индустриализацию и коллективизацию претворяли в жизнь именно такие люди, сильные, идейно убежденные, знавшие, что такое Гражданская война. Она и сформировала их как личности и их руками выковала сталинизм, как систему, осуществившую жизненно необходимую для подготовки грядущей войны форсированную индустриальную модернизацию. Без нее одержать победу в Великой Отечественной войне было нельзя. Опыт Гражданской войны пригодился в 1941–1945 гг., помог выстоять в экстремальных условиях.

В данном контексте другое долговременное последствие Гражданской войны состояло в том, что она не закончилась расчленением России, оккупацией части ее территории и созданием марионеточных правительств на остальной. Победителям удалось сохранить российскую государственность, что было признано и их противниками – белыми. Со временем созданный в результате войны Советский Союз превратился в мощнейшую державу. Такой сильной России никогда не было. И это тоже результат Гражданской войны.

Гражданская война стала целой эпохой в истории страны, насыщенной событиями, глубокими переменами, потрясениями, страданиями. Для одних ее участников – это было героической эпопеей, полной свершений, подвигов, самопожертвования и достигнутой победы ради реализации мечты о справедливом обществе. Именно это поколение победителей и его историки создали «героический миф» о Гражданской войне, который лег в основу ее советского понимания. Для других Гражданская война была драмой и трагедией, временем страданий, террора, а для многих – и потерей родины. Как уже отмечалось, на страницах этого тома воссозданы эти сложные и противоречивые страницы истории, раскрыта реальная картина жизни России в эпоху Гражданской войны, и в связи с этим, перефразируя поэта Максимилиана Волошина, всем нам, потомкам участников этой войны, нужно молиться за тех и за других, а также знать реальную историю войны, чтобы подобная трагедия никогда не повторилась в России. Для этого важно избегать нагнетания политической нетерпимости и психоза. Памятуя об уроках Гражданской войны, в наше время необходимо осознать, что насилие порождает насилие. Нельзя решать важные, общественно значимые проблемы с помощью насилия, необходимо искать компромисс.

Опыт и уроки иностранного вмешательства и военной интервенции указывают на недопустимость во внутривнутриполитической борьбе апеллировать к зарубежной поддержке, получать помощь из-за рубежа, учитывая то, что политики других стран, вмешиваясь, будут стремиться к реализации прежде всего собственных интересов. Понимание, представление, грамотное и последовательное отстаивание российских национальных интересов является актуальной задачей современного государства, власти в тесном диалоге и сотрудничестве с обществом.

Усвоение уроков российской Гражданской войны начала XX века требует от современных политиков, лидеров партий и обще-

ственных организаций, политологов и конфликтологов грамотных антикризисных решений в нередко возникающих и сегодня сложных политических и социальных ситуациях. Политическая терпимость, заинтересованный диалог власти, общества и граждан, различных общественно-политических сил, цивилизованные способы разрешения возникающих споров и конфликтов чрезвычайно актуальны в нынешней российской политике.

Для России как страны многонациональной особое значение имеет противодействие культивированию национальной розни, разжиганию национальных, межнациональных и межэтнических конфликтов, воспрепятствование этнофобии. Не менее важным является понимание современным обществом и его гражданами всей драмы и трагедии российской Гражданской войны, глубокое осознание ее последствий, убеждение в том, что методы насилия и вооруженных действий не могут, по большому счету, дать положительных результатов и привести к прогрессу страны.

Настоящий том призван стать важной вехой на пути осмысления и более глубокого понимания Гражданской войны в стране и России в войне. Вместе с тем, это не означает завершения исследования этой темы и эпохи. Изучение истории российской Гражданской войны не может закончиться ни сегодня, ни завтра, ни послезавтра. Слишком велики ее значение, уроки и последствия для нашей страны, и в силу этого чрезвычайно велика ответственность историков, имеющих дело со столь сложной, актуальной и взрывоопасной темой.

Исключительно важным видится усвоение уроков истории Гражданской войны в стране и примирение российского общества, до сих пор в значительной мере расколото на «красных» и «белых». В этом значимую роль призвана сыграть мемориализация Гражданской войны, сохранение исторической и культурной памяти о ней. Эта работа требует профессионализма, вдумчивости и комплексных усилий политиков, государственных деятелей, историков, журналистов и писателей, работников образования и культуры, общественных организаций, обеспечения приоритета духовно-нравственного измерения в ней. Те или иные проекты, связанные с Гражданской войной, требуют тщательной научной и общественной экспертизы, ухода от политико-идеологических пристрастий, учета мнения специалистов и предотвращения возможных негативных последствий.

Важно отказаться от нередко выдвигаемых поспешных и непродуманных проектов мемориализации, не прошедших долж-

ной исторической экспертизы. Они часто не способствуют делу примирения, а, напротив, создают темы и точки социальных протестов. Не приносят пользы обществу легковесные и далекие от исторической правды литературные произведения и фильмы о Гражданской войне. Важно избегать перехода из крайности в крайность, когда клеймятся и предаются забвению одни, и идеализируются другие. Печальным фактом является то, что памятники Гражданской войны советской эпохи часто разрушаются или находятся в запущенном состоянии, а памятники представителям другой стороны, пусть и с трудностями, но множатся в городах страны. Важно инвентаризировать и поддерживать в надлежащем состоянии все мемориальные места Гражданской войны, памятники и захоронения.

Главное – это сохранить память о Гражданской войне, как о судьбоносном событии национальной истории, чтобы память о нем не разделяла, а объединяла граждан России, содействовала формированию гражданского общества, укреплению народовластия и демократии в стране. Именно об этом говорил Президент России В.В. Путин 18 марта 2020 г. в Севастополе на встрече общественных организаций в связи с 6-й годовщиной воссоединения Севастополя и Крыма с Россией¹.

Все вышеназванное и дальнейшая научно-исследовательская работа по изучению Гражданской войны в России и России в Гражданской войне призваны способствовать корректному восприятию исторического опыта и уроков и сохранению памяти об этой сложнейшей, драматической и трагической эпохе отечественной и мировой истории.

---

¹ URL: <https://crimea-news.com/society/2020/03/18/624284.html> (дата обращения: 07.03.2021).

НАВСТРЕЧУ ЮБИЛЕЮ

Этот выпуск Альманаха Ассоциации исследователей Гражданской войны в России приурочен к юбилею профессора Владислава Ивановича Голдина, признанного специалиста в этой области, Президента Ассоциации, созданной в 2012 году по его инициативе.

Ассоциация объединяет несколько десятков историков, верных теме судьбоносных событий российской истории 1917–1920-х годов. Неслучайно объединил их своим творчеством и своим научным авторитетом именно Владислав Иванович, поскольку его книги и статьи, его историографические исследования стали фундаментом современного изучения Гражданской войны в России, а, в определенной степени, и зарубежной истории гражданских войн.

Пожалуй, немного можно вспомнить примеров, когда профессор университета, работающий в одном из регионов страны, хотя и в федеральном университете, обладал бы столь высоким авторитетом в научном сообществе, объединив вокруг себя научных единомышленников. Тут следует отметить удивительную верность его когда-то избранной научной проблематике, а также базовой концепции восприятия изучаемой исторической реальности. События первых десятилетий XX века, столь привлекательные для советских историков 1960–70-х годов, подвергались нередко конъюнктурному переосмыслению с конца 80-х, при этом неоднократно. Владислав Иванович всегда был верен научной истине, которая была им осмыслена на основе анализа многочисленных источников и в результате изучения громадной отечественной и зарубежной историографии истории Гражданской войны в России. И его научное наследие является ярким примером отказа от оценки исторических событий с «точки зрения» современной конъюнктуры.

Когда многие историки Гражданской войны в 90-е годы отказались от этой, казалось бы, уже неперспективной научной проблематики, профессор Голдин продолжал углубленное изучение со-

бытий, перейдя на более высокий уровень – историографического осмысления накопленного научного багажа. И в настоящее время, на новом «витке» истории, полученный опыт становится особенно востребованным, поскольку гражданское противостояние становится новой реальностью. Неслучайно количество историков, политологов, социологов, занимающихся проблемами гражданских войн, растет, и авторитет, знания, исследовательский опыт Владислава Ивановича становится особенно затребованным.

Говоря о верности профессора Голдина теме Гражданской войны в России, следует упомянуть, что это, возможно, и верность семейной традиции, нарушение которой, к сожалению, становится приметой переживаемого нами непростого времени – времени перемен. Владислав Иванович был младшим сыном ветерана той войны. Можно предположить, что будучи уже немолодым, свободным от профессиональных обязанностей человеком, его отец – Иван Иванович Голдин (1900–1979), прошедший дорогами Гражданской войны от Предуралья до Байкала, а затем от Каховки до Крыма, мог многое рассказывать сыну о тех событиях, сформировав у него как устойчивый интерес к исторической эпохе, так и уважение к тому делу, которому отец отдал самые лучшие годы своей жизни. И эта деталь биографии юбиляра вызывает особое уважение.

Если говорить о направлении в изучении Гражданской войны в России, то профессор Голдин продолжает изучать вопросы иностранной интервенции, что, кстати, после нескольких лет «забвения», вновь становится весьма актуальной проблемой – как исторической, так и политологической. После распада Российской империи Европейский Север России стал одной из тех территорий страны, где были реализованы планы военной интервенции, поэтому неслучайно, что архангельский историк стал наиболее авторитетным специалистом в изучении этой страницы истории Гражданской войны. Этот относительно короткий период истории имел как существенные предпосылки, так и далеко идущие последствия. И это объясняет, почему научные интересы Владислава Ивановича распространились на десятилетия до событий Гражданской войны и на последующий исторический период.

В 2018 году в Архангельске вышла в свет его монография «Север России на пути к Гражданской войне: Попытки реформ. Революции. Международная интервенция. 1900 – лето 1918», ставшая первым томом задуманного им многотомного издания в рамках

проекта «Русский Север в эпоху великих потрясений: 1900–1920». В 2016 году изданием монографии «Генералов похищали в Париже. Советские спецслужбы и Русское военное Зарубежье в 30-е годы XX века» (М.: РИСИ) профессор В.И. Голдин завершил серию из восьми книг, публиковавшихся с начала XXI века и посвященных истории российской военной эмиграции / Русского военного Зарубежья в XX столетии.

В 2018 году профессор В.И. Голдин (совместно с профессором В.В. Кондрашиным) был назначен ответственным редактором и возглавил сложную работу по написанию XII тома «Гражданская война в России. 1917–1922» (в двух книгах), объединив усилия большого созданного им коллектива историков.

Среди учеников Владислава Ивановича есть историки самой широкой научной специализации. И каждый из них может сказать, что ему повезло с научным руководителем. Уважительная заинтересованность к исследовательским горизонтам своих аспирантов и докторантов является отличительной чертой профессора. Каждый, кто прошел путь под названием «защита диссертации» до конца, знает, насколько важными бывает не только научное консультирование, но и моральная поддержка, а часто и конкретная помощь, не позволяющая опустить руки. Думаю, что все многочисленные ученики Владислава Ивановича согласятся со мной, что он умел быть рядом с нами с начала и до конца, поддерживать и в трудные часы, и в минуты триумфа.

В определенной степени, историки Гражданской войны, продолжающие свою деятельность в отечественной науке, могут считать себя учениками Владислава Ивановича. Его историографические очерки являются настольной книгой у каждого из них, объединяя исследователей, работающих в различных уголках нашей необъятной страны, а также за ее пределами. И предложенный читателю очередной Альманах Ассоциации тому подтверждение.

Т.И. Трошина

ПАМЯТИ ТОВАРИЦА

Михаил Ильич Шумилов (1925–2019)

22 ноября 2019 года в Петрозаводске ушел из жизни известный советский и российский историк, видный организатор науки и образования на Европейском Севере России, бывший ректор и заведующий кафедрой отечественной истории Петрозаводского государственного университета, доктор исторических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации Михаил Ильич Шумилов.

Он родился 13 октября 1925 году в деревне Железниковской Каргопольского уезда, ныне это Каргопольский район Архангельской области. Выходец из многолетней крестьянской семьи М.И. Шумилов, как и многие представители первого поколения советской интеллигенции, высоко ценил то, что советская власть открыла ему дорогу к образованию и науке. Его отец – Илья Андреевич был участником Гражданской и Великой Отечественной войны.

Михаил Ильич окончил историко-филологический факультет Карело-Финского государственного университета. С 1950 до 1960 года он работал старшим научным сотрудником Института истории партии при Карельском областном комитете КПСС. Главной темой его научных интересов была Революция и Гражданская война на Севере России. При активном участии Михаила Ильича были подготовлены сборники документов «Борьба за установление и упрочение Советской власти в Карелии» (Петрозаводск, 1957), «Карелия в период Гражданской войны и иностранной интервенции» (Петрозаводск, 1964), сборник воспоминаний «Борьба за власть Советов: Воспоминания участников борьбы за установление Советской власти в Карелии» (Петрозаводск, 1957). В 1955 году он защитил в Ленинградском государственном университете кандидатскую диссертацию о деятельности большевистских партийных организаций Карелии в 1917–1918 годах.

В 1960 году М.И. Шумилов перешел на работу доцентом Петрозаводского государственного университета, единственным в ту пору классического университета на Европейском Севере Рос-

сии, и вся его последующая трудовая деятельность была связана с этим вузом. В 1967 году он опубликовал монографию «Во главе обороны Севера России в 1918–1920 гг.» (Петрозаводск, 1967) и защитил в ЛГУ докторскую диссертацию, посвященную деятельности большевистских организаций на Европейском Севере России в период Революции и Гражданской войны. В 1973 году в Петрозаводске вышла в свет фундаментальная монография М.И. Шумилова «Октябрьская революция на Севере России». Он стал признанным и авторитетным на Севере и в стране специалистом по истории революционного процесса и Гражданской войны на Европейском Севере России.

В 1970 году М.И. Шумилов был избран заведующим кафедрой отечественной истории Петрозаводского государственного университета, которую возглавлял до 2014 года, и с его именем неразрывно связано формирование нескольких поколений историков Карелии. Группа его учеников защитила докторские и кандидатские диссертации. Михаил Ильич был инициатором издания межвузовского сборника «Вопросы истории Европейского Севера», который пользовался большой популярностью среди северных историков.

Научную и преподавательскую деятельность профессор М.И. Шумилов успешно совмещал с административной: в 1971–1973 годах он являлся проректором по учебной работе Петрозаводского государственного университета, а с 1973 по 1991 год был ректором этого вуза.

В 1989 году, когда автор этих строк вошел в состав Научного совета АН СССР по комплексной проблеме «История Великой Октябрьской социалистической революции», возглавил северную, а затем северо-западную секцию этого Совета, и занялся объединением усилий историков Европейского Севера в изучении истории Революции и Гражданской войны в этом регионе, он всегда получал дружескую и заинтересованную поддержку профессора М.И. Шумилова. Тем более, что в Карелии существовала группа исследователей во главе с ним, которая продолжала изучение и переосмысление этой сложной и драматической тематики. Сам Михаил Ильич опубликовал в 1992 году в Петрозаводске историографическую книгу «Октябрь, революция и гражданская война на Европейском Севере России».

М.И. Шумилов являлся научным редактором и членом авторского коллектива целого ряда обобщающих исследований по истории Карелии и Севера России. Среди них: «История северно-

го крестьянства» (1980–1993), «Очерки истории Карелии» (1964), «История Карелии с древнейших времен до наших дней» (2001), энциклопедия «Карелия» (2007–2011) и др. Возглавляемым им коллективом был подготовлен учебник истории Карелии для школьников 10–11 классов.

В 1990 и 2005 годах в Петрозаводске были изданы подготовленные под руководством М.И. Шумилова книги, освещающие историю Петрозаводского государственного университета.

В течение многих десятилетий Михаил Ильич читал курс лекций по отечественной истории новейшего времени, спецкурсы «Общественно-политическое движение в России в начале XX века. История Российской революции и Гражданской войны» и «Россия в современном мире».

На рубеже тысячелетий М.И. Шумилов работал над обобщающим исследованием по российской истории, стремясь честно и профессионально осмыслить сложную и противоречивую государственную, политическую и социально-экономическую историю XX века. Подготовленное им в соавторстве с сыном – М.М. Шумиловым учебное пособие «История России: конец XIX – начало XXI века» было рекомендовано УМО вузов России в качестве учебника для студентов вузов, обучающихся по специальности «История» и выдержало несколько изданий.

Оставив в 2014 году заведование кафедрой отечественной истории ПетрГУ, М.И. Шумилов по 2018 год оставался профессором этой кафедры.

Михаил Ильич вел активную общественную деятельность. Он избирался депутатом Верховного совета Карельской АССР, возглавлял Петрозаводское отделение Общества советско-французской дружбы.

За большой вклад в развитие науки профессор М.И. Шумилов был удостоен почетных званий: «Заслуженный деятель науки Российской Федерации», «Заслуженный деятель науки Карельской АССР», «Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации». Михаил Ильич был награжден Орденом Дружбы, Орденом Почета и рядом других государственных наград. Ему было присвоено звание Почетный гражданин города Петрозаводска.

М.И. Шумилов ушел из жизни в 2019 году возрасте 94 лет.

Он был ярким представителем российской интеллигенции, человеком открытым и отзывчивым, образцом порядочности. Свет-

лая память о Михаиле Ильиче Шумилове как видном историке, организаторе науки и высшего образования на Европейском Севере России и прекрасном человеке останется в сердцах всех, кто знал его.

В.И. Голдин

АНКЕТА

**члена Ассоциации исследователей Гражданской войны
в России**

Ф.И.О. (полностью)

Место жительства

Ученая степень

Ученое звание

Членство в академиях, творческих союзах, лауреат премий и т.д.

Место работы

Занимаемая должность

Сфера научных интересов

Почтовый адрес

E-mail:

Телефон

Анкету направлять ученому секретарю Ассоциации Татьяне Игоревне Трошиной по адресу: civilwarru@yandex.ru

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Васильев Максим Викторович – кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории Псковского государственного университета (Псков); maksim_vasilev2009@mail.ru

Голдин Владислав Иванович – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры регионоведения, международных отношений и политологии Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова, заслуженный деятель науки Российской Федерации (Архангельск); v.i.goldin@yandex.ru

Дубровская Елена Юрьевна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник сектора истории Института языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН (Петрозаводск); ldubrovskaya@inbox.ru

Заяц Николай Алексеевич, кандидат исторических наук, учитель истории школы № 6 г. Домодедово, Московской области; nikza9191@gmail.com

Кондрашин Виктор Викторович, доктор исторических наук, профессор, руководитель Центра экономической истории Института российской истории РАН; vikont37@yandex.ru

Наумов Евгений Олегович – кандидат исторических наук, научный сотрудник отдела современной истории Мордовского республиканского объединённого краеведческого музея имени И.Д. Воронина (Саранск); naumoveo@mail.ru

Нильсен Йенс Петтер, канд. филологических наук, профессор, профессор истории, Университет Тромсё – Арктический университет Норвегии; Почетный доктор Северного (Арктического) федерального университета имени М.В.Ломоносова (Норвегия, Тромсё); jens.petter.nielsen@uit.no

Репневский Андрей Викторович – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры всеобщей истории Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова (Архангельск); a.repnevskiy@narfu.ru

Репневский Виталий Андреевич – кандидат исторических наук, старший преподаватель Северного института предпринимательства (Архангельск); v.repnevskiy@narfu.ru

Силин Андрей Вячеславович – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры педагогики Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова (Архангельск); silin23@yandex.ru

Соколова Флёра Харисовна – доктор исторических наук, профессор, и.о. заведующей кафедрой регионоведения, международных отношений и политологии Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова (Архангельск); f.sokolova@narfu.ru

Солдатенко Валерий Федорович – доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент НАН Украины, главный научный сотрудник Института политических и этнонациональных исследований им. И. Ф. Кураса НАН Украины (Украина, Киев); soldatenko.v.f@gmail.com

Трошина Татьяна Игоревна – доктор исторических наук, профессор кафедры социальной работы и социальной безопасности Северного (Арктического) федерального университета имени М.В.Ломоносова (Архангельск); civilwarRu@yandex.ru

Цветков Василий Жанович – доктор исторических наук, профессор кафедры новейшей отечественной истории Московского педагогического государственного университета (Москва); tsvetcov@rambler.ru